

БОЛЬШИЕ  КНИГИ

Луиза Мэй  
Олкотт



МАЛЕНЬКИЕ  
ЖЕНЩИНЫ

ТЕТРАЛОГИЯ

« И Н О С Т Р А Н К А »



Иностранная литература. Большие книги

Луиза Мэй Олкотт

**Маленькие женщины**

«Азбука-Аттикус»

1868, 1869, 1871, 1886

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Coe)-44

**Олкотт Л.**

Маленькие женщины / Л. Олкотт — «Азбука-Аттикус», 1868, 1869, 1871, 1886 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-18717-7

«Маленькие женщины» – известнейший роман американской писательницы Луизы Мэй Олкотт. Впервые опубликованный в 1868 году, он завоевал любовь читателей по всему миру, был переведен более чем на 50 языков и положен в основу многих фильмов и театральных постановок. В «Маленьких женщинах» рассказана история четырех дружных, непохожих друг на друга сестер: романтической Мег, взбалмошной Джо, тихони Бет и своенравной Эми. Вместе с матерью дожидаясь возвращения отца с войны, девочки проходят непростой путь взросления, на котором им встречаются лишения и награды, смертельные опасности и бескорыстная помощь, ложные ориентиры и настоящие друзья. Успех «Маленьких женщин» и «Юных жен» (второй части, опубликованной в 1869 году) превзошел все ожидания. Впоследствии Олкотт написала еще два романа о «маленьких женщинах и мужчинах». Эта тетралогия до сих пор остается одним из самых ярких, удивительно современных литературных произведений о взрослении, дружбе, любви и верности. В настоящий том вошли все четыре романа знаменитой тетралогии в лучших переводах, с подробными комментариями.

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18717-7

© Олкотт Л., 1868, 1869, 1871, 1886

© Азбука-Аттикус, 1868, 1869, 1871,  
1886

## Содержание

Маленькие женщины	7
Глава первая. Игра в пилигримов	7
Глава вторая. Веселое Рождество	16
Глава третья. Мальчик из дома Лоренсов	24
Глава четвертая. Бремена	32
Глава пятая. Как добрые соседи	41
Глава шестая. Бет находит Украшенный Чертог	50
Глава седьмая. Эми в Долине Уничуждения	56
Глава восьмая. Джо встречает Аполлиона	61
Глава девятая. Мег отправляется на Ярмарку Тщеславия	69
Глава десятая. П. К. и П. П.	81
Глава одиннадцатая. Эксперименты	90
Глава двенадцатая. Бивуак «Лоренс»	98
Глава тринадцатая. Воздушные замки	112
Глава четырнадцатая. Тайны	119
Глава пятнадцатая. Телеграмма	126
Глава шестнадцатая. Письма	132
Глава семнадцатая. Верная душа	139
Глава восемнадцатая. Черные дни	144
Глава девятнадцатая. Завещание Эми	150
Глава двадцатая. Конфиденциальная	156
Глава двадцать первая. Лори буянит, а Джо восстанавливает мир	161
Глава двадцать вторая. Душистые луга	170
Глава двадцать третья. Тетушка Марч решает вопрос	175
Юные жены	183
Глава первая. Сплетни	183
Конец ознакомительного фрагмента.	188

# **Луиза Мэй Олкотт**

## **Маленькие женщины**

© И. М. Бессмертная, перевод, примечания, 2017, 2019

© А. В. Глебовская, перевод, примечания, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020 Издательство Иностранка®

## Маленькие женщины

*Открой же, книжечка, ворвавшись вдруг  
В отмеченный веселием досуг,  
Все то, что затаила ты в груди,  
Благослови всех ищущих в пути, –  
И пусть им радость выпадет одна,  
Что нам с тобою не была дана.  
Начни о Милосердии разговор –  
Оно ведь в странствиях с давно забытых пор –  
Пусть встретит юных барышень вдали,  
Чтоб мир познали, мудрость обрели.  
Направь к Создателю девчушек малых сих  
Тропой, что помнит легкий шаг святых<sup>1</sup>.*

### Глава первая. Игра в пилигримов

– Ну, без подарков и Рождество – не Рождество, – проворчала Джо, растянувшись на ковре перед камином.

– Это так ужасно – быть бедными, – вздохнула Мег, опустив взгляд на подол своего старенького платья.

– А мне кажется, это несправедливо, когда у некоторых девочек так много всяких красивых вещей, а у других совсем ничего, – произнесла маленькая Эми, обиженно шмыгнув носом.

– Зато у нас есть папа и мама, а еще у нас есть... все мы друг у друга, – откликнулась из своего уголка Бет с очень довольным видом.

При этих словах четыре юных лица, озаренные яркими бликами пылавшего в камине огня, просветлели, но тотчас снова омрачились, когда Джо грустно возразила:

– Но ведь сейчас папы с нами нет и долго еще не будет! – Джо не добавила «может быть, никогда», но, как и каждая из сестер, про себя подумала об этом, ведь их отец был теперь очень далеко – там, где шли бои<sup>2</sup>.

С минуту девочки молчали. Потом Мег сказала уже иным тоном:

– А вы знаете, почему мама предложила нам в это Рождество обойтись без подарков? Дело в том, что эта зима будет для всех очень тяжелой, и мама полагает, что нам не следует тратить деньги на удовольствия, когда нашим мужчинам в воюющей армии приходится так страдать. Много мы сделать не можем, но можем принести свои маленькие жертвы, и сделать это надо с радостью. Только я боюсь, что с радостью... у меня не получится. – И Мег покачала головой, с грустью вспомнив о тех чудесных вещах, какие ей так хотелось иметь.

– А вот мне не кажется, что то небольшое, что мы могли бы потратить, пойдет кому-нибудь на пользу. У каждой из нас – всего-то по доллару, и армия не много выиграет, если мы ими пожертвуем. Я согласна вовсе не ожидать подарков ни от мамы, ни от вас, но мне так хочется

---

<sup>1</sup> Перевод И. Куберского.

<sup>2</sup> ...ведь их отец был теперь очень далеко – там, где шли бои... – Действие романа происходит во время Гражданской войны в США между северными и южными штатами (1861–1865).

купить себе книжку «Ундина и Синтрам»<sup>3</sup> – я так давно о ней мечтаю! – сказала Джо, которая была настоящим книголюбом.

– А я собиралась на мой доллар купить себе новые ноты, – сказала Бет, тихонько вздохнув, так, что никто ее вдоха не услышал, кроме метелки для каминной плиты и подставки для чайника.

– А мне хочется купить хорошую коробку фаберовских карандашей для рисования, – решительно заявила Эми. – Они мне на самом деле очень нужны.

– Мама совсем ничего не говорила про наши карманные деньги. Она и не захочет, чтобы мы отдали их все. Пусть каждая из нас купит то, что ей нужно, и у нас у всех будет порадостнее на душе. Ведь мы работаем не покладая рук, разве мы этого не заслуживаем? – воскликнула Джо, мужественно – как истый джентльмен – разглядывая набойки на своих башмаках.

– Еще бы мы не заслуживали! Я, например, чуть ли не целый день занимаюсь с моими нудными учениками, когда мне так хочется просто с удовольствием побыть дома! – начала Мег, снова обретая жалобный тон.

– Да тебе и вполтину не так тяжело, как мне, – перебила ее Джо. – Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с нервической, привередливой старой дамой, которая держит тебя на побегушках, вечно всем недовольна и доводит тебя до того, что ты готова выскочить в окно или разреваться?

– Нехорошо жаловаться, но мне, по правде говоря, кажется, что мыть посуду, бороться с пылью, убирать и приводить в порядок дом – самая худшая из всех работ на свете. Она превращает меня в злюку и делает мои пальцы такими негибкими, что я не могу как следует играть даже простые упражнения. – И Бет взглянула на свои огрубевшие руки с таким глубоким вздохом, что на этот раз его услышали все.

– А я ни за что не поверю, что кому-нибудь из вас приходится страдать больше меня! – воскликнула Эми. – Вам же не надо ходить в школу, где наглые девчонки вечно тебе досаждают, если вдруг урока не выучишь, смеются над твоими платьями и *клеют* на твоего папу за то, что он бедный. А еще – оскорбляют, если у тебя нос не такой уж красивый.

– Если ты хотела сказать «клеветают» на папу, то так бы и говорила. При чем тут «клеят»? Папа ведь не банка с пикнулями, чтобы на него наклейки делать! – смеясь, поправила сестру Джо.

– Я сама знаю, что хотела сказать, и незачем тебе делать мне такие *статистические* замечания. Это вполне прилично – использовать в разговоре хорошие слова, и нам надо улучшать свой *вокибиляр*, – с достоинством парировала Эми.

– Не надо клеветать друг друга, девочки. Разве вам не хотелось бы, чтобы у нас были теперь те деньги, что пропали у папы, когда мы были совсем маленькими? А, Джо? Боже мой! Как счастливы мы были бы, как радовались, если бы у нас теперь не было ни забот, ни хлопот! – произнесла Мег, которая помнила их лучшие времена.

– А ты на днях говорила, что мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, потому что они вечно дерутся и задирают друг друга, хотя их семья очень богата.

– Да, Бет, я это говорила. Ну что же, я и правда так думаю. Потому что, хоть нам и приходится работать, мы сами над собой подсмеиваемся, и вообще, мы – очень «веселая шайка славных девах», как выразилась бы Джо.

– Да уж, Джо любит жаргонные словечки, – заметила Эми, бросив неодобрительный взгляд на долговязую фигуру, растянувшуюся на ковре.

Джо тотчас села, сунула руки в карманы и принялась насвистывать.

– Не надо так делать, Джо! Это просто мальчишество!

---

<sup>3</sup> «Ундина и Синтрам» (авторское название «Ундина», 1811) – роман немецкого писателя и поэта Фридриха де ла Мотт Фуке (1777–1843).



– Потому-то я так и делаю!

– Терпеть не могу грубых девиц, не умеющих вести себя, как подобает юной леди.

– А я не терплю аффектированных крошек с манерами «фу-ты ну-ты»!

– «Птички в тесном гнездышке не топорщат перышки, мирно живу-ут», – пропела миротворица Бет, скорчив такую смешную рожицу, что сердитые голоса спорщиц смолкли, сменившись смехом, и на этот раз сестры перестали «клевать» друг друга.

– И правда, девочки, – проговорила Мег, приняв строгий тон старшей сестры и явно решив прочитать им нотацию, – вы обе не правы. Ты, Джозефина, уже достаточно взрослая, чтобы отбросить свои мальчишеские выходки и вести себя как подобает. Все это не имело большого значения, когда ты была маленькой, но теперь, когда ты стала такой высокой и делаешь прическу, подбирая волосы повыше, тебе следует помнить, что ты уже юная леди.

– А вот и нет! Если новая прическа делает меня «юной леди», я буду носить две косы до двадцати лет! – вскричала Джо, срывая с головы сетку и распуская по плечам пышную гриву каштановых волос. – Мне противна сама мысль, что я вырасту, что должна превратиться в мисс Марч, носить длинные платья и выглядеть чопорной и прилизанной, как китайская астра в саду! Девчонкой быть само по себе ужасно, когда тебе нравятся мальчишьи игры, занятия, их манера вести себя. Какое разочарование, что я не мальчишка! А теперь мне и того хуже – ведь мне до смерти хочется быть там, где папа, сражаться вместе с ним! Но все, на что я способна, – это сидеть в четырех стенах и вязать носки, словно малахольная старая старуха.

И Джо потрясла недовязанным синим армейским носком так, что спицы заклацали друг о друга, словно кастаньеты, а клубок ниток покатился на другой конец комнаты.

– Бедняжка Джо! Это и в самом деле ужасно, но ведь тут ничем не поможешь. Так что тебе надо попытаться быть довольной хотя бы тем, что ты сделала себе мальчишье имя и взяла на себя роль нашего брата, – сказала Бет, поглаживая растрепанную голову сестры рукой, которую никакое мытье посуды и никакая борьба с пылью не могли лишить способности нежно успокаивать одним прикосновением.

– Что же до тебя, Эми, – продолжала Мег, – ты слишком чопорна и придирчива. Твое высокомерие кажется забавным сейчас, пока ты мала, но ты можешь превратиться в напыщенную маленькую гусыню, если не поостережешься. Мне нравится твоя воспитанность и изысканная манера выражаться, но только не тогда, когда ты пытаешься выглядеть особенно элегантной. Ведь твои нелепые словеса так же неуместны, как жаргонные словечки Джо.

– Если Джо – просто сорванец, а Эми – гусыня, кто же тогда я, по-твоему? Скажи, пожалуйста! – попросила Бет, готовая принять свою порцию выговора.

– А ты – просто прелесть, и больше ничего! – с горячностью откликнулась Мег, и ни у кого не возникло возражений – Мышка была любимицей всей семьи.

Всем юным читателям нравится представлять себе, «как люди выглядят», так что воспользуемся моментом затишья и опишем, хотя бы вкратце, четырех сестер, сидящих в ранних сумерках за вязаньем, ни на миг его не прерывая, тогда как снаружи, за окном, тихо падает декабрьский снег, а внутри, в комнате, весело потрескивает огонь в камине. Комната удобная и приятная, хотя ковер уже выцвел, а мебель очень проста; однако стены украшают две-три хорошие картины, нишу заполняют полки с книгами, а на окнах цветут хризантемы и красные рождественские розы; здесь царит приятная атмосфера домашнего покоя и уюта.

Маргарет – то есть Мег, старшей из сестер, – уже исполнилось шестнадцать. Она очень хороша – пухленькая и беленькая, большеглазая, с прекрасными светло-каштановыми волосами, с нежным ртом и очень белыми руками, которыми она даже немножко гордится. Пятнадцатилетняя Джо отличается высоким ростом и худобой. Она смугла и напоминает жеребенка: кажется, что она никогда толком не знает, куда девать свои длинные ноги и руки, которые ей вечно мешают. Линия рта у нее решительная, нос – смешной, а серые глаза смотрят пронзительно и, как представляется, видят абсолютно все, и взгляд их бывает то яростным, то весе-

лым, а то задумчивым. Единственной красой Джо надо назвать длинные, густые каштановые волосы, но она всегда небрежно заталкивает их в сетку, чтобы не мешали и никому не попадались на глаза. Джо сутулится, кисти рук и ступни у нее крупные, одежда на ней свободно болтается, и выглядит бедняжка неловкой, неуклюжей, как обычно выглядит девушка, слишком быстро превращающаяся во взрослую женщину и весьма этим недовольная. Элизабет, то есть Бет, как все ее называют, – розовощекая, гладко причесанная, ясноглазая девочка тринадцати лет, застенчивая, с тихим голосом и умиротворенным выражением лица, почти никогда не нарушаемым. Отец называл Бет «маленькая Мисс Спокойствие», и это имя отлично ей подходило, потому что девочка, казалось, живет в своем собственном, полном счастья мирке, из которого решается выйти навстречу только тем, кому верит, тем, кого любит. Эми, хотя и самая младшая из сестер, считается в семье – во всяком случае, по ее собственному мнению – особой самой важной. Настоящая снегурочка – голубоглазая, с золотистыми волосами, волнами спадающими ей на плечи, бледнокожая и изящная, она всегда держит себя как юная леди, не забывающая о хороших манерах.

Каковы характеры четырех сестриц, нам еще предстоит выяснить.

Часы пробили шесть, и Бет, тщательно выметя каминную плиту, поставила на нее пару домашних туфель, чтобы они согрелись. Почему-то вид этих старых туфель подействовал на девочек самым благотворным образом: вот-вот должна была прийти мама, и лица сестер радостно просветлели в ожидании скорой встречи. Мег перестала читать нотации и зажгла лампу. Эми выкарабкалась из глубокого кресла прежде, чем ей об этом напомнили, а Джо забыла о том, как она устала, поднялась и присела к камину, чтобы поддержать мамины туфли поближе к пылающему огню.

– Они совсем уже износились. Маменьке нужно купить новые домашние туфли.

– Да, я как раз подумала, не купить ли ей новую пару на мой доллар? – сказала Бет.

– Нет, я сама ей куплю! – крикнула Эми.

– Но ведь я – старшая... – начала было Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

– Сейчас, когда с нами нет папы, я в нашей семье мужчина, и это я обеспечу маму домашними туфлями, ведь папа велел именно мне особенно беречь маму, пока его нет.

– А я скажу вам, что мы сделаем. Пусть каждая из нас подарит маме то, что ей нужно, а мы обойдемся без ничего.

– Бет, милочка, ты – всегда ты! – воскликнула Джо. – Так что же мы купим маме?

Все на минуту погрузились в трезвые размышления. Затем Мег объявила так, будто эту мысль подсказал ей вид собственных белых ручек:

– Я подарю ей хорошенькие перчатки!

– Армейские туфли<sup>4</sup>, самые лучшие! – выпалила Джо.

– Носовые платки, с каймой по краям, – сказала Бет.

– А я куплю ей маленький флакон одеколона. Мама любит одеколон, и он не очень дорогой, так что у меня еще и на карандаши останется, – добавила Эми.

– А как мы будем все это ей дарить? – поинтересовалась Мег.

– Положим все эти вещи на стол, введем маму в комнату и посмотрим, как она станет свертки распаковывать. Разве вы не помните, как мы это делали в наши дни рождения? – ответила Джо.

– А я всегда так трусила, когда приходил мой черед восседать в кресле с короной на голове и смотреть, как вы все входите торжественным шагом и приближаетесь, чтобы вручить мне подарки и поцеловать. Мне нравились подарки и поцелуи, но было так страшно распаковывать свертки, когда вы все сидели и смотрели, как я это делаю, – сказала Бет, готовившая к

<sup>4</sup> Армейские туфли... – Джо, очевидно, имеет в виду туфли, которые можно купить на распродаже армейских излишков.

ужину подсушенные хлебцы: она подрумянивала над огнем ломтики хлеба и – вместе с ними – собственные щеки.

– Только пусть маменька думает, что мы покупаем что-то для самих себя, тогда все это будет для нее сюрпризом. Придется пойти за покупками завтра днем, Мег. Столько всего надо сделать, чтобы подготовить нашу пьесу к рождественскому вечеру, – сказала Джо, теперь шагавшая взад-вперед по комнате, заложив руки за спину и задрав вверх нос.

– Это будет последнее, что я берусь играть на сцене. Я уже не маленькая – я слишком взрослая для таких игр, – заявила вдруг Мег, которая, однако, оставалась еще достаточно ребенком, чтобы участвовать в веселых играх с переодеванием.

– А я уверена, что не в последний. Ты не перестанешь играть, пока можешь шествовать на виду у всех в длинном белом платье, с рассыпавшимися по плечам волосами и в «драгоценностях» из золотой бумаги. Ты у нас – самая лучшая актриса, и если ты уйдешь со сцены, придет всему конец, – сказала Джо. – Надо сегодня вечером еще порепетировать. Иди-ка сюда, Эми, повторим сцену с обмороком, а то ты в ней неподвижна, как чурбан.

– Что же я могу с этим поделать? Я ведь никогда не видела, как падают в обморок, и вовсе не жажду оказаться вся в синяках, грохаясь плашмя на пол, как это делаешь ты. Если я смогу упасть... слегка – я это сделаю, если нет – я грациозно упаду в кресло. И мне все равно, бросится на меня Хьюго с пистолетом или нет, – ответствовала Эми, не слишком высоко одаренная драматическим талантом, но избранная в актрисы потому, что была мала и злодей игровой пьесы мог легко унести ее, громко вопящую, прочь.

– Тогда сделай вот как. Сложи, как в молитве, руки и, шатаясь, иди по комнате с отчаянным криком: «Родриго, спаси! Родриго, спаси меня!» – И Джо двинулась прочь, с мелодраматическими восклицаниями, которые и правда звучали довольно волнующе.

Эми последовала ее примеру, но выставила перед собой негнувшиеся руки и пошла по комнате, как-то механически подергиваясь, будто заводная кукла, а ее охи и ахи звучали так, словно в нее всаживают булавки, одну за другой, и она кричит не от мучительного страха, а от неожиданных уколов. Джо издала стон отчаяния, Мег рассмеялась, несколько не скрываясь, а у Бет подгорел ломтик хлеба, пока она с интересом наблюдала эту забавную сцену.

– Бесполезно! – произнесла Джо. – Когда придет время, постарайся сыграть как можно лучше, а если кто-то из зрителей засмеется, я не виновата! Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло вполне гладко, так как дон Педро без сучка без задоринки бросил вызов окружающему миру, хотя вызов этот занял целых две страницы. Ведьма по имени Агарь прохрипела – с судьбоносным результатом – ужасающее заклинание над кипящим котлом, полным отвратительных жаб. Родриго мужественно разорвал на куски свои тяжкие цепи, а Хьюго, мучимый совестью, выпил мышьяк и умер, с безумным предсмертным «ха-ха-ха!».

– Это наша самая лучшая пьеса из всех, – заключила Мег, когда мертвый злодей принял сидячее положение и потерял ушибленные локти.

– Не могу представить, как это у тебя получается – писать и играть такие великолепные вещи, Джо, ты просто настоящий Шекспир! – воскликнула Бет, твердо уверенная, что ее сестры одарены гениальными способностями буквально во всем.

– Ну, не совсем, – скромно отозвалась Джо. – Я и сама думаю, что «Проклятие ведьмы, оперная трагедия» получилась не так уж плохо, но мне хотелось бы поставить «Макбета»; ах, если бы только у нас был люк для появления Банко! Мне всегда хотелось сыграть главную роль в сцене с убийством. «Неужто вижу я кинжал перед собою?» – пробормотала Джо, вращая глазами и водя рукой в воздухе перед собой, как это делал знаменитый трагик, игру которого она недавно видела.

– Нет, это только вилка для подсушивания хлебцев, а на ней, вместо ломтика хлеба, мамина домашняя туфля! Бет просто зачарована театром! – воскликнула Мег, и «репетиция» закончилась общим хохотом.

– Очень рада, что вам так весело, девочки мои, – раздался от двери радостный голос, и актеры и зрители повернулись в ту сторону, с восторгом приветствуя высокую даму с матерински добрым лицом, которому было свойственно выражение «чем-я-могу-вам-помочь?», что придавало ему особое очарование. Одежда миссис Марч не была элегантной, но даже в этой выдавшей виды одежде она выглядела благородной, а девочки считали, что свободное серое пальто и немодная шляпка укрывают самую великолепную женщину на свете.

– Ну, мои дорогие, как вы тут поживали сегодня? У меня было столько работы, что я не смогла прийти домой к обеду, – мы готовили посылки к завтрашней отправке в армию. Кто-нибудь заходил, Бет? Как твоя простуда, Мег? Джо, у тебя ужасно усталый вид! Подойди-ка, поцелуй меня, детка.

Задавая свои вопросы, миссис Марч освобождалась от промокшей одежды. Затем, надев согретые у огня домашние туфли, она опустилась в глубокое кресло, привлекла Эми к себе на колени и была готова насладиться лучшими часами своего до предела загруженного дня. Дочери суетились вокруг, стараясь – каждая по-своему, – чтобы маме было поудобнее. Мег устанавливала чайный стол, Джо принесла дров и расставляла вокруг стола стулья, то и дело роняя или опрокидывая что-нибудь и громыхая всем, что попадало ей в руки. Бет молча и сосредоточенно сновала то туда, то сюда, из гостиной в кухню и обратно, тогда как Эми сидела сложив ручки и раздавала указания направо и налево.

Когда все уселись вокруг стола, миссис Марч сказала с какой-то особенно светлой улыбкой:

– А у меня есть чем вас угостить. Только после ужина.

По всем лицам солнечным зайчиком пробежала радостная улыбка. Бет захлопала в ладоши, забыв, что держит в руке печенье, а Джо подбросила вверх свою салфетку, вскричав:

– Письмо! Письмо от папы! Нашему папе – трехкратное «ура»!

– Да, хорошее, подробное письмо. Папа хорошо себя чувствует и думает, что более благополучно перенесет холодное время года, чем мы опасались. Он шлет нам всем полные любви пожелания к Рождеству, а для вас, девочки, есть особое послание, – сказала миссис Марч, опуская руку в карман с таким видом, точно там находилось величайшее сокровище.

– Поторопимся, девочки! Эми, хватит оттопыривать мизинчик и жеманничать над чашкой! – воскликнула Джо, поперхнувшись чаем и роняя свой хлебец – маслом вниз – на ковер, в нетерпении получить наконец обещанное «угощение».

Бет больше ничего не ела: она тихонько пробралась в свой укромный уголок, чтобы сидеть там и наслаждаться, без помех размышляя о грядущем «угощении», пока сестры готовятся слушать письмо.

– Мне думается, что папа замечательно сделал, отправившись на войну капелланом<sup>5</sup>, раз он оказался слишком стар для призыва и у него не хватает сил быть солдатом, – с горячностью заявила Мег.

– Ох, как бы я хотела пойти барабанщиком, этой, как ее... *vivan*<sup>6</sup>... Или сестрой милосердия – я тогда была бы с папой рядом, могла бы ему помогать, – со стоном произнесла Джо.

– Это, должно быть, ужасно неприятно – спать в палатке, есть всякую невкусную пищу и пить из жестяной кружки, – вздохнула Эми.

– Когда же он вернется домой, маменька? – чуть дрогнувшим голосом спросила Бет.

– Не раньше чем через много месяцев, дорогая, если только не заболеет. Он пробудет там столько времени, сколько хватит сил, чтобы делать свою работу. И мы не станем просить о его

---

<sup>5</sup> ...отправившись на войну капелланом... – Капеллан – священник, совмещающий свой сан с иным видом деятельности (например, со службой в армии или работой в полиции).

<sup>6</sup> ...этой, как ее... *vivan*... – Джо забыла французское слово «vivandière» (здесь: «дочь полка»), которым называли молодых женщин, добровольно взявшихся помогать воинам на поле брани, в госпиталях и всюду, где такая помощь необходима.

возвращении ни минутой раньше того, как там смогут без него обойтись. А теперь садитесь-ка поближе и послушайте, что он пишет.

Все перенесли свои стулья поближе к камину, перед которым в глубоком кресле сидела мать; Бет расположилась на ковре у ее ног, Мег и Эми взобрались на подлокотники мамино кресла, а Джо оперлась на его спинку – там никто не смог бы разглядеть на ее лице никаких эмоций, если бы письму случилось ее растрогать. В те тяжкие времена не слишком много было таких писем, какие не могли бы растрогать их читателей, и особенно трогательными были те, что писали домой отцы; но в этом письме очень мало говорилось о тех лишениях, которые их отцу приходилось переносить, об опасностях, встречавшихся на каждом шагу, о трудно преодолеваемой тоске по дому. Это было веселое, полное надежд письмо, с живописными картинами жизни в лагере, описаниями войсковых переходов и с военными новостями. И только в самом конце письма из переполненного сердца пишущего выплеснулись волны отцовской любви и тоски по его маленьким дочерям, остававшимся дома без него.

«Скажи им, что я люблю их всей душой и нежно целую; что я, при самых трудных обстоятельствах, нахожу глубочайшее утешение в их любви и уважении ко мне. Год ожидания того момента, когда мы снова увидимся, покажется девочкам очень долгим, но напомни им, что, пока мы ждем, мы все можем работать, чтобы эти тяжелые дни не пропали втуне. Я верю: они не забудут ничего из сказанного мною, навсегда останутся для тебя любящими дочерьми, будут свято исполнять свой долг, храбро бороться с „закадычными врагами“, преодолевая себя так успешно, что, когда я вернусь домой, к ним, я стану еще сильнее любить их и гордиться моими маленькими женщинами».

Когда миссис Марч дошла до этой части письма, со всех сторон послышались всхлипывания и шмыганье носом. Джо нисколько не устыдилась большой слезы, скатившейся до самого кончика ее носа, а Эми не побоялась смять свои кудряшки, уткнувшись лицом в маменькино плечо.

– Я ужасная эгоистка, – прорыдала она во всеуслышание. – Но я, честное слово, постараюсь исправиться, чтобы папа не успел во мне разочароваться!

– Мы все будем стараться! – вскричала Мег. – Я слишком много думаю о своей внешности и терпеть не могу работу, но я больше не буду так ко всему этому относиться, если только у меня получится!

– А я попробую стать «маленькой женщиной», как папа любит меня называть, а не грубой и необузданной, как мальчишка. И я буду делать все, что надо, дома, а не рваться неизвестно куда, – пообещала Джо, считавшая, что сдерживать свою необузданность дома гораздо труднее, чем схватиться напрямую с парочкой повстанцев-южан.

Бет не промолвила ни слова, только утерла слезы синим армейским носком, за который поспешно взялась, чтобы не терять ни минуты, и вязала, не жалея сил, свято выполняя свой долг – тот, что оказался под рукой. Но молча, в душе своей, она решила стать во всем такой, какой папа надеялся ее увидеть, когда закончившийся год ожидания принесет им всем радостное возвращение отца домой.

Тишину, воцарившуюся после возгласа Джо, нарушил ободряющий голос миссис Марч:

– А вы помните, девочки, как вы, бывало, играли в «Путешествие пилигрима»<sup>7</sup>, когда были совсем малышками? Ничто не доставляло вам большего удовольствия, чем упрямство

<sup>7</sup> «Путешествие пилигрима» (полное название «Путешествие пилигрима в Небесную страну») – одно из самых значительных произведений английской и мировой религиозной литературы, созданное английским писателем и проповедником Джоном Баньяном (тж. Беньян, Буньян, 1628–1688). Первая часть книги была опубликована в 1678 г., вторая – в 1684-м. Книга переведена на многие иностранные языки и выдержала бесчисленное количество изданий. Классический перевод ее на русский язык был сделан дочерью Дениса Давыдова Юлией Денисовной Засецкой во второй половине XIX в. под названием «Путешествие пилигрима в Небесную страну». Современный перевод выполнен Т. Поповой под кратким названием «Путь паломника» и опубликован издательством «Азбука» в 2015 г. В переводе книги Л. М. Олкотт используются названия мест и имена персонажей произведения Дж. Баньяна из классического перевода XIX в. Ю. Д. Засецкой, поскольку язык ее перевода



меня привязать каждой из вас на спину по мешочку для лоскутов вместо котомки – как тяжелое бремя, дать каждой шляпу и палку и свиток бумаги в руку и отпустить в путешествие по дому – снизу до самого верха, – из подвала, который был Градом Разрушения, до чердака, где вы заранее собрали все, что могли, все самое, по-вашему, прекрасное, чтобы создать себе Небесный Град<sup>8</sup>.

– Как это было интересно! Особенно когда проходили мимо львов, боролись с Аполлионом<sup>9</sup> и шли по долине, где нам встретились проказливые лешие, – сказала Джо.

– А мне нравилось то место, где наши котомки сваливались с плеч и кувыркались вниз по лестнице, – призналась Мег.

– А я мало что помню из нашей игры – только что ужасно боялась подвала и темного входа, но очень любила кекс с молоком, который нам давали на самом верху. Не будь я слишком взрослой для таких забав, я с удовольствием сыграла бы в пилигримов снова, – сказала Эми, которая начала заявлять, что отказывается от детских забав, достигнув весьма зрелого – двенадцатилетнего – возраста.

– Мы никогда не станем слишком взрослыми для этого, моя милая. Ведь мы постоянно так или иначе играем в эту игру. Бремя наше всегда при нас, наша дорога лежит перед нами, и стремление к счастью и добру поведет нас через все беды и ошибки к душевному покою, который и есть истинный Град Небесный. Так что теперь, мои маленькие пилигримы, может быть, начнем все сначала – уже не играючи, а всерьез – и посмотрим, как далеко мы успеем продвинуться до папиного возвращения.

– А если на самом деле, маменька, то где же наши бремена? – спросила Эми. Она все понимала совершенно буквально, эта юная леди.

– Каждая из вас только что рассказала нам о своем бремени, кроме Бет. Можно подумать, что у нее вовсе нет никакого бремени, – заметила миссис Марч.

– Конечно есть. Мое бремя – грязные тарелки и пыльные тряпки и зависть к девочкам, у которых есть хорошее фортепьяно, а еще то, что я страшусь людей.

Бремя Бет показалось всем таким забавным, что сестры чуть было не рассмеялись, но удержались, понимая, что могут сильно оскорбить чувства Бет.

– Тогда будем играть, – задумчиво произнесла Мег. – Это ведь просто другое название для наших стараний быть хорошими и добрыми, а эта история поможет нам, потому что, хотя мы сами очень хотим быть такими, это тяжелый труд, и мы порой забываемся и не так уж усердствуем.

– Сегодня вечером мы погружались в Топь Уныния, а мама явилась и, словно Помощь<sup>10</sup> в той книге, вытащила нас из Топи. Нам надо бы иметь при себе свиток с указаниями, как идти, такой ведь был у Христианина<sup>11</sup>. Как с этим быть? – спросила Джо, восхищенная тем, что давняя аллегория придает некоторую романтичность скучной обязанности выполнять долг.

– Загляните к себе под подушки в рождественское утро, и каждая найдет там свой путеводитель, – ответила миссис Марч.

Пока старая Ханна убирала со стола, сестры обсуждали свой новый план. Затем девочки взяли за рабочие корзинки, и иголки замелькали вовсю – сестры шили простыни для тетушки Марч. В таком шитье не было ничего интересного, но сегодня никто из них и не думал ворчать. План Джо – поделить длинные швы на четыре части и назвать эти части Европой, Африкой,

---

адекватен языку автора романа «Маленькие женщины».

<sup>8</sup> ...чтобы создать себе Небесный Град... – Небесный Град – по Дж. Баньяну, Новый Иерусалим, т. е. Царство Божие, достигаемое праведными душами.

<sup>9</sup> ...боролись с Аполлионом... – Аполлион – враждебное существо, встречающее пилигрима в Долине Уничуждения и пытающееся заставить его вернуться назад, в Град Разрушения, где пилигриму и его семье грозит гибель.

<sup>10</sup> ...мама явилась и, словно Помощь... – Помощь – дружественное существо, способствующее пилигриму достичь цели.

<sup>11</sup> ...такой ведь был у Христианина. – Христианин – пилигрим, главный персонаж книги «Путешествие пилигрима».

Азией и Америкой – был всеми одобрен, так что благодаря этому работа превосходно продвигалась вперед, особенно когда, стежок за стежком прокладывая свой путь через эти разные страны, девочки говорили о них.

В девять часов они перестали работать и, как обычно, немного попели перед тем, как отправиться спать. Никто, кроме Бет, не смог бы извлечь хоть сколько-то нот из старенького пианино, но у Мышки был какой-то свой подход к его пожелтевшим клавишам, и, касаясь их мягко и нежно, она умела создать вполне приятный аккомпанемент к простеньким песенкам, которые пели сестры. Голос Мег звучал подобно флейте, и – вместе с матерью – она вела их маленький хор. Эми стрекотала, как сверчок, а Джо бродила по мелодии как заблагорассудится, издавая порой что-то вроде карканья или громкий дрожащий звук в самом неподходящем месте, портя самую печальную мелодию. Они всегда пели, начиная с того времени, когда едва могли выговорить: «Итяй, итяй, вёдока...», то есть «Мерцай, мерцай, звездочка...»<sup>12</sup>, и это вошло у них в обычай, стало домашней традицией – ведь их мать была прирожденной певицей. Первым звуком, какой утром слышали девочки, был голос матери, заливавшейся, словно жаворонок, проходя по дому, а последним – тот же радующий их голос, так как они никогда не чувствовали себя слишком взрослыми для хорошо им знакомой колыбельной.

---

<sup>12</sup> ...«Мерцай, мерцай, звездочка...»... – Имеется в виду популярная колыбельная «Twinkle, twinkle, little star» на стихи английской детской писательницы и поэтессы Джейн Тейлор (1783–1824).

## Глава вторая. Веселое Рождество

Джо пробудилась еще на серенькой заре рождественского утра – раньше всех. У камина не висел ни один чулок<sup>13</sup>. На миг она почувствовала такое же сильное разочарование, какое испытала, когда ее маленький чулочек упал оттого, что был доверху набит всякими лакомствами. Тут она вспомнила мамино обещание и, сунув руку под подушку, вытащила небольшой томик в темно-красной обложке. Джо прекрасно знала эту книгу, ибо перед ней была та прелестная старинная сказка о самой праведной жизни, какую кто-либо когда-либо прожил, и Джо почувствовала, что лучшего путеводителя для любого пилигрима, отправляющегося в долгое путешествие, просто быть не может. Она разбудила Мег возгласом «С веселым Рождеством!» и предложила ей сразу заглянуть под подушку. Оттуда появился томик в зеленой обложке с такой же картинкой под ней и несколькими словами, написанными маминой рукой, что придавало каждому подарку особую ценность в глазах девочек. Вскоре проснулись Бет и Эми, сразу нашарившие у себя под подушками такие же томики – один сизого, другой голубого цвета, и все четверо сидели, рассматривая и обсуждая свои книжки, до тех пор, пока наступающий день не окрасил восток в розовые тона.

Хотя Маргарет и тщеславилась – совсем немножко! – своей внешностью, она по натуре была девочкой милой и набожной, что очень влияло на ее сестер, впрочем, сами они этого не сознавали. Особенно ее влияние сказывалось на Джо, нежно ее любившей и принимавшей ее советы – ведь они давались так мягко!

– Девочки, – заговорила Мег очень серьезно, подняв глаза от растрепанной головы на кровати подле нее и посмотрев на две головы поменьше, в ночных чепчиках, которые были видны через открытую дверь соседней комнаты, – мама хочет, чтобы мы прочли эту книгу, полюбили ее и следовали ей в жизни. Надо начать сейчас же. Мы и так старались быть ее верными последователями, но с тех пор, как папа уехал, все эти беды, вызванные войной, выбили нас из колеи, и мы стали ко многим вещам относиться спустя рукава. Конечно, вы можете поступить, как вам захочется, но я положу ее на столик у кровати и каждое утро, как проснусь, буду читать понемножку, потому что уверена: это пойдет мне на пользу и поможет прожить наступивший день.

И Мег открыла свой томик и принялась читать. Джо, одной рукой обняв сестру и прижавшись к ней щека к щеке, тоже читала, и на ее лице воцарилось выражение спокойствия, так редко посещавшее эту возбужденную физиономию.

– Какая умница Мег! Ну-ка, Эми, давай и мы сделаем то же самое. Я помогу тебе с трудными словами, а сестры объяснят нам то, чего мы не поймем, – прошептала Бет, на которую красивые томики и пример старших сестер произвели большое впечатление.

– А я рада, что моя книжка – голубая! – заявила Эми, и тут обе комнаты погрузились в тишину: слышался лишь шелест осторожно переворачиваемых страниц, пока лучи зимнего солнца тихонько подкрадывались к девочкам, чтобы, поздравляя с Рождеством, коснуться их светлых головок и серьезных лиц.

– А где же мама? – спросила Мег, когда через полчаса они с Джо спустились вниз – поблагодарить маму за подарки.

– Да кто ж теперь знает?! Какой-то бедолага возьми да и постучись, помощи попросивши, дак ваша матушка, ничуть не задумавши, враз и пошла за ним глянуть, чего им там надобно. Нет и не было другой такой женщины, чтоб, не задумавши, отдавать еду и питье и одежду вся-

---

<sup>13</sup> У камина не висел ни один чулок. – В США, как и в Великобритании, в Рождество принято вешать у камина чулок (обычно белый) с подарками для каждого из детей, а также порой и для взрослых.

кую и дровишки, – отвечала Ханна, прожившая в этой семье с самого рождения Мег и давно воспринимавшаяся всеми ими скорее как друг, а не как служанка.

– Думаю, мама быстро вернется, так что можете печь ваше печенье и все приготовить, – сказала Мег, оглядывая подарки, сложенные в корзинку и упрятанные под диван в ожидании того момента, когда их можно будет преподнести. – Ой, а где же флакончик одеколона – подарок от Эми?! – удивилась она, не увидев маленькой бутылочки.

– Так Эми сама забрала его минуту назад и пошла наверх – бантик привязать или еще что-то такое, что ей в голову пришло, – сказала Джо, которая ходила приплясывая по всей комнате, чтобы размять пока еще жестковатые домашние туфли, купленные в армейском магазине.

– А мои носовые платки выглядят очень мило, правда? Ханна их для меня постирала и погладила, и я сама вышила на них метки, – сказала Бет, с гордостью поглядывая на кривоватые буквы, стоившие ей изрядного труда.

– Вот тебе и на! Наша деточка взяла да и вышила на платках «Мама» вместо «М. Марч». Ну и смех! – воскликнула Джо, взяв в руку один из платков.

– А разве это неправильно? Я подумала, что так лучше, ведь у Мег точно такие же инициалы – М. М., и мне вовсе не хочется, чтобы кто-то ими пользовался, кроме маменьки, – объяснила Бет, выглядевшая очень встревоженной.

– Все правильно, моя дорогая, очень хорошая мысль, к тому же вполне разумная, ведь теперь уже никто никогда не ошибется. И я уверена, это доставит маме большое удовольствие, – утешила сестру Мег и, нахмурившись, посмотрела на Джо, но тотчас же одарила улыбкой Бет.

– Мама идет! Прячем корзинку! Быстро! – крикнула Джо, услышав, как хлопнула входная дверь и в передней зазвучали шаги. Но в комнату поспешно вошла Эми в пальто и капоре и совсем сконфузилась, увидев, что сестры ее ждут.

– Где же ты была и что прячешь за спиной? – спросила ее Мег, удивленная, что лентяйка Эми так рано выходила из дома.

– Только не смейся надо мной, Джо! Мне просто не хотелось, чтобы кто-то узнал об этом раньше времени. Я просто решила поменять маленький флакон на большой и отдала за него все свои деньги. Я по правде стараюсь не быть эгоисткой... – Говоря это, Эми показала сестрам большой красивый флакон, заменивший маленький и дешевый, и выглядела она такой смиренной и серьезной в этом усилии отрешиться от себя самой, что Мег сразу бросилась ее обнимать, а Джо объявила, что Эми – «славный малый». Бет же подбежала к окну и выбрала самую лучшую из своих роз, чтобы еще украсить и без того великолепный флакон.

– Понимаете, после того как мы утром почитали эту книгу и поговорили о том, что надо быть добрыми и хорошими, мне вдруг стало так стыдно за мой подарок, что я, как только встала, побежала за угол и поменяла флакон, и теперь очень рада, потому что мой подарок – самый красивый из всех!

Новый хлопок входной двери отправил корзинку обратно под диван, а жаждущих завтрака девочек – к столу.

– С веселым Рождеством, маменька! И еще много-много лет весело встречать Рождество! Спасибо за книжки. Мы уже немножко почитали и будем читать каждый день! – вскричали все девочки хором.

– С веселым Рождеством, доченьки! Я рада, что вы сразу начали, и надеюсь, продолжите. Но хочу сказать вам словцо перед тем, как мы все усядемся за завтрак. Совсем недалеко от нас лежит бедная женщина с новорожденным младенцем. Шестеро других детей забились в одну постель, чтобы не замерзнуть до смерти, так как топлива у них нет. Им там нечего есть, и старший мальчик пришел и рассказал мне, как они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы согласны отдать им свой завтрак как подарок к Рождеству?

Все четверо к этому времени ужасно проголодались, ведь они прождали почти целый час, и сначала никто не промолвил ни слова. Однако молчание длилось всего с минуту – только одну минуту, – прежде чем Джо категорическим тоном воскликнула:

– Как хорошо, маменька, что вы вернулись до того, как мы начали!

– А можно мне пойти с вами и помочь нести то, что нужно для этих бедных детишек? – тотчас спросила Бет.

– А я отнесу им сливки и сдобные булочки, – заявила Эми, героически отказываясь от того, что больше всего любила.

Мег уже укрывала гречневые оладьи салфеткой и укладывала ломтики хлеба в одну большую тарелку.

– Я так и думала, что вы все согласитесь, – сказала миссис Марч с довольной улыбкой. – Вы все пойдете со мной и поможете мне, а когда мы вернемся, мы позавтракаем хлебом с маслом и молоком, а рождественский завтрак компенсируем за обедом.

Очень скоро все было готово, и в путь отправилась целая процессия. К счастью, было еще рано, они шли задворками, прохожие почти не встречались, и некому было подсмеиваться над этой странной компанией.

Какой же бедной, пустой и жалкой предстала их глазам эта убогая комната! Битые стекла окон, никакого огня, постели в лохмотьях, больная мать с вопящим младенцем и группа бледных, голодных малышей, сгрудившихся под одним ветхим стеганым одеялом в попытках согреться.

Как пристально уставились на пришедших огромные глаза, как улыбались им посиневшие от холода губы...

– *Ach, mein Gott!*<sup>14</sup> Это добрый ангели приходить к нам, – проговорила несчастная женщина, плача от радости.

– Странные ангелы – в капорах и варежках, – откликнулась на это Джо, заставив всех рассмеяться.

Через несколько минут все выглядело так, будто тут поработали добрые духи. Ханна, принеся дрова, растопила камин и заткнула дыры в битых оконных стеклах старыми шляпами и собственным пальто. Миссис Марч напоила бедную мать чаем, дала ей овсяной каши и утешила обещанием помочь, а сама тем временем перепеленала малышку так нежно, словно она – ее собственная. Между тем девочки усадили ребятишек у огня и кормили их, словно голодных птенцов, разговаривая, смеясь и пытаясь понять их забавный ломаный английский.

– *Das ist gut! Die Engel-Kinder!*<sup>15</sup> – повторяли бедняги, уплетая еду за обе щеки и грея покрасневшие руки у хорошо разгоревшегося камина. Девочек еще никто никогда не называл ангелочками, и это пришлось им вполне по душе, особенно Джо, которую чуть ли не с самого рождения прозывали Санчо<sup>16</sup>. Завтрак получился очень радостным, хотя сестрам не досталось ни кусочка. А когда они ушли, оставив после себя тепло и покой, мне думается, во всем городе не нашлось бы четырех людей, радовавшихся больше, чем эти голодные девочки, которые отдали другим свой праздничный завтрак и удовольствовались в рождественское утро горячим молоком с бутербродами.

– Вот это и значит – возлюбить ближнего больше самих себя, и мне это нравится, – сказала Мег, когда они принялись выставлять на стол подарки для мамы, пока сама мама собирала наверху одежду для несчастного семейства фрау Хаммель.

---

<sup>14</sup> Ах, Боже мой! (нем.)

<sup>15</sup> Это хорошо! Дети-ангелочки! (нем.)

<sup>16</sup> ...которую чуть ли не с самого рождения прозывали Санчо. – Санчо – мужиковатый, простоватый человек (ср.: Санчо Панса в романе М. Сервантеса «Дон Кихот»).



Нельзя сказать, что выставка подарков выглядела так уж великолепно, но в маленькие свертки было вложено столько любви, а высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и спускающимися из нее гибкими зелеными лозами, поставленная посередине, придавала столу вполне элегантный вид.

– Мама идет! Играй, Бет! Эми, распахни дверь! Троекратное «ура» маменьке! – кричала Джо, носясь по комнате, пока Мег шла к двери, чтобы встретить и провести маму к почетному месту.

Бет заиграла свой самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег с величайшим достоинством изобразила почетный эскорт. Миссис Марч была поражена и растрогана; улыбаясь, с увлажнившимися глазами, она разглядывала подарки и читала приложенные к ним записочки. Домашние туфли немедленно оказались у нее на ногах, новый платок, обильно смоченный одеколоном Эми, отправился в мамин карман, роза была приколотая у нее на груди, а про прелестные новые перчатки мама объявила, что они совершенно впору.

Сколько было смеха, поцелуев и объяснений, все дышало таким простодушием и такой любовью, благодаря которой эти домашние праздники бывают всегда так хороши, когда проводятся и долго-долго с нежностью вспоминаются потом.

Вскоре все взялись за работу. Утренняя благотворительность и праздничные церемонии заняли столько времени, что всю оставшуюся часть дня следовало посвятить подготовке вечернего праздника. Девочки были еще недостаточно взрослыми, чтобы часто бывать в театре, а семья недостаточно богата, чтобы позволить сколько-нибудь большие траты на домашние спектакли, поэтому сестрам приходилось изрядно ломать головы, занимаясь изобретательством. Как известно, голь на выдумки хитра, и сестры сами делали все то, что надобно для представления. Некоторые из их поделок были очень хитроумны: картонные гитары, старомодные соусники, обернутые в серебряную бумагу и превращенные в старинные светильники, великолепные одеяния из старого ситца, сверкающие жестяными украшениями из консервных банок для пикблей, и доспехи со столь же полезными ромбовидными кусочками блестящей прокладки, облегающей внутренность консервной банки и остающейся целой, когда с банки срезаются крышки. Самая большая комната в доме становилась сценой многих вполне невинных, но буйных увеселений.

Мужчины на эти увеселения не допускались, так что Джо могла играть мужские роли, сколько душе угодно, и получала особое удовлетворение, надевая желтовато-коричневые кожаные мужские сапоги, подаренные ей подругой, которая была знакома с дамой, которая была знакома с актером. Эти сапоги да иссеченный разрезами дублет, когда-то использованный неким художником для какой-то картины, были основными сокровищами Джо во всех спектаклях. Малочисленность труппы вынуждала каждого из двух главных актеров брать на себя по несколько ролей, и они несомненно заслуживают уважения за тяжелый труд, какой выпадал на их долю, когда приходилось заучивать три или четыре разные партии одновременно и то и дело быстро снимать и надевать то один костюм, то другой, да еще режиссировать спектакль. Домашние спектакли служили отличной тренировкой памяти, безвредным развлечением, и на их подготовку уходило много часов, которые в ином случае проводились бы в праздности, одиночестве или менее полезном обществе.

В рождественский вечер чуть больше десятка девиц взгромоздились на кровать, игравшую здесь роль бельэтажа. Они сидели перед голубым с желтыми узорами занавесом из мебельного ситца в самом лестном для актеров расположении духа – в нетерпеливом ожидании. Из-за занавеса до них долетали бесчисленные звуки приглушенного шепота и шуршания, слабый дымок от светильников и порой возбужденное хихиканье Эми, которой было свойственно в такие моменты впадать в истерику. Но вот половинки занавеса разошлись, и «оперная трагедия» началась.

Единственная программка сообщала, что на сцене «мрачный лес». Он был представлен несколькими кустиками в горшках, зеленой бязью на полу и пещерой на заднем плане. Сводами пещеры служили рамы для сушки белья, а комоды стали ее стенами; в пещере была небольшая жаровня, в которой пылал огонь, а на огне стоял черный котел, и над ним склонялась старая ведьма. На сцене царил мрак, мерцание огня создавало прекрасный эффект, особенно в тот момент, когда из котла стал клубиться настоящий пар, как только ведьма Агарь сняла с него крышку. Публике дали минуту, чтобы улеглось первое волнение. Позвякивая мечом на боку, в лес решительными шагами вошел чернобородый злодей Хьюго. На злодее была мягкая шляпа с опущенными вниз широкими полями, совершенно невероятный плащ и те самые сапоги. Походив взад-вперед по лесу в сильном возбуждении, Хьюго ударил себя по лбу и вдруг разразился яростной арией, признаваясь в своей ненависти к Родриго, в своей любви к Заре и в своем милом сердцу решении убить одного и завоевать другую. Злобный тон и хриплый голос Хьюго, переходивший порою в крик, когда чувства брали над злодеем верх, произвели сильное впечатление на слушателей, и как только он смолк, чтобы набрать в грудь воздуха, раздались бурные аплодисменты. Поклонившись с видом человека, давно привыкшего к восторгам публики, он прокрался к пещере и командным тоном приказал Агари выйти к нему:

– Эй, ты, красотка! Выходи! Ты мне нужна!

И вышла Мег со свисающими на лицо седыми прядями из конского волоса, в черно-красном одеянии, с посохом в руке и каббалистическими знаками на плаще. Хьюго потребовал у нее приворотного зелья, чтобы заставить Зару его полюбить, и еще одного – чтобы уничтожить Родриго. Агарь в прелестной, полной драматизма арии обещала сделать и то и другое и принялась вызывать духа, который должен доставить ей любовный напиток:

Эльф воздушный, прилетай,  
Дом свой тайный покидай,  
Ты ведь розами рожден,  
Утренней росой вспоен,  
Сможешь ли мне то сварить,  
Чем любовь приворожить?  
Ароматный твой нектар  
Мне неси скорее в дар,  
Сладкий, крепкий, всех чудесней!  
Эльф, ответь на эту песню!

Тут послышалась тихая музыка, и в глубине пещеры появилась маленькая фигурка в чем-то облачно-белом с поблескивающими крылышками, золотыми волосами и венком из роз на голове. Помахивая волшебной палочкой, она запела:

Я по зову прямому  
Прилетаю из дома  
С серебристой далекой луны.  
Ты используй напиток  
Не во вред, не в убыток,  
Иль все чары иссякнуть должны.

И, уронив маленькую позолоченную бутылочку к ногам ведьмы, дух исчез.

Новая песнь Агари явила миру другого духа – вовсе не привлекательного, ибо с громким треском пред ведьмой возник весь черный, уродливый черт, который, прохрипев какой-то ответ, швырнул в Хьюго темного цвета бутылкой и с издевательским смехом исчез.

Издав благодарственную трель и засунув бутылки за голенища сапог, Хьюго удалился, а Агарь сообщила публике, что, поскольку он в былые времена убил нескольких ее друзей, она давно прокляла его и теперь намерена, помешав исполнению его планов, осуществить свою месть. На этом занавес закрылся, слушатели смогли отдохнуть и угоститься сладостями, одновременно обсуждая достоинства спектакля.

Прежде чем занавес распахнулся снова, зрителям пришлось довольно долго слушать раздающийся из-за него стук молотков, но когда стало очевидно, какой шедевр плотницкого искусства был создан на сцене, ничьи уста не проронили ни единого недовольного звука. Увиденное превосходило все ожидания. На сцене возвышалась башня, чуть ли не упиравшаяся в потолок; на полпути к ее вершине виднелось окошко с горящей на нем лампой, а за белой занавеской появилась Зара, в прелестном голубом с серебряными узорами платье, ожидающая Родриго. Он явился пред нею в великолепном наряде: шляпа с пером, красный плащ, каштановые локоны и, разумеется, те самые сапоги, а в руках – гитара. Опустившись на одно колено у подножия башни, он пропел трогательную серенаду. Зара ответила ему и после этого музыкального диалога согласилась бежать из дома. И тут наступил самый грандиозный момент спектакля: Родриго извлек из-под плаща веревочную лестницу с пятью перекладинами, забросил вверх один ее конец и предложил Заре спуститься. Она с робостью выбралась из окна на лестницу, оперлась рукой на плечо Родриго и уже готова была грациозно спрыгнуть на землю, когда... Увы, увы, бедная Зара! Она забыла про свой шлейф. Он зацепился за решетку окна, башня покачнулась, наклонилась вперед и с грохотом рухнула, похоронив под своими руинами несчастных влюбленных!

Всеобщий вопль ужаса раздался в комнате, когда зрители увидели яростные взмахи желто-коричневых сапог среди руин и высунувшуюся из-под обломков золотистую головку Зары, восклицавшей: «Я же тебе говорила! Ну я же говорила тебе!» С поразительным присутствием духа дон Педро – жестокий вельможа-отец – бросился на место события и вытащил дочь из руин, поспешно шепнув в сторону: «Не смейтесь, сыграйте так, будто все идет правильно!»

Приказав Родриго встать, он с гневом и презрением запретил ему впредь появляться в их королевстве. Но Родриго, хотя и потрясенный падением на него Зары вместе с башней, отважился противостоять вельможе и не двинулся с места. Этот безупречный пример воспламенил Зару, и она тоже решила противостоять родителю. Тогда тот приказал заключить обоих в самые глубокие подземелья замка. Толстенький маленький слуга явился с цепями и увел несчастных, но выглядел он при этом очень испуганным и явно забыл слова, которые должен был произнести.

Акт третий представлял комнату в замке, где появляется Агарь, явно затем, чтобы освободить влюбленных и покончить с Хьюго. Услышав его шаги, она прячется, видит, как он выливает напитки в два бокала с вином и велит маленькому робкому слуге отнести их каждому заключенному в камеру: «Скажи им, я сию минуту приду». Слуга отводит Хьюго в сторонку, чтобы что-то ему сказать, и Агарь успевает поменять бокалы на другие, безвредные. Фердинандо, малыш-слуга, уносит их заключенным, а Агарь ставит на стол бокал с зельем, предназначенным для Родриго. Хьюго, испытывая жажду после долгого пения, выпивает отравленное вино, теряет разум и, похватавшись некоторое время за разные предметы и потопав вокруг неверными ногами, наконец падает навзничь и умирает; агония и смерть происходят в то время, как Агарь в арии, поразительной по силе и мелодичности, сообщает ему о том, что она совершила.

Эта сцена получилась поистине волнующей, хотя некоторым из присутствующих могло показаться, что смерть злодея несколько утратила свою эффектность из-за неожиданно рассыпавшихся по сцене в большом количестве длинных рыжих волос. Однако, когда занавес закрылся, Хьюго вызывали несколько раз, и он с величайшей пристойностью выходил к пуб-

лике, ведя за руку Агарь, чье пение все сочли еще более изумительным, чем весь спектакль, вместе взятый.

Акт четвертый: перед зрителями охваченный отчаянием Родриго, готовый вонзить себе в сердце кинжал, потому что ему сказали, что Зара его покинула. Как раз в тот миг, когда он подносит кинжал к своему сердцу, под его окном раздается прелестная песнь о том, что Зара ему верна, но находится в опасности и он может спасти ее, если пожелает. В окно ему брошен ключ, которым отпирается дверь, и в порыве восторга герой разрывает свои цепи и бросается прочь, чтобы отыскать и спасти свою даму сердца.

Акт пятый начинается с бурной сцены между Зарой и доном Педро. Отец хочет, чтобы дочь ушла в монастырь, но она и слышать об этом не желает и после трогательных просьб готова уже упасть в обморок, но в этот момент к ним врывается Родриго и требует ее руки. Дон Педро отказывает – ведь Родриго не богат! Оба кричат и яростно жестикулируют, но не могут прийти к согласию. Родриго уже готов унести потерявшую силы Зару, когда входит робкий маленький слуга с письмом и тяжелой сумой от Агари, которая таинственным образом вдруг куда-то исчезла. В письме сообщается, что Агарь завещает молодым влюбленным несказанное богатство, а дону Педро – ужасную гибель, если он помешает их счастью. Суму открывают, из нее на сцену дождем сыплется целая куча жестяных монет, так что весь пол начинает сверкать. Это сразу смягчает сурового вельможу. Он соглашается на брак дочери без единого звука. Все объединяются в радостном хоре, и занавес закрывается на том, как дон Педро благословляет влюбленных, преклонивших колена с непревзойденной романтической грацией.

Последовали шумные аплодисменты, неожиданно смолкшие, поскольку раскладная кровать, на которой был построен бельэтаж, вдруг сложилась, мгновенно погасив энтузиазм аудитории. Родриго и дон Педро немедленно бросились на выручку, все слушатели были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие потеряли дар речи – от хохота. Возбуждение едва улеглось, когда появилась Ханна и объявила:

– Миссис Марч всех приветствует и просит юных леди спуститься вниз: ужин на столе.

Это оказалось сюрпризом даже для актеров, а когда сестры увидели стол, они переглянулись меж собою в восторженном изумлении. Маменька всегда была готова устроить для них какой-нибудь небольшой праздник с угощением, но ни о чем столь чудесном они и слыхом не слыхали с давно прошедших дней изобилия. На столе красовалось мороженое, целых два блюда: в одном – розовое, в другом – белое, и торт, и фрукты, и – с ума сойти! – французские шоколадные конфеты, да еще посреди стола четыре великолепных букета цветов из оранжереи! От всего этого просто захватывало дух, и девочки сначала смотрели только на стол, а потом – на свою маму, которая выглядела так, будто ей это доставляло немислимое удовольствие.

– Это принесли феи? – спросила Эми.

– Санта-Клаус, – ответила Бет.

– Это все мама сделала. – И Мег улыбнулась своей самой нежной улыбкой, несмотря на седеющую бороду и совершенно седые брови.

– У тетушки Марч был приступ великодушия, и она прислала нам этот ужин! – вскричала Джо в порыве вдохновения.

– Нет, вы все ошибаетесь. Это старый мистер Лоренс прислал нам ужин, – ответила миссис Марч.

– Дедушка того мальчика из дома Лоренсов? – воскликнула Мег. – С какой стати такая мысль могла прийти ему в голову? Мы же с ним вовсе не знакомы!

– Ханна рассказала одному из его слуг про ваш веселый завтрак. Он чудаковатый старый джентльмен, но ему это понравилось. Много лет назад он знал моего отца и сегодня днем прислал мне письмо, в котором попросил моего позволения выразить его дружеские чувства к моим детям, прислав им скромные подарки в честь Рождества. Я не могла ему отказать, и вот вы получили маленький пир вечером как компенсацию за завтрак из молока с бутербродами.

– Это тот мальчик его надоумил, точно! Я уверена: это он. Он чудесный малый, я бы хотела с ним познакомиться. А у него такой вид, будто он тоже хочет завести знакомство с нами, только стесняется. И Мег вся такая правильная, что не позволяет мне заговорить с ним, когда мы встречаем его на улице, – сказала Джо, когда тарелки уже были розданы и мороженое начало бесследно «истаивать» с обоих блюд прямо на глазах у присутствующих под их восторженные охи и ахи.

– Ты имеешь в виду тех людей, что живут в большом доме рядом с вами, да? – спросила одна из подруг. – Моя мама знает старого мистера Лоренса, только она говорит, что он очень гордый и не желает знаться с соседями. Он держит своего внука взаперти, когда тот не ездит верхом или не выходит на прогулку с воспитателем, и заставляет его все время заниматься. Мы приглашали его к нам в гости, но он не пришел. Мама говорит, он очень мил, но с нами, девочками, он никогда не разговаривает.

– А у нас как-то кошка сбежала, и он принес ее к нам, и мы с ним отлично поболтали через ограду. У нас получился потрясающий разговор про крикет и всякое такое. Потом он увидел, что Мег идет, и ушел. Я все-таки собираюсь как-нибудь с ним познакомиться: уверена, ему не так уж весело живется, – решительно заявила Джо.

– Он хорошо воспитан, выглядит как маленький джентльмен, и это мне нравится. Так что у меня нет возражений против вашего знакомства с ним, если появится возможность сделать это подобающим образом. Он сам принес цветы, и мне стоило бы пригласить его к нам, но я не знала точно, что у вас там, наверху, происходит. Мальчик казался таким опечаленным, когда уходил, слыша, как вы веселитесь, и не имея ничего подобного у себя дома.

– Как удачно, что вы его не пригласили, маменька! – рассмеялась Джо, взглянув на свои сапоги. – Но мы как-нибудь поставим другой спектакль, который он сможет посмотреть, а то и сыграть в нем. Это было бы так весело, правда?

– У меня еще никогда не было такого прекрасного букета, – сказала Мег, с большим интересом разглядывая свои цветы. – Красивый – глаз не оторвешь!

– Они все прелестны. Но розы Бет для меня – всех милее, – проговорила миссис Марч, нюхая полузавядший цветок у себя на груди.

Бет придвинулась поближе и, прижавшись к матери, шепнула ей тихонько:

– Как мне хотелось бы послать мой букет папе! Боюсь, у него там вовсе не такое веселое Рождество, как у нас...



## Глава третья. Мальчик из дома Лоренсов

– Джо! Джо! Где ты там? – крикнула Мег, стоя у подножия лестницы на чердак.

– Я тут! – ответил ей сверху охрипший голос, и, взбежав по ступенькам, Мег обнаружила на чердаке сестру, жующую яблоко и заливающуюся слезами над «Наследником Рэдклиффа»<sup>17</sup>. Горло Джо было замотано шарфом, и она полулежала на старом трехногом диване у солнечного окошка. Чердак был любимым убежищем Джо, она часто укрывалась здесь, взяв с собою полдюжины яблок и хорошую книгу, чтобы насладиться тишиной и обществом своего любимца – домашней крысы по имени Скрэбл, – который жил где-то поблизости от дивана, но ничуть не возражал против присутствия Джо. Как только появилась Мег, Скрэбл исчез в своей норке. Джо смахнула слезинки со щек и подняла голову, ожидая услышать какую-нибудь новость.

– Как интересно! Ты только посмотри! Настоящее приглашение от миссис Гардинер на завтрашний вечер! – восклицала Мег, размахивая драгоценной бумажкой, а потом с девчачьим восторгом принялась ее читать: – «Миссис Гардинер была бы очень рада увидеть мисс Марч и мисс Джозефину»<sup>18</sup> на небольшом вечере с танцами в канун Нового года». Маменька хочет, чтобы мы пошли. Только что мы наденем?

– Ну что толку спрашивать? Ты ведь сама знаешь, что у нас с тобой, кроме поплиновых платьев, ничего другого нет. Их и наденем! – с полным ртом ответила Джо.

– А мне так хочется шелковое! – вздохнула Мег. – Мама говорит, у меня оно, вероятно, будет, когда мне исполнится восемнадцать. Но два года – это же целую вечность ждать!

– А я уверена, что наши поплинчики выглядят совершенно как шелковые, и они нам очень идут. Твое платье почти совсем как новое, а мое... Я и забыла, что обожгла его в одном месте и порвала в другом. Что же мне делать? Ожог очень виден, и я ничем не могу его отчистить.

– Придется тебе сидеть не поднимаясь, сколько сможешь, да так, чтобы спину не было видно. А перед у тебя в полном порядке. У меня в волосах будет новая лента, и маменька обещала дать свою маленькую брошку с жемчужиной. Мои новые туфли – просто прелесть, перчатки тоже сойдут, хотя они не так хороши, как мне бы хотелось.

– А я свои испортила лимонадом, и новые мне не купить, так что придется пойти без перчаток, – сказала Джо, которую никогда не заботило то, как она одета.

– У тебя должны быть перчатки! – вскричала Мег с решимостью в голосе. – Иначе я не пойду! Перчатки важнее всего. Танцевать без них просто невозможно. И даже если тебе все равно, мне будет до смерти стыдно!

– Тогда я танцевать совсем не буду. Я не очень-то люблю танцевать, когда много людей танцуют парами. Это вовсе не интересно – плавно скользить по кругу. Я люблю носиться туда-сюда и выделывать всякие коленца.

– Тебе нельзя просить маму купить новые перчатки, они слишком дорогие, а ты слишком небрежна. Когда ты те испортила, она сказала, что в эту зиму не сможет купить тебе новую пару. А у тебя не получится как-то свои подправить? – с беспокойством спросила Мег.

– Я могу держать их смятыми в руке, так что никто не увидит, какие на них пятна. Вот и все, что я могу сделать. Ой, нет! Я скажу тебе, как мы с этим справимся: каждая из нас наденет одну хорошую перчатку, а испорченную будет держать в руке. Понимаешь?

<sup>17</sup> «Наследник Рэдклиффа» (1853) – роман английской писательницы Шарлотты Мэри Янг (1823–1901), автора исторических книг и трогательных, часто тенденциозно-религиозных романов. Ее многочисленные (160) произведения были весьма популярны в XIX в., но сейчас практически не переиздаются.

<sup>18</sup> ...рада увидеть мисс Марч и мисс Джозефину... – Такая разница в форме обращения объясняется разницей в возрасте – Мег уже 16 лет, поэтому она упомянута по фамилии, тогда как Джо пока еще недостаточно взрослая для этого.

– У тебя руки больше моих, ты мне ужасно растянешь перчатку, – начала было Мег, у которой собственные перчатки были весьма уязвимым местом.

– Ну так я пойду без них. Мне все равно, что люди скажут! – вскричала Джо, снова берясь за книгу.

– Ну хорошо, хорошо! Ты можешь взять перчатку! Только не наставь на ней пятен и веди себя прилично. Не закладывай руки за спину, не смотри ни на кого слишком пристально и не произноси «Христофор Колумб!», ладно?<sup>19</sup>

– Не беспокойся за меня. Я буду такой правильной, какой только смогу, и постараюсь не влипнуть ни в какие истории – если сумею. А теперь пойди ответь на записку и дай мне дочитать эту потрясающую историю.

Так что Мег отправилась «с благодарностью принять приглашение», осмотреть свое платье и, напевая, в самом счастливом расположении духа привести в порядок единственный, из настоящего кружева рюш, а Джо в это время, покончив с чтением и четырьмя оставшимися яблоками, затеяла шумную игру со Скрэблом.

В канун Нового года гостиная пустовала, ибо две младшие девочки взяли на себя роль камеристок, а две старшие были заняты архиважным делом подготовки к вечеру с танцами. Какими бы простенькими ни были туалеты сестер, дом оказался полон суеты, беготни вверх и вниз, смеха и болтовни, а в какой-то момент в нем стал слышен сильный запах паленых волос. Мег захотелось, чтобы лицо ее обрамляли несколько кудряшек, и Джо взялась зажать завернутые в бумажки локоны в плоечные щипцы<sup>20</sup>.

– А разве от них должен идти такой дым? – спросила Бет из своего укромного местечка на кровати.

– Это влага высыхает, – ответила Джо.

– Как странно пахнет! Похоже на жженные перья, – заметила Эми, приглаживая собственные хорошенькие кудряшки с видом превосходства.

– Ну вот. Теперь я сниму бумажки, и вы увидите целое облако мелких колечек, – пообещала Джо, откладывая щипцы.

Она и в самом деле сняла бумажки, но никакого облака колечек не было видно: волосы остались на комод, перед ее жертвой.

– Ой-ёй-ёй! Ох, ну что ты наделала! Ты же меня изуродовала! Я не смогу пойти! Мои волосы... О, мои волосы! – причитала Мег, в отчаянии разглядывая неровные курчавинки у себя на лбу.

– Вот так мне всегда везет! Зачем ты попросила меня это сделать?! Вечно я все порчу! Прости меня, пожалуйста, щипцы оказались слишком горячими, и я наделала бед, – простонала несчастная Джо, со слезами сожаления глядя на маленькие, плоские, как блины, черные кругляшки на комод.

– И нисколько не изуродовала! Надо всего лишь подвить волосы немножко и завязать твою ленту так, чтобы кончики чуть-чуть выходили на лоб, тогда это будет выглядеть как последний крик моды. Я видела – многие девочки так делают, – проговорила Эми, стараясь утешить сестру.

– Так мне и надо! Незачем было так прихорашиваться, – недовольно воскликнула Мег. – Надо было оставить мои волосы такими, как есть.

– Да, я тоже так считаю. Но они ведь скоро опять отрастут, – сказала Бет, подходя, чтобы успокоить и поцеловать остриженную овечку.

---

<sup>19</sup> ...не произноси «Христофор Колумб!», ладно? – В конце XIX – начале XX в. в США имя великого мореплавателя служило подросткам, в основном мальчикам из «приличных» семейств, ругательством, заменяя запрещенную божбу, то есть использование имени Иисуса Христа, для выражения таких эмоций, как возмущение, испуг, удивление и т. п.

<sup>20</sup> ...зажать завернутые в бумажки локоны в плоечные щипцы. – Плоечные щипцы использовались раньше для горячей завивки волос.

В конце концов после многочисленных, но менее крупных неудач Мег была готова, а волосы Джо усилиями всей семьи убраны наверх в красивую прическу, и платье надето. Обе девочки очень хорошо выглядели в своих простых нарядах. Мег – в серебристо-сером с голубой бархатной лентой на голове и с кружевным рюшем на платье, заколотым жемчужной брошкой. Джо – в темном бордо с жестким, подобно мужскому, воротничком из белого полотна; единственным украшением у нее была пара белых хризантем. Каждая из сестер надела одну хорошую светлую перчатку и держала другую, испорченную, в руке. Все объявили, что вид у обеих «прекрасный и совершенно непринужденный». Новые туфельки Мег, на высоких каблуках, были очень тесными и сильно жали, но она не желала этого признавать, а девятнадцать шпилек Джо – все как одна – казались воткнутыми прямо ей в голову, что было не так уж приятно, но – святые Небеса! – будем же элегантны или умрем на месте!

– Желаю вам хорошо провести время, мои дорогие, – напутствовала их миссис Марч, когда сестры элегантно удалялись по дорожке. – Не ешьте слишком много за ужином и уходите в одиннадцать часов: к этому времени я пришлю за вами Ханну.

Когда калитка за девочками захлопнулась, из окна раздался голос:

– Девочки, девочки, а красивые носовые платочки вы с собой взяли?

– Да, да! Ужасно красивые, и Мег свой надушила одеколоном, – крикнула Джо в ответ и со смехом добавила, не убавляя шага: – Знаешь, я уверена, что маменька спросила бы нас про это, даже если бы мы убегали от землетрясения.

– У маменьки аристократические вкусы, и это один из них, и притом очень правильный, ведь настоящую леди узнают по изящной обуви, перчаткам и носовому платку, – отвечала Мег, у которой было целое множество собственных маленьких «аристократических вкусов».

В гардеробной миссис Гардинер, стоя перед зеркалом, Мег долго прихорашивалась, а потом сказала:

– Джо, не забудь, что тебе надо держать испорченную сторону юбки подальше от чужих глаз. Как моя лента – на месте? А волосы – они очень плохо выглядят?

– Но я обязательно забуду! Если заметишь, что я что-то не так делаю, просто подмигни мне, чтобы напомнить, ладно? – откликнулась Джо, поддериывая воротничок и торопливо приглаживая волосы щеткой.

– Нет, леди не подобает подмигивать. Я только приподниму брови, если что-то будет не так, и буду кивать тебе головой, если все в порядке. А теперь перестань сутулиться и иди мелкими шажками, и не вздумай никому пожимать руку, когда тебя станут с кем-то знакомить. Это не принято.

– И как только тебе удастся заучивать все эти вещи? У меня это никогда не получается. Какая веселая музыка, правда?

И они пошли вниз по лестнице, ощущая некоторую робость, так как редко бывали на таких вечерах, и хотя этот небольшой званый вечер вовсе не был торжественным приемом, для сестер он явился настоящим событием. Миссис Гардинер, величественная пожилая дама, доброжелательно поздоровалась с девочками и подвела их к старшей из своих шести дочерей. Мег уже знала Сэлли и скоро почувствовала, что совсем освоилась, но Джо, не очень-то жаловавшая девиц и девичьи сплетни, стояла в сторонке спиной к стене и чувствовала себя здесь такой же неуместной, как жеребенок в цветнике. В другой части комнаты собралась группка мальчиков – человек шесть, они оживленно беседовали о катании на коньках, и Джо жаждала пойти и принять участие в их беседе, так как катание на коньках было одной из главных радостей в ее жизни. Она взглядом телеграфировала об этом Мег, но брови сестры взлетели так тревожно высоко, что Джо не осмелилась даже пошевелиться. Никто не подошел поговорить с ней, и мало-помалу группа девиц разбрелась, так что Джо осталась в полном одиночестве. Она не могла развлечения ради походить по комнате, так как тогда испорченная спинка платья стала бы всем видна, и поэтому стояла и разглядывала присутствующих, пока не начались

танцы. Мег тотчас пригласили, и тесные туфельки понеслись по полу так живо, что никто и не догадался бы, какую боль, с улыбкой на устах, терпит их носительница. Джо увидела большого рыжеволосого юношу, направляющегося в ее сторону, и, испугавшись, что он намеревается ее пригласить, скользнула в занавешенную нишу, собираясь потихоньку посматривать из-за занавеса и наслаждаться покоем. К сожалению, еще одно застенчивое существо избрало для себя это убежище, ибо, как только занавес за Джо закрылся, она очутилась лицом к лицу с мальчиком из дома Лоренсов.

– Вот тебе и на! Я... я не знала, что здесь кто-то есть! – заикаясь, промолвила Джо, готовая исчезнуть так же быстро, как появилась.

Но мальчик рассмеялся и сказал очень вежливо, хотя и выглядел несколько испуганным:

– Не обращайтесь на меня внимания, оставайтесь, если хотите.

– А я вас не побеспокою?

– Нисколько. Я зашел сюда только потому, что мало кого здесь знаю и, видите ли, поначалу почувствовал себя как-то странно.

– И я тоже! Не уходите, пожалуйста. Если, конечно, вам не хочется.

Мальчик снова сел и смотрел не отрываясь на свои бальные туфли, пока Джо не произнесла, пытаясь быть любезной и непринужденной:

– Мне думается, я уже имела удовольствие видеть вас раньше. Вы живете по соседству с нами, не правда ли?

– В соседнем доме. – И он рассмеялся весело и открыто, потому что светские манеры Джо выглядели и правда забавно, ведь ему помнилось, как они болтали о крикете, когда он принес им сбежавшую кошку.

От его смеха Джо почувствовала себя совершенно как дома и тоже рассмеялась, проговорив самым сердечным своим тоном:

– Ох и веселились же мы за столом с вашими подарками!

– Это дедушка их послал.

– Но ведь это вы ему подсказали, верно?

– А как поживает ваша кошка, мисс Марч? – спросил мальчик, пытаясь быть серьезным, хотя его черные глаза весело смеялись.

– Очень хорошо, спасибо, мистер Лоренс. Только я не мисс Марч, а всего лишь Джо, – ответствовала юная леди.

– Ну а я не мистер Лоренс, а всего лишь Лори.

– Лори Лоренс – какое поразительное имя!

– Меня назвали Теодором, но мне это имя не нравится, потому что ребята стали звать меня Дора. Так что я заставил их звать меня Лори.

– Я тоже терпеть не могу свое имя. Оно такое сентиментальное! Хочу, чтобы все звали меня Джо, а не Джозефина. А как вы добились того, что ребята перестали называть вас Дора?

– Задал им трепку.

– Но не могу же я задать трепку тетушке Марч! Так что, как видно, придется терпеть. – И Джо, печально вздохнув, примирилась со своей участью.

– А вы разве не любите танцевать, мисс Джо? – спросил Лори с таким видом, словно считал, что это имя вполне ей подходит.

– Почему же? Люблю, даже очень, если места хватает и каждый может двигаться живо и весело. А в таком месте, как это, я наверняка что-нибудь опрокину, стану наступать всем на ноги или сделаю еще что-нибудь ужасное, так что лучше мне держаться подальше от беды и дать Мег плавно поскользиться по комнате. А как вы? Не танцуете?

– Иногда – да. Видите ли, довольно много лет я прожил за границей и пока еще недостаточно бывал в обществе, чтобы разобраться, как и что у вас тут делается.

– За границей?! – воскликнула Джо. – Ах, расскажите мне про это! Я просто обожаю слушать, как рассказывают про путешествия.

Казалось, Лори не знает, с чего начать, но жадные расспросы Джо вскоре помогли ему разговориться, и он рассказал ей, как учился в школе в Вевее, где мальчики не носили головных уборов и у них на озере стоял целый флот лодок, а в каникулы они ходили в пешие походы по Швейцарии со своими учителями, и это было очень интересно.

– Ох, какая жалость, что меня там не было! – вскричала Джо. – А в Париж вы ездили?

– Мы провели там прошлую зиму.

– И вы умеете говорить по-французски?

– А нам в Вевее и не разрешали говорить на других языках.

– Ой, поговорите чуть-чуть! Я могу читать, но совсем не умею произносить.

– *Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolis?*<sup>21</sup>

– Как мило у вас это получается! Но погодите... Вы сказали «Кто эта юная леди в хороших туфельках?», верно?

– *Oui, mademoiselle.*

– Так это же моя сестра Маргарет, вы ведь знали, что это она! Вы находите ее хорошенькой?

– Да, она напоминает мне немецких девушек, она выглядит такой юной и нежной и танцует, как настоящая леди.

Джо просто засияла, радуясь тому, как мальчик похвалил ее сестру, и сохранила в памяти его слова, чтобы передать их Мег. Оба они тайком смотрели на танцы из-за занавеса, обменивались критическими замечаниями, болтали и вскоре почувствовали себя давнишними знакомыми. Застенчивость Лори быстро исчезла, так как мальчишеская манера Джо вести себя «по-джентльменски» его весьма позабавила и помогла ему освоиться. К Джо тоже вернулась ее обычная веселость, испорченное платье было забыто, и никто не поднимал брови из-за ее поведения. «Мальчик из дома Лоренсов» нравился ей еще больше, чем прежде, и она успела бросить на него несколько «пристальных взглядов», с тем чтобы потом как следует его описать своим сестрам, ведь у них не было братьев, всего только несколько кузенов, и мальчишки были для них существами почти неизвестными.

«Вьющиеся черные волосы, смуглое лицо, большие черные глаза, красивый нос, прекрасные зубы, небольшие руки и ступни, выше меня ростом и для мальчика очень любезен. И вообще очень мил. Интересно, сколько ему лет?»

Вопрос был у нее уже на самом кончике языка, но Джо вовремя удержалась и с необычным для нее тактом решила выведать это с помощью обходного маневра.

– Я полагаю, вы собираетесь скоро поступить в колледж? Я так понимаю, что вы сейчас всё зубрите без отдыха и срока... То есть нет, я хотела сказать – усердно занимаетесь. – И Джо залилась краской стыда из-за вырвавшегося у нее ужасного слова «зубрите».

Лори улыбнулся, но, по-видимому, вовсе не был шокирован и ответил, пожав плечами:

– Да нет, у меня еще год-два в запасе. Раньше семнадцати я все равно поступать не собираюсь.

– Неужели вам всего пятнадцать? – удивилась Джо, окидывая взглядом высокого мальчика, который в ее воображении уже достиг семнадцати лет.

– Почти шестнадцать. В следующем месяце исполнится.

– Мне так хотелось бы поступить в колледж! А вам, похоже, это не так уж по душе.

– А мне это противно! Сплошная долбежка либо сплошная гульба. Мне не нравится, как ребята все это делают. Здесь, в нашей стране.

– А что же вам нравится?

---

<sup>21</sup> Как зовут эту юную леди в прелестных туфельках? (фр.)

– Жить в Италии и проводить время так, как я сам хочу.

Джо очень хотелось спросить его, как именно он сам хочет, но его черные брови сошлись так угрожающе, что она поспешно сменила тему и сказала, притопывая ногою в такт музыке:

– Какая полька чудесная! Почему бы вам не пойти танцевать? Попробуйте!

– Только если вы тоже пойдете, – произнес он с галантным полупоклоном.

– Не могу. Я обещала Мег, что не стану, потому что...

И Джо замолкла, нерешительно глядя на Лори, не зная, сказать почему или просто засмеяться.

– Потому что – что?

– А вы никому не скажете?

– Никогда!

– Ну, я завела себе дурную привычку стоять у пылающего камина и так сожгла свои платья, а это сильно подпалила. И хотя его хорошо починили, это все-таки заметно, вот Мег и велела мне не очень-то двигаться, чтобы никто не увидел. Можете смеяться, если вам хочется, я понимаю, это смешно.

Однако Лори не засмеялся. Он только на миг опустил глаза, и выражение его лица озадачило Джо, когда он мягко произнес:

– Не думайте об этом. Я скажу вам, как мы поступим. Здесь рядом – длинный коридор, где никого нет, мы можем танцевать там, и никто нас не увидит. Прошу вас, пойдете!

Джо поблагодарила и радостно пошла с Лори, пожалев, что у нее нет второй чистой перчатки, так как увидела красивые, жемчужного цвета перчатки партнера. Коридор был пуст, и они великолепно станцевали польку, потому что Лори танцевал хорошо и даже научил ее немецкому па, которое восхитило Джо, так как включало быстрый ритм и свободу движений. Когда музыка смолкла, они уселись на ступеньках лестницы, чтобы отдышаться, и Лори был уже на середине рассказа о студенческом празднике в Гейдельберге, когда появилась Мег, искавшая исчезнувшую сестру. Она кивнула Джо, и та неохотно последовала за ней в боковую комнату, где обнаружила Мег с побледневшим лицом, сидящую на диване, охватив руками собственную ступню.

– Я растянула лодыжку. Этот дурацкий высокий каблук подвернулся, и из-за него ужасно вывернулась нога. Она так болит! Я едва могу стоять и не знаю, смогу ли когда-нибудь дойти до дома, – проговорила Мег, покачиваясь из стороны в сторону от боли.

– А я так и знала, что ты как-нибудь да повредишь себе ноги этими дурацкими туфлями. Мне тебя очень жалко, но я не знаю, что можно тут сделать, кроме как взять экипаж или остаться тут на всю ночь, – проговорила Джо, в то же время осторожно растирая злосчастную лодыжку.

– Я не могу взять экипаж, это стоит очень дорого. Более того, я вообще не могу взять экипаж, потому что большинство гостей приехали в собственных, а платные конюшни далеко, и послать нам за экипажем некого.

– Я схожу.

– Вот уж нет! Десятый час, и темно, как в Египте! И здесь остаться нельзя – дом полон гостей, у Сэлли ночуют подружки. Я отдохну до прихода Ханны, а потом постараюсь сделать все, что смогу.

– Я попрошу Лори, он сходит, – сказала Джо, и лицо ее просветлело от пришедшей в голову отличной идеи.

– Помилуй, Джо! Ни за что! Никого не проси и никому ничего не говори. Принеси мне мои ботинки и положи туфли туда, где остальные наши вещи. Я ведь не могу больше танцевать, но как только ужин закончится, подожди Ханну и в ту же минуту, как она появится, скажи мне.

– Все уже идут ужинать. Я останусь тут, с тобой. Я так хочу.

– Нет, дорогая. Беги туда и принеси мне кофе. Я так устала, что пошевелиться не могу.



И Мег прилегла на диван, тщательно спрятав ботики, а Джо неуверенными шагами отправилась в столовую, которую отыскивала после того, как сначала влезла в стенной шкаф для столового фарфора, а потом открыла дверь в комнату, где старый мистер Гардинер подкреплял свои силы в полном одиночестве. Совершив стремительный рывок к столу, она добыла желанный кофе и тут же его пролила, так что перед ее платьем оказался испорчен не меньше, чем спина.

– О Небо! Ну что я за балда такая! – воскликнула Джо, одновременно погубив перчатку Мег, так как принялась отряхивать ею платье.

– Не могу ли я вам помочь? – произнес чей-то дружелюбный голос. Рядом оказался Лори с полной чашкой кофе в одной руке и тарелочкой с мороженым в другой.

– Я пыталась взять что-нибудь для Мег, она очень устала, а кто-то меня задел, и вот она я, в очень милом виде! – отвечала Джо, в унынии взглядывая то на юбку в кофейных пятнах, то на кофейного цвета перчатку.

– Очень жаль. Я искал, кому бы это предложить. Можно мне отнести все это вашей сестре?

– О, спасибо! Я покажу вам, где она. Я не предлагаю отнести это сама, так как, если бы взялась, наверняка попала бы еще в какую-нибудь передрыгу.

Джо провела Лори в боковую комнату, а тот, словно давно уже привыкнув ухаживать за дамами, пододвинул к дивану маленький столик, принес вторую порцию кофе и мороженого для Джо и вел себя так мило, что даже придиричивая Мег признала, что он «славный мальчик». Они весело провели время, развлекаясь поговорками, и угощались шоколадными конфетами, находя под их оберткой бумажные ленточки с пожеланиями или шутивными предсказаниями и характеристиками. Они успели уже погрузиться в тихую игру «Базз» с двумя-тремя другими гостями, остававшимися в доме на ночь, когда появилась Ханна. Мег к этому времени совершенно забыла про свою ногу и поднялась с дивана так поспешно, что, вскрикнув от боли, была вынуждена ухватиться за Джо.

– Ш-ш-ш! – прошептала она. – Ничего не говори! – И добавила вслух: – Это пустяки! Я немного подвернула ногу, вот и все.

И она, хромая, стала подниматься по лестнице в гардеробную – надеть теплые вещи.

Ханна их бранила, Мег плакала, а Джо просто не знала, как быть, пока не решилась взять дело в свои руки. Выскользнув из гардеробной, она сбежала вниз и, отыскав кого-то из слуг, спросила его, сможет ли он найти им экипаж. Оказалось, что этот слуга нанят на один вечер и совсем не знаком с округой; Джо озиралась в поисках кого-нибудь, кто мог бы ей помочь, когда к ней подошел Лори, слышавший, о чем она спросила слугу, и предложил ей экипаж своего дедушки, как раз, по его словам, подъехавший за ним самим.

– Но ведь еще так рано! Вряд ли вы намеревались уже уйти? – начала было Джо, чувствуя, что у нее отлегло от сердца, но не решаясь принять предложение.

– Я всегда ухожу рано, правда, поверьте! Прошу вас, разрешите мне отвезти вас домой. Это же все по пути, вы ведь и сами знаете, к тому же, говорят, дождь идет.

Последние слова решили дело, и, рассказав Лори о злосчастном происшествии с Мег, Джо с благодарностью приняла его предложение и бросилась наверх – привести остальных. Ханна, совсем как кошка, терпеть не могла дождь, так что от нее никаких возражений не последовало, и они покатались прочь в роскошном закрытом экипаже, чувствуя себя по-праздничному элегантными. Лори поехал рядом с кучером, чтобы Мег могла положить на сиденье ногу, так что сестры принялись совершенно свободно делиться впечатлениями о вечере.

– Я потрясюще провела время, – сказала Джо, взъерошив волосы и устраиваясь поудобнее. – А ты?

– Я тоже, пока ногу не подвернула. Я очень понравилась подруге Сэлли, Энни Моффат, и она пригласила меня приехать вместе с Сэлли и провести у нее неделю. Сэлли поедет вес-

ной, когда приезжает опера, и это будет просто великолепно, если только мама позволит мне поехать, – отвечала Мег, повеселев при одной мысли об этом.

– Я видела, что ты танцевала с рыжеволосым юношей, от которого сбежала я. Он тебе понравился?

– Ах, очень! И волосы у него вовсе не рыжие, а золотисто-каштановые, он был очень любезен, и мы с ним танцевали восхитительную редову<sup>22</sup>.

– А когда он танцевал нью-степ<sup>23</sup>, он был похож на припадочного кузнечика. Мы с Лори не могли удержаться от смеха. Ты нас не слышала?

– Нет, но вы поступили очень грубо! А что вы делали все это время, спрятавшись подальше от людских глаз?

Джо поведала ей о своих приключениях, а когда закончила рассказ, они как раз подъехали к своему дому. После многократных выражений благодарности они попрощались, пожелав Лори спокойной ночи, и прокрались наверх, надеясь никого не беспокоить, но в ту же секунду, как скрипнула дверь их спальни, две головки в ночных чепчиках поднялись с подушек, и два сонных, но жаждущих новостей голоса воскликнули:

– Расскажите нам про вечер! Расскажите про вечер!

На это Мег откликнулась:

– Куда подевались все ваши манеры?!

А Джо принесла с собой несколько шоколадных конфет для младших сестер, и те скоро уgomонились, но лишь после того, как услышали про самые волнующие события этого вечера.

– Ну, скажу я вам, я и в самом деле кажусь себе настоящей юной леди, вернувшейся домой в экипаже и сидящей в халате, в то время как горничная за мной ухаживает! – заявила Мег, когда Джо прибинтовала к ее ноге компресс с арникой и стала расчесывать ей волосы.

– А я вот не думаю, что настоящие юные леди могут радоваться и веселиться хотя бы на капельку больше, чем мы, несмотря на наши сожженные волосы, старые платья, по одной перчатке на душу да на тесные туфли, выворачивающие наши лодыжки, если нам хватает дурасти такие туфли носить.

И я думаю, что в этом Джо была совершенно права.

---

<sup>22</sup> ...танцевали восхитительную редову. – Редова – танец чешского происхождения.

<sup>23</sup> А когда он танцевал нью-степ... – Нью-степ – вид чечетки.

## Глава четвертая. Бремена

– О святые Небеса, как тяжело теперь снова вскидывать на плечи наши котомки и продолжать свой путь, – вздохнула Мег наутро после званого вечера, ибо каникулы уже закончились, а неделя развлечений вовсе не способствовала легкому возвращению к обязанностям, которые никогда не были ей по душе.

– Так жалко, что Рождество и Новый год бывают не каждый день! Вот было бы весело, правда? – откликнулась на это Джо, мрачно зевнув.

– Нам не следует и вполтину так весело проводить время, как мы это делаем сейчас. Но ведь это действительно кажется так приятно – устраивать легкие ужины с букетами цветов, посещать званые вечера, возвращаться домой в экипаже, читать, отдыхать и совсем не работать. Ну, знаешь, как другие люди: я всегда завидую девочкам, которые так и делают. Я ведь так люблю роскошь, – призналась Мег, пытаясь решить, какое из двух потрепанных платьев меньше всего потрепано.

– Ну, у нас этого нет, и давай не будем ворчать, а вскинем на плечи наши котомки и двинемся вперед, как это делает маменька. Могу только сказать, что тетушка Марч, как Старик-водяной<sup>24</sup>, уж если привяжется – ни за что не отлипнет; но я надеюсь, что, если я научусь тащить ее на спине без нытья, она либо свалится сама, либо станет такой легкой, что мне на нее и внимания обращать не придется.

Эта мысль раздражила воображение Джо и привела ее в отличное настроение, но Мег нисколько не просветлела, ведь ее бремя – обучение четверых избалованных детей – казалось сейчас тяжелее, чем прежде. У нее даже не хватало духа прихорашиваться, как обычно, надев на шею синюю бархотку, и уложить волосы так, чтобы прическа была ей особенно к лицу.

– Что толку хорошо выглядеть, когда никого не видишь, кроме этих злых недоростков, и всем безразлично, хороша я или нет? – проворчала она, резким толчком задвинув ящик комода. – Видно, мне на всю жизнь суждена работа до седьмого пота с крохами развлечений в редкие дни, и я скоро стану старой, и страшной, и сварливой. И все потому, что я бедна и не могу наслаждаться жизнью, как другие девочки. Какая жалость!

Так что Мег сошла вниз с обиженной физиономией и сидела за завтраком не в самом лучшем расположении духа. Да и все остальные, казалось, были не в настроении и то и дело принимались брюзжать.

У Бет болела голова, и она пыталась успокоить боль, улегшись на диван и взяв к себе кошку с тремя котятками. Эми пребывала в сильном беспокойстве, так как уроки ее не были выучены и она никак не могла отыскать свои ботинки. Джо непрерывно насвистывала и с грохотом опрокидывала все на своем пути, готовясь к уходу.

Миссис Марч была очень занята – она поспешно заканчивала письмо, которое нужно было тотчас отправить, а Ханна пребывала не в духе, потому что поздно ложиться спать ее совсем не устраивало.

– Никогда еще не видела такого сердитого семейства! – не выдержала наконец Джо, потеряв терпение после того, как опрокинула чернильницу, порвала шнурки на обоих башмаках и уселась на собственную шляпку.

– А ты в нем – самая сердитая! – парировала Эми, собственными слезами смывая с аспидной доски неверно решенный пример<sup>25</sup>.

---

<sup>24</sup> ....тетушка Марч, как Старик-водяной... – Старик-водяной (англ. The Old Man of the Sea) – аллюзия на эпизод из сказок «Тысячи и одной ночи», где Синдбад-мореход, решившийся помочь старику, перенес его через воду на плечах, потом никак не мог его сбросить. Устойчивое выражение «the Old Man of the Sea» приобрело значение «надоедливый, прилипчивый человек, от которого трудно отделаться».

<sup>25</sup> ...смывая с аспидной доски неверно решенный пример. – Аспидная (т.ж. грифельная) доска – письменная принадлеж-

– Бет, если ты не будешь держать этих ужасных кошек внизу, в подвале, я велю их утопить! – раздраженно воскликнула Мег, пытаясь избавиться от котенка, который взобрался к ней на спину и пристал, как репей, пониже лопаток, – не достать!

Джо смеялась, Мег бранила кошек, Бет просила прощения, а Эми громко рыдала, потому что теперь она не могла вспомнить, сколько получится, если умножить двенадцать на девять.

– Девочки, девочки, утихните на минутку! Я должна отправить письмо ранней почтой, а вы отвлекаете меня вашими неприятностями, – вскричала миссис Марч, вычеркивая уже третье испорченное предложение в своем письме.

Моментально наступила полная тишина, неожиданно нарушенная Ханной, решительными шагами вошедшей в комнату. Она поставила на стол два горячих полукруглых пирога и столь же решительно зашагала прочь. Эти пироги были домашней традицией, и сестры называли их «муфточками» – ведь других муфточек у них не было, а горячие пироги приятно согревали им руки в холодные утра.

Ханна никогда не забывала испечь эти пироги, как бы ни была занята или не в духе, потому что путь девочкам предстоял долгий и по холоду. У бедняжек не бывало ланча, и они редко возвращались домой раньше двух часов дня.

– Обними покрепче своих кошек, Бетти, и справишься с головной болью. До свидания, маменька, мы сегодня утром просто шайка отпетых негодяек, но вернемся домой *настоящими* ангелочками. Ну, Мег, идем! – И Джо отправилась вон, громко топая башмаками и чувствуя, что пилигримы вышли в путь не совсем так, как им подобало.

Прежде чем завернуть за угол дома, девочки обычно оборачивались назад, так как мама всегда подходила к окну, чтобы с улыбкой кивнуть им и помахать на прощанье рукой. Казалось, им было бы невозможно благополучно пережить этот день без такого напутствия, и, каким бы ни было их настроение, ласковое мамино лицо, увиденное на прощанье, непрестанно освещало им путь, словно сияние солнца.

– Если бы маменька погрозила нам кулаком, вместо того чтобы посылать воздушный поцелуй, так нам было бы и надо, ведь более неблагодарных негодниц, чем мы все, свет еще не видывал! – воскликнула Джо, полная раскаяния и теперь считавшая заслуженным наказанием глубокий снег на дороге и холодный резкий ветер.

– Не надо употреблять такие ужасные выражения, – ответила Мег из-под густой вуали, в которую она закутала лицо, словно монахиня, испытывающая отвращение к миру сему.

– А мне нравятся хорошие крепкие слова, которые имеют смысл, – возразила ей Джо, ловя свою шляпку, совершившую подскок у нее на голове с явной готовностью улететь прочь.

– Ты можешь называть себя, как тебе угодно, но я вовсе не негодяйка и не негодница и не желаю, чтобы меня так называли.

– Ты просто испорченное создание и сегодня безумно раздражена оттого, что не можешь постоянно жить в роскоши! Бедняжка! Ты только подожди, вот я заработаю себе состояние, тогда ты обязательно будешь наслаждаться экипажами, мороженым, и туфельками на высоких каблучках, и букетами цветов, и рыжеволосыми юношами для танцев.

– Какая же ты все-таки смешная, Джо!

Но забавная чепуха Джо рассмешила Мег, и настроение у нее, вопреки ей самой, улучшилось.

– А тебе просто повезло, что я такая, ведь, прими я сокрушенный вид да попытайся приуныть, как ты это делаешь, в хорошеньком состоянии мы бы с тобой оказались! Хвала Небесам, я всегда могу найти что-нибудь забавное, что меня поддержит. Брось хныкать и возвращайся домой к обеду веселой, будь паинькой!

---

ность, на которой некогда учились писать, решать арифметические задачи и т. п. Имела вид пластины из сланца (аспида), за что и получила свое название. Вышла из употребления в первой половине XX в.

И Джо ободряюще хлопнула сестру по плечу, расставаясь с нею на весь день, ведь каждая из них теперь отправлялась своей дорогой, каждая потуже затягивала вокруг шеи небольшую теплую шаль, каждая старалась быть повеселее, несмотря на зимнюю стужу, трудную работу и неудовлетворенные желания юности, так любящей удовольствия.

Когда мистер Марч потерял свое состояние, пытаясь помочь неудачливому другу, две старшие девочки умоляли родителей разрешить им делать что-то, чтобы участвовать хотя бы в содержании самих себя. Полагая, что никогда не рано начинать развитие активности, предприимчивости и самостоятельности, родители согласились, и обе сестры с великим рвением взялись за работу, что непременно, вопреки всем трудностям, в конце концов должно было привести к успеху.

Маргарет нашла себе место в качестве бонны и, получая маленькую плату, почувствовала, что разбогатела. По ее собственному признанию, она «любила роскошь» и бедность была ее главной трудностью. Она тяжелее, чем остальные сестры, переносила бедность, так как помнила, хоть и не очень многое, о том времени, когда дома у них было так красиво, а жизнь текла так легко и была полна удовольствий, ведь семья ни в чем не испытывала нужды. Мег старалась не завидовать, не чувствовать недовольства, но ведь это так естественно, что молодая девушка мечтает о красивых вещах, веселых друзьях и подругах, о таких достоинствах благовоспитанной девицы, как умение играть на фортепьяно, рисовать, хорошо танцевать, и вообще – о счастливой жизни. В семье Кинг, где она работала, она каждый день видела все, о чем мечтала сама, потому что старшие сестры ее питомцев как раз начали выходить в свет, и Мег то и дело попадались на глаза и элегантные бальные платья, и красивые букеты; она слышала оживленную болтовню о театрах, о концертах, о веселых санных прогулках и о самых разнообразных развлечениях. И конечно, видела, как на пустяковые мелочи швыряются деньги, которые были бы для нее так драгоценны. Бедняжка Мег редко жаловалась, но ощущение несправедливости порой вызывало у нее чувство раздражения к окружающим – ведь она пока еще не научилась понимать, как она богата теми благами, которые сами по себе могут сделать жизнь счастливой.

Случилось так, что Джо оказалась подходящей помощницей для тетушки Марч: та была хрома и нуждалась в живом и энергичном человеке, который мог бы ее обслуживать. Когда у семьи начались неприятности, бездетная старая дама предложила усыновить какую-нибудь из девочек<sup>26</sup> и очень обиделась, когда ее предложение отклонили. Друзья говорили мистеру и миссис Марч, что они из-за этого потеряли всякую возможность быть упомянутыми в завещании их богатой родственницы, но они – эти странные люди были явно не от мира сего! – отвечали:

– Мы не откажемся от наших девочек и за дюжину состояний. В богатстве ли, в бедности, мы останемся вместе и будем счастливы, радуясь друг другу.

Некоторое время старая дама не разговаривала ни с кем из семейства Марч. Но как-то раз она случайно встретила Джо в доме друзей, и смешная физиономия девочки и ее грубоватые манеры поразили воображение старой тетушки так, что она предложила взять ее в компаньонки. Джо это вовсе не устраивало, но поскольку не представилось ничего лучшего, она предложение приняла и, к всеобщему удивлению, прекрасно уживалась со своей раздражительной родственницей. Время от времени раздражалась буря, а однажды Джо даже весьма решительно зашагала домой, заявив, что не может все это долее выносить, однако настроение тетушки Марч, точно небо после бури, всегда быстро «прояснялось», и она посылала за Джо, прося ее возвратиться, да так настоятельно, что девочка не могла тетушке отказать, ведь в глубине души ей нравилась эта колючая старая дама.

<sup>26</sup> ...бездетная старая дама предложила усыновить какую-нибудь из девочек ... – В XIX в. разговорной формы «удочерить» не существовало. Сегодня в правовых документах ее также не существует.

Подозреваю, что главным из того, что привлекало Джо в доме тетушки Марч, была большая библиотека, полная прекрасных книг, но остававшаяся во власти пыли и паучьих сетей с тех пор, как умер дядюшка Марч. Джо помнила доброго старого джентльмена, который, бывало, позволял ей строить железные дороги и мосты из словарей, рассказывал интересные истории про картинки в написанных на латыни книгах и покупал ей имбирную коврижку, когда им случалось встретиться на улице. Тускло освещенная, пыльная комната с бюстами, пристально глядящими вниз с высоких книжных шкафов, удобные кресла, глобусы и – самое лучшее – никем не тревожимый мир книг, в котором она могла бродить, где и как ей вздумается, – все это превращало для нее библиотеку в пространство райского блаженства.

Стоило только тетушке Марч вздремнуть, или в тот момент, как к ней являлись гости, Джо спешила в эту тихую комнату и, свернувшись калачиком в глубоком кресле, буквально пожирала книги стихов, романы, исторические произведения, книги о путешествиях и о картинах, точно настоящий книжный червь. Но, как всякое счастье, это длилось недолго, ибо непременно, лишь только она добиралась до самой сути читаемого, до сладчайшего стиха или строки песни, до самого гибельного приключения своего героя-путешественника, громкий клич «Джози-фина! Джози-фи-и-на!» призывал ее назад, и ей приходилось покидать свой рай, чтобы мотать пряжу, купать пуделя или часами читать «Очерки» Белшама<sup>27</sup>.

Джо мечтала совершить что-то грандиозное. Пока еще она не представляла себе, что именно, но оставляла самому времени возможность подсказать ей это, а между тем она считала своей главной бедой невозможность читать, бегать и ездить верхом столько, сколько ей хочется. Горячность ее натуры, острый язычок и неумный дух постоянно заводили ее в различные переделки, так что жизнь девочки превращалась в череду взлетов и падений, столь же смешных, сколь и грустных. Однако выучка, полученная ею у тетушки Марч, явилась как раз тем, что было ей необходимо, а мысль, что она делает нечто нужное для участия в собственном содержании, радовала ее, несмотря на вечно повторяющийся клич «Джози-фи-и-на!».

Бет была слишком застенчива, чтобы учиться в школе. Попытались было этого добиться, но девочка так страдала, что родителям пришлось отказаться от всяких попыток, и она стала делать школьные уроки дома под руководством отца. Даже когда отец уехал в армию, а мать была призвана посвятить свой опыт и энергию Обществу помощи воинам<sup>28</sup>, Бет упорно продолжала заниматься самостоятельно и старалась изо всех сил. Эта крошка была маленькой домашней хозяйкой: она помогала Ханне содержать дом в чистоте и уюте, столь необходимом для работающих членов семьи, никогда не задумываясь о какой-либо иной награде, кроме любви близких. Она проводила долгие тихие дни, не ощущая одиночества, не бывая праздной, ибо ее маленький мир полнился воображаемыми друзьями, а по натуре своей она была трудолюбивой пчелкой.

У Бет было шесть кукол. Каждое утро их приходилось поднимать с постели и одевать, так как Бет все еще оставалась ребенком и не утратила всегдашней привязанности к своим любимцам. А ведь среди них – ни одной совершенно целой или особенно красивой: все они были «изгоями», пока Бет не приняла их под свое крыло, ибо когда ее сестры перерастали своих идолов, те переходили в руки Бет, ведь Эми не желала иметь ничего уродливого или старого. А Бет любила их всех тем более нежно как раз по этой самой причине и устроила больничку для

<sup>27</sup> ...часами читать «Очерки» Белшама. – Уильям Белшам (1752–1827) – английский политический писатель, философ, историк, поддерживавший политику радикальных вигов и выступавший в защиту принципов американской революционной борьбы против владычества Англии. Здесь имеются в виду его «Очерки философии, истории и литературы» (1789–1791).

<sup>28</sup> Общество помощи воинам – сеть добровольных женских обществ (около 20 тысяч), которая была создана на севере США во время Гражданской войны (1861–1865). Они занимались снабжением войск санитарными материалами, теплыми вещами и одеялами, лекарствами и продуктами, помощью больным и раненым на поле боя и в госпиталях. Их роль во время войны была очень велика.

кукол-инвалидов. Никогда никакие булавки не втыкались в их тряпичные тела<sup>29</sup>, они никогда не слышали ни одного резкого слова, не получили ни одного шлепка; никогда небрежение не омрачило души ни одной из них, даже самой не располагающей к себе персоны. Все они бывали накормлены и одеты, со всеми нянчились и всех ласкали с неиссякающей нежностью. Один из жалких отбросов кукольного общества, принадлежавший ранее Джо и явно прошедший бурную жизнь, стал совершенной развалиной и попал в мешок с тряпками. Из этой богадельни он был спасен сердобольной Бет и взят в ее приют. У него отсутствовала верхняя часть головы, поэтому Бет привязала на искаленную голову аккуратную маленькую кепку, а отсутствие ног и рук скрыла, завернув беднягу в одеяльце и отдав этому неизлечимому инвалиду самую лучшую кровать. Если бы кто-нибудь знал, сколько нежной заботы изливалось на этого куколёнка, я думаю, такой человек был бы растроган до глубины души, даже если бы это казалось ему смешным. Она приносила ему цветы из букетов, читала вслух, выносила на свежий воздух подышать, спрятав у себя под пальто, пела ему колыбельные, никогда не укладывалась спать, не поцеловав на ночь его запачканную физиономию и не прошептав ласково: «Надеюсь, ты будешь хорошо спать в эту ночь, мой милый бедняжка!»

У Бет, конечно, имелись свои трудности точно так же, как у других, и поскольку она была не ангел, а просто очень человечная маленькая девочка, она часто плакала «малюсеньким плачем», как это называла Джо, потому что она не могла брать уроки музыки, не могла иметь хорошее фортепьяно. Она так любила музыку, так старалась научиться играть и так терпеливо упражнялась на тренькающем старом инструменте, что казалось, вот-вот кто-нибудь (не станем намекать на тетюшку Марч!) возьмет да и поможет ей во что бы то ни стало. Но никто тем не менее не взялся ей помочь, и никто не видел, как Бет, когда остается одна, стирает слезы с пожелтевших клавиш, не желающих звучать как надо. Работая, Бет распевала, словно маленький жаворонок. Она никогда не бывала слишком уставшей для мамочки и сестер и день изо дня с надеждой повторяла про себя: «Я знаю, со временем я научусь играть на фортепьяно, если буду хорошей и доброй».

Много есть на свете таких Бет, застенчивых и тихих, сидящих в укромных уголках, пока они не потребуются, и живущих для других так радостно, что никто не замечает их жертв, покуда этот крохотный сверчок на печи<sup>30</sup> не перестанет стрекотать и солнечный призрак не исчезнет, оставив после себя лишь тишину и тень.

Если бы кто-нибудь спросил у Эми, что в ее жизни доставляло ей более всего трудностей и огорчений, она ответила бы, ни на миг не задумавшись: «Мой нос». Когда она была совсем крошкой, Джо нечаянно уронила ее в ведро с углем, и Эми утверждала, что это падение навсегда искалечило ее нос. Он не был слишком большим, он не был неуклюжим и красным, как нос бедняжки Петри<sup>31</sup>, он был лишь чуть-чуть приплюснут, и никакие на свете прищепки не могли придать ему аристократическую утонченность. Никто не обращал на это внимания, кроме самой девочки, а сам нос очень старался вырасти, однако Эми глубоко ощущала нехватку носа древнегреческого образца и, чтобы найти утешение, изрисовывала не листы, а целые простыни бумаги красивыми носами.

Сестры прозвали Эми «Маленький Рафаэль»: у нее обнаружился несомненный талант к рисованию, и она никогда не бывала так счастлива, как срисовывая цветы, придумывая раз-

<sup>29</sup> Никогда никакие булавки не втыкались в их тряпичные тела... – Следует помнить, что в то время тело куклы делалось в основном из ткани, набитой опилками или ватой, а голова (иногда также руки и ноги) – из папье-маше. Некоторые же куклы, например Голливог, делались полностью тряпичными.

<sup>30</sup> ....этот крохотный сверчок на печи... – Аллюзия на новеллу Ч. Диккенса «Сверчок на печи» (1845).

<sup>31</sup> ...как нос бедняжки Петри... – Петри (т.е. Петрея) – одна из героинь романа «Дом, или Семейные заботы, или Семейные радости» (1839) шведской писательницы, путешественницы, поборницы феминизма, педагога-просветителя Фредрики Бремер (1801–1865). Роман был переведен на английский язык в 1843 г., и в том же году Л. М. Олкотт его прочла, о чем имеется упоминание в ее дневнике. Роман был в свое время очень популярен не только в Швеции, но также в Англии и в США.

ного вида фей или иллюстрируя рассказы и сказки странными образчиками своего искусства. Ее учителя жаловались, что вместо решения примеров и задач она покрывала свою аспидную доску изображениями животных, на свободных страницах своего географического атласа она копировала карты, а из ее учебников в самые неудачные моменты вылетали трепещущие листочки язвительно-смешных карикатур. Эми удавалось благополучно преодолевать школьную премудрость в меру своих способностей и избегать нареканий благодаря образцовому поведению. Она пользовалась расположением своих соучениц, так как была уравновешенна и, к счастью, владела искусством быть, без особых усилий, приятной со всеми. Ее не очень большое важничанье и манерничанье пришлось одноклассникам весьма по вкусу, как и другие ее достоинства, ведь, кроме рисования, она умела сыграть на фортепьяно двенадцать мелодий, вязать крючком и читать вслух по-французски без того, чтобы неправильно произносить две трети слов. У Эми была манера жалобным тоном выговаривать: «Когда папа был богат, мы делали то-то...», что звучало очень трогательно, а длинные слова, которые она так любила, девочки считали «совершенно элегантными».

Как видим, Эми шла прямой дорогой к избалованности, ибо все и каждый ей потакали, ее маленькое тщеславие и не такой уж маленький эгоизм беспрепятственно возрастали. Тем не менее кое-что несколько приглушало ее тщеславие: ей приходилось носить одежду своей кузины. Кузину звали Флоренс, а мама Флоренс не обладала ни единой толикой вкуса, и Эми невероятно страдала оттого, что вынуждена носить красную шляпку вместо голубой, не вполне идущие ей платья и кричащие фартуки, не совсем подходившие по размеру. Все они были из хорошего материала, прекрасно сшиты и совсем мало ношены, но взгляд Эми-художника бывал неприятно поражен, особенно этой зимой, когда она получила, например, школьное платье тускло-лилового цвета с узором из желтых горошин и без какой бы то ни было отделки.

– Единственное утешение, – сказала она Мег, подняв на нее глаза, полные слез, – что мама не наказывает меня тем, что делает поперечные складки на моих платьях, когда я плохо себя веду, как делает мать Марайи Паркс. Милая моя, это просто ужасно! Иногда Марайя так плохо себя ведет, что ее платье едва доходит ей до колен, и тогда она не может явиться в школу! Стоит мне подумать о такой *дендрации*<sup>32</sup>, как я чувствую, что смогу скорее вынести и свой приплюснутый нос, и это лиловое платье с желтыми сигнальными огнями на нем.

Мег была наперсницей и руководительницей Эми, а Джо, в подтверждение странной уверенности, что противоположности сходятся, играла ту же роль в жизни тихони Бет, и эта застенчивая девочка, сама того не сознавая, оказывала на свою безалаберную старшую сестру больше влияния, чем кто бы то ни было еще в их семействе. Две старшие – Мег и Джо – очень много значили друг для друга, кроме того, каждая из них взяла под свою опеку одну из младших и каждая оберегала избранную подопечную по-своему. Они называли это «играть в дочки-матери», реализуя материнский инстинкт, свойственный маленьким женщинам, и младшие девочки заменили им давно отброшенных кукол.

– Ну, может кто-нибудь что-нибудь рассказать? – спросила Мег, когда вечером они уселись все вместе за шитье. – День сегодня был такой унылый, что я просто умираю – так хочется хоть немного развлечься!

– У меня сегодня удивительная история вышла с тетушкой Марч, но так как я выкабалась из нее с пользой для себя, то могу вам про это рассказать, – начала Джо, страстно любившая рассказывать всякие истории. – Я читала ей этого бесконечного Белшама, нудила монотонно, как всегда, потому что тетушка тогда очень скоро задремывает, а я беру какую-нибудь хорошую книгу и читаю, читаю прямо как сумасшедшая, пока она не проснется. Но сегодня получилось так, что я убаюкала сама себя, и, прежде чем она начала клевать носом,

<sup>32</sup> *Стоит мне подумать о такой дендрации...* – Эми явно имеет в виду деградацию (degradation) одноклассницы, но возможно, и ее унижение (denigration).



я выдала такой зевок, что она спросила, с чего это я так широко открыла рот, что могла бы сразу проглотить всю книгу целиком. «Очень жаль, что у меня это не получится, не то мы сразу распрощались бы с ней, и делу конец!» – ответила я, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком дерзко. Тут она прочла мне длинную лекцию про мои грехи и велела мне посидеть и поразмыслить о них, пока она на минутку «забудется». Она никогда не «опоминается» слишком быстро, так что в то же мгновение, как ее чепец поник, словно отяжелевшая головка георгины, я выхватила из кармана «Векфилдского священника»<sup>33</sup> и принялась читать – один глаз в книгу, другой – на тетушку. Я как раз дошла до того места, где они все шлепаются в воду... Тут я сама забылась и рассмеялась вслух. Тетушка проснулась и, придя после сна в более доброе расположение духа, велела мне прочесть из книжки кусочек, чтобы показать ей, что за легкомысленную стряпню я предпочитаю достойному и поучительному труду Белшама. Я старалась изо всех сил, и ей понравилось, но она сказала только: «Не пойму, о чем тут речь идет. Вернись-ка к началу, девочка».

Ну я и вернулась к началу и постаралась сделать Примрозов такими интересными, как только возможно. Разок у меня хватило ехидства замолкнуть на захватывающем месте и очень кротко спросить: «Может, нам здесь остановиться, мэм? Боюсь, это вас утомляет». Она подхватила свое вязанье, выпадавшее у нее из рук, бросила на меня острый взгляд сквозь очки и произнесла резко, как обычно: «Извольте дочитать главу, мисс, и не дерзите!»

– А она призналась, что ей это понравилось? – спросила Мег.

– Ох, да что ты, ни в коем разе! Но она оставила старину Белшама в покое, а попозже днем я забежала за забытыми перчатками и вижу: тетушка так погрузилась в «Священника», что даже не слышит, как я отплясываю джигу в коридоре, смеясь от предвкушения лучших времен! Какой приятной могла бы стать ее жизнь, если бы она только захотела! Я вовсе ей не завидую, пусть она и богата. Думаю, в конце концов, – добавила Джо, – у богатых не меньше забот, чем у бедных.

– Твои слова напомнили мне, – сказала Мег, – что и я тоже могу кое о чем рассказать. Это не так забавно, как история Джо, но я много думала об этом, идя домой. Сегодня у Кингов все находились в каком-то необычайном волнении, а одна из моих питомиц сказала мне, что их самый старший брат сделал что-то ужасное и их папа куда-то его отослал. Потом я услышала, как плачет миссис Кинг, а мистер Кинг говорит очень громко; Грейс и Эллин прошли по коридору мимо меня, отворотившись, чтобы я не видела их глаз, красных и опухших от слез. Разумеется, я не стала задавать никаких вопросов, но мне стало их всех так жалко! Как хорошо, что у меня нет неуправляемых братьев, которые совершают всякие дурные поступки и позорят свою семью.

– А мне кажется, когда тебя позорят в школе, это еще гораздо *позористее*, чем все дурные поступки, какие может сделать плохой мальчишка, – заявила Эми, укоризненно покачивая головой, словно у нее за плечами большой жизненный опыт. – Сюзи Перкинс явилась сегодня в класс в прелестном колечке с красным сердоликом. Мне ужасно захотелось такое же, и я от всей души пожалела, что я не Сюзи. Ну вот. А она нарисовала портрет мистера Дэвиса с чудовищным носом и горбом на спине, а изо рта у него вылетало что-то вроде воздушного шарика со словами: «Юные леди, я всех вас вижу!» Мы как раз смеялись над рисунком, когда вдруг обнаружили, что он и правда нас видит, и он велел Сюзи принести ему ее грифельную доску. Она была просто *перрилизирована от страха*, но все же пошла к его столу, и – ах! – как вы думаете, что он сделал? Он схватил ее за ухо – за ухо! Только представьте себе этот ужас! И отвел ее на помост, с которого мы наизусть читаем, и заставил стоять там целых полчаса, держа доску так, чтобы все могли видеть тот рисунок.

<sup>33</sup> ...выхватила из кармана «Векфилдского священника»... – «Векфилдский священник» (1766) – роман английского писателя Оливера Голдсмита (1728–1774) стал самой читаемой книгой своего времени и издается до сих пор.

– А разве девочки не посмеялись над этим портретом? – спросила Джо, любившая смаковать такие стычки.

– Посмеялись?! Да ни одна! Они сидели тихенько, словно мышки, а Сюзи проливали потоки слез, я это точно знаю. И я ей перестала завидовать, потому что почувствовала, что миллионы сердоликовых колец не сделали бы меня счастливой после такого позора. Я никогда, ни за что не оправилась бы от такого чрезвычайного оскорбления. – И Эми вернулась к шитью, гордая сознанием собственной добродетельности и тем, что сумела произнести два длинных слова единым духом и без единой ошибки.

– А я сегодня утром видела то, что мне очень понравилось, и собиралась вам рассказать за обедом, но забыла, – заговорила Бет, в то же время приводя в порядок рабочую корзинку Джо, где все всегда было перевернуто вверх тормашками. – Когда я пошла в лавку купить устриц для Ханны, там был мистер Лоренс, только он меня не заметил, я стояла за бочкой с рыбой, а он был занят разговором с хозяином лавки, мистером Каттером. Какая-то бедная женщина вошла туда с ведром и шваброй и спросила мистера Каттера, не позволит ли он ей немного почистить пол «за самую малость рыбы», так как у нее ничего нет на обед детям, а работы в тот день она, к несчастью, не нашла. Мистер Каттер очень торопился и ответил довольно сердито: «Нет!» Женщина уже пошла к выходу и выглядела ужасно голодной и расстроенной, но тут мистер Лоренс подцепил загнутым концом своей трости огромную рыбину и протянул ей. Она так обрадовалась, так удивилась, что прямо схватила эту рыбину, прижала к груди и стала благодарить его без остановки. А он говорит: «Теперь идите и приготовьте им обед» – и она поспешила уйти, и такая была счастливая! Правда ведь, как он хорошо сделал?! Ах, она выглядела так забавно, держа в объятьях огромную рыбину и желая мистеру Лоренсу, чтобы ему «лёхко» было на том свете!

Отсмеявшись над рассказом Бет, девочки попросили маму тоже рассказать им что-нибудь интересное, и после минутной задумчивости она начала рассказывать без улыбки:

– Сегодня, когда я села кроить синие фланелевые куртки в помещении нашего Общества, я очень беспокоилась о вашем отце и думала о том, какими одинокими и беспомощными окажемся мы, если с ним что-то случится. Не очень-то умно было мне так думать, но я все волновалась и волновалась, пока один старик не явился получить кое-какую одежду. Он сел подле меня, и я заговорила с ним, потому что он был явно беден и казался уставшим и встревоженным. «У вас, видимо, сыновья в армии?» – спросила я, так как записка, с которой он пришел, была адресована не мне.

«Да, мэм, их было четверо, но двое погибли, один в плену, а я еду к другому – он очень плох и лежит в госпитале, в Вашингтоне», – ответил тихо старик.

«Вы великое дело сделали для нашей страны, сэр», – сказала я, почувствовав к этому человеку уже не жалость, а глубокое уважение.

«Ни на грош не больше, чем должен, мэм. Я бы и сам пошел, если б от меня толк был. А раз нету толку, так я сынов своих отдал, и вовсе не за плату какую-нито».

Произнося это, он приободрился и выглядел вполне искренним, и казалось, так радостно отдал все, что мог, что мне стало стыдно за себя. Я ведь отдала только одного, и то считала, что отдала слишком много, тогда как этот старик отдал четверых, и сделал это, не жалуясь. Не жалуется и теперь. У меня есть мои девочки, они всегда меня утешат, а его сын – последний у него оставшийся – ждет отца в госпитале, за много миль отсюда, возможно, лишь затем, чтобы навсегда с ним проститься. И я почувствовала себя такой богатой, такой счастливой, подумав о своем благословенном везении, что собрала ему хороший узел вещей, дала денег и от всего сердца поблагодарила за преподанный мне урок.

– Маменька, расскажите нам еще историю с моралью, вроде этой, – попросила Джо после минутного молчания. – Я потом очень люблю поразмыслить над ними, если они про настоящую жизнь и не слишком похожи на проповедь.

Миссис Марч улыбнулась и начала сразу же, ведь она с давних пор рассказывала разные истории перед этой маленькой аудиторией и прекрасно знала, как угодить слушательницам.

– Когда-то давным-давно жили-были четыре девицы, у которых хватало и еды, и питья, было что на себя надеть и много всяких благ и развлечений, да и добрых друзей хватало, и родители их нежно любили, а девицы эти всё не были довольны. – (Здесь слушательницы обменялись лукавыми взглядами и более усердно взялись за шитье.) – Однако девицам этим очень хотелось стать добрыми и хорошими, и они принимали множество отличных решений, но не совсем аккуратно их выполняли. Они постоянно говорили: «Ах, если бы у нас было вот это...» или: «Ах, если бы мы могли сделать так-то...», совершенно забывая, как много у них уже есть и сколь многое в действительности они могут сделать. Тогда они спросили одну старушку, каким закланием они могли бы воспользоваться, чтобы стать счастливыми, и та им ответила: «Когда вы чувствуете, что недовольны, вспомните про те блага, что у вас есть, и будьте благодарны за это!» – (Здесь Джо быстро подняла голову, словно собираясь заговорить, но передумала, поняв, что рассказ не окончен.) – Поскольку девицы эти были достаточно разумны, они решили попробовать и последовали совету старушки – и вскоре сами стали удивляться, как хорошо все у них получается. Одна из них обнаружила, что деньги не могут освободить семьи людей богатых от позора и горестей; другая – что, несмотря на бедность, она благодаря своей юности, здоровью и веселому нраву гораздо счастливее, чем некая раздражительная, слабая здоровьем старая дама, неспособная наслаждаться теми благами, что у нее есть; а третья узнала, что, как ни неприятно бежать по холоду в лавку, чтобы помочь приготовить обед, куда неприятнее просить ради обеда милостыню. Четвертая же девица поняла, что даже сердоликовые колечки ценятся не так высоко, как хорошее поведение. Так что все четверо согласились перестать жаловаться, удовольствоваться теми благами, что имеют, и стараться быть достойными этих благ, ибо иначе вместо их увеличения они могут этих благ вовсе лишиться; а кроме того, все они поверили, что никогда не разочаруются и не пожалеют, что последовали совету старушки.

– Ну и маменька! Как это у вас ловко получилось – вы обратили наши собственные истории против нас и вместо романа прочли нам проповедь! – воскликнула Мег.

– А мне такие проповеди нравятся, – сказала Бет, правильными рядками втыкая иголки в подушечку в корзинке Джо. – Такие нам папа читал.

– А я жалуюсь вовсе не так часто, как другие, а теперь буду еще осторожней, чем раньше, ведь падение Сюзи послужило мне предостережением! – заявила добродетельная Эми.

– Мы этот урок заслужили, и нам его не забыть. А если вдруг забудем, вы, маменька, просто напомните нам слова старой Хлои из «Хижины дяди Тома»: «Низзя забывать об своих благах, детки! Никак низзя об них забывать!» – откликнулась Джо, которая, как ни старалась, не смогла удержаться от того, чтобы не найти – пусть самую малость – забавного в маленькой проповеди, хотя приняла ее очень близко к сердцу, как и каждая из сестер.

## Глава пятая. Как добрые соседи

– Ради всего святого, Джо! Что это ты собираешься теперь делать? – спросила Мег как-то перед вечером, в холодный снежный день, увидев сестру, шумно топающую через прихожую в резиновых сапогах, широком старом пальто и капюшоне, с метлой в одной руке и совком в другой.

– Выхожу поразмяться на свежем воздухе, – ответила Джо. В ее глазах светился озорной огонек.

– Я бы думала, что двух долгих прогулок сегодняшним утром вполне для этого хватило! На улице холодно и хмуро, снег мокрый, и я советую тебе посидеть дома, где тепло и сухо, у горящего камина, как делаю я, – промолвила, поежившись, Мег.

– Советов никогда не принимаю! Сидеть без движения целый день не умею и, поскольку я не кошечка, терпеть не могу подремывать у камелька. Я обожаю приключения и выхожу на их поиски.

Итак, Мег вернулась к камину поджаривать себе ножки и читать «Айвенго», а Джо принялась с величайшим энтузиазмом расчищать заметенные снегом дорожки. Снег не успел слежаться, и своей метлой девочка быстро размела дорожку, идущую вдоль изгороди по всему саду, чтобы Бет могла пройти по ней, когда покажется из-за туч солнце и куклам-инвалидам необходимо будет подышать свежим воздухом. Надо сказать, что этот сад отделял дом семейства Марч от дома мистера Лоренса. Оба здания стояли на окраине города, и место это пока еще очень походило на загородное своими рощами и лужайками, большими садами и тихо журчащими ручьями. Невысокая живая изгородь разделяла два владения. По одну сторону изгороди стоял старый, побуревший от времени дом, выглядевший каким-то обнаженным и потрепанным без густолистных стеблей плюща, обвивавших его стены летом, и массы цветов, окружавших его тогда. По другую же сторону изгороди находился величественный особняк, всем своим видом свидетельствовавший о комфортной и даже роскошной жизни, начиная с каретного сарая, содержащегося в полном порядке двора и ухоженного сада до оранжереи и всяких прекрасных вещей, какие мельком можно было увидеть меж незадернутых дорожных занавесей на окнах.

Однако особняк этот казался одиноким, безжизненным, ибо никогда на его лужайке не резвились дети, ни одно материнское лицо не глядело из его окон, и совсем немного людей входило в дом и выходило из него, помимо старого джентльмена и его внука.

Буйная фантазия Джо рисовала ей этот дом как заколдованный дворец, преисполненный великолепия и удовольствий, которыми некому насладиться. Ей давно хотелось взглянуть на спрятанное в таинственном особняке великолепие да поближе познакомиться с «мальчиком из дома Лоренсов», который, казалось, и сам был не прочь завести с сестрами знакомство, если бы только знал, как к этому приступить. После новогоднего вечера Джо захотелось этого еще больше. Она строила множество планов насчет того, как можно было бы с ним подружиться, однако в последнее время его не было видно, и Джо стала уже подумывать, не уехал ли он куда-нибудь, как вдруг однажды разглядела его смуглую физиономию в одном из верхних окон, грустно глядящую в их сад, где Бет и Эми играли в снежки.

«Этот мальчик страдает оттого, что ему недостает общества и развлечений, – сказала себе она. – Его дедушка не понимает, что на самом деле хорошо для внука, а что – плохо, и держит его взаперти, в полном одиночестве. А мальчику просто необходима компания веселых ребят, с которыми можно затеять всякие игры, или просто нужно, чтобы с ним был кто-то молодой и жизнерадостный. Я уже почти твердо решила заявиться к старому джентльмену и все ему выложить».

Эта мысль показалась Джо весьма увлекательной – она любила совершать рискованные действия и вечно шокировала бедняжку Мег своими странными выходками. План «заявиться к старому джентльмену» не был ею забыт. И вот когда наступил этот снежный день, Джо решила посмотреть, что можно будет сделать. Она увидела, как уехал из дома мистер Лоренс, и совершила «боевую вылазку» с целью прокопать себе путь к изгороди, где она, разумеется, оставилась и провела разведывательный обзор. Все спокойно, занавеси на нижних окнах задернуты, слуг нигде не видно, и ничего человекоподобного нет в поле обзора, кроме курчавой темноволосой головы, опирающейся на худую руку близ одного из верхних окон.

«Вон он где, – подумала Джо, – бедный мальчик! Совсем один в такой мрачный день, да к тому же еще и болен. Как ужасно! Брошу в окно снежок – это заставит его выглянуть – и скажу ему парочку добрых слов».

Горсть рыхлого снега взлетела вверх, и голова тотчас повернулась к окну лицом, миготнув утратившим свое унылое выражение. Большие глаза загорелись, губы раскрылись в улыбке. Джо кивнула ему, засмеялась и, размахивая в воздухе метлой, крикнула:

– Здравствуйте! Как вы поживаете? Вы заболели?

Лори открыл окно и хрипло, словно ворон, прокаркал:

– Спасибо, уже лучше. Сильная простуда. Сижу взаперти целую неделю.

– А вам удастся как-то развлечься?

– Да нет. Тут, наверно, мрачно, как в склепе.

– Разве вы книг не читаете?

– Не очень много. Мне не разрешают.

– Разве некому почитать вам?

– Дедушка иногда читает, только ведь мои книги ему неинтересны, а я терпеть не могу все время обращаться с просьбами к Бруку.

– Пусть тогда кто-то приходит вас повидать.

– Нет никого такого, кого мне хотелось бы повидать. Мальчишки вечно устраивают бедлам<sup>34</sup>, а у меня голова не выдерживает.

– А разве нет какой-нибудь милой девочки, которая могла бы вам читать и как-то вас развлечь? Девочки ведь существа тихие и любят играть роль сиделки.

– Я ни с кем здесь не знаком.

– Вы же знакомы с нами, – начала было Джо, но засмеялась и смолкла.

– Ну конечно же! Так вы придете? Приходите, пожалуйста!

– Я-то как раз и не тихая, и не милая, но приду, если мама позволит. Пойду и спрошу ее. А сейчас будьте хорошим мальчиком, закройте окно и подождите, пока я приду.

С этими словами Джо вскинула на плечо свою метлу и решительно зашагала к дому, задаваясь вопросом, а что же все домашние ей на это скажут?

Лори трепетал от возбуждения при мысли о том, что у него наконец будет с кем пообщаться. Он носился по комнатам, готовясь к этому событию, ведь, как говорила миссис Марч, он был «маленький джентльмен» и, естественно, захотел почтить гостью хотя бы тем, что пригладил щеткой свою черную шевелюру, придав ей более свежий вид, и попытался прибрать у себя в гостиной, которая, несмотря на дюжину слуг, никак не желала выглядеть уютной. Вскоре послышался громкий звонок в дверь, затем решительный голос задал вопрос, дома ли мистер Лори, и изумленный слуга примчался наверх – объявить о визите юной леди.

---

<sup>34</sup> *Мальчишки вечно устраивают бедлам...* – Слово «бедлам», обозначающее неразбериху, беспорядок, происходит от названия Бедламской королевской лечебницы, психиатрической больницы в Лондоне. «Бедламская», в свою очередь, это сокращенное «Вифлеемская».

– Все в порядке, это мисс Джо, – сказал Лори. – Проведите ее наверх. – И он подошел к двери своей маленькой гостиной, чтобы встретить Джо, румяную и чувствующую себя совершенно как дома с блюдом под крышкой в одной руке и тремя котятками Бет в другой.

– А вот и я, да со всеми пожитками! – оживленно заговорила она. – Мама шлет сердечный привет и очень рада, что я смогу что-то для вас сделать. Мег захотела, чтобы я отнесла вам немножко ее бланманже – оно у нее очень неплохо выходит, а Бет подумала, что ее котятка очень благотворно действуют. Я знала, что вы, наверное, над ними посмеетесь, но не могла отказать Бет – ей так хотелось тоже что-нибудь для вас сделать.

Однако случилось так, что одолженные Бет забавные маленькие котятка оказались как раз тем, что было нужно, так как они рассмешили Лори, и он, забыв свою застенчивость, сразу же стал вполне общительным.

– Оно выглядит слишком красивым, чтобы его есть! – воскликнул Лори, с веселой улыбкой глядя, как Джо раскрывает принесенное ему блюдо и показывает бланманже Мег, обложенное вокруг гирляндой из зеленых листьев и цветов красной герани, так любовно выращенной Эми.

– Да тут нет ничего особенного, просто все они относятся к вам по-доброму и хотели это показать. Скажите девушке, чтобы убрала это и подала вам к чаю. Оно ведь очень простое и мягкое, вы сможете легко его съесть, и оно ничуть не повредит вашему больному горлу. Какая у вас эта комната уютная!

– Могла бы быть, если бы ее содержали как следует. Но горничные ленивы, а я не умею заставить их уделять этому достаточно внимания. Это меня и правда огорчает.

– Да я в две минуты все тут поправлю, надо всего лишь вычистить щеткой каминную плиту – вот так... и вещички на каминной полке поставить попрямее – вот так... и книжки переставить вот сюда, а бутылки – сюда, и диван повернуть, чтобы свет на него не падал, и чуть-чуть взбить подушки... Ну вот, теперь у вас все в порядке.

И так оно и было, потому что, пока Джо смеялась и болтала, она быстро расставляла вещи по местам, чем придала комнате совершенно другой вид. Лори следил за ее действиями в уважительном молчании, а когда она жестом пригласила его сесть на диван, он уселся на него с довольным вздохом и благодарно произнес:

– Какая вы добрая! Да, это как раз то, чего мне хотелось. А теперь, прошу вас, садитесь в большое кресло и позвольте мне самому сделать что-то, чтобы развлечь мою гостью.

– Нет уж, я ведь пришла развлекать вас. Хотите, я почитаю вам вслух? – И Джо бросила полный любви взгляд на несколько привлекательных книг, стоящих поблизости.

– Спасибо! Эти все я уже прочитал, и, если вы не против, я бы лучше поговорил с вами.

– Ничуть не против! Дайте мне только волю, я буду разговаривать весь день напролет. Бет говорит, я никогда не знаю, где следует остановиться.

– Бет – это та розовощекая девочка, что чаще всего сидит дома, но иногда выходит в сад с маленькой корзинкой? – с явным интересом спросил Лори.

– Да, это Бет. Она – моя сестричка-подружка, и вот уж кто по-настоящему самая добрая и хорошая из нас всех.

– А красивая – это Мег; значит, с вьющимися волосами – это Эми?

– Да как же вы узнали?

Лори покраснел, но ответил ей вполне откровенно:

– Ну, видите ли, я часто слышу, как вы окликаете друг друга, и, когда сижу тут наверху, совсем один, не могу не поглядывать на ваш дом: у вас там, как мне представляется, всегда так хорошо, так весело. Простите меня, пожалуйста, за такую дерзость, но вы порой забываете опустить штору на том окне, где стоят цветы. И когда зажигают лампы, все выглядит так, будто смотришь на картину: пылает огонь в камине, и вы все – за столом, с вашей матушкой. Ее лицо прямо напротив меня, за цветами, и оно такое доброе и милое... Не могу удержаться,

все смотрю и смотрю. Вы же знаете, матери у меня нет. – И Лори принялся ворошить уголья в камине, пытаясь скрыть чуть заметное подрагивание губ, от которого ему не удавалось избавиться.

Печальный взгляд одинокого, истосковавшегося мальчика до самой глубины затронул горячее сердце Джо. Воспитывалась она очень просто, и учили ее простым вещам, так что голова ее не была забита никакими «глупостями»: в свои пятнадцать лет она была чиста душой и искренна, как всякий ребенок. Мальчик был болен и одинок, и, понимая, насколько счастлива и богата она сама домашним очагом и семейными радостями, она всей душой стремилась поделиться ими с Лори. Выражение ее лица стало особенно дружеским, а обычно грубоватый тон особенно мягким, когда она сказала:

– Мы теперь никогда не будем опускать шторы, и я даю вам разрешение смотреть на нас сколько угодно. Мне только хочется, чтобы вы не просто подсматривали, а вместо этого могли приходить к нам. Мама наша так прекрасна, она сделает вам столько добра – целую кучу! – Бет споет вам, если я ее попрошу, а Эми станцует. Мы с Мег рассмешим вас своими театральными сценками, и все вместе замечательно станем проводить время. Неужели ваш дедушка вам не позволит?

– Думаю, позволит, если ваша матушка попросит. Он ведь очень добрый, хотя таким не кажется, и он довольно часто позволяет мне делать все, что мне нравится, только он боится, что я могу обеспокоить незнакомых с нами людей, – стал объяснять Лори, все более приходя в хорошее настроение.

– Мы вовсе не незнакомые, мы же соседи! И вы не должны думать, что можете нас обеспокоить. Мы хотим познакомиться с вами поближе, и я уже так долго пытаюсь этого добиться! Мы ведь здесь не так уж давно, как вы знаете, но успели познакомиться со всеми соседями, кроме вас.

– Видите ли, дедушка живет среди своих книг и не очень замечает то, что делается вокруг. А мистер Брук, мой домашний учитель, живет не у нас, поэтому мне не с кем выходить из дому, так что я все дни остаюсь взаперти и изо всех сил стараюсь как-то проводить время один.

– Это ужасно! Вам надо бы сделать над собой усилие и начать ходить в гости ко всем, кто вас приглашает, у вас тогда сразу появится множество друзей и таких мест, куда приятно пойти. И не думайте о своей застенчивости – она очень скоро пройдет, если вы станете выходить на люди.

Лори снова покраснел, но вовсе не обиделся на то, что его попрекнули его застенчивостью, ведь в самой Джо было столько доброжелательства, что просто нельзя было не принять ее резкие слова с таким же добрым чувством, с каким они были сказаны.

– Вам нравится ваша школа? – спросил мальчик, меняя тему разговора после небольшой паузы, во время которой он молча смотрел на огонь, а Джо с явным удовольствием озирала комнату.

– А я не учусь в школе. Я ведь деловой человек, то есть – «деловая девица»: я прислуживаю двоюродной бабушке, старушка – просто прелесть, пусть будет благословенна ее старенькая душа! – ответила Джо.

Лори открыл было рот, чтобы задать еще вопрос, но, к счастью, вовремя вспомнил, что это дурная манера – задавать слишком много вопросов о делах других людей, и, снова его закрыв, почувствовал себя очень неловко.

Джо нравилась воспитанность мальчика, кроме того, она была вовсе не прочь немного посмеяться над тетушкой Марч и стала с живостью описывать суетливую старую даму, ее растолстевшего пуделька, попугая, говорившего чаще всего по-испански, и библиотеку, где сама она так наслаждалась.

Лори был в полном восторге от ее рассказа, а когда она заговорила о том, как некий чопорный старый джентльмен явился к тетушке Марч с предложением руки и сердца и посреди

его прекрасной речи попугай Пол, к величайшему смятению старого джентльмена, дернул с него парик, Лори откинулся на спинку дивана и хохотал так, что из глаз его полились слезы, а одна из горничных просунула голову в дверь гостиной, чтобы посмотреть, что там происходит.

– Ох! – воскликнул Лори, отрывая голову от диванной подушки: лицо его покраснело от смеха и сияло весельем. – Ваши рассказы приносят мне бесконечно больше пользы, чем лекарства! Рассказывайте дальше, прошу вас!

И Джо, окрыленная успехом, разумеется, стала «рассказывать дальше». Она поведала мальчику обо всем: об их спектаклях и планах, о надеждах и опасениях за судьбу отца и о самых интересных событиях в жизни того маленького мирка, в котором обитали сестры. Затем они добрались и до разговора о книгах, и Джо с восхищением обнаружила, что Лори любит книги точно так же, как она, и даже прочел их больше, чем удалось прочитать ей.

– Раз вы так любите книги, – сказал Лори, – пойдемте вниз, взгляните на наши. Дедушки нет дома, так что вам нечего бояться. – И он поднялся с дивана.

– Я ничего не боюсь, – ответствовала Джо, гордо вскинув голову.

– А я бы и не поверил, если бы вы сказали, что боитесь, – откликнулся мальчик, глядя на нее с восхищением; впрочем, подумал он про себя, тут как раз есть все основания бояться, если бы ей пришлось встретиться с дедушкой, когда он сильно не в духе.

Во всем доме было тепло, как летом, так что Лори повел Джо из комнаты в комнату, позволяя девочке задерживаться и рассматривать то, что поражало ее воображение. Так они в конце концов дошли и до библиотеки, где Джо захлопала в ладоши и протанцевала несколько па, как она всегда делала, когда испытывала необыкновенный восторг. Все стены библиотеки были сплошь уставлены книгами; были здесь и картины, и статуи, и изящные разделительные шкафчики, полные монет и разных древностей, и кресла «Слипи Холлоу»<sup>35</sup>, и удивительные столики, и всякие штуки из бронзы, а лучше всего – огромный открытый камин, весь в старинных изразцах.

– Какое изобилие! – вздохнула Джо, утопая в глубинах велюрового кресла и оглядывая все вокруг с видом совершенного удовлетворения. – Теодор Лоренс, вы должны считать себя самым счастливым человеком на свете, – внушительным тоном добавила она.

– Человек не может жить только книгами, – покачал головой Лори, присевший на край стола напротив нее.

Прежде чем он смог сказать что-нибудь еще, раздался звонок в дверь, и Джо вскочила с кресла, воскликнув в тревоге:

– Святые Небеса! Это ваш дедушка!

– Ну и что же из этого? Вы ведь, как известно, ничего не боитесь! – с некоторым ехидством отозвался мальчик.

– Мне кажется, я все-таки побаиваюсь его – самую малость, не пойму почему, ведь мне мама разрешила, да и вам от этого нисколько хуже не стало, – призналась Джо, беря себя в руки, но не сводя глаз с двери.

– Мне от этого стало гораздо лучше, и я вам так признателен за все! Боюсь только, что вы устали от разговора со мной. Это было так приятно, что мне никак не хотелось останавливаться, – благодарно произнес Лори.

– Пришел ваш доктор, сэр. – Заглянувшая в дверь горничная поманила Лори прочь.

– Вы не возражаете, если я оставлю вас на минутку? Думаю, я обязан выйти и повидаться с ним, – сказал Лори.

– Не беспокойтесь обо мне, мне тут хорошо, как сверчку на печке, – ответила Джо.

---

<sup>35</sup> ...и кресла «Слипи Холлоу»... – «Слипи Холлоу» – кресло-качалка с высокой спинкой, весьма популярное в США в середине XIX в. Название в переводе с английского означает «Сонная долина».



Лори ушел, а его гостя принялась развлекаться по-своему. Она стояла перед прекрасным портретом старого джентльмена, когда дверь отворилась снова, и, не оборачиваясь, Джо решительно произнесла:

– Теперь я совершенно уверена, что мне вовсе не следует его бояться: у него такие добрые глаза, хотя рот суровый, и мне кажется, он выглядит как человек невероятно своевольный. Он не такой красивый, как мой дедушка, но он мне нравится.

– Благодарю вас, мэ, – произнес мрачный голос за ее спиной... Там, к величайшему смущению девочки, стоял старый мистер Лоренс.

Бедняжка Джо покраснела. Она краснела и краснела, пока дальше краснеть стало уже невозможно, а сердце ее забилося неприятно быстро при мысли о том, что она мгновение назад произнесла. Целую минуту ею владело дикое желание броситься прочь, но ведь это была бы трусость, и девчонки стали бы смеяться над нею, так что она решила остаться и попытаться выпутаться из этой неприятности, как сумеет. Второй взгляд, брошенный ею на глаза старого джентльмена – теперь уже на живые, под сдвинутыми кустистыми бровями, – убедил ее, что они еще добрее, чем на портрете, к тому же в них горел лукавый огонек, значительно ослабивший ее страх. Мрачный голос был мрачнее прежнего, когда старый джентльмен вдруг после ужасающего молчания спросил:

– Так, значит, вы меня не боитесь, а?

– Не очень, сэр.

– И вы считаете меня не таким красивым, как ваш дедушка?

– Не совсем таким, сэр.

– И я – человек невероятно своевольный, не так ли?

– Я только сказала, что мне так кажется.

– Но несмотря на это, я вам нравлюсь?

– Да. Конечно, сэр.

Этот ответ был явно приятен старому джентльмену. Он издал короткий смешок, пожал Джо руку и, подведя палец ей под подбородок, приподнял ее лицо и стал пристально в него вглядываться, затем, кивнув, отпустил его и сказал:

– Вы унаследовали дух вашего деда, хотя лицом на него не похожи. Он был очень красивым человеком, моя милая, но что еще важнее – он был храбр и честен, и я горжусь, что был его другом.

– Спасибо, сэр.

И Джо снова почувствовала себя как дома, потому что все это было как раз в ее духе.

– И что же вы тут делали с этим моим мальчишкой, а? – таков был следующий вопрос, заданный быстро и резко.

– Просто пыталась вести себя как добрая соседка, сэр. – И Джо рассказала, как случилось, что она явилась сюда с визитом.

– Так вы считаете, его надо немного приободрить, так я понял?

– Да, сэр. Он кажется мне немного одиноким, и встречи с молодыми друзьями пошли бы ему на пользу. Мы-то всего-навсего девочки, но были бы рады помочь, если сумеем, потому что мы не можем забыть замечательный рождественский дар, что вы нам тогда прислали, – сказала Джо с искренним чувством.

– Ну-ну-ну! Это мой мальчишка придумал. А как та бедная женщина?

– У нее все идет на лад, сэр. – И Джо сразу разговорилась и принялась рассказывать все, что знала о семействе Хаммель, судьбой которого ее мама сумела заинтересовать своих более богатых, чем она сама, знакомых.

– Точно так поступал и отец вашей матушки, когда творил добро. Скажите ей, я явлюсь к вам в один прекрасный день – повидать ее. А вот и гонг к чаю. Так приходите к нам и продолжайте быть доброй соседкой.

– Если это доставит вам удовольствие, сэр.

– Не приглашал бы, если б не доставляло. – И мистер Лоренс со старомодной учтивостью предложил ей опереться на его руку.

«Интересно, что сказала бы на это Мег?» – думала Джо, когда ее торжественно выводили прочь из библиотеки, а в глазах ее плясали веселые огоньки: она представляла себе, как будет рассказывать эту историю дома.

– Эй, что такое? Что за бесенок вселился в этого малого? – вскричал старый джентльмен, увидев Лори, сбегавшего вниз по лестнице и замершего на бегу при поразительном зрелище: Джо шествовала под руку с его грозным дедом.

– Я не знал, что вы вернулись, сэр, – начал мальчик как раз в тот момент, когда Джо бросила на него короткий торжествующий взгляд.

– Это вполне очевидно уже по тому, как ты прогрохотал по лестнице. Отправляйтесь пить свой чай, сэр, и ведите себя, как подобает джентльмену.

И, дернув внука за волосы, что, по-видимому, означало у него ласку, мистер Лоренс об руку с Джо прошествовал дальше, а Лори за их спиной проделал несколько комических эволюций, которые чуть было не вызвали взрыв смеха у Джо, внезапный и неуместный.

За чаем старый джентльмен спокойно пил свои обычные четыре чашки и говорил очень мало, но внимательно наблюдал за внуком и его гостьей, которые очень скоро принялись болтать, словно старые друзья, и внимательный взгляд деда не мог не уловить в Лори значительной перемены. Щеки внука обрели более свежий цвет, лицо сияло, оно было полно жизни, оживленнее стали все движения мальчика, а в его смехе теперь звучало искреннее веселье.

«Она права, мальчишка и правда одинок. Посмотрим, что эти девчушки смогут для него сделать», – думал мистер Лоренс, приглядываясь и прислушиваясь к сидящей перед ним молодежи.

Джо старику понравилась – ему по душе пришлась ее непривычно прямодушная манера вести себя, и казалось, что она понимает мальчика так, будто и сама – мальчишка.

Если бы Лоренсы были, по выражению Джо, «чопорны и придирчивы», она не смогла бы установить с ними никаких отношений, ведь при такого типа людях она всегда делалась робкой и неуклюжей. Но при людях, свободных от этих черт, ведущих себя с другими легко и просто, она вела себя точно так же и производила хорошее впечатление. Когда все поднялись из-за стола, Джо предполагала уйти, но Лори сказал, что хотел бы еще кое-что ей показать, и увел ее в оранжерею, которая была освещена ради ее посещения. Джо показалось, что она попала в волшебный, сказочный мир, когда она стала ходить вверх и вниз по проходам, наслаждаясь сплошными стенами растений, цветущих по обеим сторонам, мягким светом, сыроватым и сладким ароматным воздухом, и великолепными лозами, и деревьями, чьи ветви свисали над нею, в то время как ее новый друг срезал для нее самые красивые цветы до тех пор, пока руки его не переполнились. Тогда он связал цветы в букет и сказал, выглядя при этом таким счастливым, что Джо было приятно на него смотреть:

– Передайте их, пожалуйста, вашей матушке и скажите ей, что мне очень понравилось лекарство, которое она мне прислала!

Они обнаружили мистера Лоренса перед камином в большой гостиной, однако главным, что сразу бросилось в глаза Джо и целиком поглотило ее внимание, был рояль, стоявший здесь открытым.

– Вы играете? – спросила она с уважением, обернувшись к Лори от инструмента.

– Иногда, – скромно ответил он.

– Пожалуйста, поиграйте сейчас! Мне надо послушать, чтобы потом рассказать Бет.

– А не хотите ли сначала сами?

– Не знаю, как это делается. Слишком глупа, чтобы научиться. Но музыку просто обожаю.

Итак, Лори играл, а Джо слушала, и нос ее роскошно утопал в гелиотропе и чайных розах. Ее уважение, как и ее расположение к «мальчику из дома Лоренсов», значительно возросло, потому что играл он необыкновенно хорошо и при этом нисколько не важничал. Ей было жаль, что Бет не могла его слышать, но она не сказала этого вслух, только хвалила Лори до тех пор, пока он совершенно не смутился, и тогда его дедушка пришел ему на выручку:

– Ну довольно, довольно, юная леди. Слишком много сладостей пользы не принесут. Играет он неплохо, но я надеюсь, что он станет так же неплохо справляться с более важными предметами. Уже уходите? Ну что же, премного вам обязан и надеюсь, вы еще к нам придете. Мое почтение вашей матушке. Доброй вам ночи, доктор Джо.

Когда они вышли в прихожую, Джо спросила у Лори:

– Я что-то не так сказала?

Мальчик покачал головой:

– Нет. Все дело во мне... Он не любит, когда я играю.

– Почему же?

– Когда-нибудь расскажу. Джон дойдет с вами до вашего дома, я-то ведь не могу.

– Нет нужды в этом. Я вовсе не юная леди, и до дома мне всего пара шагов. Берегите себя, ладно?

– Ладно. Но вы, надеюсь, еще придете?

– Если вы пообещаете, что придете повидаться с нами, когда будете здоровы.

– Приду.

– Спокойной ночи, Лори!

– Спокойной ночи, Джо, спокойной ночи!

Когда обо всех приключениях этого дня было подробно рассказано, все стали склоняться к тому, чтобы нанести Лоренсам визит всей семьей сразу, ведь в большом доме за живой изгородью каждая обнаружила что-то привлекательное для себя самой. Миссис Марч захотелось поговорить о своем отце со старым человеком, который его не забыл, Мег мечтала погулять в оранжерее, Бет вздыхала о рояле, а Эми жаждала увидеть картины и скульптуры.

– Мама, как вы думаете, почему мистеру Лоренсу не нравится, что Лори играет на фортепьяно? – спросила Джо, всегда любившая задавать вопросы.

– Я не могу быть уверена, но думаю, это оттого, что его сын – отец Лори – женился на итальянке, которая была музыкантшей, и такой брак был неприятен пожилому и очень гордому человеку. Женщина эта была добра и красива и обладала многими достоинствами, но он ее невзлюбил и не желал видаться с сыном после его женитьбы. Оба они – и сын, и его жена – умерли, когда Лори был совсем маленьким. Вот тогда-то его дедушка и взял мальчика домой. Мне представляется, что этот мальчик, родившийся в Италии, не так уж крепок, и старик боится его потерять, поэтому он так о нем заботится и осторожничает. Лори же совершенно естественно – по своей природе – полюбил музыку, он ведь очень похож на мать, и я бы сказала, что его дед просто опасается, как бы внук не пожелал стать музыкантом. Во всяком случае, способность мальчика к игре на рояле напоминает старику о женщине, которую он невзлюбил, вот он и «нахохлился», как выразилась Джо.

– Ах, как романтично! – воскликнула Мег.

– Да просто глупо! – возразила Джо. – Пусть станет музыкантом, если захочет, и нечего калечить ему жизнь, отправляя его в колледж, учиться в котором ему будет до смерти противно!

– Вот откуда, я думаю, у него такие красивые черные глаза и прекрасные манеры. Итальянцы всегда очень милы, – сказала Мег. Она была довольно сентиментальна.

– Что ты знаешь о его глазах и о его манерах? Ты вроде бы никогда с ним и слова не сказала?! – воскликнула Джо. Она-то вовсе не была сентиментальной.

– Я же видела его на том вечере, а то, что ты рассказываешь, – доказательство, что он умеет себя вести. И его маленькая речь о лекарстве, которое ему наша мама прислала, была очень мила.

– А я думаю, он имел в виду бланманже.

– Какая же ты глупышка, девочка моя! Он, конечно же, имел в виду тебя, – сказала миссис Марч.

– Разве? – И Джо широко раскрыла глаза, словно ей это никогда раньше и в голову не приходило.

– В жизни своей не видела таких наивных девиц! Ты не узнаешь комплиментов, когда их тебе делают! – заявила Мег с видом юной леди, знающей буквально все о таких вещах.

– А я считаю их ужасной чушью и буду тебе очень благодарна, если ты перестанешь глупить и портить мне все удовольствие. Лори очень хороший мальчик, он мне нравится, и я не желаю слышать никаких сентиментальных бредней про комплименты и прочую чушь. Мы все будем ему полезны, потому что у него нет матери и он сможет приходить к нам, правда ведь, маменька?

– Да, Джо. Мы все будем очень рады твоему маленькому другу, и я надеюсь, что Мег запомнит, что дети должны оставаться детьми как можно дольше.

– А я не считаю себя ребенком, хотя и не доросла еще до подростка – мне же нет тринадцати!<sup>36</sup> – заметила Эми. – А что скажешь ты, Бет?

– А я думала о нашей книге «Путешествие пилигрима», – ответила Бет, не слышавшая ни слова. – Как мы прошли через Топь и сквозь Тесные Врата, решив стать хорошими и добрыми, а потом преодолевали Крутую Гору трудностей, стараясь этого добиться, так что поэтому, может быть, тот дом за живой изгородью, полный таких великолепных вещей, станет нашим Украшенным Чертогом?

– Нам ведь еще придется пробираться мимо львов, – предупредила Джо, но выглядела она так, будто идея Бет ей очень понравилась.

---

<sup>36</sup> ...хотя и не доросла еще до подростка – мне же нет тринадцати! – Подростками (англ. teenagers) считаются в англоязычных странах дети от 13 лет. Первая цифра с окончанием «-teen» – thirteen – тринадцать.

## Глава шестая. Бет находит Украшенный Чертог

Большой дом и правда оказался для них Украшенным Чертогом, хотя потребовалось некоторое время для того, чтобы все они смогли попасть туда, а Бет обнаружила, что ей особенно трудно пробираться мимо львов. Самым большим львом был, разумеется, старый мистер Лоренс, однако после того, как старый джентльмен нанес им визит, сказал каждой из девочек что-то забавное или доброе, а потом долго беседовал с их матерью о былых временах, робеть перед ним почти совсем перестали все, кроме застенчивой Бет. Другим львом стало то, что Лори был богат, а они бедны: это мешало им спокойно принимать от Лори небольшие подарки, какие он любил делать им в знак признательности, – ведь они не могли ответить ему тем же. Но со временем девочки поняли, что он считает их своими благодетельницами и просто не знает, что еще он может сделать, чтобы показать им, как он благодарен за материнскую доброту миссис Марч, за их веселое сообщество, за тепло и уют их скромного дома. Так что довольно скоро они забыли о своей гордости, и взаимный обмен добротой шел непрерывно, не позволяя его участникам задуматься о том, у кого ее больше.

В это время происходило множество всяких приятных событий, ведь новая дружба росла бурно, как трава весной. Все полюбили Лори, а Лори по секрету сообщил своему домашнему учителю, что «девицы Марч *настоящие* великолепные девчонки». С замечательным энтузиазмом, столь свойственным юности, четыре сестры приняли одинокого мальчика в свою среду, высоко его ставили и всячески опекали, и он нашел нечто совершенно очаровательное в чистосердечном дружеском общении с этими простодушными девочками. Никогда не знавший ни матери, ни сестер, он очень быстро подпал под их влияние, и их живое, деятельное отношение к жизни заставило его устыдиться собственной праздности. Книги ему надоели, а теперь он обнаружил, что люди так интересны, что мистер Брук был вынужден в своих отчетах докладывать его деду о не весьма удовлетворительных результатах занятий, так как Лори часто прогуливал уроки, убегая к Марчам.

– Это не страшно. Пусть устроит себе каникулы, потом он все нагонит, – успокоил учителя мистер Лоренс. – Добрая дама, живущая в соседнем доме, говорит, что мальчик слишком усердно занимается, он нуждается в обществе сверстников, должен участвовать в их развлечениях, больше двигаться. Подозреваю, что она права и что я слишком нянчился с мальчишкой, избаловал его, словно я не дед, а его старая бабка. Пусть поступает как хочет, пока ему это нравится. Вряд ли он может ввязаться во что-нибудь дурное в этом маленьком женском монастыре за живой изгородью, а миссис Марч делает для него гораздо больше, чем можем мы с вами.

И как же прекрасно на самом деле они проводили время! Какие спектакли и живые картины они ставили, какие устраивали санные прогулки и веселые игры на коньках, как приятно коротали вечера в гостиной старого дома, и какие замечательно веселые, хотя и немногочисленные, званые вечера бывали время от времени в большом особняке! Мег могла теперь гулять в оранжерее, сколько и когда ей было угодно, и радоваться чудесным букетам, Джо жадно рылась в новой для нее библиотеке и доводила старого джентльмена до конвульсий своими критическими замечаниями, Эми копировала картины и от всей души наслаждалась созерцанием красот большого дома, а Лори в самом восхитительном стиле исполнял роль «владельца замка». Одна Бет, так мечтавшая о настоящем рояле, никак не могла набраться смелости и пойти в эту «Обитель Счастья», как называла большой дом Мег. Она было пошла туда с Джо, но старый джентльмен, не знавший о ее болезненной застенчивости, воззрился на нее из-под тяжелых бровей так пристально и так громко произнес «Эй!»<sup>37</sup> вместо приветствия, что перепугал

<sup>37</sup> ....громко произнес «Эй!»... – В XIX в. восклицание «Эй!» («Hey!») еще сохраняло в США значение фамильярного приветствия (ср. совр. «Hi!» – «Хай!»).

девочку до того, что у нее «даже ноги застучали об пол». Бет так никогда и не рассказала об этом матери, она просто убежала домой, заявив, что никогда и ни за что больше не пойдет в этот дом даже ради обожяемого рояля. Ее пытались переубедить, но никакие убеждения, никакие уговоры не могли пересилить ее страх, пока каким-то таинственным образом этот факт не достиг слуха мистера Лоренса. Тогда он сам решительно взялся за исправление сложившейся ситуации. Во время одного из своих кратких визитов он искусно подвел собеседников к разговору о музыке и завел речь о великих певцах и певицах, с которыми был знаком, о замечательных органах, которые ему приходилось слышать, и рассказал несколько таких очаровательно забавных историй, что Бет не удержалась и, тихонько выбравшись из своего укромного уголка, придвигалась все ближе и ближе к беседующим, словно подпав под эти чары. У спинки его кресла она остановилась и так и стояла, слушая, с широко распахнутыми огромными глазами и пылающими от возбуждения щеками – так взволновало ее необычное поведение старого джентльмена. Обращая на девочку не больше внимания, чем на какую-нибудь муху, мистер Лоренс продолжал говорить о Лори, о его занятиях и учителях. И тут, словно эта мысль только что пришла ему на ум, он обратился к миссис Марч с такими словами:

– Мальчик забросил занятия музыкой, и я этому даже рад, так как он все больше увлекался ею. Но рояль страдает оттого, что его не используют. Не захочет ли кто-то из ваших девочек забегать к нам время от времени, чтобы на нем поупражняться, просто, знаете ли, мэм, чтобы не дать ему расстроиться?

Бет сделала шаг вперед и крепко сжала перед собою руки, чтобы не дать им захлопать в ладоши, – слишком силен был соблазн, а при мысли о том, что она сможет упражняться на их великолепном инструменте, у нее перехватило дыхание. Прежде чем миссис Марч успела ему ответить, мистер Лоренс продолжил с довольно странным небольшим кивком и с улыбкой:

– Им ведь даже не нужно будет видаться с кем-нибудь или разговаривать, всего лишь забежать к нам – в любое время. Потому что я вечно сижу взаперти в своем кабинете в другом конце дома, Лори часто отсутствует, а слуги никогда и близко к гостиной не подходят после девяти утра.

Тут он поднялся, как бы собираясь уйти, и Бет приняла решение заговорить, так как после следующих его слов ничего лучшего и желать было бы невозможно.

– Прошу вас, передайте юным леди мои слова, а если им не захочется приходить... ну что ж, ничего не поделаешь.

И вот тут в его руку скользнула маленькая рука, и Бет подняла к нему сияющее благодарностью лицо, заговорив, как всегда, серьезно и робко:

– О сэр, им захочется, очень и очень захочется!

– Так это вы и есть музыкальная девица? – спросил он, совсем ее не напугав. – Эй! – И ласково поглядел на маленькую Бет с высоты своего роста.

– Да. Я – Бет. Я обожаю музыку, и я приду, если только вы уверены, что никто меня не услышит и я никого не беспокою, – добавила она, опасаясь быть слишком невежливой и трепеща от собственной дерзости при этих словах.

– Ни единой души, моя милая. Дом пуст целых полдня, так что приходите и барабаньте по клавишам, сколько вам угодно, а я буду вам весьма обязан.

– Вы очень добры, сэр!

Бет заалелась, словно роза, под дружелюбным взглядом мистера Лоренса, но испугана она в этот раз вовсе не была и благодарно пожала его руку, так как у нее просто не было слов, чтобы поблагодарить его за столь драгоценный дар. Старый джентльмен осторожно погладил челку Бет и, отведя волосы со лба девочки, наклонился и запечатлел на нем нежный поцелуй, сказав тоном, какой редко кто-либо у него слышал:

– Когда-то и у меня была девочка с такими же глазами, как у тебя. Да благословит тебя Бог, моя милая!

И, неожиданно заторопившись, он сразу ушел.

Бет поделилась своим восторгом с мамой, которая восхищалась ничуть не меньше, чем дочь, а потом бросилась наверх, чтобы сообщить блистательную новость куклам-инвалидам, поскольку сестер еще не было дома. Как радостно пела она в этот вечер и как утром они смеялись над нею, потому что она разбудила ночью Эми, пытаясь во сне сыграть что-то на ее щеке, словно на рояле.

На следующий день, увидев, как оба джентльмена, и старый и молодой, покинули большой дом, Бет после двух-трех отступлений все же вошла в особняк через боковой вход и тихонько, как настоящая мышка, проделала свой путь до гостиной, где стояло ее божество. И конечно, совершенно случайно, на крышке лежали ноты прелестных и совсем не трудных мелодий, и Бет, дрожащими пальцами и с частыми остановками – надо ведь было и посматривать, и прислушиваться к тому, что делалось вокруг, – наконец прикоснулась к клавишам великолепного инструмента... Тут она сразу же забыла свои страхи, саму себя и все остальное – все, кроме несказанного наслаждения, какое дарила ей музыка, ибо звучала эта музыка, как голос горячо любимого друга.

Бет оставалась в гостиной до тех пор, пока не явилась Ханна, чтобы забрать ее домой – обедать; однако аппетита у девочки не было, и она могла только сидеть молча и улыбаться всем и каждому в охватившем ее с головы до ног состоянии неописуемого блаженства.

С этого дня маленькая фигурка в коричневой шапочке проскальзывала через живую изгородь почти каждый день, а в большой гостиной царил звучный дух музыки, появлявшийся и исчезающий незаметно для глаз. Бет так никогда и не узнала, что мистер Лоренс открывал настежь дверь своего кабинета, чтобы послушать старинные арии, которые он так любил. Она никогда не замечала, что Лори стоял на страже в коридоре, не допуская, чтобы к гостиной приближались слуги. Она не подозревала, что сборники упражнений и ноты новых песен, которые она находила на пюпитре, были поставлены там специально для нее, а когда старый джентльмен говорил с нею о музыке у них дома, она лишь поражалась тому, как он добр, что говорит с ней о вещах, которые очень помогают ей в ее занятиях. Так что Бет наслаждалась от всей души и обнаружила – что случается далеко не всегда, – что исполненное желание было и в самом деле все, о чем она мечтала, на что надеялась. И возможно, именно потому, что благодарность ее за этот дар была так глубока, ей было даровано еще больше. Во всяком случае, она несомненно заслужила оба эти дара.

– Маменька, знаете, я собираюсь вышить для мистера Лоренса домашние туфли. Он так ко мне добр, я обязательно должна как-то его поблагодарить, а ничего другого придумать не могу. Можно мне это сделать? – спросила Бет несколько недель спустя после его столь богатого важными последствиями визита.

– Да, дорогая. Это будет ему очень приятно – ты придумала чудесный способ поблагодарить старого джентльмена. Девочки помогут тебе сделать это, а я заплачу сапожнику за шитье, – ответила миссис Марч, которая всегда с особым удовольствием выполняла просьбы Бет – ведь эта девочка так редко просила что-нибудь для себя самой.

После множества серьезных дискуссий с Мег и Джо был наконец выбран узор, куплены материалы, и работа над домашними туфлями началась. Букет лиловых, радующих взор анютиных глазок на более интенсивного цвета пурпурном фоне девочки сочли прелестным и вполне подходящим к случаю, и Бет принялась за работу, уделяя этому занятию ранние утренние и поздние вечерние часы, лишь изредка, в особенно трудных местах, обращаясь за помощью. Она быстро и ловко управлялась с иглой – эта маленькая женщина была прекрасной рукодельницей, и туфли были закончены прежде, чем успели всем надоесть. Тогда Бет написала коротенькую простую записку, и с помощью Лори в одно прекрасное утро дар и письмо были тайно – контрабандой – пронесены и положены на письменный стол мистера Лоренса еще до того, как старый джентльмен встал с постели.

Когда завершился этот волнующий период, Бет стала ожидать, что произойдет дальше. Прошел целый день и еще часть следующего, прежде чем пришло некое «уведомление о получении», и она уже начала беспокоиться, что могла каким-то образом обидеть своего непредсказуемого друга. Перед вечером второго дня ожидания Бет пришлось выйти из дома по какому-то поручению и заодно вывести на свежий воздух очередную пациентку своей больницы – Джоанну. Подходя на обратном пути к своему дому, она увидела три... нет – четыре головы, то появляющиеся, то снова исчезающие в окнах гостиной; как только ее приближение было замечено, несколько рук приветственно замахали ей и несколько радостных голосов возопили:

– Письмо! Письмо от старого джентльмена! Скорей, скорей, иди и прочти!

– Ах, Бет, он прислал тебе... – начала было Эми с неподобающим юной леди энтузиазмом, но не смогла закончить – голос ее не стал слышен, так как Джо резко захлопнула окно.

Бет ускорила шаги, трепеща от ожидания, полного неизвестности. У входной двери сестры подхватили ее на руки и торжественной процессией буквально внесли в комнату. Все руки указывали в одном направлении, и все голоса одновременно произнесли:

– Посмотри! Посмотри туда!

И Бет посмотрела... Пораженная, она побледнела от непередаваемого восхищения, ибо там, куда ей указывали, стоял небольшой кабинетный рояль, на сверкающей крышке которого, словно афиша, лежал конверт с адресом «Для Мисс Элизабет Марч».

– Для меня?! – выдохнула Бет, крепко ухватившись за Джо и чувствуя, что вот-вот упадет, – так потрясло ее все происходящее.

– Да, моя ненаглядная, все это – для тебя! Ну разве это не великолепно со стороны старого мистера Лоренса? Разве ты не находишь, что он самый милый старикан на свете? А в конверте – ключ от рояля. Мы не распечатали письмо, но просто умираем от жадности узнать, что он тебе пишет, – вскричала Джо, горячо обнимая сестру и передавая ей конверт.

– Ты прочти его сама – я не могу! Я так странно себя чувствую! Ах, этот рояль такой прелестный! – И Бет, совсем выбитая из колеи драгоценным подарком, спрятала лицо в переднике Джо.

Джо развернула листок бумаги и рассмеялась, потому что первые увиденные ею слова были необычайны:

«Мисс Марч, досточтимая госпожа!...»

– Как прекрасно это звучит! Жаль, что мне никто так не напишет! – воскликнула Эми, посчитавшая столь старомодное обращение весьма элегантным.

– «За мою долгую жизнь мне пришлось износить немало домашних туфель, но никогда ни одна пара не подходила мне лучше, чем Ваша, – продолжала читать Джо. – Утешение сердца – мои любимые цветы<sup>38</sup>, а Ваши всегда станут напоминать мне об их доброй дарительнице. Я люблю платить свои долги и потому верю, что Вы позволите „старому джентльмену“ послать Вам что-то, некогда принадлежавшее его маленькой внучке, которую он потерял. С сердечной благодарностью и наилучшими пожеланиями остаюсь Вашим благодарным другом и преданным слугою, Джеймс Лоренс».

– Знаешь, Бет, это честь, какой следует гордиться! Лори говорил мне, как мистер Лоренс любил малышку, которая умерла, как бережно он хранит все ее вещички. Подумай только – он подарил тебе ее рояль!.. Вот что значит – иметь голубые глаза и любить музыку! – пошутила вдобавок Джо, стараясь успокоить Бет, которая дрожала с ног до головы и была так взволнована, как никогда не бывала прежде.

---

<sup>38</sup> *Утешение сердца – мои любимые цветы...* – Радость (утешение) сердца (*англ.* Heart's Ease) – старинное название анютиных глазок в Англии и США, поскольку считалось, что лекарство, приготовленное из этих цветов, умеряет страдания от неразделенной любви.



– Ты только взгляни, как эти подсвечники искусно сделаны! А розетка из зеленого шелка – шелк весь так красиво собран, и в середине – золотая роза! А поупитр – просто прелесть, да еще вертящийся табурет... все в комплекте! – прибавила Мег, открывая инструмент и демонстрируя его красоты.

– «Остаюсь Вашим преданным слугою, Джеймс Лоренс». Только подумай – написать такое тебе! Расскажу в классе. Девочки найдут, что это великолепно, – сказала Эми, на которую письмо произвело большое впечатление.

– Испытай-ка его, солнушко. Послушаем, какой звук у этой малышки-пинины, – попросила Ханна, всегда принимавшая участие в радостях и горестях семьи.

И разумеется, Бет его испытала, и все заявили, что малыш-рояль – самое замечательное фортепьяно на свете. Он явно был заново настроен и приведен в безупречное состояние, однако при всем его совершенстве, мне думается, истинное очарование придавало всему самое счастливое лицо из всех счастливых физиономий в гостиной – лицо Бет, склонявшееся над роялем, когда ее пальцы любовно касались красивых черных и белых клавиш, а ноги нажимали на блестящие медные педали.

– Ну что ж, придется тебе пойти поблагодарить мистера Лоренса, – сказала Джо как бы шутя, так как мысль о том, чтобы ее робкая сестричка и в самом деле совершила такой подвиг, никогда прежде не приходила ей в голову.

– Да, я так и собираюсь сделать. Может даже, пойду прямо сейчас, пока не перепугалась, думая об этом.

И к несказанному удивлению всего собравшегося вместе семейства, Бет решительно двинулась через сад, прошла сквозь живую изгородь и скрылась в дверях дома Лоренсов.

– Ну, помереть мне прям тут, на месте, если это не самая страшная штука, что я в жизни видала! Пинина эта ей мозги набекрень поворотила! Она ж в здравом-то уме не пошла б ни за что! – воскликнула Ханна, провожая удаляющуюся Бет пристальным взглядом, тогда как девочек это чудо буквально лишило дара речи.

Они были бы потрясены еще более, если бы видели, как поступила Бет, войдя в дом. Хотите – верьте, хотите – нет, но она взяла да постучалась в дверь кабинета мистера Лоренса, прежде чем подумала о том, что ей делать дальше, и когда неприветливый голос откликнулся: «Войдите!» – она и впрямь вошла, тут же направившись к мистеру Лоренсу, который, казалось, был совершенно потрясен этим явлением, и протянула ему руку со словами – причем голос ее только слегка дрогнул – «Я пришла поблагодарить вас, сэр, за...», но ей не удалось закончить, потому что старый джентльмен глядел на нее так по-дружески, что все слова вылетели у нее из головы, и, помня лишь о том, что он потерял любимую маленькую внучку, она обвила его шею руками и поцеловала.

Если бы с его дома вдруг улетела прочь крыша, старый джентльмен был бы изумлен ничуть не больше. Но это ему понравилось. О да, еще бы, это ему понравилось – поразительно! Он был так тронут и получил такое удовольствие от этого доверчивого детского поцелуя, что вся его очерствелость мигом исчезла; он усадил девочку к себе на колени и прижался своей морщинистой щекой к ее румяной щеке, чувствуя себя так, словно его маленькая внучка вдруг к нему вернулась. С этой минуты Бет совершенно перестала его бояться: она уютно устроилась у него на коленях, разговаривая так, словно знала его всю жизнь, ведь любовь гонит страх прочь, а благодарность способна покорить гордость. Когда Бет отправилась домой, мистер Лоренс дошел с ней до ее калитки, сердечно пожал ей руку, приподнял на прощанье шляпу и зашагал к своему дому, очень прямой и величественный, как и подобает красивому старому джентльмену, сохранившему военную выправку.

Девочки видели в окно эту сцену, и Джо принялась отплясывать джигу, выражая полное свое удовольствие, Эми чуть было не выпала из окна от удивления, а Мег воскликнула, высоко воздев руки:

– Ну, мне думается, наступает конец света!

## Глава седьмая. Эми в Долине Уничуждения

– Этот мальчик – самый настоящий циклоп, правда же? – воскликнула однажды Эми, увидев, как под грохот копыт скачет верхом Лори, который к тому же приветственно взмахнул хлыстом, проносясь мимо их окна.

– Как ты смеешь так называть его, когда у него оба глаза на месте?! Да еще такие красивые! – прикрикнула на нее Джо: ее возмущало любое неуважительное замечание в адрес ее друга.

– А я и не думала говорить про его глаза! Не понимаю, с чего это ты вдруг вспылила, когда меня просто восхищает его умение ездить верхом.

– Ох, вот тебе и раз! Наша маленькая гусыня имела в виду кентавра, а назвала Лори циклопом! – вскричала, расхохотавшись, Джо.

– И незачем мне грубить, это просто «ляп линги»<sup>39</sup>, как выражается мистер Дэвис, – ответствовала сердито Эми, желая прикончить Джо своей латынью. – Жаль, у меня нет хотя бы малой доли тех денег, что Лори тратит на свою лошадь, – добавила она как бы про себя, но все же надеясь, что сестры ее услышат.

– Почему же? – добродушно спросила Мег, тогда как Джо снова разразилась смехом, услышав «латынь» Эми.

– Ах, они мне ужасно нужны! Я в таком страшном долгу, а мой черед получать карманные деньги придет только через месяц.

– В долгу, Эми? Что ты этим хочешь сказать? – Вид у Мег был очень серьезный.

– Ну как же! Я задолжала по меньшей мере целую дюжину маринованных лаймов, а я, понимаешь, не могу заплатить за них, пока не получу денег, ведь маменька не разрешила мне брать в долг в магазине.

– Расскажи-ка мне поподробнее. Что, теперь в моде лаймы? Я в свое время накалывала кусочки резины, чтобы делать шарики. – Мег очень старалась сохранить серьезную мину. Вид у Эми был мрачный и очень важный.

– Ну как же! Видишь ли, девочки их всегда покупают, и если не купить, тебя сочтут жадюгой, так что хочешь не хочешь, а тебе тоже приходится их покупать. Просто теперь время такое, и все их посасывают, когда на уроках за партами сидят, а на переменах меняют их на карандаши, колечки из бус, на бумажных куколок или еще на что-то такое. Если какая-нибудь девочка дружит с другой, она может уделить ей немножко, а если сердится на нее, то съедает лайм у нее на глазах, даже и пососать лайминку не даст. Они меня угощают все по очереди, и я уже съела очень много, но так им ничего и не вернула. А ведь я обязана вернуть, потому что это долг чести, как ты понимаешь!

– Сколько же может понадобиться, чтобы расплатиться с девочками и восстановить твою честь... и твой кредит? – спросила Мег, доставая свой кошелек.

– Четверти доллара вполне хватит, и еще несколько центов останется – угостить тебя. Разве ты не любишь лаймы?

– Не очень. Можешь оставить мою долю себе. Вот тебе деньги. Потяни их подольше, ты ведь сама понимаешь – это не слишком много.

– Ой, спасибо тебе большое! Как должно быть приятно – всегда иметь карманные деньги! Устрою великий пир, ведь я не попробовала ни единого лайма за всю неделю! Мне было неловко брать у девочек угощение, раз я не могла дать ничего взамен, и я на самом деле очень страдаю, так мне хочется съесть хоть один лайм!

---

<sup>39</sup> ....это просто «ляп линги»... – Эми хочет сказать «ляпсус лингве» (*лат. lapsus linguae*) – незначительная погрешность языка, оговорка.

На следующий день Эми явилась в школу довольно поздно, но не удержалась от соблазна представить всем на обозрение влажный пакет из коричневой оберточной бумаги, прежде чем поместила его в самый дальний и укромный угол своей парты. В следующие несколько минут слух о том, что Эми Марч принесла двадцать четыре (один она успела съесть по дороге) восхитительных лайма и собирается угощать, распространился в ее ближайшем окружении, и любовное внимание к ней ее подруг поразительно возросло. Кэтти Браун тут же пригласила ее к себе на следующую вечеринку. Мэри Кингсли настояла на том, чтобы дать ей поносить свои часики – до перемены, а Дженни Сноу, сатирически настроенная юная леди, которая подло вышучивала Эми за ее безлаймовое состояние, немедленно зарыла топор войны и предложила поделиться решением нескольких ужасающих задачек. Однако Эми не забыла коварных выпадов мисс Сноу по поводу некоторых персон, чьи носы оказались недостаточно приплюснутыми, чтобы не чуют запаха чужих лаймов, а также некоторых зазнаек, чья гордость недостаточно велика, чтобы на эти лаймы не напрашиваться, так что все надежды «этой девицы Сноу» сразу же оказались повержены в прах уничтожающей телеграммой: «Незачем становиться вдруг такой вежливой, все равно ничего не получишь».

Случилось так, что в это утро школу посетило некое весьма выдающееся лицо, и это лицо похвалило прекрасно выполненные географические карты Эми. Такая честь, выпавшая на долю ее врагини, разожгла злобу в душе мисс Сноу и побудила мисс Марч принять вид молодого ученого павлина. Но – увы, увы! Не взбирайся высоко – падать будет далеко, и мстительная Сноу перевернула ситуацию в удобную ей сторону с катастрофическим успехом. Как только выдающийся гость высказал учителю – мистеру Дэвису – свои привычные, давно успешные зачерствевшие комплименты и с поклоном удалился, Дженни Сноу, под тем предлогом, что хочет задать важный вопрос, сообщила учителю, что в парте Эми Марч находятся маринованные лаймы.

Надо сказать, что мистер Дэвис давно объявил лаймы контрабандным товаром и торжественно поклялся публично положить контрабанде конец, а также подвергнуть наказанию линейкой того, кто нарушит закон. Сей многотерпеливый муж после длительной и бурной военной кампании преуспел в запрещении жевательной резинки, устроил большой костер из конфискованных романов и газет, подавил деятельность тайной почтовой конторы, запретил искажение природных черт лица, а также прозвища, и клички, и карикатуры и совершил все, что способен сделать один человек, чтобы держать в должном порядке полсотни бунтующих девчонок. Мальчишки – тоже великое испытание для человеческого терпения, тут нечего и говорить, но девчонки бесконечно несноснее, особенно для нервных джентльменов с тираническими наклонностями, к тому же обладающих талантом к учительству в еще меньшей степени, чем доктор Блимбер<sup>40</sup>. Мистер Дэвис имел невероятное количество всяческих знаний: он владел греческим и латынью, знал алгебру и множество разнообразных «-ологий», и по этой причине его считали прекрасным учителем, тогда как манере вести себя, моральным качествам учителя, его чувствам и личному примеру особой важности не придавалось. Момент для доноса оказался весьма неудачным для Эми, и Дженни это прекрасно понимала. По-видимому, в то утро кофе мистера Дэвиса был слишком крепким, ветер задувал восточный, что всегда сильно подстегивает невралгию, а ученицы мистера Дэвиса, по его мнению, недостаточно отдавали ему то должное, какого он – он это чувствовал – несомненно заслуживал. Воспользуемся не весьма элегантным, зато очень выразительным языком одной из школьниц. «Он был весь на нервах, как старая карга, злился и смотрел волком». Слово «лаймы» было для него точно горящий фитиль для пороха: желтое лицо учителя вспыхнуло, он постучал по столу так энергично, что Дженни с небывалой быстротой скачками бросилась на свое место.

<sup>40</sup> Доктор Блимбер – директор школы-пансиона в Брайтоне (Лондон), а также учитель маленького Поля Домби в романе Ч. Диккенса «Торговый дом „Домби и сын“» (1848).

– Прошу внимания, юные леди! Будьте любезны!

Вслед строгому приказанию мерное жужжание смолкло, и пятьдесят пар голубых, черных, серых и карих глаз послушно обратились на ужасающую физиономию мистера Дэвиса.

– Мисс Марч, подойдите к моему столу!

Эми, выполняя приказ, поднялась с места с видимым спокойствием, но с тайным страхом в душе, так как совесть ее отягощали запретные лаймы.

– Принесите сюда лаймы, находящиеся у вас в парте! – последовала неожиданная команда, остановившая Эми прежде, чем она успела выйти в проход меж партами.

– Все не бери! – тихо шепнула ей соседка, юная леди, обладавшая редким присутствием духа.

Эми поспешно вытряхнула из пакета с полдюжины лаймов, а остальные положила перед очами мистера Дэвиса, полагая, что ни один человек с человеческим сердцем не мог бы не смягчиться, как только его носа достигнет столь восхитительный аромат. К несчастью, мистер Дэвис терпеть не мог запаха этой модной маринованной гадости: отвращение еще более усилило его гнев.

– Это все?

– Н-не совсем, – заикаясь, произнесла Эми.

– Немедленно несите остальные!

Бросив полный отчаяния взгляд на своих подружек, Эми подчинилась приказу.

– Вы уверены, что больше ничего не осталось?

– Я никогда не лгу, сэр.

– Я это вижу. Теперь берите эти отвратительные штуки, по две в каждую руку, и выбрасывайте их в окно.

Послышался одновременный всеобщий вздох, а затем, когда последний проблеск надежды угас и вожаемое угощение было вырвано из девичьих уст, по классу пронесся словно небольшой порыв ветра. С пылающим от стыда и гнева лицом, Эми шесть мучительных раз ходила туда и обратно, и, когда очередная обреченная на гибель пара лаймов – ах, таких упругих и сочных! – выпадала из ее неохотно разжимавшихся рук, радостные клики с улицы усиливали отчаяние девочек в классе, так как утраченный ими пир вызывал теперь восторг у ирландских мальчишек, их давних заклятых врагов. Да уж, это – это было слишком! На непреклонного мистера Дэвиса обратились все взоры – сверкающие возмущением или молящие о помиловании, а одна страстная любительница лаймов даже расплакалась.

Когда Эми возвратилась из своего последнего путешествия к окну, мистер Дэвис издал злое «Хмм!» и произнес самым внушительным тоном:

– Юные леди, вы помните, что я говорил вам неделю тому назад. Я сожалею, что так случилось, но я никогда не допускаю, чтобы мои установления нарушались, и никогда сам не нарушаю своего слова. Мисс Марч, протяните руку!

Эми вздрогнула и убрала обе руки за спину, обратив к нему умоляющий взгляд, просящий о пощаде яснее слов, которых она не могла произнести. Она была вроде бы одной из любимиц «старика Дэвиса», как его, разумеется, успели прозвать, и, по моему личному мнению, он в этом случае мог бы нарушить свое слово, если бы возмущение некой неукротимой юной леди не нашло себе выхода в шиканье<sup>41</sup>. Это шиканье, каким бы слабым оно ни было, еще озлобило раздражительного джентльмена и решило судьбу преступницы.

– Вашу руку, мисс Марч, – таков был единственный ответ на ее немую мольбу, и слишком гордая, чтобы плакать или умолять вслух, Эми сжала зубы, вызывая откинула назад голову

---

<sup>41</sup> ...не нашло себе выхода в шиканье. – Шиканье в США означает сильное неодобрение («ш» – первый звук в английском слове «shame» – «стыд, позор»), тогда как в России и некоторых других странах оно означает просьбу помолчать или вести себя потише.

и, не дрогнув, перенесла несколько обжигающих ударов по своей маленькой ладони. Их было не так уж много, они были не так уж болезненны, но вовсе не это имело для нее значение. Впервые в жизни ей были нанесены побои, и этот позор, в ее глазах, был столь же непереносим, как если бы учитель ударом сбил ее с ног.

– А теперь, мисс, вы постоите на помосте до перемены, – сказал мистер Дэвис, явно решивший, что должным образом доведет дело до конца, раз уж он его начал.

Это было ужасно. Было бы достаточно ужасно идти к своему месту, встречая жалостливые взгляды подруг и удовлетворенные ухмылки немногих врагинь, но стоять лицом ко всему классу с этим новым позорным наказанием показалось ей совершенно невозможным, и на секунду она почувствовала, что ей остается только упасть на пол тут же, на месте, и выплакать всю душу в слезах. Но горькое чувство несправедливости и мысль о Дженни Сноу помогли ей пережить и это, и, заняв позорное место, она остановила застывший взор на печной отдушине, поверх – как ей теперь казалось – целого моря лиц, и стояла так, неподвижная и до того бледная, что девочки с трудом могли продолжать занятия при этой трагической фигуре, стоявшей на возвышении перед ними.

Все последовавшие пятнадцать минут впечатлительная и гордая девочка испытывала мучительный стыд и боль, чего никогда так и не смогла забыть. Кому-то другому произошедшее с нею, вероятно, показалось бы смехотворным или вполне банальным эпизодом, однако для нее это стало тяжелым жизненным опытом, ибо все двенадцать лет ее жизни ею руководили исключительно с любовью, и такого рода удар никогда еще не бывал ей нанесен. Жжение в ладони и боль в душе были забыты при обжигающей мысли, что ей придется все рассказать дома: «Они будут так во мне разочарованы!»

Пятнадцать минут, казалось, тянулись целый час, но и они наконец кончились. Никогда еще возглас «Перемена!» не был для Эми таким желанным.

– Вы можете идти, мисс Марч, – сказал мистер Дэвис, и выглядел он при этом так, словно чувствовал себя довольно неловко.

Не скоро удалось ему забыть полный упрека взгляд, брошенный на него выходившей из класса Эми, которая, не сказав никому ни слова, прошла прямо в вестибюль, забрала свои вещи и покинула этот дом «навсегда», как она страстно объявила самой себе. Домой она явилась уже в весьма плачевном состоянии, а когда, несколько позже, прибыли старшие, немедленно была созвана «сходка протеста». Миссис Марч говорила не очень много, но выглядела обеспокоенной и утешала свою страдающую младшую дочку со всей нежностью, на какую была способна. Мег омыла оскорбленную ладошку слезами и глицерином. Бет чувствовала, что даже ее любимые котята не смогут пролить бальзам на раны, нанесенные таким горем. Джо гневно заявила, что мистер Дэвис должен быть незамедлительно арестован, а Ханна погрозила «злодею» кулаком и с такой силой толкла картофель к обеду, будто сам учитель оказался у нее под пестом.

Никто в школе не обратил внимания на то, что Эми сбежала с уроков, кроме ее соучениц, но остроглазые девицы приметили, что мистер Дэвис был вполне благожелателен весь тот день, хотя и необычайно нервничал. Незадолго до окончания занятий в классе появилась мрачнолицая Джо. Она решительно подошла к учительскому столу и вручила мистеру Дэвису письмо от своей матери, затем собрала все, что здесь принадлежало Эми, и удалилась, тщательно оттерев свои башмаки от уличной грязи о коврик у двери класса, словно отряхая прах этого места от ног своих.

– Да, ты можешь устроить себе небольшие каникулы, но я хочу, чтобы ты каждый день понемногу занималась с Бет, – сказала в тот вечер миссис Марч. – Я не одобряю телесных наказаний, особенно для девочек. Мне не нравится, как преподает мистер Дэвис, и я не думаю, что девочки, с которыми ты общаешься в классе, могут принести тебе какую-то пользу. Так что я попрошу совета у вашего отца, прежде чем посылать тебя в какую-то другую школу.

– Вот и хорошо! Мне только жаль, что все другие девочки не бросят эту дряхлую школу и не испортят ему все дело! Просто можно с ума сойти, как подумаешь про те чудесные лаймы! – с видом мученицы вздохнула Эми.

– А мне вовсе не жаль, что ты их потеряла, ведь ты нарушила правила и заслуживала какого-то наказания за непослушание, – последовал суровый ответ, сильно разочаровавший нашу юную леди, которая теперь не ожидала ничего, кроме сочувствия.

– Неужели вы хотите сказать, что довольны тем, как меня опозорили перед всем классом, маменька? – вскричала Эми.

– Нет, я бы выбрала не такой метод исправления провинности, – ответила миссис Марч, – однако я вовсе не уверена, что менее жесткий метод принес бы тебе больше пользы. Ты становишься довольно тщеславной, моя милая, и настала пора тебе приняться за исправление этого недостатка. У тебя множество небольших достоинств и талантов, но вовсе незачем ими хвастаться, ибо тщеславие наносит вред даже гениальной одаренности. Редко случается, чтобы истинный талант или высокая добродетель оставались долгое время незамеченными, но даже если такое случается, сознание, что ты ими обладаешь и хорошо их используешь, должно тебя удовлетворять, а самое большое очарование всякой силы – в скромности.

– Так оно и есть! – воскликнул Лори, игравший с Джо в шахматы в углу гостиной. – Я знал одну девочку, у которой был поистине замечательный музыкальный талант, а она об этом не подозревала, не догадывалась даже, какие прелестные вещицы сочиняла, когда оставалась одна, и не поверила бы, если бы кто-нибудь сказал ей об этом.

– Как бы мне хотелось познакомиться с этой милой девочкой! Может быть, она помогла бы мне, я такая тупица! – сказала Бет, стоявшая рядом с ним и внимательно его слушавшая.

– Вы ее знаете, и она помогает вам гораздо лучше, чем мог бы кто-то другой, – ответил Лори, глядя на нее с такой лукавинкой в веселых черных глазах, что Бет вдруг мучительно покраснела и уткнулась лицом в диванную подушку, не в силах выдержать столь неожиданное для себя открытие.

Джо дала Лори обыграть себя в награду за похвалу ее ненаглядной Бет, которую после такого комплимента невозможно было уговорить сыграть им что-нибудь. Так что вместо нее постарался Лори: он играл и восхитительно пел – в этот вечер он был особенно оживлен, да и вообще, в доме Марчей он никогда не проявлял переменчивую или угрюмую сторону своего характера. Когда он ушел, Эми, которая оставалась задумчивой весь вечер, вдруг произнесла, словно занятая какой-то новой идеей:

– А что, Лори – способный и образованный мальчик?

– Да, он образован и воспитан, и очень талантлив. Он вырастет прекрасным человеком, если его не избалуют, – ответила миссис Марч.

– И он не тщеславен, правда? – спросила Эми.

– Нисколько. Вот почему он так обаятелен, вот почему он так нравится нам.

– Понятно. Это чудесно – иметь столько достоинств, быть таким элегантным, но не выставлять себя напоказ и не задирать нос, – задумчиво заключила Эми.

– Такие свойства всегда видны и чувствуются в человеке по его манере вести себя и разговаривать: если человек скромен, их нет необходимости демонстрировать, – объяснила миссис Марч.

– Не более, чем надевать все свои шляпки, и наряды, и ленты сразу, чтобы люди увидели, что они у тебя есть, – добавила Джо, и наставление завершилось всеобщим смехом.

## Глава восьмая. Джо встречает Аполлиона

– Куда это вы собрались, девочки? – спросила Эми, зайдя в комнату сестер перед вечером в субботу и обнаружив, что они с таинственным видом готовятся выйти из дома: это не могло не возбудить ее любопытства.

– Это тебя не касается. Маленьким девочкам не полагается задавать много вопросов! – резко ответила ей Джо.

Надо сказать, что если и есть что-либо, сильно задевающее наши чувства, когда мы еще так юны, то это именно такие слова в наш адрес да еще совет: «Ну, беги, беги, дорогая!» – и последний особенно оскорбителен. Эми тотчас внутренне вознегодовала и решила во что бы то ни стало проникнуть в их тайну, не отставая от них хоть целый час. Обратившись к Мег, которая никогда и ни в чем не способна была долго ей отказывать, она принялась за уговоры:

– Ну скажи мне! Думаю, ты могла бы разрешить мне пойти с вами, ведь Бет суетится вокруг своего рояля, а мне совершенно нечем заняться, и я так одинока!

– Не могу, дорогая, тебя же не пригласили.

– Ну, Мег, тебе лучше бы помолчать, не то ты все испортишь! А тебе, Эми, нельзя пойти, так не будь малым дитятей и не хнычь из-за пустяка!

– Вы же идете куда-то с Лори! Что я, не понимаю?! Вы вчера целый вечер шептались и смеялись, сидя вместе на диване, и замолчали, когда я вошла в комнату. Так вы с ним идете?

– С ним, с ним. А теперь придержи язык и перестань приставать.

Эми язык придержала, но дала волю глазам и заметила, как Мег прятала себе в карман веер.

– А я знаю, а я знаю! Вы идете в театр, смотреть «Семь замков»<sup>42</sup>! – воскликнула она и решительно заявила: – И я тоже пойду, потому что мама сказала, что мне можно это посмотреть, и я получила карманные деньги, и это низко, что вы мне ничего вовремя не сказали!

– Послушай меня минуточку и будь хорошей девочкой, – успокаивающим тоном проговорила Мег. – Мама не хочет, чтобы ты выходила на этой неделе, потому что у тебя глаза еще не совсем прошли и могут не выдержать яркого освещения этой пьесы-сказки. На следующей неделе ты сможешь пойти с Бет и Ханной, и вы прекрасно проведете время.

– А мне это и вполтину не так приятно, как пойти с вами и с Лори. Прошу тебя, Мег, позволь! Я проболела простудой и просидела взаперти так долго, я просто до смерти истосковалась по какому-нибудь развлечению. Ну пожалуйста, Мег! Я очень хорошо буду себя вести! – молила Эми, глядя на сестру так жалобно, как только могла.

– Допустим, что мы возьмем Эми... Не думаю, чтобы мама возражала, если мы хорошо ее укутаем, – начала Мег.

– Если пойдет Эми, не пойду я, а если не пойду я, это не понравится Лори, и получится очень невежливо, если мы возьмем да потащим с собой Эми, – ведь он пригласил только нас с тобой. Мне бы казалось, что Эми должно быть не так уж приятно соваться туда, куда ее не звали, – сердито сказала Джо: ей вовсе не улыбалась обязанность следить за неугомонной девчонкой, когда ей самой так хотелось хорошо развлечься. Тон Джо и сама ее манера обозлили Эми, которая уже начала было надевать ботики, и она заявила в своем самом несносном тоне:

– А я возьму и пойду! Мег говорит, что можно, и если я плачу за билет, Лори тут вообще ни при чем!

---

<sup>42</sup> *Вы идете в театр, смотреть «Семь замков»!* – «Семь замков», далее – «Семь замков Алмазного озера» – скорее всего, название, придуманное автором по аналогии с нравоучительным спектаклем-сказкой «Замки Семи страстей» по пьесе 1844 г. Эдуарда Стирлинга, весьма популярной в Великобритании и США в середине XIX в. Семь страстей – т. е. семь смертных грехов: сребролюбие, гордость, блуд, зависть, чревоугодие, гнев, уныние.



– Ты не сможешь сидеть с нами, так как наши места заказаны заранее, а одной тебе сидеть нельзя, и Лори придется уступить тебе свое место – это испортит нам все удовольствие. Или же ему придется покупать тебе другой билет, на место рядом с нами, а это неприлично, ведь тебя не приглашали. Так что успокойся – ты никуда ни на шаг отсюда не двинешься, сиди на месте и не рыпайся! – выговорила сестре Джо, рассердившаяся, как никогда прежде, тем более что в спешке она сильно уколола себе палец.

Эми, сидевшая на полу в одном ботике, расплакалась, а Мег принялась ее урезонивать, когда снизу раздался голос Лори, и две старшие девочки сбежали вниз по лестнице, бросив громко рыдающую младшую сестру, ибо та время от времени забывала о собственной «взрослой» манере вести себя и становилась просто избалованным ребенком. Как раз в тот момент, когда вся компания выходила из дома, Эми угрожающе выкрикнула с площадки, перегнувшись через перила:

– Ты еще об этом пожалеешь, Джо Марч, вот увидишь!

– Вздор какой! – откликнулась Джо и хлопнула дверью.

Вечер получился славный, потому что пьеса-сказка «Семь замков Алмазного озера» оказалась такой блестящей, такой чудесной, какой только могла пожелать душа. Но несмотря на смешных красных бесенят, сияющих эльфов и великолепных принцев и принцесс, в наслаждении Джо чувствовалась капля горечи. Золотистые локоны королевы фей напоминали ей об Эми, а в антрактах между актами пьесы она развлекалась мыслями о том, что же такое делает ее сестра, чтобы заставить ее «пожалеть об этом»? В жизни этих двух девочек случалось немало жарких перепалок – обе отличались взрывным темпераментом и в сильном гневе не склонны бывали сдерживаться. Эми поддразнивала Джо, а Джо раздражала Эми, и меж ними происходили полуслучайные взрывы, о которых обе потом очень жалели. Джо, хотя и старшая из них двоих, плохо умела себя контролировать, попытки держать в узде свой горячий нрав давались ей с трудом, и он вечно ввергал ее во всяческие неприятности. Гнев ее, однако, никогда не длился долго, и, смиренно признав свою вину, она искренне раскаивалась и старалась как-то ее загладить. Сестры частенько говорили, что им даже нравится доводить Джо до взрыва, потому что после этого она «просто ангел»! Бедняжка Джо делала отчаянные попытки вести себя «как подобает», однако ее «закадычный враг» был всегда готов вспыхнуть и свести все попытки девочки на нет, так что ей потребовался не один год терпеливых усилий, чтобы его приструнить.

Вернувшись домой, они застали Эми читающей книгу в гостиной. Когда они вошли, вид у нее был оскорбленный, и она даже глаз поднять от книги ни разу не пожелала и ни одного вопроса не задала. Возможно, любопытство победило бы ее негодование, но в гостиной была и Бет, сразу бросившаяся расспрашивать их и получившая весьма пылкое описание спектакля. Когда Джо поднялась наверх убрать на место свою лучшую шляпку, ее первый взгляд упал на комод, потому что после их предыдущей ссоры Эми утихомирила свои чувства, вывернув все содержимое верхнего ящика Джо на пол. Тем не менее все оказалось на своих местах, и, быстро заглянув в свои разнообразные шкафчики, сумки и коробки, Джо решила, что Эми простила и забыла свои обиды.

Тут, однако, Джо была не права, ибо на следующий день ей пришлось сделать открытие, вызвавшее настоящую бурю. В конце дня Мег, Бет и Эми сидели вместе в гостиной, когда туда влетела разъяренная Джо и, задыхаясь от возбуждения, резко спросила:

– Кто-нибудь из вас брал мою книжку?

Мег и Бет тотчас в один голос ответили «нет!» и удивленно посмотрели на Джо. Эми поправляла огонь в камине и ничего не сказала. Джо заметила, что Эми вдруг покраснела, и мигом на нее набросилась:

– Эми, книжка у тебя!

– Нет, не у меня!

– Значит, ты знаешь, где она!

– Нет, не знаю!

– Врешь! – вскричала Джо, схватив Эми за плечи и с такой яростью глядя на нее, что могла бы испугать и кого-нибудь более храброго, чем Эми.

– Я не вру, у меня ее нет, не знаю, где она теперь, и мне на это наплевать!

– Ты что-то про нее знаешь, и лучше бы тебе сказать мне сейчас же, иначе я тебя заставлю! – И Джо слегка тряхнула сестру.

– Можешь ругаться сколько влезет, а свою дурацкую старую книжку все равно никогда больше не увидишь! – выкрикнула Эми, в свою очередь разозлившись.

– Как это?

– Я ее сожгла!

– Что?! Мою книжечку? Я ее так любила, я так над ней работала, хотела закончить ее к папиному возвращению домой! Ты что, правда ее сожгла? – спросила Джо, сильно побледнев, хотя глаза ее пылали, а руки нервно сжимали плечи Эми.

– Да! Я это сделала. Я же сказала, что заставлю тебя пожалеть, что ты была такая злая вчера вечером. И заставила, так что...

Больше Эми ничего не смогла сказать: горячий нрав Джо одержал верх над ее благими намерениями, и она принялась трясти Эми с такой силой, что у той во рту застучали зубы. А Джо кричала в страстном порыве гнева и горя:

– Ты злая, злая девчонка! Я никогда не смогу написать ее снова и никогда в жизни тебя не прощу!

Мег тотчас рванулась спасти Эми, а Бет – утихомиривать Джо, но та была совершенно вне себя и, отвесив сестре последнюю затрещину, со всех ног бросилась вон из комнаты и укрылась на чердаке, закончив свою битву на старом диване в полном одиночестве.

Внизу же буря утихла, ибо домой вернулась миссис Марч и, выслушав историю всего произошедшего, привела Эми в чувство и помогла ей понять, как зло и несправедливо поступила она по отношению к сестре. Книжка была самой большой гордостью Джо, и все семейство считало эту книжку многообещающим ростком литературного таланта. В ней было всего-навсего полдюжины небольших сказок, но Джо терпеливо и тщательно работала над ними, вкладывая в работу всю душу и надеясь создать что-то, достойное быть напечатанным. Она только что аккуратно их переписала и уничтожила старую рукопись, так что устроенный Эми «костер» уничтожил плоды любовной работы нескольких лет. Кому-то другому это могло бы показаться ничтожной потерей, но для Джо такая утрата стала поистине ужасным несчастьем, и она чувствовала, что такое никогда не может быть заглажено. Бет горевала, словно по котенку, отошедшему в мир иной, и даже Мег не пожелала заступиться за свою любимицу. Миссис Марч ходила мрачная и опечаленная, и Эми чувствовала, что не сможет вернуть любовь никого из них до тех пор, пока не попросит прощения за содеянное зло, о чем сама она теперь жалела больше, чем кто бы то ни было из них.

Когда прозвонил гонг к чаю, появилась Джо, такая мрачная и неприступная, что Эми с трудом удалось набраться храбрости, чтобы произнести:

– Прости меня, Джо, пожалуйста! Я очень, очень жалею, что так сделала.

– Я тебя никогда не прощу, – последовал суровый ответ, и с этой минуты Джо совершенно перестала замечать Эми.

Никто ни словом не упоминал об этой большой беде, даже миссис Марч, ведь все они знали по опыту, что, когда Джо в таком настроении, любые слова бывают напрасны, и самое мудрое – дожидаться, пока какое-нибудь мелкое событие или ее собственное великодушие не смягчат негодование Джо и не положат конец ссоре. Вечер шел совсем не радостно, хотя они

уселись за шитье, как обычно, и мама читала им кое-что из Фредрики Бремер<sup>43</sup>, Вальтера Скотта и Марии Эджуорт<sup>44</sup>, но чего-то недоставало, милый домашний покой был потревожен. Это они особенно остро почувствовали, когда пришло время петь на ночь, потому что Бет могла только играть, Джо стояла холодная и немая, точно камень, а Эми совсем не могла петь, так что Мег с мамой пели одни. Однако вопреки их усилиям звучать весело, как свойственно жаворонкам, их подобные флейте голоса, казалось, никак не могли слиться друг с другом и звучали не в лад.

Целуя Джо на ночь, миссис Марч ласково шепнула ей на ухо:

– Дорогая, не дай зайти солнцу прежде, чем остынет твой гнев!<sup>45</sup> Простите друг дружку, помогайте одна другой и начните жить по-новому с завтрашнего утра.

Джо очень хотелось прижаться головой к маминой груди и выплакать без остатка свой гнев и горе, но ведь слезы – слабость, не подобающая мужчине, к тому же она чувствовала себя столь глубоко оскорбленной, что на самом деле не способна еще была простить сестру. Так что она изо всех сил постаралась сморгнуть слезы, покачала головой и сказала суровым тоном, ведь Эми ее слышала:

– Это отвратительный поступок, и она не заслуживает прощения.

С этими словами она решительно отправилась в постель, и в этот вечер не слышно было ни веселых сплетен, ни доверительного шепота.

Эми чувствовала себя невероятно оскорбленной тем, что ее попытка примирения была отвергнута, и пожалела, что ей пришлось так унижить себя, – это заставило ее оскорбиться еще сильнее и кичиться собственной исключительной добродетельностью столь явно, что это не могло не выводить других из себя. Джо по-прежнему ходила темнее грозовой тучи, и все у нее в этот день шло ни шатко ни валко. С утра было очень холодно, а Джо уронила в сточную канаву свою драгоценную шаль, тетушка Марч весь день находилась в страшном раздражении, Мег, когда Джо пришла домой, выглядела задумчивой, Бет – погруженной в тоску и печаль, а Эми постоянно упоминала о людях, которые вечно рассуждают о том, что надо быть хорошими и добрыми, а сами никогда даже не пытаются следовать доброму примеру, какой им подают другие.

«Все такие противные! Позову-ка я Лори покататься на коньках. Он всегда такой добрый и веселый, он приведет меня в порядок, уж это точно!» – сказала она себе и ушла.

Эми услышала, как звякнули коньки, и, выглянув в окно, раздраженно воскликнула:

– Ну вот! Она же обещала, что в следующий раз я пойду с ней кататься, – ведь это уже последний лед в нынешнем году. Но ведь нет никакого смысла просить такую злоку взять меня с собой!

– Не говори о ней так! Ты поступила очень плохо, и ей трудно простить тебе потерю ее драгоценной книжечки, но мне кажется, что теперь она уже сможет тебя простить, если ты снова попытаешься попросить ее и выберешь удачный момент, – сказала Мег. – Отправляйся вслед за ними. Только ничего не говори, пока Джо не придет в добродушное настроение, катайся с Лори, тогда улучи спокойную минутку и просто подойди и поцелуй или еще что-нибудь доброе сделай, и я уверена – Джо снова от всего сердца станет тебе другом.

– Попробую, – ответила Эми, так как этот совет ее вполне устраивал, и после поспешных сборов она бросилась вослед друзьям, которые как раз исчезали за холмом. До реки было недалеко, но оба они были готовы кататься еще до того, как к ним подошла Эми. Заметив ее, Джо

<sup>43</sup> Доктор Блимбер – директор школы-пансиона в Брайтоне (Лондон), а также учитель маленького Поля Домби в романе Ч. Дикенса «Торговый дом „Домби и сын“» (1848).

<sup>44</sup> Мария Эджуорт (1767–1849) – английская (ирландская) писательница, публицист, эссеист, автор, в частности, морализаторских историй для детей «Нравоучительные сказки» (1801).

<sup>45</sup> Дорогая, не дай зайти солнцу прежде, чем остынет твой гнев! – Миссис Марч цитирует из Библии Послание к ефесянам, 4: 26: «Гневаясь, не согревайте: солнце да не зайдет во гневе вашем».

повернулась к ней спиной, а Лори ее не увидел – он осторожно катался вдоль берега, проверяя лед, потому что незадолго до наступившего теперь похолодания была краткая оттепель.

– Я пройду до первого поворота и посмотрю, все ли в порядке со льдом, прежде чем мы начнем гонки, – услышала Эми его слова, когда он бросился прочь, похожий на молодого русского в отороченном мехом полушубке и такой же шапке.

Джо слышала, как Эми старается отдышаться после бега, как топает ногами и дышит на замерзшие пальцы, пытаясь надеть коньки, но даже не обернулась. Крупными зигзагами она медленно удалялась вниз по реке, испытывая горькое, нерадостное удовлетворение от затруднительного положения младшей сестры. Она ведь лелеяла свой гнев до тех пор, пока он не вошел в полную силу и не завладел всем ее существом, как это всегда происходит со злыми чувствами и мыслями.

– Держитесь у берега, посередине лед небезопасен! – услышала она голос Лори, Эми же как раз с трудом вставала на коньки и не слыхала ни слова. Джо глянула через плечо, но дьяволенок, засевший у нее в груди, шепнул ей: «Какая разница, слыхала она или нет?! Пусть сама о себе заботится!»

Лори уже исчез за поворотом, а Джо собралась было повернуть вслед за ним, когда далеко отставшая от них Эми, бросившись туда, где лед был глаже всего, выехала на середину реки. На миг Джо застыла на месте от странного чувства, вдруг возникшего в ее душе, потом все же решила двинуться дальше, но что-то заставило ее остановиться и обернуться – как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эми вскинула вверх руки, проваливаясь вниз, и услышала треск подтаившего льда, всплеск воды и крик, от которого у Джо в ужасе замерло сердце. Она попыталась окликнуть Лори, но голос у нее пропал. Она попыталась броситься назад, к Эми, но ее ноги, казалось, совершенно обессилели, и какой-то миг она могла только недвижно стоять на месте, пораженная непреодолимым ужасом, с искаженным лицом, глядя на маленький голубой капор над черной водой. Что-то молнией промчалось мимо нее, и она услышала крик Лори:

– Несите жердь, быстро! Скорей!

Как она это сделала, ей так никогда и не удалось вспомнить, но в течение следующих нескольких минут Джо действовала словно одержимая, слепо выполняя команды Лори, который полностью сохранил самообладание и, лежа плашмя на льду, удерживал Эми рукой и хоккейной клюшкой, пока Джо выдергивала из ближайшего забора жердину, а потом они вместе вытаскивали девочку из воды: та была больше испугана, чем пострадала как-то иначе, – раны или ушибов у нее не оказалось.

– Ну вот, теперь надо поскорее отвести ее домой. Наденьте на нее все наши одежды, пока я сниму эти треклятые коньки, – скомандовал Лори, укутав Эми своим полушубком и дергая крепежные ремешки коньков, которые никогда еще так упорно не сопротивлялись, как в этот раз.

Они привели Эми домой, дрожащую и в слезах, с нее все еще капала вода, и некоторое время спустя, когда улеглось всеобщее волнение, Эми, завернутая в теплое одеяло, уснула перед жарко пылающим камином. Во время всей этой суматохи Джо едва ли вымолвила хоть одно слово, она только носилась туда и сюда, бледная, полураздетая, с распустившимися волосами, в совершенном отчаянии. Платье ее было порвано, руки, исцарапанные льдом и жердями забора, да еще непослушными пряжками ремешков, – в синяках и ссадинах. Когда успокоившаяся Эми стала уютно посапывать во сне, а весь дом затих, миссис Марч, сидевшая подле ее кровати, подозвала к себе Джо и принялась перевязывать ее израненные руки.

– Вы уверены, маменька, что опасности нет? – прошептала Джо, виновато глядя на золотистую головку, которую течение чуть было навсегда не унесло прочь у нее на глазах, затянув под предательский лед.

– Совершенно уверена, моя дорогая. Она обошлась без повреждений, ей, я думаю, даже простуда не грозит, так разумно вы ее укутали и так быстро привели домой, – с готовностью ответила ей мать.

– Все это сделал Лори. Я всего лишь позволила ей кататься. Маменька, если она умрет, виновата в этом буду я. – И Джо упала на колени у кровати в покаянных рыданиях и рассказала обо всем, что случилось, горько обвиняя себя в жестокосердии, а потом лила слезы благодарности за то, что ей дано было избежать заслуженной ею тяжелой кары. – Все дело в моем кошмарном характере! Я пытаюсь от него излечиться, и мне уже кажется, что вылечилась, а он вдруг прорывается наружу, да еще хуже, чем раньше. Ах, маменька, что мне делать? Что же мне делать? – в отчаянии вскричала бедная Джо.

– Следи за собой и молись, дорогая, не оставляй своих стараний – никогда! – и никогда не думай, что победить свои недостатки невозможно, – отвечала миссис Марч, притянув взлохмаченную голову дочери к своему плечу и целуя ее мокрые щеки с такой нежностью, что Джо зарыдала еще сильнее.

– Вы не знаете, вы даже не догадываетесь, как все плохо! Мне кажется, что я способна на все, когда разозлюсь. Я становлюсь прямо дикарем каким-то, могу причинить боль и радоваться этому. Боюсь, я когда-нибудь совершу что-то ужасающее и погублю свою жизнь – и заставлю всех меня ненавидеть. Ах, маменька, помогите мне, пожалуйста, помогите!

– Я помогу тебе, девочка моя, обязательно помогу. Не надо так горько плакать. Просто запомни этот день и от всей души пообещай себе, что ты никогда в жизни не позволишь себе пережить еще такой же. Джо, моя дорогая, мы все проходим через искушения, гораздо более значительные, чем твое, и часто случается так, что на их преодоление требуется вся жизнь. Ты полагаешь, что твой характер самый плохой на свете, но мой был когда-то точно таким же.

– Ваш, маменька? Как это? Вы же никогда не сердитесь! – И, пораженная, Джо на миг забыла о своем покаянии.

– Я сорок лет пыталась от этого излечиться, и мне удалось лишь научиться держать свой характер под контролем. Я всю жизнь сержусь почти каждый день, Джо, но я научилась никому свой гнев не показывать и все еще надеюсь, что вскоре перестану его чувствовать, хотя вполне может случиться, что для этого потребуются следующие сорок лет.

Спокойное смирение маминого лица, столь нежно ею любимого, послужило для Джо лучшим уроком, чем самое мудрое назидание, самый строгий выговор. Она тотчас почувствовала себя успокоенной и утешенной материнским сочувствием и доверием, оказанным ей. Сознание, что у ее матери был тот же недостаток, что у нее самой, и что мать старалась его исправить, помогло Джо легче нести свою собственную беду и укрепило ее решимость от нее излечиться, хотя сорок лет показались пятнадцатилетней девочке слишком долгим сроком, потребным для того, чтобы следить за собой и молиться.

– Маменька, а это значит – вы сердитесь, когда вы плотно сжимаете губы и выходите из комнаты, если тетушка Марч бранится и ворчит или кто-то другой вас огорчает? – спросила Джо, чувствуя, что стала матери ближе и любимее, чем когда-либо прежде.

– Да, я теперь умею удерживать поспешные речи, что рвутся из моих уст, и когда я чувствую, что они готовы вырваться наружу против моей воли, я просто выхожу на минутку и задаю себе маленькую встряску за то, что я такая безвольная и злая, – ответила миссис Марч, вздохнув и улыбнувшись, а затем пригладила и заколола растрепавшиеся волосы Джо.

– Как же вы научились сдерживаться? Ведь именно это и есть самое трудное! У меня резкие слова вылетают изо рта прежде, чем я сознаю, что собираюсь сказать, и чем больше говорю, тем сильнее злюсь, и все продолжаю, и мне становится приятно ранить чувства других людей, говоря им кошмарные вещи. Скажите же мне, маменька моя дорогая, как вы это делаете?

– Мне очень помогала моя добрая матушка...

– Как вы – нам, – перебила ее Джо, благодарно поцеловав мать.

– Но ведь я потеряла ее, когда была чуть старше, чем ты теперь, и многие годы мне пришлось справляться самой, в полном одиночестве, потому что я была слишком горда, чтобы признаться кому-нибудь другому в своем безволии. Мне приходилось очень трудно, Джо, и я пролила немало горьких слез из-за своих неудач, ибо вопреки всем моим усилиям мне казалось, я никак не продвигаюсь вперед. Затем появился ваш отец, и я была так счастлива, что вдруг поняла: это совсем не трудно – быть хорошей и доброй. Однако мало-помалу все изменилось, вокруг меня появилось четверо маленьких дочек, мы стали бедны... Вот тогда моя старая беда вернулась снова, ведь от природы я беспокойна, нетерпелива, и для меня стало большим испытанием видеть, что моим детям не хватает то одного, то другого.

– Бедная маменька! Что же помогло вам это вынести?

– Ваш отец, Джо. Он никогда не теряет терпения, не знает сомнений и никогда не жалуется. Он всегда надеется, работает и ждет так радостно, что становится стыдно при нем поступать иначе. Он помогал мне, он меня утешал и доказал мне, что я должна повседневно проявлять те достоинства, какие хотела бы видеть у своих маленьких дочерей, ведь именно я являюсь для них примером. И гораздо легче было стараться ради вас, чем ради себя самой. Испуганный или удивленный взгляд кого-нибудь из вас, когда я произносила что-то резкое, служил мне гораздо более строгим упреком, чем любые слова, а любовь, уважение и доверие моих детей – сладчайшей наградой, какую я могла получить за мои усилия стать такой женщиной, на какую они хотели бы походить.

– Ах, маменька, если б я могла стать хотя бы наполовину такой доброй и хорошей, как вы, я была бы очень довольна! – воскликнула Джо, глубоко растроганная.

– А я надеюсь, ты станешь гораздо лучше, моя дорогая, только тебе надо постоянно следить за твоим «закадычным врагом», как ваш отец его называет, иначе он сделает твою жизнь более несчастной, если не испортит совсем. Ты получила предупреждение. Помни об этом. Вложи и душу, и сердце в старания обуздать свой вспыльчивый нрав, прежде чем он принесет тебе более тяжкое горе и еще худшие сожаления, чем те, что ты познала сегодня.

– Я буду стараться, маменька, честно – буду! Только вам придется мне помогать – напоминать мне, удерживать от взрывов. Я ведь замечала, как папа порой подносил к губам палец и смотрел на вас таким добрым и серьезным взглядом, а вы всегда плотно сжимали губы и выходили из комнаты. Это он вам напоминал? – тихонько спросила Джо.

– Да. Я его просила так мне помогать, и он никогда не забывал это делать и избавил меня с помощью этого малозаметного жеста и доброго взгляда от множества резких слов.

Джо увидела, что при этих словах глаза матери наполнились слезами, а ее губы дрогнули, и испугалась, что позволила себе сказать слишком много. Она взволнованно прошептала:

– Это было нехорошо – наблюдать за вами и заговорить об этом? Я не хотела быть непочтительной, но ведь это так утешает, когда можно сказать вам открыто все, что думаешь, ведь тогда сразу чувствуешь себя дома такой защищенной и счастливой...

– Девочка моя, ты можешь говорить твоей маме все-все, ведь это для меня – великая радость и гордость, что мои дочери доверяются мне и знают, как я их люблю.

– А мне показалось, что я вас огорчила.

– Нет, милая, но ты заговорила об отце и напомнила мне, как мне его не хватает, сколь многим я ему обязана и как преданно мне следует работать и ради него следить за тем, чтобы его дочери были всегда здоровы и благополучны.

– И все же вы, маменька, сказали ему, что надо идти на войну, и не плакали, когда он уходил, и теперь никогда не жалуется, и даже кажется, что ни в какой помощи вы уже не нуждаетесь, – сказала пораженная Джо.

– Я отдала лучшее, что имела, стране, которую люблю, и не дала слезам пролиться, пока он не уехал. С какой же стати мне жаловаться, если мы с ним оба просто выполняем свой долг и благодаря этому будем еще счастливее, когда все закончится? Если кажется, что я не

нуждаюсь в помощи, то это потому, что у меня есть друг, который даже лучше, чем ваш отец: он утешает меня и поддерживает. Дитя мое, беды и искушения твоей жизни уже начались, их может быть много, но ты сумеешь их все преодолеть и пережить, если научишься чувствовать силу и любовь твоего Небесного Отца так же, как ты чувствуешь силу и любовь отца земного. Чем сильнее ты полюбишь Его и уверуешь в Него, тем ближе к Нему ты себя почувствуешь и тем меньше станешь зависима от силы и мудрости людей. Его любовь и забота неутомимы и неизменны, они никогда не могут быть у тебя отняты, наоборот – они могут на всю жизнь стать для тебя источником душевного мира, счастья и силы. Поверь этому от всего сердца и приходи к Богу со всеми своими заботами и надеждами, с грехами и горестями так же открыто и доверчиво, как ты приходишь к своей матери.

Единственным ответом Джо было тесно прижаться к матери, и в воцарившемся молчании из ее сердца вознеслась самая искренняя молитва без слов, какую она когда-либо возносила. Ибо в этот печальный, но в то же время счастливый час она познала не только горечь сожаления и отчаяния, но и сладость самоотречения и самообладания, и, ведомая рукою матери, она приблизилась к Другу, который всегда приветствует каждое Свое чадо с любовью более сильной, чем любовь земного отца, и более нежной, чем любовь земной матери.

Эми пошевелилась и вздохнула во сне, и, словно стремясь тотчас начать искупление вины, Джо подняла голову: на лице ее было выражение, какого оно никогда не знало прежде.

– Я дала солнцу зайти прежде, чем остыл мой гнев. Я не хотела ее простить, и сегодня, если бы не Лори, могло бы стать слишком поздно! Как могла я быть такой жестокой? – сказала она, склоняясь над сестрой и осторожно поглаживая ее еще влажные пряди, разметавшиеся по подушке.

Как бы услышав ее слова, Эми открыла глаза и протянула к сестре руки с улыбкой, которая проникла в самую глубь души Джо. Ни та ни другая не произнесли ни слова, но их объятие было крепким, несмотря на множество одеял, и все было прощено и забыто – хватило одного сердечного поцелуя.

## Глава девятая. Мег отправляется на Ярмарку Тщеславия

– А я и вправду считаю невероятной удачей то, что мои питомцы именно сейчас заболели корью, – сказала Мег в один апрельский день, стоя в окружении сестер у себя в комнате перед раскрытым сундуком «для уезжания», который она упаковывала.

– И так мило со стороны Энни Моффат, что она не забыла о своем приглашении! Целых две недели развлечений – вот это *по-настоящему* великолепно, – откликнулась Джо, похожая в этот момент на ветряную мельницу: она своими длинными руками складывала юбки для Мег.

– И погода стоит такая чудесная, я так этому рада! – добавила Бет, аккуратно разбирая ленты для волос и бархотки для шеи, уложенные в ее самую лучшую коробку, – она одолжила их сестре по случаю великого события.

– Мне тоже хотелось бы поехать, и весело провести время, и поносить все эти прелестные вещи, – пробормотала Эми, чей рот был занят булавками, которыми она весьма художественно пополняла подушечку сестры.

– Мне хотелось бы, чтобы вы все со мной поехали, но раз это невозможно, я постараюсь запомнить все свои приключения и все расскажу вам, когда вернусь. Это, конечно, самое малое, что я могу сделать в ответ на вашу доброту – ведь вы столько всего мне дали и так помогали подготовиться к отъезду! – ответила на это Мег, глядя на разложенные в комнате очень простые наряды, которые, на взгляд сестер, были почти совершенством.

– А что мама дала тебе из своих сокровищ, которые лежат у нее в сундучке? – спросила Эми, не присутствовавшая при открывании заветного сундучка из кедрового дерева, где миссис Марч хранила немногие остатки былой роскоши – дарить дочерям, когда наступал для этого подходящий момент.

– Пару шелковых чулок, хорошенький резной веер и прелестный синий пояс. Я хотела лиловый, шелковый, но времени не было его переделать, так что придется обойтись старым, тарлатановым<sup>46</sup>.

– Он будет очень мило выглядеть на моей новой муслиновой юбке – пояс ее подчеркнет и придаст всему еще более красивый вид. Жалко, что я расколошматила свой коралловый браслет, ты могла бы его с собой взять, – пожалела Джо, очень любившая одалживать и отдавать насовсем принадлежавшие ей вещи, только беда была в том, что они всегда оказывались слишком истрепаны для того, чтобы ими можно было воспользоваться.

– У мамы в шкатулке для драгоценностей лежит чудесный старинный убор из жемчуга, но она говорит, что лучшее украшение для молодой девушки – живые цветы, и Лори обещал прислать мне любые, какие мне понадобятся, – ответила Мег. – Ну, теперь посмотрим: вот мой серый прогулочный костюм, только опусти перышко на шляпке, Бет; вот поплиновое воскресное и для малых приемов, оно тяжеловато для весны, вам не кажется? Лиловое шелковое было бы так мило! Ох, что же мне делать?

– Не думай об этом, у тебя есть тарлатан для больших приемов, и в белом ты всегда выглядишь как ангел, – утешила ее Эми, грустно взиравшая на небольшую горку украшений, столь дорогих ее сердцу.

– У него вырез недостаточно глубокий, и юбка не очень развевается, но с этим придется смириться. Зато голубое домашнее стало таким хорошеньким после того, как его перелицевали и заново отделали, что мне кажется, я надеваю совсем новое. Мой шелковый сак совсем

---

<sup>46</sup> ...придется обойтись старым, тарлатановым. – Тарлатан – легкая, подобная кисеи, хлопчатобумажная, полушелковая или полупшерстяная ткань, из которой в XIX в. шили женские платья.



вышел из моды<sup>47</sup>, а шляпка – та, что без полей, – совсем не такая, как у Сэлли. Мне не хотелось ничего говорить, но я очень огорчилась из-за зонтика. Я просила у мамы черный с белой ручкой, а она забыла и купила зеленый с желтоватой! Он прочный и аккуратный, так что мне не следует жаловаться, но я знаю, что буду стесняться его перед Энни, у которой зонтик шелковый, с золотым наконечником, – вздохнула Мег, глядя на маленький зонтик с величайшим неодобрением.

– Так поменяй его, – посоветовала Джо.

– На такую глупость я не способна – это обидело бы маменьку, она ведь так старалась все для меня собрать. Это просто мои дурацкие представления, и я не собираюсь им поддаваться. Меня очень утешают шелковые чулки и две пары новых перчаток. А ты просто милочка, Джо, что одолжила мне свои, – я почувствовала себя такой богатой и даже элегантной с этими двумя парами, да еще старые вычищены – они для обычных дней. – И Мег с облегчением бросила взгляд на ящичек с перчатками. – У Энни Моффат на ночных чепчиках голубые и розовые бантики. Ты не сделала бы на моих тоже такие? – спросила она у Бет, когда та внесла в комнату стопку этих белых муслиновых вещей, только что полученных из рук Ханны.

– Я этого не делала бы. Потому что затейливые чепчики не подойдут к ничем не украшенным строгим ночным сорочкам. Беднякам незачем расфуфыриваться! – решительно заявила Джо.

– Неужели мне никогда не выпадет счастье носить настоящие кружева на платьях и бантики на чепчиках?! – раздраженно воскликнула Мег.

– На днях ты говорила, что будешь совершенно довольна, если тебе выпадет счастье просто поехать к Энни Моффат, – напомнила ей Бет в своей обычной спокойной манере.

– Да, конечно, я так говорила. Ну и что? Я действительно очень довольна и не стану портить себе удовольствие такими пустяками. Только мне кажется, что чем больше ты получаешь, тем больше тебе хочется, правда ведь? Ну вот, все полочки заполнены и хорошо вошли<sup>48</sup>, и уложено все, кроме моего бального платья, которое я оставлю упаковать маменьке, – сказала Мег, повеселев и переводя взгляд с до половины заполненного сундука на много раз глаженное и чиненное белое платье из тарлатана, которое она с важным видом называла своим «балльным платьем».

Погода на следующий день выдалась прекрасная, и Мег торжественно отбыла на две недели – развлекаться и набираться новых впечатлений. Миссис Марч согласилась на эту поездку без большой охоты, опасаясь, что Маргарет вернется еще более недовольная, чем уезжает. Но дочь так ее просила, а Сэлли пообещала так хорошо о подруге заботиться, да и, кроме того, возможность для Мег получить чуть больше удовольствий после зимы, заполненной нудной работой, казалась такой восхитительной, что мать сдалась, и дочь отправилась в гости, чтобы впервые испробовать вкус модной светской жизни.

Семейство Моффат тщательно следовало моде, и простушка Мег поначалу была совершенно обескуражена великолепием их дома и элегантностью его обитателей. Однако, несмотря на полную увеселений жизнь, люди они были доброжелательные и очень скоро помогли своей гостье почувствовать себя легко и просто. Возможно, Мег ощущала, не вполне сознавая почему, что хозяева этого дома не отличаются особой культурой или особенным умом и вся эта позолота не может скрыть вполне ординарного материала, из которого они сделаны. Разумеется, приятно жить в роскоши, разъезжать в красивой карете, каждый день надевать свое

---

<sup>47</sup> *Мой шелковый сак совсем вышел из моды...* – Сак – широкое и свободное женское платье (мода XVIII – начала XIX в.).

<sup>48</sup> *Ну вот, все полочки заполнены и хорошо вошли...* – Дорожный сундук XIX в. имел отделение для одежды, вешалки, отделение для обуви, вынимающиеся полки с чуть приподнятыми краями и довольно большое количество разнообразных выдвигающихся ящичков. При укладывании и в дороге он обычно ставился вертикально, имея с одного торца плоские ножки и приобретая вид небольшого шкафа, где дверцей служила крышка сундука. При переноске использовалась прочная ручка, укрепленная на одном из его боков, а при большой величине и тяжести – ручки на обоих торцах или ремни.

лучшее платье и не делать ничего иного, как только получать всяческие удовольствия. Мег все это вполне устраивало, и вскоре она начала вести себя и разговаривать, подражая манере тех, кто ее окружал. Она стала важничать, бросаться французскими выражениями, завивать волосы и изо всех сил старалась болтать о модах, как они. Чем больше красивых вещей видела она у Энни Моффат, тем большую зависть она испытывала, тем сильнее жаждала быть богатой. Свой дом, когда она о нем вспоминала, казался ей теперь голым и мрачным, работа представлялась все более и более тяжелой, и она чувствовала себя совершенно обездоленной и униженной, несмотря даже на новые перчатки и шелковые чулки.

Впрочем, времени огорчаться у нее не было, так как три юные девицы были по уши заняты тем, что «хорошо проводили время». Они делали покупки, гуляли, катались верхом, днем ходили в гости, вечером в театр – на спектакль или в оперу, а не то, так затевали веселые игры дома, ведь у Энни было множество друзей, и она умела их развлечь. Ее старшие сестры выглядели весьма утонченными юными леди, а одна из них была уже помолвлена. «Как интересно и романтично!» – думала Мег. Мистер Моффат, полный добродушный старый джентльмен, знал ее отца, а миссис Моффат, его жене, тоже полной и добродушной старой даме, Мег пришлось по душе не меньше, чем ее дочери. Все ее всячески ласкали, и Дейзи, как ее там прозвали<sup>49</sup>, шла прямым путем к головокружению от успеха.

Когда наступил вечер малого приема, Мег обнаружила, что ее поплиновое платье вовсе не годится: другие девушки надели легкие, тонкие наряды и выглядели поистине прекрасно. Так что на свет было извлечено тарлатановое бальное, выглядевшее гораздо более старым, утратившим форму и потрепанным рядом с новым, с иголки, платьем Сэлли. Мег заметила, как подруги взглянули на ее платье, а потом переглянулись меж собой, и почувствовала, как вспыхнули ее щеки, – при всей ее мягкости, она была очень горда. Никто не произнес ни слова об этом, но Сэлли предложила ее причесать, Энни помогла повязать пояс, а Белл, та, что была помолвлена, восхитилась белизной ее обнаженных рук. Однако в этой их доброте Мег разглядела только жалость из-за ее бедности, и у нее было тяжело на душе, когда она стояла одна, пока другие болтали, смеялись и порхали вокруг, словно прозрачнокрылые бабочки. Тяжелое, горькое чувство росло и росло в ней, но тут горничная внесла коробку с цветами. Мег не успела и слова вымолвить, как Энни сняла крышку, и все принялись ахать и охать над прелестными розами, вереском и папоротниками, заполнявшими коробку.

– Это, конечно, для Белл! Джордж всегда посылает ей цветы, но эти просто восхитительны! – воскликнула Энни, усердно вдыхая чудесный аромат.

– Это для мисс Марч, так слуга сказал, – вмешалась горничная. – И вот еще записка. – И она протянула Мег конверт.

– Как интересно! От кого это? А мы и не знали, что у тебя есть кавалер! – вскричали девицы, окружившие Мег, трепеща от удивления и любопытства.

– Записка от мамы, а цветы от Лори, – простодушно объяснила Мег, тем не менее очень довольная, что Лори о ней не забыл.

– Ах вот как! – сказала Энни, как-то странно взглянув на подругу. Мег как раз прятала записку в карман, будто это талисман от зависти, тщеславия и ложной гордости, потому что несколько полных любви слов замечательно на нее подействовали, а цветы своей прелестью обрадовали ее и ободрили.

Снова почувствовав себя почти счастливой, она отложила несколько роз и папоротников для себя, а остальные собрала в красивые букетики для подруг – украсить платье на груди, прическу или юбку у талии, и предложила им эти букетики так мило, что Клара, старшая из сестер, заявила ей, что она, Дейзи, «самая милая малышка из всех, кого она видела», и все они, казалось, были совершенно очарованы столь небольшим проявлением ее внимания к ним. И

<sup>49</sup> ...Дейзи, как ее там прозвали... – Дейзи (daisy) – английское название цветка маргаритки.

так случилось, что это происшествие покончило с ее унынием: когда все они собрались показаться миссис Моффат, Мег, прикалывая к своим волнистым волосам веточку папоротника, а к платью розы, увидела в зеркале счастливое ясноглазое лицо и подумала, что теперь ее «бальное» выглядит не таким уж потрепанным.

В тот вечер она веселилась от всей души, так как танцевала чуть ли не до упаду. Все были к ней очень добры, и она получила целых три комплимента. Энни упростила ее спеть, и кто-то сказал, что у нее замечательно красивый голос. Майор Линкольн спросил, кто эта новенькая девочка с такими красивыми глазами, а мистер Моффат приглашал ее танцевать, потому что, как он изящно выразился, «она попусту волынку не тянет, в ней какая-то живинка есть!». Так что, в общем, Мег получала от этого «малого приема» большое удовольствие, пока случайно не услышала обрывок разговора, который ее крайне встревожил. Она сидела в глубине оранжереи, ожидая, когда ее партнер принесет ей мороженое, и вдруг услышала, как чей-то голос по другую сторону цветочной стены спросил:

– А сколько ему лет?

– Шестнадцать или семнадцать, – отвечал другой голос.

– Это было бы грандиозно для одной из тех девиц, правда? Сэлли говорит, они теперь очень сблизились и старик их просто обожает.

– Ну, смею сказать, миссис М. все заранее спланировала и хорошо сыграет свою игру, хоть это, пожалуй, и рановато. Девочка-то явно об этом еще и подумать не успела, – сказала миссис Моффат.

– Она же все выдумала про записку от ее мамы – так, будто давно обо всем этом знает, и так мило покраснела, когда принесли цветы. Бедняжка! Она могла бы быть такой красивой, если бы ее одевали поэлегантнее! Это ее немодное, поношенное платье из тарлатана! Как вы думаете, она бы обиделась, если бы мы предложили дать ей на четверг другое платье? – спросил третий голос.

– Девочка горда, но я не думаю, что она откажется, потому что ее тарлатановое платье, кажется, единственное, что у нее есть. Оно может сегодня порваться, и это будет достойный повод предложить ей приличную замену.

Тут как раз появился партнер Мег, заметивший, что она совсем раскраснелась и кажется сильно взволнованной. Она действительно была горда, и гордость ее в этот момент пошла ей на пользу: она помогла Мег скрыть чувство унижения, гнев и отвращение, вызванные тем, что она только что услышала. Ибо при всей ее наивности, при абсолютном отсутствии у нее подозрительности, она не могла не понять смысла сплетен, которыми обменивались ее друзья. Она пыталась выбросить из головы услышанное, но не могла и повторяла про себя: «миссис М. заранее все спланировала», «она же все выдумала про записку от ее мамы» и «немодное, поношенное платье из тарлатана» – до тех пор, пока не почувствовала, что готова расплакаться и поспешно броситься домой – поведать о своих неприятностях и просить совета. Поскольку такой возможности у нее не было, она изо всех сил старалась казаться веселой, и, так как она была очень возбуждена, ее старания оказались весьма успешными: никому и в голову не пришло, какое усилие над собой делала Мег. Она была счастлива, когда вечер наконец закончился, и тихонько лежала в постели, где могла теперь обо всем вдоволь подумать, поудивляться и покипеть от возмущения, пока не разболелась голова, и тогда вполне естественные слезы остудили ее разгоревшиеся щеки. Услышанные ею глупые, но незлые речи открыли Мег новый мир и сильно потревожили покой ее прежнего мира, где она до сих пор жила, счастливая, как дитя. Ее чистосердечная дружба с Лори оказалась осквернена глупыми речами, случайно ею услышанными. Ее вера в непогрешимость матери была несколько поколеблена тем, какие «мирские» планы приписывала маменьке миссис Моффат, судившая о других по себе, и разумное решение довольствоваться простым гардеробом, подобающим дочери бедняка, пошатнулось

от ненужной жалости подруг, считавших поношенное платье одним из величайших бедствий на свете.

В эту ночь бедная Мег спала беспокойно и встала с припухшими глазами, нерадостная, полубоуженная на подруг и полустыдящаяся самой себя из-за того, что не способна откровенно поговорить с ними и все уладить. В это утро все как-то попусту тратили время, и полдень наступил прежде, чем девицы собрались с силами, чтобы взяться за каждодневное вышивание и вязание. Мег сразу же поразились перемене в поведении ее подруг. Они, как ей показалось, относились к ней теперь с большим уважением, проявляли тактичную заинтересованность в том, о чем она говорила, и глядели на нее с нескрываемым любопытством. Все это ее удивляло и даже льстило ей, хотя она не могла понять, в чем тут дело, пока мисс Белл не перестала что-то писать и не произнесла с чувством:

– Дейзи, моя дорогая, я послала приглашение твоему другу, мистеру Лоренсу, на четверг. Нам хотелось бы с ним познакомиться, и это на самом деле вполне заслуженный комплимент тебе самой.

Щеки Мег зарделись, но шаловливое воображение побудило ее поддразнить подруг, и она ответила:

– Благодарю вас, только, боюсь, он не придет.

– Почему же, *cherie*?<sup>50</sup> – спросила мисс Белл.

– Он слишком стар.

– Дитя мое, что ты хочешь этим сказать?! Сколько же ему лет, скажи нам, я тебя умоляю! – воскликнула мисс Клара.

– Думаю, около семидесяти, – ответила Мег и принялась считать петли, чтобы спрятать смеющиеся глаза.

– Ах ты, хитрушка! Конечно же, мы имели в виду молодого человека, – вскричала мисс Белл со смехом.

– Да у них там и нет такого! Лори просто мальчик. – И Мег весело рассмеялась, увидев, каким странным взглядом обменялись сестры Моффат, когда она таким образом описала своего предполагаемого кавалера.

– Примерно твоего возраста? – спросила Нэн<sup>51</sup>.

– Скорее возраста моей сестры Джо. Мне в августе будет семнадцать, – объявила Мег, гордо вскинув голову.

– Очень мило с его стороны было послать тебе цветы, не так ли? – заметила Энни с таким видом, будто она обо всем догадалась, хотя догадываться было не о чем.

– Да, он часто посылает нам цветы, всем нам, потому что у них в оранжерее цветов много, а мы их очень любим. Дело в том, что маменька и мистер Лоренс – большие друзья, и вполне естественно, чтобы мы – дети – подружались и стали играть вместе. – Мег надеялась, что на этом разговор окончится.

– Совершенно очевидно, что Дейзи еще не выезжала по-настоящему, – сказала мисс Клара, многозначительно кивнув Белл.

– Абсолютно пасторальная наивность<sup>52</sup> во всех отношениях, – откликнулась мисс Белл, пожав плечами.

– Я собираюсь выйти и кое-что купить моим девочкам. Может быть, вы захотите, чтобы я выполнила какие-нибудь ваши поручения, мои юные леди? – спросила миссис Моффат, неуклюже вдвигаясь в комнату, словно слон, облаченный в шелк и кружева.

---

<sup>50</sup> Дорогая, милая (*фр.*).

<sup>51</sup> ...спросила Нэн. – Нэн – сокращение от Нэнси.

<sup>52</sup> Абсолютно пасторальная наивность ... – т. е. как в старых романах, где действуют идеализированные пейзажи, пастухи и пастушки.

– Нет, спасибо, мэм, – ответила Сэлли, – я уже купила себе новое платье на четверг, из розового шелка, так что мне ничего не нужно.

– А мне... – начала было Мег и замолкла – ей пришло в голову, что хорошо бы попросить миссис Моффат купить ей несколько нужных вещей, но ведь она не может этого себе позволить!

– А что ты наденешь?

– Опять мое старое белое, если смогу починить его так, чтобы можно было в нем показаться: оно сильно порвалось вчера вечером, – сказала Мег, стараясь говорить спокойно и просто, но чувствуя себя очень неловко.

– Так почему бы не послать домой, за другим? – спросила Сэлли, не отличавшаяся большой наблюдательностью.

– У меня нет ничего другого. – Это признание стоило Мег больших усилий, однако Сэлли этого не заметила и воскликнула, вполне по-дружески изумившись:

– Только это?! Как странно... – Речь свою она не смогла закончить, так как Белл посмотрела на нее, качая головой, и вмешалась в разговор, доброжелательно заявив:

– И вовсе не странно! Какой смысл иметь много платьев, если она еще не выезжает? И незачем посылать домой, Дейзи, даже если бы их у тебя дома была целая дюжина. У меня есть очень миленькое голубое, шелковое, я из него выросла, и ты его наденешь, чтобы доставить мне удовольствие, ведь наденешь, правда, дорогая?

– Вы все очень добры ко мне, но меня не смущает мое старое платье, если вы ничего против него не имеете. Оно вполне подходит для такой, как я, несветской девочки, – ответила ей Мег.

– Ну пожалуйста, позволь мне получить удовольствие от того, что я наряжу тебя в соответствующем стиле! Я обожаю это делать! Штрих там, штрих тут, и ты у нас будешь настоящей маленькой красавицей. Я никому не позволю взглянуть на тебя, пока все не закончу, пока ты не будешь готова, и тогда мы неожиданно ворвемся к ним, точно Золушка со своей крестной, приехавшие на бал, – уговаривала ее Белл, вложив всю силу убеждения в свои слова.

Мег не могла отказаться от предложения, сделанного таким дружеским тоном, да и желание увидеть, станет ли она и впрямь «маленькой красавицей» после одного-двух «штрихов», заставило ее согласиться и забыть о неприятных чувствах, некоторое время тому назад возникших у нее к Моффатам.

В четверг вечером Белл заперлась у себя в комнате со своей горничной, и совместными усилиями они превратили Мег в светскую даму. Они завили ей волосы волнами и закрутили их в локоны, напудрили тонкой душистой пудрой шею, плечи и руки, коснулись губ кораллиновой помадой<sup>53</sup>, придав им более сочный цвет, и Гортенс – горничная – добавила бы даже малую толику румян, если бы Мег не воспротивилась этому. Они зашнуровали ее в небесно-голубое платье так туго, что она едва могла дышать, а вырез показался ей таким глубоким, что скромная Мег покраснела, увидев себя в зеркале. К сему был добавлен убор из филигранного серебра – браслеты, ожерелье и даже серьги, так как Гортенс сумела привязать их розовой шелковинкой так, что ее не было видно. Букет из нескольких бутонов чайной розы и рюш на груди примирили Мег с выставленными напоказ прелестными белоснежными плечами, а шелковые ботиночки на высоком каблучке окончательно удовлетворили ее самые сокровенные желания. Кружевной платочек, веер из страусовых перьев и букет в наплечной букетнице довершили превращение, и мисс Белл оглядела Мег с удовольствием маленькой девочки, по-новому нарядившей свою куклу.

---

<sup>53</sup> ...коснулись губ кораллиновой помадой... – Кораллиновая помада – дорогая губная помада кораллового цвета; считалось, что для ее изготовления используется сок кораллиновых водорослей и она очень полезна.

– Мадемуазель выглядит *charmante, tres jolie*<sup>54</sup>, не правда ли? – воскликнула Гортенс, хлопнув в ладоши в притворном восторге.

– Пойдем, покажись всем остальным, – предложила мисс Белл и пошла вперед, в ту комнату, где ожидали их другие сестры.

И Мег пошла за ней, шурша шелком, волоча по полу шлейф юбки, позвякивая серьгами, кудри ее развевались, а сердце колотилось в груди, и она чувствовала, что вот-вот наконец начнется для нее настоящее развлечение: ведь само зеркало ясно сказало ей, что она – «маленькая красавица». Да и подружки ее с энтузиазмом повторили эту фразу несколько раз, и она постояла какое-то время, подобно вороне из басни, наслаждаясь одолженными ей павлиньими перьями, пока остальные девицы вокруг нее трещали, как стайка сорок.

– Нэн, пока я одеваюсь, научи ее справляться с юбкой и с этими французскими каблуками, не то она может споткнуться и упасть. А ты, Клара, возьми свою серебряную бабочку и подхвати эту длинную прядь с левой стороны ее прически, и пусть никто из вас не испортит чудесную работу моих рук! – распорядилась Белл, явно весьма довольная собственным успехом, и поспешно выбежала из комнаты.

– Ты нисколько на себя не похожа, но выглядишь очень мило. Мне теперь с тобой даже и не сравниться, потому что у Белл бездна вкуса и ты стала совсем француженка, я тебя уверяю. Держи свой букет свободнее, пусть цветы немного свисают, не осторожничай с ними и старайся не споткнуться о шлейф, – посоветовала ей Сэлли, пытавшаяся не огорчаться, что Мег выглядит красивее, чем она.

Ни на миг не забывая об этом предупреждении, Маргарет благополучно сошла вниз по ступеням лестницы и вплыла в гостиную, где с несколькими ранними гостями уже находились мистер и миссис Моффат. Мег очень скоро обнаружила, что в богатой одежде кроется некое очарование, привлекающее людей определенного класса и неминуемо вызывающее их уважение. Несколько юных леди, прежде не обращавших на нее никакого внимания, вдруг стали с ней очень милы. Несколько молодых джентльменов, на предыдущем приеме лишь поглядывавших в ее сторону, теперь не только поглядывали, но просили быть ей представленными и наговорили ей массу глупостей, тем не менее довольно приятных, а несколько пожилых дам, расположившихся на диванах и обменивавшихся критическими замечаниями о других гостях, с интересом спрашивали, кто она такая. Она слышала, как миссис Моффат отвечала одной из них:

– Это Дейзи Марч... Отец – полковник, сейчас в армии... Одно из лучших семейств здесь, у нас, но – превратности судьбы, знаете ли... Близкие друзья Лоренсов... Милейшее создание, уверяю вас, мой Нед от нее в совершенном восторге!

– Подумать только! – произнесла пожилая дама, поднимая к глазам лорнет, чтобы еще раз обозреть Мег, которая старалась сделать вид, что ничего не слышала и вовсе не шокирована выдумками миссис Моффат. «Странное чувство» никуда не девалось, но Мег представила себе, что теперь она играет новую для себя роль светской дамы, и справилась с нею довольно неплохо, хотя из-за туго зашнурованного платья у нее болели бока, шлейф постоянно попадал под ноги, и ее не покидал страх, что одна из сережек может вдруг слететь и потеряться или сломаться. Она кокетничала, играла веером и смеялась неостроумным шуткам юного джентльмена, пытавшегося острить, когда вдруг смех ее замер – так она была смущена: прямо напротив себя она увидела Лори. Он смотрел на нее во все глаза с нескрываемым удивлением и даже, как ей показалось, с неодобрением, так как, несмотря на то что он поклонился ей с улыбкой, что-то в этих честных глазах заставило ее покраснеть и пожелать, чтобы на ней было ее старое платье. В довершение неловкости она заметила, как Белл подтолкнула Энни локтем и обе они

---

<sup>54</sup> Очаровательной, очень красивой (*фр.*).

взглянули на нее, а потом на Лори, который, к ее великой радости, выглядел необычайно юным и застенчивым.

«Глупые девчонки, взяли и вбили мне в голову такие мысли! Не стану об этом думать, ни на йоту не изменюсь», – решила Мег и поспешила пройти через всю гостиную – пожать другу руку.

– Я рада, что вы здесь, я боялась, что вы не приедете, – произнесла она самым взрослым своим тоном.

– Джо хотела, чтобы я поехал, а потом рассказал ей, как вы выглядели, вот я и явился, – ответил Лори, не глядя на нее, хотя позволил себе слегка улыбнуться ее материнскому тону.

– И что же вы ей скажете? – спросила Мег, снедаемая желанием выяснить его мнение о себе и впервые за все время чувствуя себя с ним неловко.

– Скажу, что я вас не узнал, – вы выглядите такой взрослой и непохожей на себя. Я вас побаиваюсь, – признался он, теребя пуговичку у себя на перчатке.

– Какая нелепость! Девочки нарядили меня ради шутки, и мне это даже нравится. А Джо не раскрыла бы глаза от удивления, если бы меня увидела? – продолжала расспросы Мег, которой хотелось заставить его сказать, считает ли он, что она похорошела, или нет.

– Да, думаю, раскрыла бы, – мрачно откликнулся Лори.

– Такой я вам не нравлюсь? – прямо спросила Мег.

– Нет, такой – не нравиться, – столь же прямо ответил Лори.

– Почему же нет? – Тон был взволнованный.

Лори окинул взглядом ее прическу, мелкие волны и локоны, обнаженные плечи и фантастически разукрашенный наряд с таким выражением, что смутил ее гораздо больше, чем своим ответом, в котором не было и следа его обычной обходительности.

– Мне не нравятся разодетые в пух и прах девицы.

Услышать такое от мальчика почти на два года младше, чем она сама, было уж слишком, и Мег двинулась прочь, обиженно бросив ему:

– Вы самый грубый из всех мальчишек, каких мне доводилось видеть!

Чувствуя себя сильно задетой за живое, Мег отошла подальше, к укромному окну, и встала там, желая остудить разгоревшиеся щеки, так как слишком узкое платье придавало им необычайно яркий цвет. Пока она там стояла, мимо нее прошел майор Линкольн, и минуту спустя она услышала, как он сказал своей матери:

– Они делают из той молоденькой девушки глупую гусыню. Я хотел, чтобы вы, матушка, на нее посмотрели, но сегодня она всего лишь кукла – они ее совершенно испортили.

«Вот так-то! – вздохнула Мег. – Какая жалость, что я, неразумная, не надела свое собственное платье! Тогда я не вызывала бы отвращения у других и не чувствовала бы такого неудобства и неловкости, да и не стыдилась бы самой себя».

Она прислонилась лбом к холодному стеклу и стояла так, полускрытая занавесями, не обращая внимания на то, что начался ее любимый вальс, пока не почувствовала, как кто-то коснулся ее руки, и, обернувшись, увидела Лори, с раскаянием на нее глядящего. С самым элегантным поклоном он протянул к ней руку и произнес:

– Прошу вас простить мою грубость и согласиться танцевать со мной.

– Боюсь, это будет вам слишком неприятно, – отвечала Мег, пытаясь сохранить обиженный вид, что ей совершенно не удавалось.

– Ничего подобного! Мне до смерти хочется танцевать с вами. Мне не нравится ваше платье, но вы сами, как я нахожу, просто великолепны! – И Лори всплеснул руками, будто ему не хватало слов, чтобы выразить свое восхищение.

Мег заулыбалась и смиротворилась, а когда они стояли, выжидая момента, чтобы попасть в ритм, она шепнула ему:

– Только смотрите не споткнитесь о мой шлейф, это просто бедствие какое-то, и я – глупая гусыня, что согласилась это надеть!

– А вы заколите его вокруг шеи, и тогда он окажется полезен, – посоветовал Лори, глядя на ее голубые шелковые ботиночки, которые он, по-видимому, одобрял. И они быстро и грациозно вступили в круг, ведь они много раз танцевали дома и успели прекрасно станцеваться, так что эта солнечная юная пара радовала глаз, весело кружась по комнате, и оба они ощущали, что дружба их после небольшой размолвки только окрепла.

– Лори, я хочу попросить вас об одолжении, вы не возражаете? – спросила Мег, когда они остановились и он принялся обмахивать ее веером, так как у нее очень скоро перехватило дыхание, хотя она не хотела бы даже себе признаться почему.

– Неужели я стал бы возражать?!

– Пожалуйста, не рассказывайте им дома о моем сегодняшнем наряде. Этой шутки они не поймут, и мама встревожится.

«Так зачем же вы согласились?» – спросили глаза Лори так явственно, что Мег поспешила добавить:

– Я сама им про все расскажу, и маменьке *поведаюсь* в том, какой глупой я оказалась. Только лучше мне самой все это сделать. Так что вы не скажете им, нет?

– Даю вам слово, что нет, но что же мне сказать им, когда меня спросят?

– Да просто скажите, что выгляжу я вполне хорошо и весело провожу время.

– Ну, первое я скажу от всей души, а как быть со вторым? По вашему виду не скажешь, что вам здесь удастся так уж весело проводить время. А вам весело? – И Лори взглянул на нее так выразительно, что ей ничего не оставалось, как прошептать:

– Нет. Сейчас – вовсе нет. Не считайте меня такой уж отвратительной, мне просто захотелось немного развлечься, только я нахожу, что такие развлечения – совсем не то, чего я ожидала, я от них начинаю уставать.

– Сюда направляется Нед Моффат. Чего ему надо? – спросил Лори, нахмутив свои черные брови так, будто не считал молодого хозяина дома приятным добавлением к званому вечеру.

– Он записался на три танца и, видимо, идет, чтобы их получить. Вот скучища-то! – ответствовала Мег, принимая томный вид, безмерно позабавивший Лори.

Ему больше не удавалось поговорить с Мег до самого ужина, когда он увидел, что она пьет шампанское с Недом и его приятелем Фишером, которые вели себя, как рассудил Лори, «точно пара отпетых дураков», ведь он чувствовал, что обладает вроде бы братским правом оберегать девиц Марч и бросаться за них в бой, как только им понадобится защитник.

– Утром у вас будет раскалываться от боли голова, Мег, если вы много выпьете. На вашем месте я не стал бы, и вы знаете, что вашей матушке это не по душе, – прошептал он, склонившись над ее креслом, когда Нед отвернулся, чтобы вновь наполнить ее бокал, а Фишер наклонился поднять ее веер.

– А я вовсе не Мег сегодня вечером. Я – кукла, способная совершать всяческие сумасбродства. Вот завтра я сброшу свой «пух и прах» и снова стану умопомрачительно хорошей и доброй! – ответила она, притворно засмеявшись.

– Как жалко, что теперь не завтра, – буркнул он, отходя, огорченный увиденной в ней переменой.

Мег танцевала и флиртowała, болтала и хихикала, точь в точь как это делали ее подруги.

После ужина она пошла танцевать котильон, но делала массу ошибок, чуть не опрокинула партнера, споткнувшись о ее шлейф, и скакала и шумела так, что Лори был просто скандализован, но продолжал смотреть, обдумывая грядущую нотацию. Однако ему так и не случилось ее прочесть – Мег старательно держалась от него подальше, пока он не подошел к ней проститься.



– Не забудьте! – произнесла она, пытаясь изобразить улыбку – ее головная боль уже началась.

– *Silence à la mort*<sup>55</sup>, – с мелодраматическим поклоном ответил, уходя, Лори.

Эта почти мимическая сцена возбудила любопытство Энни, однако Мег слишком устала, чтобы теперь обмениваться сплетнями, и легла спать, чувствуя себя так, будто присутствовала на маскараде и провела вечер не так весело, как ожидала. Весь следующий день она недомогала, а в субботу отправилась домой, совершенно изнуренная двухнедельными развлечениями, с ощущением, что чуть слишком долго задержалась «на лоне роскоши».

– До чего же приятно побыть в тишине и покое и не все время вести себя, «как подобает в хорошем обществе». Дома у нас очень мило, хотя наш дом вовсе не великолепен, – сказала Мег, глядя вокруг с выражением глубокого покоя, охватившего ее, когда она вместе с матерью и Джо сидела в воскресный вечер в гостиной.

– Я рада слышать, как ты это говоришь, дорогая, ведь я опасалась, что после тамошних украшенных чертогов наш дом покажется тебе скучным и бедным, – ответила ей мать, не раз за этот день бросавшая на нее обеспокоенный взгляд. Ибо глаз матери быстро улавливает малейшую перемену в выражении лица ее ребенка.

Мег уже успела весело рассказать ей о своих приключениях и все повторяла и повторяла, какими очаровательными были дни, проведенные в доме подруги. Но все же создавалось впечатление, что ее настроение было чем-то омрачено, и, когда младшие девочки отправились спать, она сидела задумчивая, пристально глядя в огонь камина, и молчала, – казалось, что-то ее тревожит. Когда часы пробили девять и Джо предложила пожелать друг другу спокойной ночи, Мег неожиданно встала со своего места, взяла скамеечку Бет и, опершись локтями о колени матери, отважно произнесла:

– Маменька, я хочу *поведаться*!

– Так я и думала. Что случилось, милая?

– Мне уйти? – на всякий случай спросила Джо.

– Да что ты, конечно нет! Разве я не рассказываю тебе всегда и все? Я постеснялась говорить об этом при младших, но мне хочется, чтобы вы с маменькой знали про все то ужасное, что я натворила у Моффатов.

– Мы к этому готовы, – сказала миссис Марч с улыбкой, но глядя на дочь с некоторой тревогой.

– Я вам говорила про то, как меня нарядили, но не сказала, что меня напудрили, зашнуровали, завили и сделали похожей на картинку из модного журнала. Лори посчитал, что это не настоящая я. Он, правда, так не сказал, но я знаю – он так подумал. А другой человек назвал меня куклой. Я понимаю, это глупо, но все остальные меня хвалили, лестили мне, называли красавицей и наговорили бездну всякой чепухи, а я позволила им делать из меня глупую гусыню.

– И это все? – спросила Джо, пока миссис Марч молча смотрела на поникшую голову своей прелестной дочери, не находя в душе достаточно сил, чтобы винить ее за не такое уж опасное безрассудство.

– Нет. Я пила шампанское, скакала и шумела во время котильона и пыталась флиртовать. Я была ужасно гадкой, – призналась Мег, искренне упрекая себя за это.

– Есть ведь еще что-то, мне кажется. – И миссис Марч погладила нежную щечку дочери, вдруг заалевшую, когда Мег медлительно произнесла:

– Да. Это ужасно глупо, но мне хочется рассказать об этом, потому что я терпеть не могу, когда люди говорят и думают такие вещи про нас и Лори.

<sup>55</sup> Нем как могила (буквально «молчание смерти») (*фр.*).

И она пересказала матери и Джо отрывки бесед, услышанных в доме у Моффатов, и, когда она говорила, Джо заметила, как мать плотно сжимает губы, видимо неприятно пораженная тем, что такие мысли вбиваются в голову юношески наивной Мег.

– Ну уж это – дряннейшая чепуха, самая большая из всех, что я когда-нибудь слышала! – возмущенно воскликнула Джо. – Что же ты не выскочила и не объяснила им все сразу?

– Я не смогла. Это было так огорчительно. Сначала я просто не могла не слышать, а потом так рассердилась и мне так стало стыдно, что я даже не подумала, что мне следует уйти!

– Ты только подожди. Вот только встречу с Энни Моффат, я покажу тебе, как надо улаживать такие смехотворные дела. Подумать только – какие-то «планы» и доброе отношение к Лори потому, что он богатый и со временем может взять нас замуж! Да он лопнет со смеху, когда я ему расскажу, что эти балбески говорят про нас – нищих бедняжек! – И Джо рассмеялась, словно, подумав еще разок, решила, что из всего этого получится хорошая шутка.

– Если ты ему скажешь, я тебя никогда в жизни не прощу! Ей ведь нельзя ему про это сказать, маменька, правда же нельзя? – спросила Мег, явно расстроившись.

– Нет, ни в коем случае не пересказывайте никому эти глупые сплетни и сами поскорее выбросьте их из головы, – серьезно посоветовала миссис Марч. – Неразумно было с моей стороны отпустить тебя к людям, которых я так мало знаю. Могу лишь заключить, что они доброжелательны, но суетны, дурно воспитаны и полны самых вульгарных представлений о молодежи. Я огорчена более, чем смогу выразить, из-за того, какой урон способен нанести тебе этот визит, Мег.

– Не огорчайтесь, маменька! Я не позволю этому визиту нанести мне вред. Я забуду все плохое и буду вспоминать только хорошее, потому что я там и в самом деле получила большое удовольствие и очень вам благодарна за разрешение поехать. Я не стану слезливой и недовольной, мама, я понимаю, что я еще мала и глупа, и я останусь с вами, пока не смогу сама о себе заботиться. Но оказывается, очень приятно, когда тебя хвалят и тобой восхищаются, и я не хочу скрывать, что мне это нравится, – полуустыдившись своего признания, сказала Мег.

– Это совершенно естественно и вовсе не вредно, если только не дать этому чувству перерасти в страсть и довести себя до глупых, неподобающих девице поступков. Научись понимать и ценить по достоинству те похвалы, что стоит принимать, и вызывать восхищение людей замечательных не только красивой внешностью, но и своей скромностью, Мег.

С минуту Маргарет сидела молча, размышляя, тогда как Джо, стоявшая, заложив руки за спину, глядела на нее с интересом, но и в некотором замешательстве, ведь она впервые видела Мег с горящими от смущения щеками, рассуждающую о восхищении, кавалерах и тому подобных вещах. И Джо чувствовала, что за прошедшие две недели сестра ее поразительно повзрослела и как бы уплывает от нее в совсем иной мир, куда она, Джо, не может за нею последовать.

– Мама, скажите, – застенчиво начала Мег, – вы и правда «строите планы», как выразилась миссис Моффат?

– Да, моя милая, и очень много планов, как свойственно всем матерям. Только подозреваю, что они несколько отличаются от планов миссис Моффат. Я расскажу тебе о некоторых из них, – видимо, пришло время, когда мои слова могут направить эту романтическую головку и юное сердечко по верному пути в том, что касается очень серьезного предмета. Ты молода, Мег, но не настолько, чтобы не понять меня, а уста матери более всего подходят для того, чтобы говорить о таких вещах с такими, как ты, дочерьми. Джо, твое время тоже, по-видимому, скоро наступит, так что и ты послушай про мои планы и помогай мне их осуществить, если они хороши.

Джо подошла и уселась на подлокотник маминого кресла с таким видом, словно они собрались объединиться ради какого-то серьезного и важного дела. Взяв руку каждой из доче-

рей в свои и с легкой грустью следя за выражением их лиц, миссис Марч заговорила серьезным тоном, но со своей всегдашней ободряющей улыбкой:

– Я хочу, чтобы мои дочери были красивыми, благовоспитанными и добрыми. Чтобы они вызывали восхищение, любовь и уважение. Чтобы юность их шла счастливо, чтобы они хорошо и мудро вступили в брак и вели бы жизнь полезную и приятную, не слишком отягощенную заботами и горем, какие Господь рассудит послать им во испытание. Быть любимой хорошим и добрым человеком – это самое лучшее, самое светлое, что может случиться с женщиной, и я искренне надеюсь, что этот прекрасный опыт выпадет на долю моим дочерям. Вполне естественно думать об этом, Мег, можно и нужно надеяться и ожидать этого и мудро подготавливать к тому, чтобы, когда наступит счастливая пора, дочь чувствовала себя готовой к исполнению семейных обязанностей и была достойна семейных радостей. Мои дорогие, у меня для вас честолюбивые планы, но не в том смысле, чтобы вы пробивались вверх по общественной лестнице, вышли замуж за богатых женихов лишь ради их богатства или роскошных домов, где нет домашнего очага потому, что недостает любви. Деньги – вещь нужная и прекрасная и даже, если ими пользуются достойно, вещь благородная, но я не хочу, чтобы вы хоть когда-нибудь сочли, что это первое и единственное благо жизни, к которому следует стремиться. Мне легче было бы видеть вас женами бедняков, но счастливыми, любимыми и довольными, чем королевами на престолах, лишенными самоуважения и душевного покоя.

– Бедным девицам не выпадает никаких возможностей, как утверждает Белл, если они сами не сделают все, чтобы быть замеченными, – вздохнула Мег.

– Тогда мы останемся старыми девушками! – энергично провозгласила Джо.

– Ты права, Джо. Лучше быть счастливыми старыми девушками, чем несчастными женами или недостойными девицами, охотящимися за мужьями, – решительно проговорила миссис Марч. – Не волнуйся, Мег, бедность редко препятствует искреннему влюбленному. Некоторые из самых лучших и глубоко почитаемых женщин в юности были бедными девицами, но столь достойными любви, что им не дозволено было остаться старыми девушками. Дайте всему этому время. Старайтесь, чтобы наш домашний очаг был счастливым, чтобы в будущем вы были способны сделать счастливыми свои собственные дома, если вам такое будет предложено, и, не теряя спокойствия души, оставайтесь здесь, если этого не случится. Помните одно, мои девочки: мама всегда будет вашей верной наперсницей, папа – всегда вашим другом, и еще – что мы оба надеемся и верим: наши дочери, выйдут ли они замуж или нет, будут нашей гордостью и утешением до конца нашей жизни.

– Конечно, конечно, маменька! – в один голос вскричали обе девочки от чистого сердца. Мать пожелала им спокойной ночи.

## Глава десятая. П. К. и П. П.

С наступлением весны в моду вошел новый набор развлечений, а удлинившиеся дни подарили долгие предвечерние часы для разного рода работ и игр. Следовало привести в порядок сад, и каждая из сестер обрабатывала свою четверть их небольшого сада, где могла делать все, что ей приходило в голову. Ханна, бывало, говорила: «Я б распознала, которая какой из этих садочков обделывает, будь они хоть в самом Катае!» – и, несомненно, узнала бы без труда, так как вкусы девочек разнились точно так же, как их характеры. Мег сажала мирт, розы и гелиотроп, а кроме того, у нее на участке росло небольшое апельсиновое деревце. «Поле» Джо не оставалось одинаковым от одного сезона к другому, ибо она постоянно экспериментировала. В этом году здесь намечалась плантация подсолнухов, семена этого веселого, вдохновляющего растения должны были накормить некую Тетушку Светлую Головушку и ее куриное семейство. В садике у Бет росли старомодные душистые цветы – душистый горошек и резеда, гвоздика, анютины глазки и кустарниковая полынь, да еще сорная гвоздичка для птиц и котовик для котят. А у Эми стояла маленькая беседка, формой чуть-чуть напоминающая ухвертку, но прелестная на вид: она вся была увита жимолостью и пурпурным выюнком, чьи яркие трубочки и колокольчики украшали ее изящными венками, а рядом располагались высокие белые лилии, хрупкие папоротники и множество красочных, живописных растений, какие только соглашались там цвести.

Садоводство, прогулки, гребля на реке, охота за интересными цветами занимали солнечные дни, а в дождливые девочки устраивали себе развлечения дома: порою – старые, порою – новые, но все более или менее оригинальные. Одним из новых было П. К., ибо, поскольку в моду вошли тайные общества, было найдено правильным создать таковое, а так как все любили Диккенса, они назвали свое общество Пиквикским Клубом. С несколькими перерывами эта игра длилась целый год, и члены Клуба встречались каждый субботний вечер на просторном чердаке, по случаю чего проводилась следующая церемония: три стула устанавливались рядом у стола, на котором стояла лампа, а перед нею – четыре белые ленты с эмблемой – большими разноцветными буквами «П. К.» на каждой, а также еженедельная газета, называвшаяся «Пиквикский Портфель», в которую каждый член Клуба так или иначе вносил свою лепту, тогда как Джо, получавшая особое наслаждение от пера и чернил, была еще и ее редактором. В семь вечера четверо членов тайного общества поднимались в «клубную залу» – Пиквик-Холл, каждый повязывал ленту с эмблемой себе на голову и с большой торжественностью садился на свое место. Мег, как самая старшая, была Сэмюэл Пиквик, Джо, имевшая склонность к писательству, – Огастус Снодграсс, Бет, пухленькая и розовощекая, – Трейси Тапмен, а Эми, та, что всегда пыталась сделать что-то для нее невозможное, – Натаниел Уинкль. Пиквик – Председатель Клуба – читал вслух газету, полную оригинальных рассказов и сказок, стихов, местных новостей, забавных приключений и намеков, добродушно напоминавших им об их промахах и недостатках. В каком-то случае мистер Пиквик даже водрузил на нос очки без стекол, постучал по столу, откашлялся и, пристально воззрившись на мистера Снодграсса, который откинулся назад так, что его стул качался на задних ножках, не отводил от него взора до тех пор, пока тот не сел как подобает. Лишь тогда Председатель начал читать:

### Пиквикский Портфель

*Мая 20, год 18...*

## Уголок поэта

### ЮБИЛЕЙНАЯ ОДА

Мы здесь собрали всех друзей  
Под знаком П. и К.  
Петь достославный юбилей –  
Ведь нам пятьдесят два!  
Мы в Пиквик-Холле все сейчас,  
Здоровы и бодры,  
Никто из нас не бросил нас,  
Не вышел из игры.  
И каждый видеть снова рад  
Знакомое лицо  
И руку друга крепко жать,  
Ступив в друзей кольцо.  
Наш славный Пиквик на посту!  
Мы чтим его досель,  
Когда с очками на носу  
Читает он «Портфель».  
И пусть простужен он теперь,  
Все мудрые слова  
Влетают в душ раскрытых дверь  
Сквозь хрип и кашель, верь не верь,  
И в нас любовь жива!  
«Портфель» наш дивных полн вещей,  
Рассказов и поэм,  
Советов мудрых и вестей,  
Намеков, важных всем!  
Шестифутовый Снодграсс встал<sup>56</sup> –  
В нем выправка видна,  
Всех членов Клуба обласкал  
С изяществом слона.  
Огонь поэзии в очах,  
Борец с судьбою, но  
Все ж на носу – увы и ах! –  
Чернильное пятно...  
Наш мирный Тапмен рядом с ним,  
Розовощек и пухл,  
Смеется шуткам так, что с ним  
Валится на пол стул!  
И образцовый Уинкль здесь,  
Причесан, надушён,

---

<sup>56</sup> Шестифутовый Снодграсс встал... – Один фут равен 30,48 см.

Долби ему и в ночь, и днесь –  
Лица не моет он!  
Уж минул год, но мы опять  
Идем – рука с рукой –  
Шутить, смеяться, и читать,  
И славу вместе добывать  
Литературной трудною тропой.  
Живи и здравствуй, наш П. П.  
Полезный Клуб, продлись века!  
Благословение тебе,  
Веселый наш П. К.!

*О. Снодграсс*

## СВАДЬБА В МАСКАХ

### *(Сказка о Венеции)*

Гондола за гондолой изящно подплывали к мраморным ступеням и оставляли свою прелестную ношу пополнять блистательную толпу гостей в величественных залах графа де Аделона. Рыцари и дамы, эльфы и пажи, монахи и цветочницы – все перемешались в веселом танце. Приятные голоса и звучные мелодии наполняли воздух, и веселый маскарад продолжался под звуки чудесной музыки.

– Ваше высочество видели сегодня вечером леди Виолу<sup>57</sup>? – осведомился галантный трубадур у королевы фей, которая вплыла в залу, опираясь на его руку.

– Да! И ведь правда она красива, несмотря на то что так печальна? И наряд ее удачно выбран – ведь через неделю она выходит замуж за графа Антонио, которого страстно ненавидит.

– Клянусь честью, я ему завидую! А вот и он идет. Наряжен женихом, если бы только не черная маска. Когда он ее снимет, мы увидим, какие взоры бросает он на прекрасную деву, сердце которой не смог завоевать, хотя ее жестокий отец дарует ему ее руку, – отвечал трубадур.

– Ходит шепоток, что она любит молодого англичанина, художника, который увивается за ней по пятам, но тот с презрением отвергнут старым графом, – пояснила дама, когда они уже вступали в круг танцующих.

Веселье было в самом разгаре, когда появился священник и увел молодую пару в беседку, увешанную пурпурным бархатом. Там он жестом велел им опуститься на колени. Мгновенная тишина пала на веселую толпу, ни один звук, кроме журчания фонтанов или шороха апельсиновых рошиц, дремлющих в лунном свете, не нарушал молчания. И граф де Аделон молвил так:

– Леди и джентльмены, гости мои, прошу простить уловку, посредством каковой я собрал вас здесь, чтобы вы стали свидетелями вступления в брак моей дочери. Святой отец, мы ожидаем, что вы свершите свой долг.

---

<sup>57</sup> *Ваше высочество видели сегодня вечером леди Виолу?* – Автор сказки (Маргарет) явно не знает, что к королеве следует обращаться со словами «ваше величество». Не знает автор и того, что родительское благословение дается до венчания. Впрочем, как увидим, не представляет он себе и обряда венчания.

Все взоры устремились на брачную пару, по толпе прошел удивленный шумок, ибо ни жених, ни невеста не сняли с себя масок. Любопытство и изумление овладели всеми сердцами, но почтение удерживало языки гостей, пока длилось священнодействие. Затем возбужденные зрители окружили графа, требуя объяснений.

– С радостью дал бы я вам требуемое, если бы мог. Но скажу лишь, что таков был каприз моей застенчивой Виолы, и я уступил ей. А теперь, дети мои, игра окончена, снимите маски и примите мое благословение.

Однако молодые не преклонили колен, ибо жених заговорил таким тоном, что все, услышав его голос, были поражены, а он в тот же миг отбросил маску, открыв благородное лицо влюбленного художника Фердинанда Деверо. На грудь его, где теперь сияла звезда английского графа, склоняла голову прелестная невеста – Виола де Аделон, сияющая радостью и красотой.

– Милорд, вы с презрением пожелали мне, чтобы я просил руки вашей дочери, когда стану обладателем столь же высокого имени и столь же несметного состояния, какими обладает граф Антонио. Я же способен на большее, ибо даже ваша тщеславная душа не решится отвергнуть графа Деверо и Де Вера, когда он отдаст свое древнее имя и свое неисчислимое состояние за возлюбленную руку этой прекрасной дамы.

Граф де Аделон стоял, словно обратившись в соляной столб, а Фердинанд Деверо, обернувшись к недоумевающей толпе гостей, добавил с веселой, торжествующей улыбкой:

– Вам же, мои любезные друзья, я могу лишь пожелать, чтобы ваши искания возлюбленной руки были столь же успешны, как мои, и чтобы каждый из вас завоевал любовь невесты, столь же прекрасной, как моя юная супруга, ставшая ею благодаря этой свадьбе в масках.

*С. Пиквик*

*Вопрос:* Чем П. К. напоминает Вавилонскую башню?

*Ответ:* Он тоже являет собою сборище неуправляемых языков<sup>58</sup>.

## ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТЫКВЫ

Жил да был на свете один фермер, и посадил он в огороде маленькое семечко. Через некоторое время семечко проросло и стало лозой, а на лозе выросло много маленьких тыквочек. Как-то днем, в октябре, когда тыквочки созрели, фермер сорвал одну и отнес на рынок. А бакалейщик купил тыкву и выставил в своей лавке. В то же утро девочка в коричневой шапочке и синем платьице, с округлым личиком и курносый носом, пришла в лавку и купила тыкву для своей мамы. Она притащила тыкву домой, разрешила на куски и сварила ее в большой кастрюле. Потом она размяла часть сваренной тыквы с солью и сливочным маслом, сделав пюре к обеду. А к оставшейся части добавила пинту молока<sup>59</sup>, два яйца, четыре ложки сахара, мускатный орех и несколько крекеров, положила в глубокий противень и запекала до тех пор, пока смесь не стала коричневой и красивой. А на следующий день тыква была съедена семейством по имени Марч.

*Т. Тапмен*

Мистер Пиквик Сэр.

---

<sup>58</sup> *Он тоже являет собою сборище неуправляемых языков.* – Неуправляемые языки – здесь: неуправляемые разноязычные народы; *англ.* выражение «unguly members» – букв. «неуправляемые члены», т. е. болтливые языки, – использовано в игре слов также в значении «неуправляемые члены П. К.».

<sup>59</sup> *...добавила пинту молока...* – Пинта – мера объема жидкостей. В американской жидкой пинте чуть меньше пол-литра.

Я обращаюсь к Вам на тему греха грешника то есть является ли человек по имени Уинкль который причиняет беспокойство в своем клубе своим смехом и иногда не пишет свой вклад в эту прекрасную газету я надеюсь вы простите его негодность и позвольте ему прислать французскую басню потому что он не умеет писать из головы ведь у него так много уроков и так мало мозгов в будущем я постараюсь схватить время за выворот<sup>60</sup> и сразу готовить какое-то произведение которое будет совсем *comme il faut*<sup>61</sup> что значит все в порядке а я спешу потому что почти уже время в школу С уважением ваш  
*Н. Уинкль*

Вышеопубликованное есть мужественное и прекрасное признание прошлых проступков. Если бы наш молодой друг изучил правила пунктуации, это пошло бы ему на пользу.

## ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В прошедшую пятницу мы были потрясены страшным шумом, донесшимся из подвала, вслед чему раздались горестные крики. Бросившись всем Клубом в подвал, мы обнаружили нашего возлюбленного Председателя распростертым на полу, поскольку он споткнулся и упал, спустившись туда набрать дров для домашних надобностей. Нашим глазам предстала картина полнейшего крушения, ибо в падении своем мистер Пиквик угодил головой и плечами в кадушку с водой, опрокинул бочонок с жидким мылом на всю свою мужественную фигуру и сильно изорвал на себе платье. По вызволении его из сего опасного положения было обнаружено, что наш Председатель не понес телесного ущерба, за исключением нескольких синяков и ссадин, и мы счастливы добавить, что в настоящее время он чувствует себя хорошо.

*Ред.*

## ОБЩЕНАРОДНАЯ УТРАТА

На долю нашего издания выпал печальный долг сообщить о неожиданном и таинственном исчезновении нашего дорогого друга, миссис Снежок Ласковая Лапка. Эта прелестная и обожаемая кошечка была любимицей широкого круга горячих и восторженных поклонников, ибо красота ее привлекала все взоры, а изящество ее и ее добродетели привлекали к ней все сердца. Все наше сообщество глубоко скорбит о ее утрате.

Когда ее видели в последний раз, она сидела у калитки, следя за тележкой мясника, и высказываются опасения, что некий злодей, плененный ее очаровательной внешностью, подло ее украл. Миновали недели, но до сих пор следы ее так и не были обнаружены, посему мы вынуждены, отказавшись от надежд, повязать траурную ленту на ее корзинку, убрать подальше ее тарелку и оплакать дорогого друга, навек утраченного нами.

Жемчужина, присланная сочувствующим другом:

## ЭЛЕГИЯ

*Памяти С. Ласковая Лапка*

---

<sup>60</sup> ...я постараюсь схватить время за выворот... – Эми хочет сказать «за шиворот».

<sup>61</sup> ...которое будет совсем *comme il faut*... – Эми хочет сказать «comme il faut» (*фр.*) – «как надо», «как полагается». Это выражение принято и в русском обиходе – «комилфо».



Скорбим мы о любимице ушедшей,  
Вздыхаем о несчастной, злой судьбе:  
Ведь вспоминаем мы, к камину подошедши,  
Что не сидеть здесь более тебе!  
Уж не играть у старенькой калитки,  
К могилке сына уж тебе не подойти,  
А нам – не плакать у твоей могилки,  
Нам к ней никак не отыскать пути!  
Пустует ложе, мяч не ждет бросанья –  
Тебя им более не увидеть,  
Чуть слышных лап твоих и нежного урчанья  
Теперь нам никогда не услышать...  
За мышкою твоей следит другая кошка,  
С нечистой мордочкой, совсем иной на вид,  
Охотится она не тихо и сторожо,  
Как ты: коль промахнется, зло кричит.  
В игре она совсем не грациозна,  
Так не похожа, дорогая, на тебя,  
И нам поверить просто невозможно,  
Что там она, где ты ходила, нас любя.  
Та лишь шипит на псов, а наша дорогая  
По-рыцарски гнала их со двора!  
Та все ж старается, полезна, но – другая,  
И некрасивая, а ты – ты нам всегда нужна!  
Не можем мы твое отдать ей место,  
Ценить ее, как мы тебя ценили,  
И нам даже пытаться неуместно  
Другую полюбить так, как тебя любили.

## ОБЪЯВЛЕНИЯ

МИСС ОРАНТИ БЛАГГИДЖ, благовоспитанная и эмансипированная лектор, прочтет свою знаменитую лекцию «ЖЕНЩИНА И ЕЕ ПОЗИЦИЯ» в Пиквик-Холле в вечер следующей субботы после обычных церемоний.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ будет проведено на Кухонной Территории с целью обучения юных девиц приготовлению пищи. Руководитель – Ханна Браун. Приглашаются все.

АССОЦИАЦИЯ СОВКА И МЕТЛЫ соберется в следующую СРЕДУ и пройдет парадом по верхнему этажу Клубного Дома. Каждый член Ассоциации является в форме, с метлой на плече, точно в девять часов утра.

Миссис БЕТ ХВАСТУНИШКА открывает новую коллекцию кукольных шляпок на следующей неделе. Прибыли последние парижские модели. Почтительная просьба предоставить другие.

НОВАЯ ПЬЕСА будет представлена в БАРНВИЛЛ-ТЕАТРЕ через несколько недель. Представленная пьеса превзойдет всё когда-либо игравшееся на американской сцене. Название сей волнительной драмы «Греческий раб Константина-Мстителя»!!!

## НАМЕКИ

Если бы С. П. не тратил столько мыла на свои ручки, ему не пришлось бы вечно опаздывать к завтраку.

О. С. почтительно просят не свистать на улице.

Т. Т., будьте добры, не забудьте салфетку Эми.

Н. У. не следует беспокоиться – ведь на его платье пока еще нет девяти поперечных складок.

## ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

Мег – хорошо

Джо – плохо

Бет – очень хорошо

Эми – посредственно

Как только Председатель закончил читать газету (каковая – в этом я прошу позволения заверить читателя – представляет *bona fide*<sup>62</sup> копию газеты, писанной когда-то давным-давно *bona fide* девочками того времени), раздались всеобщие аплодисменты, и мистер Снодграсс встал, чтобы внести предложение.

– Мистер Председатель, джентльмены! – начал он, приняв вполне парламентский вид и тон. – Я хотел бы внести предложение о приеме в наш Клуб нового члена – того, кто высочайшим образом заслуживает этой чести, будет за нее глубоко благодарен и сделает огромный вклад в духовное богатство нашего Клуба; он повысит литературную ценность нашей газеты, а также будет всегда бесконечно веселым и милым. Я предлагаю принять мистера Теодора Лоренса в качестве почетного члена П. К. Ну давайте же, примем его в Клуб!

Неожиданная смена тона заставила всех рассмеяться, однако сестры Джо выглядели несколько возбужденными, и никто не произнес ни слова, когда Снодграсс сел на свое место.

– Мы ставим вопрос на голосование, – произнес Председатель. – Каждый, кто за данное предложение, пусть будет добр обнародовать это, сказав «ай»<sup>63</sup>.

Последовал громогласный отклик от Снодграсса, а за ним, к всеобщему удивлению, застенчивый – от Бет.

– Противоположно настроенных прошу сказать «ноу».

Мег и Эми оказались противоположно настроенными; мистер Уинкль встал и с великой элегантностью произнес:

– Мы не желаем никаких мальчишек, они только подсмеиваются и без толку носятся повсюду. Это дамский клуб, и мы желаем, чтобы в нем все было тихо и чинно.

– А я опасаюсь, что он будет смеяться над нашей газетой, а потом станет и нас высмеивать, – заметил мистер Пиквик, покручивая завиток волос надо лбом, как она делала всегда, если ею овладевали сомнения.

И тут встал Снодграсс, очень серьезный:

---

<sup>62</sup> Настоящий, честный, реальный (лат.).

<sup>63</sup> ....обнародовать это, сказав «ай». – Ай (англ. Aye) – «да», положительный ответ при открытом голосовании в английском парламенте.

– Сэр, даю вам честное слово джентльмена, Лори никогда не сделает ничего подобного. Он любит писать и сумеет придать должный тон нашим собственным вкладам, удерживая нас от сентиментальности. Неужели вы не понимаете? Мы так мало можем для него сделать, а он так много делает для нас. Я считаю, самое малое, что мы можем для него сделать, – это предоставить ему здесь место и горячо приветствовать его, если он согласится прийти.

Искусное упоминание об оказанных благодеяниях заставило Тапмена вскочить на ноги с таким видом, будто он принял бесповоротное решение:

– Да, нам следует это сделать, хотя мы и опасаемся. Я заявляю, что он может прийти, и его дедушка тоже, если захочет.

Столь вдохновенная, неожиданная от Бет вспышка наэлектризовала весь Клуб, и Джо, покинув свое место, принялась одобрительно пожимать всем руки:

– Ну, тогда давайте голосовать снова. Пусть каждая из нас вспомнит: это же наш Лори! И скажет «ай»! – взволнованно воскликнул Снодграсс.

– Ай! Ай! Ай! – в один голос вскричали все трое.

– Прекрасно! Да благословит вас Небо! Ну, теперь, раз нет ничего лучше, чем схватить время за выворот, как со свойственной ему тонкостью заметил Уинкль, разрешите мне представить вам нашего нового члена!

И к всеобщему смятению, Джо рывком распахнула дверь чулана, и глазам членов Клуба предстал Лори, сидящий на мешке с тряпьем, раскрасневшийся и прищуривший глаза от сдерживаемого смеха.

– Ах, негодяйка! Предательница! Джо, как ты могла?! – вскричали три сестры, когда мистер Снодграсс торжествующе выводил своего друга из чулана и, сразу же предоставив ему и стул, и ленту с эмблемой, мгновенно водворил его «в должность».

– Хладнокровие этих двух шельмецов поразительно! – начал было мистер Пиквик, пытаясь напустить на себя ужасающую строгость, хотя получилась у него всего лишь дружелюбная улыбка. Однако новый член Клуба оказался на высоте положения и, поднявшись на ноги, с выражениями благодарности приветствовав Президиум, произнес в самой располагающей своей манере:

– Мистер Председатель, леди... прошу прощения... джентльмены, позвольте мне представиться. Я – Сэм Уэллер, нижайший слуга Пиквикского Клуба.

– Прекрасно! Прекрасно! – выкрикнула Джо, грохнув о стол ручкой старой железной угольной грелки, о которую она опиралась.

– Мой верный друг и благородный покровитель, – продолжал Лори, махнув в ее сторону рукой, – который столь лестно представлял меня здесь, нисколько не виновен в сегодняшней коварной стратагеме. Это я все спланировал, а она уступила лишь после долгих уговоров.

– Да ладно вам, не нужно взваливать всю вину на себя! Вы же помните – я предлагала шкаф, – вмешался Снодграсс, получавший от этой шутки невероятное наслаждение.

– Не обращайтесь внимания на то, что она говорит! Я – тот несчастный, кто совершил все это, сэр, – заявил новый член с типично уэллерским кивком мистеру Пиквику. – Но, клянусь честью, я никогда больше ничего подобного не сделаю и отныне посвящу себя целиком и полностью интересам нашего бессмертного Клуба.

– Слушайте! Слушайте! – выкрикнула Джо, прозвенев крышкой грелки, словно медной тарелкой.

– Продолжайте, продолжайте! – поддержали ее Уинкль и Тапмен, тогда как Председатель благосклонно ему улыбался.

– Я всего лишь желаю сказать, что в качестве скромного знака признательности за оказанную мне честь и как средство успешного развития дружественных отношений между соседствующими друг с другом народами я оборудовал столбовое П. О. – то есть почтовое отделение – в дальнем углу сада: прекрасное высокое здание с замками на дверях и всеми потребными

для получения и отправления почты удобствами как для мужчин, так и для женщин, если мне будет позволено так выразиться. Это большая старая скворечня, но я забил вход, а крышу сделал подъемной и навесил замок, так что теперь здание может вместить самые разные вещи и тем сэкономить нам уйму драгоценного времени. Письма, рукописи, книги и разнообразные посылки могут передаваться посредством этого П. О., и, поскольку каждый из народов получает свой ключ, это будет, как мне представляется, чрезвычайно удобно. Дозвольте мне вручить вам клубный ключ и с глубочайшей благодарностью за дарованную мне привилегию занять свое место.

Бурные и продолжительные аплодисменты сопровождали жест мистера Уэллера, возлагавшего на стол маленький ключик, а затем опустившегося на свой стул. Грохотала о корпус грелки ее высоко вздымаемая крышка, и прошло некоторое время, пока порядок в Пиквик-Холле был восстановлен. За сим последовала долгая дискуссия, и выступление каждого члена являлось сюрпризом, ибо каждая старалась вовсю. Так что это собрание прошло необычайно оживленно и не кончалось до весьма позднего часа, когда было наконец закрыто после троекратного «ура!» в честь нового члена.

Никому никогда и в голову не пришло пожалеть о допуске в Клуб Сэма Уэллера, потому что более преданного, более благонаправленного, живого и веселого члена не мог бы иметь в своем составе никакой клуб. Он, несомненно, внес огромный вклад в «духовное богатство» Клуба, оживил его собрания, определил «тон» и добавил «тональности» газете, ибо его устные выступления вызывали конвульсии у слушателей, а письменные были превосходны – патриотичны, классичны, комичны или драматичны, но никогда не сентиментальны. Джо считала их достойными Бекона, Мильтона и Шекспира и переделывала свои собственные произведения – как она полагала – весьма эффективно!

Столбовое П. О. оказалось поистине превосходной, хотя и не очень крупной институцией и чудесно процветало, так как его посредством передавалось почти столько же странных и удивительных вещей, как через реальную почтовую контору. Трагедии и галстухи, стихи и пикули, семена для сада и длинные письма, ноты и пряники, калоши, приглашения, нагоняи и щенки. Старому джентльмену нравилась забавная игра, и он развлекался, посылая странные посылочки, таинственные сообщения и забавные телеграммы, а его садовник, покоренный чарами Ханны, вполне всерьез послал на адрес Джо любовное письмо для передачи его возлюбленной! Каким хохотом приветствовали они эту вышедшую наружу тайну, не способные тогда даже представить себе, сколько любовных писем проследует через это крохотное П. О. в грядущие годы!

## Глава одиннадцатая. Эксперименты

– Первое июня! Завтра Кинги отправляются на море, и я свободна. Трехмесячный отпуск – какое блаженство! – восклицала Мег, входя домой в жаркий летний день и видя, что Джо простерта на диване в необычайном изнеможении, тогда как Бет стягивает с нее запыленные башмаки, а Эми готовит лимонад для подкрепления сил всей компании.

– А тетушка Марч отправилась сегодня – ох, радуйтесь, радуйтесь! – потребовала Джо. – Я смертельно боялась, что она попросит меня поехать с ней. Если бы попросила, я решила бы, что, скорее всего, вынуждена буду просить ее меня отпустить. У нас там такая суеда шла со сборами старой дамы в отъезд, и я так пугалась каждый раз, как она заговаривала со мной, и так спешила поскорее все закончить, что была необычайно услужлива и добра и страшно боялась, вдруг из-за этого она не захочет со мною расстаться. Я тряслась от страха до того самого момента, когда она благополучно расположилась в карете, а напоследок – о ужас! – только карета отъехала, как тетушка высунулась в окошко и крикнула: «Джозефина, а вы не...» Больше я ничего не слышала, потому что бесчестно отвернулась и бросилась прочь. Я бежала со всех ног, по-настоящему, и юркнула за угол: только там я почувствовала себя в безопасности.

– Бедная наша Джо! Она влетела в дом, будто за нею гнались медведи, – сказала Бет, по-матерински прижимая к себе ступни сестры.

– Тетушка Марч – самый настоящий самфир<sup>64</sup>, правда ведь? – заметила Эми, с критическим видом пробуя приготовленную ею смесь.

– Она хотела сказать «вампир», – чуть слышно проговорила Джо, – но это не так уж важно. Слишком жарко, чтобы тщательно разбираться в частях речи...

– А что же ты собираешься делать во время своего отпуска? – спросила Эми, тактично меняя тему разговора.

– Буду долго лежать в постели и ничего не делать, – отозвалась Мег из глубин кресла-качалки. – Меня всю зиму оттуда силком вытаскивали, и я целые дни была вынуждена работать для других, так что теперь я собираюсь отдыхать и наслаждаться, сколько моей душе угодно.

– Ну уж нет, – возразила Джо, – такой сонливый отдых не в моем вкусе. Я отложила на это время целую кучу книг и собираюсь украсить эти солнечные часы, читая на своем насесте – на старой яблоне, если только мы с Лори не пус...

– Ой, только не говори «пустимся во все тяжкие» – это такое грубое выражение! – взмолилась Эми в отместку за поправку к «самфиру».

– Тогда я скажу – «пустимся во все легкие!». Это будет не грубо и вполне подходит, ведь Лори – птичка певчая, поет, как соловей.

– И знаешь, Бет, давай некоторое время не делать никаких уроков, будем только играть и отдыхать, как наши старшие собираются, – предложила Эми.

– Ладно, я с удовольствием, если мама не будет против. Мне хочется разучить несколько новых песен, да и моим детишкам нужно поправить кое-что к лету. Они у меня сейчас в ужасном беспорядке, и им на деле не хватает летних одежек.

– Можно нам так сделать, мама? – обратилась Мег к матери, сидевшей за шитьем в той части гостиной, что они называли «Маменькин уголок».

– Можно попробовать. Поэкспериментируйте неделю и посмотрите, как вам это понравится. Мне думается, в субботу вечером вы обнаружите, что только играть, совсем не работая, так же плохо, как только работать, совсем не играя.

– Ах, да нет же! Это будет восхитительно, я нисколько не сомневаюсь, – самоуверенно заявила Мег.

---

<sup>64</sup> Самфир (или солянка калийная, лат. *Salsola kali*) – травянистая прибрежная водоросль.

– А теперь я провозглашу тост, как выражается «мой друг и *парднё́р* Сэйри Гэмп»<sup>65</sup>: «Веселиться всегда, надрываться – никогда!» – воскликнула Джо, поднимаясь со стаканом в руке, поскольку лимонад уже был налит всем присутствующим.

Все весело выпили лимонад и тут же приступили к эксперименту, начав с того, что остаток дня провели, ничего не делая. На следующее утро Мег появилась лишь после десяти часов. Завтрак, съеденный ею в одиночестве, оказался не таким уж вкусным, комната казалась пустой и неприбранной, потому что Джо не поменяла воду в вазах, Бет не вытерла пыль, а книжки Эми валялись повсюду в беспорядке. Все вокруг казалось неопрятным и неприятным, кроме Маменькиного уголка, который выглядел совершенно так, как прежде. Там и села Мег «отдохнуть и почитать», что означало – позевать и помечтать о том, какие красивые летние платья она приобретет на полученное жалованье. Джо провела все утро на реке с Лори, а день – наверху, на яблоне, читая и рыдая над книгой «Этот огромный, огромный мир»<sup>66</sup>. Бет принялась вытаскивать все из большого чулана, где проживало ее «семейство», но утомилась, не доделав и половины намеченного, оставила все в своем хозяйстве вверх тормашками и взялась за ноты, радуясь, что ей не нужно мыть посуду. Эми привела в порядок свою беседку, надела самое лучшее белое платье, пригласила кудряшки и села в беседке рисовать, втайне надеясь, что кто-нибудь ее увидит и спросит, кто эта юная художница. Поскольку не появился никто, кроме любопытного паука-косинога, с интересом ее обследовавшего, она пошла прогуляться, попала под короткий ливень и вернулась домой, промокая до нитки.

За вечерним чаем, обменявшись впечатлениями, они пришли к выводу, что это был восхитительный, но необыкновенно долгий день. Мег, ходившая по магазинам во второй половине дня и купившая себе «миленький голубой муслинчик», обнаружила, после того как успела отрезать ярлыки, что его нельзя стирать. Эта неприятность ее несколько раздражила. Джо во время гребли сожгла на солнце нос, и на нем стала лупиться кожа, а от непрерывного чтения у нее страшно разболелась голова. Бет огорчили беспорядок в ее чулане и трудность разучивания трех или четырех песен сразу. А что касается Эми, та глубоко сожалела о том, что испортила свое лучшее белое платье, потому что на следующий день у Кэтти Браун намечалась вечеринка, а Эми теперь, подобно Флоре Макфлимзи<sup>67</sup>, «нечего было надеть». Но ведь это были сущие пустяки, и девочки уверяли маму, что эксперимент прекрасно работает. Мама улыбнулась, ничего не промолвив, и с помощью Ханны сделала все то, что они не озаботились сделать, сохранив тем самым приятную атмосферу в доме и не дав домашней машине нарушить ее всегда безупречную работу. Совершенно поразительно, однако, какое необычное и тревожно-неудобное положение создалось в результате самого процесса «отдыха и наслаждения». Дни становились все длиннее и длиннее, погода этим летом была непривычно переменчива, и так же переменчиво было настроение: чувство неустроенности завладело всеми, а Сатана нашел для праздных рук массу возможностей набедокурить. Верхом наслаждения для Мег было то, что она уже закончила кое-что для себя шить, но теперь она обнаружила, что свободное время тяжело давит на плечи, и принялась кромсать и всячески портить свои платья, пытаясь переделать их *à la* Моффат. Джо читала до тех пор, пока глаза не отказали, пока книги не надоели и пока она сама не стала такой беспокойной, что даже добродушный Лори с ней поссорился, и настроение у нее резко упало, заставив в отчаянии пожалеть, что она не уехала с тетушкой Марч. Бет переносила эту неделю вполне благополучно, так как она то и дело забывала, что полагается только играть и нисколько не работать, и время от времени прини-

<sup>65</sup> ...«мой друг и *парднё́р* Сэйри Гэмп»... – Сэйри (Сара) Гэмп – второстепенный персонаж в романе Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (1843).

<sup>66</sup> «Этот огромный, огромный мир» (1850) – роман американской писательницы Сюзан Богерт Уорнер (1819–1885), изданный под псевдонимом Элизабет Уэзерелл.

<sup>67</sup> ...подобно Флоре Макфлимзи... – Мисс Флора Макфлимзи – героиня юмористического стихотворения американского юриста и автора сатирических стихов Уильяма Аллена Батлера «Нечего надеть» (1825–1902).

малась за свои обычные дела. Но что-то в атмосфере дома, несомненно, затрагивало и ее, и ее привычное спокойствие не однажды нарушалось настолько, что как-то раз Бет по-настоящему потрянула милую бедняжку Джоанну и сказала ей, что она «просто ужас»! У Эми дела шли хуже всего, потому что ее ресурсы были невелики, и, когда сестры оставили ее развлекаться самостоятельно, она обнаружила, что благовоспитанная и значительная маленькая особа – это тяжкая обуза. Ей не по душе были куклы, волшебные сказки – все это слишком отдавало детством! Но ведь человек не может рисовать весь день напролет! Чаепитие в гостях тоже не такая уж интересная затея, как и пикники, если только не организовать их как следует. «Конечно, если бы иметь прекрасный дом, полный симпатичных девочек, или поехать путешествовать, лето было бы восхитительным. Но сидеть дома с тремя сестрами-эгоистками и взрослым мальчишкой – от такого терпение лопнуло бы даже у Вооза!<sup>68</sup>» – жаловалась мисс Малапроп<sup>69</sup> после нескольких дней ничегонеделанья, обеспокоенная и наскучившая бездельем.

Ни одна из них не захотела бы сознаться, что устала от эксперимента, однако к вечеру пятницы каждая успела втайне подумать о том, как она рада, что неделя подошла к концу. В надежде усилить впечатление от полученного урока, миссис Марч, обладавшая изрядным чувством юмора, решила завершить испытание подобающим образом. Она дала Ханне отпуск, позволив девочкам в полной мере насладиться результатами их игровой системы.

Утром в субботу, когда они встали, огонь на кухне не был разожжен, в столовой не обнаружилось никакого завтрака, а мамы нигде не было видно.

– Милосердное Небо! Что такое случилось? – вскричала Джо, оглядывая все вокруг широко раскрытыми в испуге глазами.

Мег бросилась наверх и вскоре спустилась, успокоенная, но несколько растерянная и пристыженная.

– Мама не заболела, она просто очень утомлена и говорит, что побудет у себя в комнате в тишине и покое и чтобы мы поступали, как нам больше всего нравится. Как странно, маменька ведь никогда так не поступала – это вовсе на нее не похоже! Но она говорит, что эта неделя далась ей тяжело, так что нам не следует ворчать, а надо самим позаботиться о себе.

– Ну, это не так уж трудно, мне нравится такая идея, – заявила Джо. – Меня прямо тянет что-нибудь поделать... это ведь будет новое развлечение, вы же понимаете! – поспешно добавила она.

По правде говоря, возможность немного поработать явилась для всех величайшим облегчением, и девочки с охотой взялись за дело. Однако они очень скоро обнаружили, как права была Ханна, приговаривая: «Знать, дом вести – не по садику брести!» Продуктов в кухонной кладовке было много, и, пока Бет и Эми накрывали на стол, Мег и Джо соорудили завтрак, задаваясь вопросом, с чего это служанки вечно говорят о том, какая тяжелая у них работа.

– Отнесу что-нибудь наверх маменьке, хотя она и говорила, чтобы мы о ней не думали, она сама о себе позаботится, – сказала Мег, председательствовавшая за столом у горячего чайника и чувствовавшая себя настоящей матроной – матерью семейства.

Тут же, прежде чем они приступили к завтраку, был нагружен едою поднос и доставлен наверх, с наилучшими пожеланиями от кухарки. Заваренный чай оказался очень горьким, яичница пересушена, печенье испещрено комочками чайной соды, но миссис Марч приняла это угощение с великой благодарностью, а потом, когда Джо ушла, посмеялась от души.

– Бедные мои девчушки! Боюсь, им трудно придется, но страдать они не станут, и все это пойдет им на пользу, – сказала она себе, извлекая наиболее съедобные волоконца из принесенных ей яств, чтобы подкрепиться и таким образом разделаться с неудавшимся завтраком, не

<sup>68</sup> ...терпение лопнуло бы даже у Вооза! – Вооз – главная фигура в Книге Руфь (Ветхий Завет), прародитель царя Давида. Эми явно путает его с многотерпеливым Иовом (см. Книга Иова, там же).

<sup>69</sup> ...жаловалась мисс Малапроп... – Малапроп (англ. malaprop) – случай неправильного, гротескного употребления слов, чаще всего перепутанных по сходству звучания. Здесь – путаник, так поступающий.

оскорбив дочерних чувств, – маленькая материнская хитрость, за которую дочери были всегда ей благодарны.

А внизу раздавались бесчисленные жалобы, и велики были огорчение и досада главной кухарки из-за собственных неудач.

– Не расстраивайся. Я приготовлю обед и сама буду прислуживать, а ты будешь хозяйкой. Береги свои ручки, поддерживай разговор с гостями и отдавай распоряжения, – сказала Джо, которая еще меньше, чем Мег, разбиралась в премудростях кулинарии.

Столь любезное предложение было с радостью принято, и Маргарет удалилась в гостиную, где быстро навела порядок, заметя мусор под диван и задернув шторы, чтобы не затруднять себя вытиранием пыли. Джо с абсолютной уверенностью в собственных способностях и с искренне дружеским стремлением уладить ссору тотчас же положила в «почтовое отделение» записку для Лори с приглашением на обед.

– Ты бы лучше сначала выяснила, что у тебя есть, прежде чем думать о том, чтобы гостей приглашать, – сказала Мег, когда узнала об этом дружественном, но весьма рискованном акте гостеприимства.

– Да там всего полно! Солонина, картошка, да я еще приготовлю немножко спаржи и омара – «для смаку», как Ханна говорит. У нас будет зеленый салат. Я не знаю, как это делать, но ведь в поваренной книге все объяснено. И я сделаю бланманже, а потом – кофе, если захочешь выглядеть элегантной.

– Не устраивай слишком большой кутерьмы, Джо, ты же не умеешь готовить ничего съедобного, кроме имбирной коврижки и леденцов из черной патоки. Я умываю руки – я не желаю отвечать за твой «званный обед», и раз ты сама решила пригласить Лори, можешь сама о нем позаботиться.

– А я и не хочу, чтобы ты что-нибудь делала, просто будь с ним любезна и помоги с пудингом. Ты же сможешь дать мне совет, если я в чем-то запутаюсь, правда? – спросила Джо, несколько обиженная такой реакцией.

– Конечно, но ведь и я не так уж много знаю, если не говорить о тесте для хлеба и разных мелочах. А тебе лучше спросить у мамы разрешения, прежде чем заказывать что-то в магазине, – предусмотрительно посоветовала Мег.

– Конечно, обязательно! Я же не идиотка! – И Джо, разгневанная сомнениями в ее способностях, отправилась наверх.

– Покупай что хочешь, а меня не беспокой. Я приглашена на обед, скоро уйду и не могу заниматься домашними проблемами, – сказала миссис Марч, когда Джо обратилась к ней с вопросами. – Я никогда не получала особого удовольствия от занятий домашним хозяйством и собираюсь устроить себе выходной день. Почитаю, напишу письма, пойду в гости – немного развлекусь.

Необыкновенное зрелище – вечно занятая мама, с раннего утра уютно устроившаяся в кресле-качалке и читающая книгу, – вызвало у Джо такое чувство, будто происходит нечто совершенно противоестественное, ибо даже затмение, землетрясение или извержение вулкана вряд ли показались бы ей более странными явлениями, чем это.

– Все как-то странно расстроилось в этом доме, – говорила Джо себе, спускаясь по лестнице. – Там внизу как будто Бет плачет – это верный признак, что в нашем семействе что-то пошло не так, а если еще Эми станет занудничать, я устрою ей встряску!

Чувствуя, что и она сама сильно расстроена, Джо поспешила в гостиную, где обнаружила Бет, рыдающую над Пипом – кенарем, который лежал, мертвый, на дне своей клетки, вытянув вперед лапки с крохотными коготками, словно моля о пище, из-за недостатка которой ему пришлось умереть.



– Это моя вина! Я про него забыла – у него нет ни зернышка, ни капли воды. Ох, Пип, Пип! Как могла я так жестоко обойтись с тобой?! – плакала Бет, вытаскивая бедную птичку из клетки и пытаясь вернуть ее к жизни.

Джо заглянула в полуприкрытый глаз кенаря, пощупала, бьется ли его крохотное сердечко, и, убедившись, что весь он – застывший и холодный, покачала головой и предложила свою коробочку из-под домино для гробика.

– А вы положите его в духовку, – может, он согреется и оживет, – посоветовала Эми с надеждой.

– Он погиб голодной смертью, и я не собираюсь его спечь теперь, когда он умер. Я сошью ему саван, и он будет похоронен в саду, и у меня уже никогда не будет другой птички, никогда, мой Пип, потому что я слишком плоха для того, чтобы держать птиц, – тихонько говорила Бет, сидя на полу со своим любимцем в сложенных ковшиком ладонях.

– Похороны состоятся сегодня же, после полудня, и мы все придем. А теперь перестань плакать, Бетти. Кенаря очень жалко, но на этой неделе все у нас идет наперекосяк, а с Пипом получилось хуже всего – наш эксперимент его доконал. Сшей ему саван и уложи в мою коробку, а после обеда мы устроим ему хорошие маленькие похороны, – уговаривала Джо сестру, начиная чувствовать себя так, словно уже множество раз занималась похоронными делами.

Оставив других утешать плачущую Бет, Джо отбыла на кухню, которую обнаружила в состоянии удручающего беспорядка. Надев огромный фартук, она составила грязную посуду так, чтобы можно было приняться за мытье, и тут увидела, что огонь в плите погас.

– Ох и миленькая же перспективочка! – пробурчала Джо, с грохотом отворяя дверцу плиты и яростно мешая кочергой тлеющие угли.

Наконец огонь запылал снова, и она подумала, что, пока греется вода, она успеет сходить на рынок. Прогулка пешком вернула ей хорошее настроение, и, лстя себе искренней верой в то, что сделала недорогие и удачные покупки, Джо шагала домой с очень юным омаром, очень пожилой спаржей и двумя коробками кислой клубники. К тому времени, как она привела кухню в порядок, обед был готов, а плита успела раскалиться докрасна. Ханна оставила кастрюлю с тестом для хлеба, которое должно было подняться. Мег его еще раньше вымесила и оставила у плиты, чтобы оно снова поднялось, и совершенно о нем забыла. Она в гостиной развлекала разговором Сэлли Гардинер, когда дверь с размаху отворилась и обсыпанное мукой, охрипшее, раскрасневшееся и взлохмаченное существо возникло в проеме, ехидно вопрошая:

– Слушай, что, тесто недостаточно «поднято», если оно уже вытекает из кастрюль?

Сэлли прыснула со смеху, но Мег кивнула и подняла брови на такую высоту, на какую только они способны были взлететь, в результате чего привидение немедленно исчезло и засунуло перекисшее тесто в духовку без дальнейшего промедления.

Миссис Марч ушла из дома, заглянув то в одну комнату, то в другую – посмотреть, как идут дела, и сказать что-нибудь в утешение Бет, которая сидела за шитьем маленького савана, пока дорогой усопший торжественно покоился в коробке из-под домино. Странное чувство беспомощности охватило девочек, когда серая шляпка исчезла за углом, и отчаяние поселилось в их душах, когда явилась мисс Крокер и сообщила, что она пришла к ним пообедать. Надо сказать, что мисс Крокер, тощая, пожелтевшая старая девушка с острым носом и излишне любопытным взглядом, видела все и сплетничала обо всем, что видела. Сестры ее недолюбливали, но их приучили быть с нею добрыми просто потому, что она была стара и бедна, и потому, что у нее было мало друзей. Так что Мег придвинула ей глубокое кресло и принялась занимать ее разговором, а мисс Крокер стала задавать ей всякие вопросы, и все критиковать, и рассказывать разные истории о своих знакомых.

Никакой язык не в силах описать волнение, приключения и усилия, в то утро выпавшие на долю Джо, а обед, поданный ею вечером, стал непреходящей темой для шуток. Опасаясь то и дело просить совета, она изо всех сил старалась справиться сама и открыла для себя, что

требуется нечто гораздо большее, чем энтузиазм и добрая воля, чтобы хорошо готовить. Она варила спаржу целый час и огорчилась, обнаружив, что головки разварились, а стебли стали жестче, чем были. Хлеб подгорел до черноты, потому что приправа к салату потребовала от нее таких усилий, что она так и не смогла сделать ее съедобной. Омар стал для нее ярко-красной загадкой, но она била его молотком и ковыряла вилкой до тех пор, пока вся его крохотная съедобная часть не оказалась скрыта в зеленой роще из листьев салата. Картофель надо было поторопить, чтобы не заставлял спаржу ждать слишком долго, но он так толком и не сварился до самого последнего момента. Бланманже получилось с комочками, а клубника оказалась вовсе не такой спелой, как выглядела при продаже, – ее просто умело «выложили».

«В конце концов, они смогут поесть мяса с бутербродами, если голодны, только ведь до смерти обидно потратить всю первую половину дня понапрасну», – думала Джо, когда позвала к обеду, на полчаса позже, чем обычно, и стояла, запарившаяся, усталая и притихшая, оглядывая пиршественный стол, накрытый для Лори, привыкшего к элегантности во всем, и мисс Крокер, чей болтливый язык ославит их на всю округу.

Бедная Джо с радостью залезла бы под стол, когда увидела, как то одно, то другое блюдо было отставлено после первой пробы; Эми хихикала, Мег выглядела расстроенной, мисс Крокер поджимала губы, а Лори разговаривал и смеялся, как только мог, пытаясь придать веселый характер задуманному празднику. Единственным достоинством Джо в этом «пире» были фрукты, ибо она обильно посыпала клубнику сахаром и к ней еще поставила на стол кувшин с густыми сливками. Ее разгоревшиеся щеки остыли, правда самую малость, и она глубоко вздохнула, когда прелестные стеклянные тарелочки были поставлены перед всеми, и каждый с удовольствием взирал на розовые островки в целом океане сливок. Мисс Крокер первой попробовала десерт, состроила кислую мину и поспешно отпила немного воды из стакана. Джо, отказавшаяся от своей порции в опасении, что десерта может не хватить, так как почти все, попробовав ягоды, почему-то грустно замедлили темп, взглянула на Лори, который мужественно продолжал есть, хотя у его губ возникла едва заметная морщинка, а взгляд был упорно устремлен в тарелку. Эми, обожавшая деликатесы, взяла в рот полную ложку, закашлялась, уткнулась лицом в салфетку и стремглав выбежала из комнаты.

– Ох, да что случилось? – вскричала потрясенная Джо.

– Соль вместо сахара, а сливки прокисли, – трагически махнув рукой, ответила Мег.

У Джо вырвался громкий стон, и она откинулась на спинку стула, вспомнив, как она, в спешке, посыпала ягоды, схватив одну из двух коробок, стоявших на кухонном столе, а сливки просто забыла поставить в холодный шкаф. Покраснев до ушей, она готова была разрыдаться, когда встретила взгляд Лори: глаза его смеялись, несмотря на героические усилия, требуемые клубникой. Комическая сторона происходящего вдруг дошла до сознания Джо. Она расхохоталась и не могла остановиться, пока слезы не полились из ее глаз. Смеялись все, даже мисс Крокер – мисс Каркер, как прозвали ее меж собою сестры, так что злополучный обед закончился очень весело, тем более что на помощь пришли бутерброды, оливки и веселые шутки.

– Сейчас у меня силы духа не хватит заняться уборкой, так что давайте-ка приведем себя в серьезное настроение похоронами Пипа, – предложила Джо, когда все поднялись из-за стола и мисс Крокер готовилась уйти, в жажде рассказать новую историю за еще одним обеденным столом у еще одних друзей.

И они действительно стали серьезными – ради Бет. Лори вырыл могилку в роще, под папоротниками, маленький Пип был в нее опущен, сопровождаемый горькими слезами его добросердечной хозяйки, и укрыт мхом, а на камне рядом был повешен венок из фиалок и дикой гвоздики и написана эпитафия, сочиненная Джо еще тогда, когда она воевала с обедом:

Покоится здесь Пип Марч.

Погиб он июня седьмого.

Любим был, оплакан он горько,  
Не скоро забудем его мы.

Когда церемония закончилась, Бет ушла к себе, не в силах преодолеть эмоции и омара, но не смогла найти места для отдохновения, ибо постели не были постланы, и в результате она нашла облегчение горю, взбивая подушки и приводя все в порядок. Мег помогла Джо убрать остатки пиршества, что заняло у них полдня и так их утомило, что они решили на ужин удовольствоваться чаем с подсушенными хлебцами. Лори пригласил Эми проехаться в карете, совершив подвиг милосердия, так как прокисшие сливки, по-видимому, дурно повлияли на ее настроение. Миссис Марч вернулась домой после обеда, и беглый взгляд на кладовку дал ей представление о том, насколько успешной оказалась одна из частей эксперимента.

Прежде чем юные хозяйки могли позволить себе отдохнуть, их посетили несколько гостей, и им пришлось в суматохе готовиться к их приему. Потом надо было заняться чаем, выполнить несколько поручений и справиться с необходимым шитьем, отложенным до последнего момента. И вот пали сумерки, тихие и росные, и, одна за другой, сестры появились на террасе, уже украшенной бутонами чудесных июньских роз, и каждая из сестер, усаживаясь, издавала вздох или стон, как бы от усталости или от огорчения.

– Ужасающий выдался нам денек сегодня, – произнесла Джо, обычно первой начинавшая разговор.

– Он был короче, чем другие, но какой-то нескладный, – отозвалась Мег.

– Ни капельки не похожий на то, как у нас дома всегда бывает, – добавила Эми.

– Так и не могло быть похоже – без маменьки и без маленького Пипа, – тяжело вздохнула Бет, подняв полные слез глаза на пустую клетку над головой.

– Но мама уже здесь, милая, и завтра у тебя будет другая птичка, если тебе захочется.

С этими словами миссис Марч вышла на террасу и села посреди дочерей с таким видом, словно ее выходной день был не более приятным, чем их.

– Удовлетворены ли вы своим экспериментом, девочки, или вам понадобится еще неделя? – спросила она, когда Бет примостилась подле нее, а остальные обратили к матери просветлевшие лица, как цветы поворачивают головки к солнцу.

– Мне – нет! – решительно воскликнула Джо.

– Мне тоже! – в один голос отозвались остальные.

– Значит, вы думаете, что лучше иметь какие-то, пусть и немногие, обязанности и немного жить для других, а не только для себя, не правда ли?

– Безделье да «все тяжкие» не окупаются, – заметила Джо, покачивая головой. – Я от этого устала и намерена взяться за какое-нибудь дело с места в карьер.

– Может быть, тебе стоит поучиться готовить простые блюда, ведь это умение, без которого никакой женщине не обойтись, – предположила миссис Марч, внутренне посмеиваясь при воспоминании о званом обеде Джо, отчет о котором она услышала от мисс Крокер, встретившейся ей по пути домой.

– Мама, вы специально ушли, оставив все, – пусть будет как будет! – чтобы посмотреть, как мы сами тут справимся? – задала вопрос Мег, весь день мучившаяся таким подозрением.

– Да. Мне хотелось, чтобы вы увидели, как удобство всех зависит от того, что каждый добросовестно выполняет свою долю работы. Пока мы с Ханной выполняли вашу работу, вы существовали вполне благополучно, хотя, думаю, не очень радостно, да и не очень согласно. Так что, решила я, в качестве небольшого урока покажу-ка я вам, что случится, если каждая из нас будет заботиться только о себе. Разве вы не чувствуете, насколько приятнее помогать друг другу, иметь каждодневные обязанности, которые делают досуг, когда приходит ему время, особенно сладким, и проявлять терпение и выдержку ради того, чтобы домашний очаг был уютным и прекрасным для всех нас?

– Конечно, маменька, конечно! – прозвучали ей в ответ голоса дочерей.

– Тогда позвольте мне дать вам такой совет: пусть каждая из вас снова вскинет на плечи свое маленькое бремя, потому что, хотя порой оно кажется тяжким, нести его нам полезно, и оно становится все легче по мере того, как мы научаемся его нести. Труд благотворен, и его с избытком хватает на каждого. Он спасает нас и от уныния, и от озорства, благотворно влияет на здоровье и настроение, рождает в нас энергию и силу и дает нам независимость гораздо успешнее, чем деньги или модная одежда.

– Мы станем трудиться, как рабочие пчелки, и с огромным удовольствием, вот увидите! – заявила Джо. – Я научусь готовить простые блюда – это будет моим домашним заданием на каникулы, и мой следующий званый обед увенчается успехом!

– А я сошью комплект сорочек для папы вместо вас, маменька. Я ведь умею – и все сделаю, хотя не очень люблю шить. Это будет полезнее, чем возиться с моими собственными одежками, которые и так вполне достаточно хороши, – сказала Мег.

– А я стану делать уроки каждый день и буду меньше времени отдавать музыке и куклам. Я ужасно глупая, мне надо больше учиться и меньше играть! – таково было решение Бет, а Эми, следуя примеру сестер, героически объявила:

– А я научусь обметывать петли и стану уделять больше внимания частям речи!

– Очень хорошо. Тогда я могу сказать, что вполне удовлетворена нашим экспериментом, и мне представляется, что не будет необходимости его повторять. Только не нужно впадать в другую крайность и, словно рабы, пахать до изнеможения. Пусть у вас будут определены часы и для работы, и для игр, пусть каждый ваш день станет и полезным, и приятным: докажите, что вы осознаете цену времени, хорошо его используя. Тогда ваша юность станет прекрасной, а старость принесет меньше сожалений, и вся жизнь будет успешной, несмотря на бедность.

– Мы будем это помнить, маменька!

И они это помнили.

## Глава двенадцатая. Бивуак «Лоренс»

Бет была назначена заведующей почтой, поскольку она больше всех бывала дома и могла аккуратно за нею следить. Ей пришлось очень по душе каждодневная обязанность отпирать маленькую подъемную дверцу и распределять полученные почтовые отправления. Однажды, в прекрасный июльский день, она вошла домой с полными руками и ходила из комнаты в комнату, разнося письма и посылочки, словно почтовый курьер.

– Ваш букетик, маменька! Лори о нем никогда не забывает, – сказала она, опуская цветы в вазочку, стоявшую в Маменькином уголке и благодаря любящему мальчику всегда полную свежих цветов.

– Мисс Мег Марч – одно письмо и одна перчатка, – продолжала Бет, передавая названные предметы сестре, которая сидела подле матери, пришивая обшлага к мужской сорочке.

– Как это? Я оставила там обе, а здесь – только одна?! – удивилась Мег, глядя на серую хлопчатую перчатку. – Ты, случайно, не обронила вторую там, у почты?

– Нет, не обронила. На почте точно была только одна, я уверена.

– Терпеть не могу непарные перчатки! Ну, не важно, другая еще может найтись. А письмо – это просто перевод немецкой песни, я хотела, чтобы мистер Брук мне ее перевел, потому что ведь видно, что это почерк не Лори.

Миссис Марч взглянула на Мег, которая выглядела очень миловидной в своем льняном полосатом утреннем платье, с ее легкими кудряшками, обрамляющими лоб. Она казалась очень женственной, сидя за небольшим рабочим столиком, полным аккуратных белых катушек и свертков ткани. Мег спокойно шила, тихо напевая про себя и совершенно не сознавая, о чем думает ее матушка. Игла так и порхала в ее пальцах, а голова была занята девичьими мечтами, столь же чистыми и свежими, как анютины глазки, приколотые ею у пояса. Видя все это, миссис Марч улыбнулась – она была удовлетворена.

– Два письма Доктору Джо, книга и смешная древняя шляпа – она закрывала всё П. О. и даже торчала наружу, – сказала Бет со смехом, входя в кабинет отца, где сидела Джо – она что-то писала.

– Ох и коварный же малый этот Лори! Я как-то сказала, мне, мол, жалко, что не в моде шляпки побольше, потому что я в жаркие дни постоянно лицо на солнце обжигаю. А он говорит: «Зачем считаться с модой? Носите большую шляпу, пусть вам будет удобно!» Ну, я сказала, мол, носила бы, если бы она у меня была. Вот он и прислал эту древность – чтобы меня испытать. А я возьму да надену ее – ради смеха, пусть знает, что мне на моду наплевать.

И, водрузив старомодную «широкополюху» на голову Платона – бюст философа украшал кабинет, – Джо принялась читать доставленные ей письма.

Одно было от мамы, и от него ярко зарделись щеки Джо, потому что мама писала:

*Моя дорогая, хочу сказать тебе словечко, которое выразит, с каким удовольствием я смотрю на твои усилия сдерживать свой вспыльчивый нрав. Ты ничего не говоришь о своих трудностях, неудачах или успехах и, возможно, думаешь, что никто этого не замечает, кроме Друга, за чьей помощью ты обращаешься каждый день, если следует доверять сильно потрепанной обложке твоего «путеводителя». Однако и я тоже все это вижу и всем сердцем верю в искренность твоего решения, поскольку оно уже начало приносить плоды. Продолжай идти по этому пути, моя дорогая, и всегда верь, что никто более нежно не сочувствует тебе, чем твоя любящая...  
Мама.*

– Как хорошо! Это дороже миллионов, дороже мимолетных похвал! Ах, маменька, я ведь и правда стараюсь, и буду еще стараться, и никогда не устану, раз у меня есть такой помощник, как вы!

Положив голову на согнутые в локтях руки, Джо омочила счастливыми слезами маленький роман, который писала, ибо она действительно считала, что ни одна душа не замечает, не ценит ее стараний быть хорошей и доброй, и материнские заверения были вдвойне драгоценными, вдвойне ободряющими, так как явились неожиданно и от человека, чье одобрение было для Джо дороже всего. Чувствуя себя более сильной теперь, чем когда-либо прежде, и вполне готовой встретить и преодолеть своего Аполлиона, она приколотла записку матери на груди, под платьем, в качестве щита и напоминания, чтобы ничто не могло захватить ее врасплох, и взялась за другое письмо, опять-таки готовая и к хорошему, и к плохому. Своим крупным, размашистым почерком Лори писал:

*Дорогая Джо, вот это да!*

*Несколько ребят из Англии – девчонки и мальчишки – приезжают завтра ко мне в гости, и я хочу здорово повеселиться. Если это вам подойдет, я собираюсь поставить палатку в Лонгмедоу, пройти туда всей оравой на веслах и устроить там ланч, крокет, разжечь костер, наделать всяческих делов – в цыганском духе – и пуститься во все тяжкие. Они – хорошие ребята и любят такие вещи. С нами будет Брук – держать мальчишек в узде, и Кейт Воун – сама пристойность, – чтобы девицы блюли приличия. Я хочу, чтобы поехали вы все, не соглашусь отказаться от Бет ни за какие коврижки. Никто ее не побеспокоит. Насчет еды не тревожьтесь, я сам об этом позабочусь, и обо всем остальном тоже. Только, пожалуйста, поедemте, будьте молодцом! Ужасно спешу, всегда Ваши, Лори.*

– Вот роскошь-то! – вскричала Джо, влетая в гостиную, чтобы сообщить новость Мег.

– Мы, конечно же, сможем поехать, правда, маменька? Это будет такая помощь Лори – ведь я могу грести, а Мег присмотрит за ланчем, да и младшие девочки сумеют какую-то пользу принести.

– Надеюсь, взрослые Воуны не очень чопорные люди? Ты что-нибудь о них знаешь, Джо? – спросила Мег.

– Только то, что детей у них четверо. Кейт постарше тебя, Фред и Фрэнк – близнецы – моего возраста, и малышка Грейс, ей лет девять-десять. Лори познакомился с ними за границей, и мальчики ему понравились. Мне подумалось, – из-за того, как Лори поджал губы, когда говорил о Кейт, – что она ему не очень-то по вкусу пришлась.

– Я так рада, что мое платье из французского ситца чистое. Оно как раз то, что надо, и так мне идет! – самоуверенно заметила Мег. – А у тебя есть что-нибудь приличное, Джо?

– Серый с алым костюм для лодки мне вполне подойдет, надо же будет грести и топтать туда-сюда, так что ни о чем нежном и крахмальном мне и думать незачем. Ты ведь поедешь, Бетти?

– Если ты не позволишь никаким мальчишкам со мной заговаривать.

– Ни единому!

– Мне нравится, что я могу сделать что-то приятное для Лори, а мистера Брука я не боюсь – он такой добрый! Мне только не хочется играть, петь или говорить что-нибудь. Я просто стану делать все, что понадобится, никого не беспокоя, а ты, Джо, сама обо мне позаботишься. Так что я поеду.

– Вот и умничка! Ты по-настоящему стараешься одолеть свою застенчивость, я еще больше тебя за это люблю. Борьба с собственными недостатками – нелегкое дело, по себе знаю,

и ободряющее словечко вроде как тебя всегда приподымает – спасибо, маменька. – И Джо запечатлела благодарный поцелуй на худой щеке миссис Марч, для которой он не стал бы драгоценнее, даже если бы вернул ее щекам румяную округлость юности.

– А я получила коробочку шоколадного драже и картинку, которую хотела скопировать, – продемонстрировала свою почту Эми.

– А мне пришла записка от мистера Лоренса – он просит, чтобы я пришла поиграть ему сегодня перед тем, как зажгут лампы. Я обязательно пойду, – добавила Бет, чья дружба со старым джентльменом успешно процветала.

– Тогда быстро за дело! Сегодня – двойная задача: выполним и завтрашние обязанности, тогда сможем играть и веселиться, не думая о заботах, – предложила Джо, готовясь сменить перо на метлу.

Раным-рано на следующее утро яркое солнце, заглянув в окна девичьей комнаты, чтобы пообещать сестрам прекрасную погоду, стало свидетелем весьма комического зрелища. Каждая из девочек готовилась к празднику так, как ей казалось подходящим и необходимым. У Мег надо лбом появился лишний ряд папилюток, Джо обильно умастила пострадавшее лицо кольдкремом, Бет, ложась спать, взяла с собой в постель Джоанну – в возмещение надвигающейся разлуки, а кульминацией стараний Эми стало то, что она водрузила себе на нос прищепку с целью приподнять эту оскорбительно приплюснутую деталь собственной физиономии. То была прищепка, какими художники пользуются, чтобы прикреплять листы бумаги к чертежным доскам, а посему вполне подходила для означенной цели. Смешное зрелище, по всей видимости, позабавило солнце, ибо оно полыхнуло таким сиянием, что Джо проснулась и подняла сестер, громко рассмеявшись при виде нового украшения Эми.

Солнце и смех явно предвещали веселое сборище и массу удовольствий, и вскоре оба дома были охвачены радостной суетой. Бет, готовая раньше всех, не переставала сообщать о том, что происходит по соседству, и оживляла процесс одевания сестер частыми телеграммами от окна:

– Вон идет человек с палаткой! А теперь я вижу миссис Баркер, она укладывает ланч в корзинки – одна для пикника, а другая огромная! Вот мистер Лоренс вышел из дома. Смотрит на небо и на флюгер. Хорошо бы он тоже поехал! А вот и Лори в матросском костюме – прямо настоящий матрос. Какой молодец! Ой, мамочки! Карета приехала, полная народу. Высокая дама, девочка маленькая и двое ужасных мальчишек. Ой, один хромает, бедняжка, у него костыль. А Лори нам про это не говорил. Поторопитесь, девочки, становится поздно! Как?! Тут и Нед Моффат, ну, скажу я вам! Мег, ведь это он поклонился тебе, когда мы ходили за покупками, правда?

– Так и есть. Странно, что он тоже едет. Я думала, он уехал в горы. А вон и Сэлли. Я рада, что она успела вернуться. Ну как я, все в порядке, Джо? – взволнованно обратилась Мег к сестре.

– Настоящая маргаритка! Только чуть подбери юбку и надень шляпку прямо: так сильно набок получается слишком сентиментально. Да и сдует ее в один момент, при первом дыхании ветерка. Ну что же, пошли!

– Ох, Джо, неужели ты собираешься поехать в этой ужасной шляпе? Она же просто абсурдна! Ты будешь похожа на огородное пугало – ты этого хочешь?! – запротестовала Мег, увидев, как Джо подвязывает под подбородком красную ленту от старомодной широкополой шляпы из итальянской соломы, ради шутки присланной ей Лори.

– Она как раз то, что надо! Она великолепна: дает такую тень и такая легкая и большая! И с нею будет весело – она забавная, а я вовсе не боюсь выглядеть пугалом, если мне будет в ней удобно.

С этими словами Джо решительно двинулась вперед, остальные – маленькая «веселая шайка славных девах» – следом за нею, все в самом лучшем виде, в лучших летних нарядах, с радостно сияющими лицами под полями кокетливых шляпок.

Лори бросился им навстречу и представил друзьям в своей самой сердечной манере. Залой приемов служила лужайка перед большим домом, и в течение нескольких минут здесь разыгрывалась весьма оживленная сцена. Мег испытала глубокое чувство благодарности, увидев, как просто была одета мисс Кейт, хотя ей уже исполнилось двадцать! Американские девушки поступили бы очень разумно, если бы следовали ее примеру. Помимо того, Мег польстились заверения мистера Неда, что он явился исключительно ради того, чтобы увидеться с нею. Джо поняла, почему Лори «поджимал губы», когда говорил о Кейт Воун: эта юная леди держалась неприветливо, не иначе как в стиле «отойди-не-тронь-меня!», совершенно противоположном легкой и свободной манере держаться, свойственной другим девицам в этой компании. Бет, рассмотрев новых мальчишек, нашла, что хромой мальчик вовсе не ужасный, он мягок и слаб, и ей надо быть с ним добрее. Эми сочла, что Грейс хорошо воспитанная и веселая маленькая особа, и после нескольких минут безмолвного созерцания друг друга девочки внезапно стали хорошими подружками.

Поскольку палатки, ланч и принадлежности для крокета были отправлены на место заранее, компания скоро разместилась в двух лодках, и на обеих, вместе, они дружно отплыли, покинув на берегу мистера Лоренса, махавшего им на прощанье рукой. Гребцами на одной лодке были Лори и Джо, на другой – мистер Брук и Нед, а Фред Воун, известный своей необузданностью близнец, старался изо всех сил опрокинуть обе, носясь вокруг них, словно потревоженный водяной клоп. Он прекрасно управлялся с веслами легкой маленькой лодки. Смешная шляпа Джо заслужила всеобщую благодарность, поскольку оказалась универсально пригодной и, помимо того, сломала первоначальный ледок отчужденности, вызвав неудержимый смех. Ее поля создавали вполне ощутимое дуновение ветерка, колеблясь туда-сюда во время гребли, и, как сказала Джо, шляпа могла стать отличным зонтиком для всей компании в случае дождя. Мисс Кейт Воун решила, что Джо «странновата», но не глупа, и снисходительно улыбалась ей издали. Мег поместилась в другой лодке совершенно восхитительно – лицом к лицу с обоими гребцами, которых привела в восторг эта перспектива, и они гребли «ласточкой», с необычайным умением и ловкостью. Мистер Брук был серьезный молчаливый молодой человек с прекрасными карими глазами и приятным голосом. Мег нравилась его спокойная манера держаться, и она считала его энциклопедией полезных знаний. Он не так уж много разговаривал с нею, но он на нее смотрел, смотрел довольно много, и она чувствовала, что смотрит он на нее без неприязни. Нед, теперь учившийся в колледже, разумеется, напускал на себя всю важность, на какую был способен, что почему-то свойственно всем первокурсникам, считающим это своей непреложной обязанностью. Он был не так уж умен, но очень добродушен и оказался человеком, прекрасно умеющим поддержать бодрость духа на пикнике. Сэлли Гардинер была поглощена задачей сохранения в чистоте своего белого пикейного платья, а также болтовней с вездесущим Фредом, непрестанно приводившим Бет в ужас своими выходками.

Плыть до Лонгмеду было не так уж далеко, однако к тому времени, как они туда прибыли, палатка была уже возведена и воротца для крокета установлены. Красивый зеленый луг с тремя мощными раскидистыми дубами посередине и с гладкой, выстланной дерном площадкой для крокета открылся глазам гостей.

– Добро пожаловать на бивуак «Лоренс», – произнес юный хозяин, когда они с восторженными восклицаниями высадились из лодок.

– Брук – главнокомандующий, я – генерал-интендант, другие ребята – офицеры штаба, а вы, дамы, – наше войско. Или, лучше всего, компания наших гостей. Палатка – исключительно для вашего удобства, а под дубами – ваша гостиная. Вторая палатка – офицерская столовая,



в третьей – походная кухня. А теперь давайте-ка сыграем партию в крокет, пока не жарко, а потом позаботимся о еде.

Фрэнк, Бет, Эми и Грейс уселись смотреть на игру, в которой участвовали восемь остальных членов компании. Мистер Брук выбрал Мег, Кейт и Фреда, а Лори взял в команду Сэлли, Джо и Неда. Англичане играли отлично, но американцы показали себя еще лучше и отстаивали каждый дюйм площадки так вдохновенно, будто в них вселился боевой дух семьдесят шестого года<sup>70</sup>. Между Джо и Фредом случилось несколько стычек, разок даже чуть до бранных слов дело не дошло. Джо уже прошла последние воротца, но промазала, пытаясь «заколоться»<sup>71</sup>, – такая неудача сильно ее раздражила. Фред шел за ней по пятам, из-за ее промаха его черед бить пришел раньше, чем ее. Фред стукнул молотком по шару, тот ударился о воротца и остановился в дюйме от них, не пройдя на другую сторону. Вблизи никого не было, и, подбежав к шару, Фред ухитрился подтолкнуть его носком башмака, так что шар теперь оказался на нужной стороне площадки, как раз в дюйме от ворот.

– Я прошел! Ну, мисс Джо, теперь я с вами рассчитаюсь: я буду первым! – вскричал сей юный джентльмен, раскачивая молоток и готовясь нанести удар.

– Вы же его подтолкнули! Я видела. Теперь мой черед бить, – резко возразила Джо.

– Честное слово, я его не двигал. Возможно, он откатился немного, но это допускается. Так что будьте добры встать в сторонке и позвольте мне «заколоться».

– У нас, в Америке, не жульничают. Но вам, конечно, допускается, если вы так предпочитаете играть, – сердито ответила Джо.

– Да янки такие жулики, каких свет не видывал, это всем известно. Вот вам, получайте! – огрызнулся Фред, крокируя ее шар как можно дальше.

Джо открыла было рот, готовая произнести какую-то грубость, но вовремя удержалась, покраснев до корней волос, и с минуту стояла, изо всех сил ударяя молотком по воротцам, тогда как Фред, метко поразив колышек, с ликованием объявил, что вышел. Джо отправилась отыскивать свой шар и потратила уйму времени, прежде чем нашла его в густых зарослях крапивы. Однако вернулась она хладнокровной и молчаливой и спокойно ждала своей очереди. Ей понадобилось провести шар через несколько ворот, чтобы вернуть себе утраченное последнее место, и, когда она его получила, другая команда почти уже пришла к победе, ибо предпоследним был шар Кейт, и лежал он совсем близко к колышку.

– Клянусь, мы берем верх! – возбужденно вскричал Фред, когда все они подошли посмотреть, чем закончится игра. – Прощайся, Кейт! Мисс Джо задолжала мне одну партию, так что теперь выходишь ты!

– У янки имеется хитрый трюк – быть великодушными к своим противникам, – сказала Джо, так взглянув на Фреда, что тот покраснел, – особенно в тех случаях, когда янки их побеждают, – добавила она и, не задев шара Кейт, точным ударом поразила колышек.

Лори подбросил вверх свою шляпу, но замолк посреди радостного клича, вспомнив, что не должен ликовать по поводу неудачи своих гостей, и прошептал на ухо Джо:

– Вы молодчина, Джо! Он действительно сжульничал, я тоже это видел. Мы ведь не можем ему прямо сказать, но, попомните мое слово, он никогда больше так не станет делать.

Мег под тем предлогом, что хочет поправить ей выбившуюся из прически прядь, отвела сестру в сторону и одобрительно сказала:

---

<sup>70</sup> ...будто в них вселился боевой дух семьдесят шестого года. – Расхожее клише конца XVIII – середины XIX в., запечатленное позже под таким названием в картине Арчиальда Уилларда (1836–1918), представленной на филаделфийской выставке, посвященной столетию США, в 1876 г. Картина изображает трех раненых солдат революции, с воодушевлением и решимостью шагающих вперед.

<sup>71</sup> ...но промазала, пытаясь «заколоться»... – т. е. нанести удар шаром по колышку у короткой стороны площадки, таким образом обозначив, что данный игрок закончил игру.

– Это было ужасно – он вел себя просто вызывающе! Но ты сдержалась, и я так рада за тебя, Джо.

– Не хвали меня, Мег, я даже сейчас, сию минуту готова надавать ему затрещин. Я бы, конечно, вскипела и выплеснула все ему в лицо, если бы мне не пришлось так долго шарить в крапиве, что я успела взять себя в руки и придержать язык. Во мне и сейчас гнев бурлит, так что я очень надеюсь, этот Фред будет держаться от меня подальше, – ответила Джо, кусая губы и возмущенно глядя на мальчишку из-под своей широкополюхи.

– Пора ланча наступает, – провозгласил мистер Брук, взглянув на часы. – Генерал-интендант, займитесь-ка костром и водой, пока мы с мисс Марч и мисс Сэлли будем накрывать на стол. Кто умеет хорошо готовить кофе?

– Джо умеет, – откликнулась Мег, очень довольная, что может рекомендовать сестру.

Так что Джо, чувствуя, что ее недавние уроки кулинарии могут послужить к ее чести, отправилась председательствовать у кофейника, пока младшие девочки собирали хворост, а юные джентльмены разжигали костер и носили воду из близлежащего источника. Мисс Кейт делала зарисовки к этюду, а Фрэнк разговаривал с Бет, которая плела маленькие маты из камышинок: они должны были служить тарелками.

Главнокомандующий вместе с помощницами скоро разложили на траве большую столовую клеенку со множеством самых соблазнительных яств и напитков, изящно декорированных зелеными листьями. Джо объявила, что кофе готов, и все уселись вокруг «стола», чтобы с энтузиазмом приняться за еду и питье: юность ведь практически не знает несварения желудка, а упражнения на свежем воздухе развивают здоровый аппетит. Ланч получился очень веселым, так как все казалось таким необычным, новым и забавным, и частые взрывы смеха пугали почтенную старую лошадь, пасшуюся неподалеку. «Стол» отличался некоторой довольно приятной неровностью, что тем не менее причиняло массу неприятностей чашкам и тарелкам; желуди падали в молоко, маленькие черные муравьи и ворсистые гусеницы спускались с дерева, чтобы посмотреть, что тут происходит. Трое белоголовых малышей поглядывали через забор, а какой-то дурно воспитанный пес облаял их с другого берега реки со всей яростью, на какую был способен.

– Они с солью, – предупредил Лори, протягивая Джо тарелочку ягод со сливками.

– Благодарю. Мне больше нравится с пауками, – отвечала та, выуживая из тарелки двух злополучных паучков, погибших сливочной смертью. – Но как вы смеете напоминать мне о том ужасающем обеде, когда ваш ланч получился таким удачным во всех отношениях?! – добавила Джо.

Оба они смеялись и ели из одной тарелки – посуды явно не хватало.

– Да мне просто замечательно хорошо было в тот день, я до сих пор еще не могу забыть этого удовольствия. А ланч, знаете ли, вовсе не моя заслуга. Это вы и Мег и Брук всех заводите, и все идет как по маслу – я бесконечно вам признателен. А что мы будем делать, когда больше не сможем есть? – спросил Лори, чувствуя, что его козырная карта уже отыграет свою роль, когда ланч закончится.

– Станем играть в тихие игры, пока жара не спадет. Я взяла с собой «Авторов»<sup>72</sup>, а у мисс Кейт, думаю, есть что-нибудь новое и интересное. Вы бы пошли и спросили у нее – она интересный собеседник, вам с нею надо побыть подольше.

– А вы разве не интересный собеседник? Я полагал, она больше подходит Бруку, но он все время болтает с Мег, а мисс Кейт только взирает на них через этот свой смешной монокль.

---

<sup>72</sup> Я взяла с собой «Авторов»... – распространенная на Западе и в России игра, где ведущий читает написанные на отдельных карточках цитаты, или названия произведений, или имена персонажей, а играющие должны назвать автора; либо предлагается имя автора, тогда играющие называют его произведения.

Но я иду, иду, так что не пытайтесь читать мне проповедь о приличиях, у вас это не получается, Джо!

Мисс Кейт действительно знала несколько новых игр, и, так как юные леди не хотели, а юные джентльмены больше не могли есть, все они перешли в гостиную – под дубы – играть в «Ригмароль»<sup>73</sup>.

– Один из играющих начинает рассказ – любую ерунду, какая в голову придет, заботясь лишь о том, чтобы вдруг остановиться на самом волнующем месте, следующий подхватывает, а затем поступает точно так же. Это очень смешно, если хорошо получается, и создает такую невероятную путаницу трагического и комического, что вызывает смех. Будьте добры, мистер Брук, начните вы, – сказала Кейт таким приказным тоном, что поразила Мег, которая относилась к учителю с не меньшим уважением, чем к любому другому джентльмену.

Лежавший на траве у ног двух юных леди, мистер Брук покорно начал рассказывать, не сводя своих прекрасных карих глаз с блистающей в солнечных лучах реки:

– Когда-то давным-давно некий рыцарь вышел в большой мир в поисках счастья и удачи, ибо он не имел иного достояния, кроме своего меча и щита. Долго он путешествовал, почти восемь и еще двадцать лет, и много тягот встретил он на своем пути, пока не достиг дворца доброго старого короля, предложившего награду любому, кто усмирит и объездит замечательного, но необъезженного молодого коня: король очень любил этого жеребенка. Рыцарь согласился попытать счастья и сел на коня, не торопясь, но вполне уверенно, так как тот был великолепным и галантным созданием и скоро полюбил своего нового хозяина, хотя и был капризен и дик. Каждый день, давая уроки королевскому любимцу, проезжал рыцарь по городу и, скача по улицам, тщательно осматривал все вокруг, ища одно определенное прекрасное лицо, много раз виденное им во сне, но так до сих пор и не найденное. Однажды, когда он вот так ехал, гарцуя, по тихой улочке, он заметил в окне полуразрушенного замка то прелестное лицо. Он был в восторге, стал расспрашивать, кто живет в замке, и ему рассказали, что там с помощью колдовства заточены несколько пленных принцесс. Они прядут целый день напролет, чтобы накопить денег и купить себе свободу. Рыцарю очень хотелось принцесс освободить, но ведь он был беден и мог лишь проезжать мимо каждый день, чтобы видеть милое лицо и мечтать увидеть его вне мрачных стен, в солнечных лучах. Наконец он решился проникнуть в замок и узнать, как мог бы он помочь принцессам. Он пошел и постучал в дверь. Огромная дверь замка распахнулась, и он узрел...

– Восхитительно прекрасную леди, которая громко воскликнула в восторге: «Наконец-то! Наконец-то!» – продолжала Кейт, начитавшаяся французских романов и обожавшая их стиль. – «Это она!» – вскричал граф Густав и в экстазе радости упал к ее ногам. «Ах, встаньте!» – промолвила леди, простирая к нему руку мраморной белизны и красоты. «Ни за что! Пока вы не скажете, как я смогу спасти вас», – поклялся рыцарь, все еще стоявший на коленях. «Увы, мой жестокий рок судил мне оставаться в заточении, пока мой тиран не будет уничтожен». – «Где же он, этот злодей?» – «В светло-лиловом салоне. Идите, храбрая душа, спасите меня от отчаяния!» – «Я покоряюсь вашему приказу и либо вернусь с победой, либо погибну!» С этими словами рыцарь бросился прочь и, распахнув дверь светло-лилового салона, уже готов был войти, когда вдруг получил...

– Сокрушительный удар по лбу толстым латинским словарем, которым запустил в него старик в черном одеянии, – сказал Нед, – но тотчас же сэр Как-его-там пришел в себя, вышвырнул тирана в окно и повернулся, чтобы возвратиться к прекрасной леди с победой, хотя и с шишкой на лбу, однако обнаружил, что дверь заперта, сорвал занавеси, сплел веревку, сделал веревочную лестницу, спустился до половины, тут лестница оборвалась, он пролетел вниз головой шестьдесят футов и упал прямо в ров с водой. Плавал он, как утка, проплыл вокруг замка,

<sup>73</sup> «Ригмароль» – вид игры. Значения этого слова: канитель, пустая болтовня, вздор, чепуха и т. п.

доплыл до маленькой двери, охраняемой двумя крепкими малыми, стукнул их лбами друг о дружку так, что их головы раскололись, словно пара орехов, затем совсем легким напряжением своих немереных сил взломал дверь и поднялся по паре ступеней, на целый фут покрытых пылью, жабами с мой кулак величиной и такими пауками, что вы бы перепугались до истерики, мисс Марч. Поднявшись по этим ступеням, рыцарь наткнулся на такое зрелище, что у него перехватило дыхание и кровь застыла в жилах...

– Высокая фигура, вся в белом, с белой вуалью, закрывшей лицо, и с лампой в исхудалой руке, – продолжала Мег, – маня его за собой, бесшумно заскользила прочь по длинному коридору, темному и холодному, словно какой-то склеп. Расплывчатые фигуры в доспехах стояли по обеим сторонам, мертвая тишина безраздельно царила здесь, лампа горела голубоватыми язычками, а белая фигура то и дело оборачивалась к рыцарю, сверкая на него своим страшным взором сквозь белую вуаль. Они приблизились к занавешенной двери, из-за которой слышалась прелестная музыка. Одним прыжком рыцарь рванулся к двери, желая войти, однако призраком оттащил его назад и угрожающе махнул перед ним...

– Табакеркой, – произнесла Джо замогильным голосом, который сильно смутил слушателей. – «Спасибочки», – вежливо сказал рыцарь, взяв понюшку табаку, и чихнул семь раз подряд, да так сильно, что голова у него слетела с плеч долой. «Ха! Ха! Ха!» – рассмеялся призрак, и, заглянув в замочную скважину на принцесс, изо всех сил прядущих ради спасения собственной драгоценной жизни, злобный дух поднял на руки свою жертву и поместил несчастного рыцаря в огромный жестяной ящик, где уже находились одиннадцать таких же безголовых рыцарей, упакованных вместе, как сардинки, которые все вдруг поднялись и начали...

– Отплясывать хорнпайп<sup>74</sup>, – вмешался Фред, поскольку Джо приостановилась, чтобы перевести дух, – и, пока они плясали, ветхий старый замок превратился в военный корабль, идущий на всех парусах. «Кливер поднять, толсель-фалы зарифить, держать прямо по ветру, к орудиям стать!» – прорывал капитан, завидев приближающийся корабль португальских пиратов, на чьей фок-мачте развевался флаг, черный, как чернила. «На abordаж, к победе, мои молодчаги!» – говорит капитан, и начинается потрясающая битва. Конечно, британцы их побивают – ведь британцы побивают всех и всегда.

– Ничего подобного! – подала реплику в сторону Джо.

– Взяв в плен пиратского капитана, они прямо врезались в португальскую шхуну, чьи палубы были загромождены трупами, а из шпигатов<sup>75</sup> с подветренной стороны лилась кровь, потому что приказ был «В сабли их и не сдаваться!». «Боцманмат, возьми шлаг<sup>76</sup> от бом-кливера и займись этим злодеем, если он не признается во всех своих грехах, да побыстрее!» – велел британский капитан. Португалец держал язык за зубами, молчал как рыба и прошел по доске<sup>77</sup>, а тем временем веселые моряки – свойские парни – во всю глотку кричали «ура!». Однако коварный пес поднырнул под днище корабля, пробил там отверстие и потопил корабль: он пошел на дно со всеми парусами. «На дно моря, моря, моря», где...

– Милосердные Небеса! Что же мне-то теперь сказать? – вскричала Сэлли, когда Фред закончил свою ригмароль, где перемешал как попало мореходные выражения и эпизоды из своих любимых книг. – Ну ладно, так они пошли ко дну, а там их приветствовала очень милая русалка, огорчившаяся, что обнаружила на корабле ящик с безголовыми рыцарями. Она любезно законсервировала их в рассоле из морской воды, надеясь раскрыть тайну их гибели, ведь как женщина она была любопытна. Время шло, и вот как-то один ныряльщик спустился

<sup>74</sup> *Хорнпайп* – английский матросский танец.

<sup>75</sup> *Шпигат* – отверстие в палубе или фальшборте судна для удаления воды.

<sup>76</sup> *Шлаг* – виток каната или троса.

<sup>77</sup> ...молчал как рыба и прошел по доске... – Пройти по доске (*англ. walk the plank*) – быть сброшенным в море. Пираты заставляли провинившихся матросов, а также пленных проходить с завязанными глазами по доске, положенной на край борта, пока они не свалятся за борт.

в это место, и русалка сказала: «Я дам тебе целый ящик жемчужин, если ты поднимешь этот ящик наверх», потому что ей очень хотелось вернуть злополучных бедняжек к жизни, а она даже приподнять такую тяжесть была не в силах. Так что ныряльщик втащил этот жестяной ящик наверх и был ужасно разочарован, открыв его и не увидев в нем никаких жемчужин. Он оставил ящик лежать на огромном заброшенном поле, где он был найден...

– Маленькой пастушкой, которая пасла на этом поле сотню жирных гусей, – заговорила Эми, когда сочинительские усилия Сэлли иссякли. – Девочке стало жаль безголовых рыцарей, и она спросила у одной старой женщины, что нужно сделать, чтобы помочь им. «Твои гуси все тебе скажут, они все знают», – ответила ей старая женщина. Тогда девочка-пастушка спросила у гусей, что ей можно использовать для новых голов, поскольку прежние были потеряны, и вся сотня громко прокричала в ответ...

– «Кочаны капусты!» – тотчас продолжил Лори. – «Как раз то, что надо!» – сказала девочка и скорей побежала на огород, чтобы взять оттуда двенадцать прекрасных кочанов. Она тут же надела их на рыцарей, и те немедленно ожили, поблагодарили пастушку и отправились каждый своим путем, даже не заметив разницы, ведь на свете так много подобных голов, что никто и не задумывается об этом. Интересующий меня рыцарь возвратился к прелестному личику и обнаружил, что принцессы выпряли себе свободу и все разошлись кто куда и повыходили замуж – все, кроме одной. Рыцарь возрадовался этому всей душой, вскочил на своего молодого коня, который оставался верен ему и в радости, и в горе, и бросился в полуразрушенный замок – выяснить, которая же осталась. Заглянув тайком за живую изгородь, он увидел владычицу своих чувств, срезающую цветы в саду. «Не подарите ли вы мне розу?» – спросил он. «Вы сами должны зайти и взять ее у меня. Я не могу подойти к вам – это неприлично», – отвечала она голосом сладким, как мед. Рыцарь попытался перелезть через изгородь, но она, казалось, прямо на глазах становилась все выше и выше. Он попытался пролезть сквозь нее, но она становилась все гуще и гуще, и его охватило отчаяние. Тогда он стал терпеливо отламывать ветку за веткой, пока не сделал отверстие, в которое он мог заглянуть, и произнес умоляюще: «Впустите меня! Впустите же меня!» Однако красавица-принцесса, казалось, его не понимала, ибо она продолжала спокойно срезать розы, оставив его силой пробивать к ней свой путь. Пробил он путь к ней или нет, вам расскажет Фрэнк.

– Ой, нет, я не могу. Я не играю. Я никогда не играю, – отказался Фрэнк, обескураженный сентиментальным затруднением, из которого ему предстояло вывести эту абсурдную пару. Бет исчезла за спиной Джо, а Грейс просто спала.

– Итак, бедного рыцаря придется оставить застрявшим в живой изгороди, не правда ли? – спросил мистер Брук, по-прежнему не сводивший глаз с реки и поигрывавший цветком шиповника у себя в петлице.

– Мне думается, она дала ему анютины глазки и через некоторое время все-таки открыла калитку, – сказал Лори, улыбаясь каким-то своим мыслям и бросаясь в своего учителя желудями. – Ох и чепуху же мы состряпали! Но, напрактиковавшись, мы могли бы составить что-то и поумнее. А кто-нибудь знает «Правду»?

– Надеюсь, что кто-то знает, – серьезно ответила Мег.

– Я имел в виду игру.

– Как в нее играют? – заинтересовался Фред.

– А вот как: складывают в кучу карточки, каждый выбирает себе номер, и все по очереди вытягивают, и тот, кто свой номер вытягивает, честно отвечает на любой заданный ему остальными вопрос. Получается забавно.

– Давайте попробуем! – поддержала его Джо, любившая всякие эксперименты.

Мисс Кейт, мистер Брук, Мег и Нед отказались, но Фред, Сэлли, Джо и Лори сложили карточки кучкой и стали тянуть. Жребий отвечать выпал Лори.

– Кто ваши герои? – спросила Джо.

- Дедушка и Наполеон.
- Кого из присутствующих леди вы считаете самой красивой? – спросила Сэлли.
- Маргарет.
- А кто из них вам больше всех нравится? – слышалось от Фреда.
- Конечно Джо.
- Ничего умнее не мог спросить?! – И Джо пренебрежительно пожала плечами, тогда как остальных рассмешил слишком прозаический тон Лори.
- Давайте еще. Неплохая игра, – заявил Фред.
- Для вас как раз очень хорошая, – произнесла Джо язвительно, но негромко.
- Пришел ее черед.
- Ваш самый большой недостаток? – спросил Фред, как бы проверяя ее на то достоинство, какого не доставало ему самому.
- Вспыльчивый нрав.
- Чего вы желаете более всего? – спросил Лори.
- Пару шнурков для ботинок, – ответила она, догадавшись, куда он клонит, и не давая ему попасть в цель.
- Неправда. Вы должны сказать, чего вы на самом деле более всего жаждете.
- Жажду таланта! Разве вам не хотелось бы мне его подарить, а, Лори? – И она лукаво улыбнулась прямо в его разочарованное лицо.
- Какие достоинства вы более всего цените в мужчине? – задала ей вопрос Сэлли.
- Смелость и честность.
- А теперь моя очередь, – вызвался Фред, поскольку его карточка была последней.
- Зададим ему по первое число! – шепнул Лори на ухо Джо. Она кивнула и сразу же спросила:
- Вы жульничали в крокете?
- Ну... Да, совсем немного.
- Разве то, что вы рассказывали, не из книги «Морские львы»<sup>78</sup>? – спросил Лори.
- Отчасти.
- Разве вы не считаете, что англичане – нация, самая совершенная во всех отношениях? – задала свой вопрос Сэлли.
- Мне следовало бы устыдиться самого себя, если бы я так не считал.
- Вот истинный Джон Буль! А теперь, мисс Сэлли, у вас есть шанс отвечать на вопросы без необходимости тянуть карточку. Я не слишком разворошу ваши чувства, если спрошу, не полагаете ли вы, что вы – самую малость – кокетка? – обратился к ней Лори, а Джо в этот момент как раз кивнула Фреду в знак того, что между ними объявлен мир.
- Вы – дерзкий мальчишка! Конечно нет! – вскричала Сэлли тоном, который явно свидетельствовал об обратном.
- Чего вы более всего не любите? – спросил Фред.
- Пауков и рисовый пудинг.
- А что вам более всего нравится? – задала ей вопрос Джо.
- Танцы и французские перчатки.
- Ну ладно. Мне кажется, «Правда» – ужасно глупая игра. Давайте во что-нибудь разумное поиграем – в «Авторов», например, освежим наши мозги, – предложила Джо.
- Нед, Фрэнк и младшие девочки к ним присоединились, а трое старших, пока шла игра, сидели в сторонке, беседуя. Мисс Кейт снова взялась за свой этюд, Маргарет внимательно смотрела, как она это делает, а мистер Брук снова улегся на траве с книгой, которую не читал.

---

<sup>78</sup> «Морские львы» (1849) – последний роман Джеймса Фенимора Купера (1789–1851).

– Как красиво это у вас получается! Так жаль, что я не умею рисовать, – сказала Мег. В голосе ее звучало и восхищение, и сожаление.

– А почему бы вам не поучиться? Мне кажется, у вас и вкуса хватает, и таланта достаточно для этого, – любезно откликнулась мисс Кейт.

– Не хватает времени.

– По-видимому, ваша Мама предпочитает какие-то другие достойные занятия. Так было и с моею, но я сумела доказать ей, что у меня есть талант, взяв по секрету от нее несколько уроков, и тогда она сама пожелала, чтобы я продолжила занятия. А вы с вашей гувернанткой не могли бы так же сделать?

– У меня нет гувернантки.

– Ах, я забыла, что в Америке молодые леди учатся в школах чаще, чем у нас, в Англии. И в прекрасных школах, так Папа говорит. Вы же в частной школе учитесь, я полагаю?

– Я вовсе не учусь. Я сама гувернантка.

– Ах вот как! – произнесла мисс Кейт, но она вполне могла бы сказать: «Неужели?! Какой ужас!» – таков был ее тон. И что-то в выражении ее лица заставило Мег покраснеть и пожалеть, что она была так откровенна.

Мистер Брук поднял на них глаза и поспешно объяснил:

– Молодые леди в Америке любят независимость с такой же силой, как их предки. И их любят и почитают за то, что они сами могут себя содержать.

– Ах, разумеется, это очень мило и вполне пристойно с их стороны так поступать. У нас тоже есть множество уважаемых и достойных молодых женщин, которые поступают так же, их нанимают в аристократические дома, потому что эти молодые женщины – дочери джентльменов, они благородного происхождения и, знаете ли, обладают всяческими достоинствами, – сказала мисс Кейт таким снисходительным тоном, что сильно ранила гордость Мег, заставив ее счесть свою работу не только неприятной, но и унижительной.

– А немецкая песенка подошла вам, мисс Марч? – спросил мистер Брук, нарушив наступившее неловкое молчание.

– О да! Она совершенно прелестна, я так признательна тому, кто ее для меня перевел! – И поникшее было лицо Мег просветлело при этих словах.

– А вы сами разве не читаете по-немецки? – спросила мисс Кейт, удивленно взглянув на нее.

– Не очень хорошо. Мой отец, учивший меня немецкому, сейчас не с нами, а сама я продвигаюсь не очень успешно, потому что некому исправлять мое произношение.

– Почему бы не попробовать немного сейчас? Вот «Мария Стюарт» Шиллера и учитель, который очень любит учить. – И мистер Брук, дружески улыбаясь, положил свою книжку на колени Мег.

– Это так трудно, я боюсь даже пробовать, – благодарно отозвалась Мег, оробевшая в присутствии столь образованной молодой леди, как Кейт Воун.

– Я прочту немного, чтобы вас приободрить.

И мисс Кейт прочла один из самых красивых пассажей, прочла совершенно правильно, но совершенно невыразительно.

Мистер Брук никак не комментировал ее попытку, когда она возвратила ему книгу, а Мег простодушно заметила:

– А я думала, это стихи...

– Частично. Попробуйте-ка вот этот пассаж.

На губах мистера Брука играла странная улыбка, когда он подал ей книгу, раскрытую на плаче злосчастной Марии.

Мег, послушно следуя за длинной травинкой, которой ее новоявленный учитель указывал ей строки, читала медленно и застенчиво, придавая трудным словам поэтичность мело-

дичными интонациями своего нежного голоса. Ниже и ниже по странице опускалась зеленая указка, и вскоре, забыв о своем слушателе, увлеченная красотой печальной сцены, Мег стала читать так, словно находилась в полном одиночестве, придавая трагический оттенок словам несчастной королевы. Если бы она тогда обратила внимание на карие глаза, она сразу остановилась бы, но ее глаза не отрывались от строк, и урок для нее не был испорчен.

– Очень хорошо, на самом деле хорошо! – сказал, когда она замолкла, мистер Брук, совершенно проигнорировав ее многочисленные ошибки, и с таким видом, будто он и правда очень любил учить.

Мисс Кейт вдела в глаз монокль, обозрела живую картину перед собою, захлопнула альбом для этюдов и снисходительно заметила:

– У вас милый акцент, и со временем вы научитесь читать с пониманием. Советую вам учиться, ибо владение немецким языком очень ценно для учителей. А мне нужно присмотреть за Грейс – она скачет где попало.

И мисс Кейт решительно зашагала прочь, бормоча себе под нос: «Я не затем сюда приехала, чтобы быть дуэньей какой-то гувернантки, хотя она юна и хороша собой. Что за странные люди эти янки. Боюсь, Лори совсем среди них испортится».

– А я и забыла, что англичане задирают нос перед гувернантками, относятся к ним совсем не так, как мы, – сказала Мег, с досадой глядя вслед удаляющейся фигуре.

– Домашним учителям тоже не очень сладко там приходится, насколько я, к сожалению, знаю. Нет другого такого места на свете, как Америка, для нас, людей работающих, мисс Маргарет.

И мистер Брук посмотрел на Мег с таким довольным и веселым видом, что она устыдилась своих жалоб на тяжкую долю.

– В таком случае замечательно, что я живу в Америке. Я не люблю свою работу, но в конечном счете я получаю от нее большое удовлетворение, так что мне не на что жаловаться. Мне только хотелось бы полюбить преподавание, как любите его вы.

– Я думаю, вы тоже полюбили бы, если бы вашим учеником был Лори. Мне будет очень жаль с ним расстаться в следующем году, – сказал мистер Брук, усердно протыкая дырочки в дерне.

– Он, видимо, поступает в колледж? – Губы Мег задавали только этот вопрос, но глаза ее добавляли: «А что же будет с вами?»

– Да, давно пора – ведь он уже вполне подготовлен. И как только он поступит, я пойду в армию: я там нужен.

– Я очень рада! – воскликнула Мег. – Я думаю, каждый молодой человек хотел бы служить в армии, несмотря на то что это так тяжело для их матерей и сестер, остающихся дома, – горестно добавила она.

– У меня ведь совсем нет близких и не очень много друзей, так что никого не озаботит, жив я или погиб, – с некоторой горечью ответил мистер Брук, рассеянно укладывая увядший цветок шиповника в проделанное в дерне углубление и прикрывая его землей, словно крохотную могилку.

– Лори и его дедушка были бы очень огорчены, и мы все тоже, если бы с вами приключилось что-либо дурное, – сердечно отозвалась на его слова Мег.

– Благодарю вас, мне это очень приятно, – начал было мистер Брук, глядя чуть повеселее, однако, прежде чем он успел закончить свою речь, появился Нед Моффат на неуклюжей старой лошади: он желал продемонстрировать юным леди свое умение ездить верхом, и с тишиной в этот день было покончено.

– А ты не любишь ездить верхом? – спросила Грейс у Эми, когда они остановились отдохнуть после гонок вокруг лужка вместе с другими гостями, возглавляемыми Недом.



– Обожаю! Моя сестра Мег ездила, когда наш папа был богат, но мы теперь не держим лошадей, кроме Древесной Эллин, – рассмеявшись, ответила Эми.

– Расскажи мне побольше про Древесную Эллин. Это что, ослик? – с любопытством спросила Грейс.

– Да вот видишь ли, Джо просто с ума сходит по лошадям, и я тоже, а у нас сохранилось только одно дамское седло, а никаких лошадей вовсе нет. Зато в саду у нас есть старая яблоня, у которой одна толстая ветка растет очень низко, так что Джо приладила на нее седло, прикрепила вожжи на ту часть, что поднята вверх, и мы всю скачем на Древесной Эллин, как только нам захочется.

– Как забавно! – рассмеялась Грейс. – У меня есть пони, и я езжу верхом в парке почти каждый день, с Фредом и Кейт. Это очень приятно, потому что и мои подруги тоже ездят, и Роу всегда полон нарядных леди и джентльменов<sup>79</sup>.

– Ах, это очаровательно! Я надеюсь как-нибудь тоже поехать за границу, но мне, пожалуй, больше хочется съездить в Рим, чем в Роу, – ответствовала Эми, которая ни малейшего представления не имела о том, что такое Роу, но ни за что на свете не стала бы спрашивать.

Фрэнк, сидевший прямо позади девочек, услышал, о чем они говорили, и, видя, как активные молодые люди поглощены всякими смешными физическими упражнениями, раздраженным жестом оттолкнул от себя костыль. Бет, подбиравшая разбросанные карточки от игры в «Авторов», подняла голову и спросила застенчиво, но очень дружелюбно:

– Боюсь, вас все это утомило. Могу я что-нибудь для вас сделать?

– Поговорите со мной, пожалуйста. Такая скука – сидеть тут в полном одиночестве! – отвечал Фрэнк, которому, по всей вероятности, дома уделяли много внимания.

Даже если бы он попросил ее произнести торжественную речь на латыни, это не показалось бы робкой девочке более сложной задачей, однако бежать ей отсюда было некуда, никакой Джо, чтобы укрыться за ее спиной, рядом не оказалось, а бедный мальчик смотрел на нее такими печальными глазами, что Бет решила попробовать.

– О чем вы любите разговаривать? – спросила она, взявшись с карточками и уронив добрую половину из них в попытке увязать их все вместе.

– Ну, я люблю слушать про игру в крикет, про греблю и про охоту, – ответил Фрэнк, пока еще не научившийся приспособливать свои развлечения к своим возможностям.

«Ох! Что же мне делать? Я же обо всем этом ничего не знаю», – подумала Бет и, в спешке своей забыв о несчастье мальчика, надеясь, что такой вопрос заставит его заговорить, сказала:

– Я никогда не видела охоты, но вы-то, наверное, все об охоте знаете?

– Я один раз охотился, но теперь уже никогда больше не смогу охотиться снова, потому что я расшибся, беря тот проклятый пятипланочный барьер, так что теперь для меня не будет ни лошадей, ни гончих псов, – произнес Фрэнк с таким вздохом, что Бет возненавидела себя за собственный невинный промах.

– Должна сказать, что ваши олени гораздо красивее выглядят, чем наши уродливые буйволы, – начала она, радуясь, что прочла одну из «мальчишских» книжек, которыми так увлекалась Джо.

Буйволы оказались не только вполне подходящим, но и успокаивающим средством, и в своем стремлении развлечь беднягу Бет забыла себя и совершенно не замечала удивления и удовольствия, более того – восхищения сестер, наблюдавших необычайное зрелище – Бет, самозабвенно болтающую с одним из «ужасных мальчишек», от которых сама просила защиты.

---

<sup>79</sup> ...и Роу всегда полон нарядных леди и джентльменов. – Грейс имеет в виду Роттен-Роу – аллею для верховой езды в лондонском Гайд-парке. Английское название Rotten Row – «гнилой ряд» – произошло от искаженного французского Route du Roi – «дорога короля».

– Да благословит Небо ее сердечко! – промолвила Джо. – Ей жаль мальчика, и она старается быть к нему добрее! – И Джо с крокетной площадки послала сияющую улыбку младшей сестре.

– Я всегда говорила – Бет у нас маленькая святая, – заявила Мег таким тоном, словно сомнений в этом и быть не могло.

– А я уже очень давно не слышала, чтобы наш Фрэнк столько смеялся, – сказала Грейс Эми – они сидели неподалеку, беседуя о куклах и делая чайные сервизы из желудевых чашечек.

– Моя сестрица бывает очень привередлива, когда ей хочется такою быть, – сказала Эми, очень довольная успехом Бет. Она хотела сказать «привлекательна», но так как Грейс, по малости лет, еще не очень точно знала значение слова «привередлива», оно показалось ей весьма звучным и произвело хорошее впечатление.

Цирковой экспромт, шашечная игра «Волки и овцы» и товарищеский матч на крокетной площадке завершили светлую часть этого дня. К закату палатки были сняты, корзины уложены, воротца вытащены из дерна, лодки нагружены, и вся компания поплыла вниз по течению, распевая во всю мощь юных голосов. Нед, расчувствовавшись, пропел сентиментальную серенаду с печальным припевом:

Одинок, одинок я, ах! Горе мне, одинок! –

и на строках:

Мы оба юны, у обоих – сердца,  
От холóдности вашей мучусь я без конца! –

он взглянул на Мег, сделав такое несчастное лицо, что она неудержимо расхохоталась и испортила ему серенаду.

– Как можете вы быть так жестоки ко мне? – прошептал Нед, пользуясь прикрытием оживленного хора других голосов. – Вы не отходили от этой перекрахмаленной англичанки целый день, а теперь вы надо мною смеетесь.

– Я, право же, не хотела, но у вас был такой забавный вид! Я просто не смогла удержаться, – отвечала Мег, пропустив мимо ушей первую часть упрека, так как она действительно старалась держаться от Неда подальше, вспоминая званый вечер у Моффатов и разговор после него.

Нед обиделся и обратился ради утешения к Сэлли, сказав ей довольно раздраженным тоном:

– В этой девице нет ни капли кокетства, не правда ли?

– Ни капельки, но она просто прелесть! – откликнулась Сэлли, встав на защиту подруги, но все же признавая ее недостатки.

– Ну, во всяком случае, она вовсе не трепетный олень, – произнес Нед, пытаясь неумело сострить и тем не менее преуспев, как это обычно бывает с очень юными джентльменами.

На лужайке перед большим домом, где они собирались утром, члены маленькой компании распрощались, сердечно пожелав друг другу спокойной ночи, всего хорошего и счастливого пути, ибо Воуны уезжали в Канаду. Когда четыре сестры уходили домой через сад, мисс Кейт взглянула им вслед и сказала, позабыв свой обычный снисходительный тон:

– Американские девушки, несмотря на их экспансивность, все же очень милы, когда с ними поближе познакомишься.

– Совершенно с вами согласен, – поддержал ее мистер Брук.

## Глава тринадцатая. Воздушные замки

Однажды, прекрасным теплым сентябрьским днем, Лори роскошествовал, покачиваясь туда-сюда в гамаке и подумывая о том, что делается у его соседей, но его слишком одолевала лень, так что он не мог пойти и выяснить это. Настроение у него было хуже некуда. День получился бесполезным и неудовлетворительным, и жаль было, что нельзя прожить его снова – совсем иначе. Жара побудила Лори быть праздным, он пренебрег занятиями, истощил до предела терпение мистера Брука, рассердил дедушку бесконечными фортепьянными экзерсисами, перепугал служанок чуть не до смерти, намекнув, что одна из его собак – на грани бешенства, и, обменявшись нелицеприятными замечаниями с конюхом из-за примерещившегося ему небрежения последнего к его лошади, сей юный джентльмен бросился в любимый гамак, продолжая кипеть по поводу тупости всего окружающего мира в целом, пока умиротворенность прекрасного дня, вопреки ему самому, не привела в порядок его растрепанные чувства. Неотрывно глядя в зеленую мглу простертых над ним каштановых крон, он грезил наяву, и в голове его рождались самые разные мечты. Он как раз представлял себе, что его качает на волнах океан, по которому он теперь совершает кругосветное плавание, когда до него донеслись голоса, во мгновение ока заставившие его сойти на берег. Глянув сквозь сетку гамака, он увидел девиц Марч, как будто бы отправлявшихся в некую экспедицию.

«Куда же это они, ради всего святого, собрались?» – подумал Лори, широко раскрывая сонные глаза, чтобы получше рассмотреть девочек, поскольку во внешности его соседок на этот раз виделось что-то не совсем обычное. На каждой была большая, с широкими мягкими полями шляпа, коричневая холщовая сумка на лямке через плечо и у каждой в руке – высокий посох. Мег несла подушку, Джо – книгу, Бет – корзинку, а Эми – портфель. Все они молча прошли по саду, вышли через заднюю калитку и стали взбираться на холм, что стоял меж домом и рекой.

«Ну и ну! Вот здорово! – сказал про себя Лори. – Устраивают пикник, а меня даже не зовут! К лодке они идти не могут – у них ключа нет. Может, они про то забыли? Ладно, отнесу им ключ и посмотрю, что там происходит».

Шляп у Лори было не меньше дюжины, однако ему понадобилось некоторое время, чтобы отыскать подходящую; потом началась охота за ключом, который наконец обнаружился у него же в кармане, так что, когда он перепрыгнул через ограду и бросился вдогонку за сестрами, тех давно уже и след простыл. Пробежав кратчайшим путем до эллинга, Лори ожидал, что девочки вот-вот появятся, однако никто так и не пришел, и он решил подняться вверх по холму, чтобы обозреть окрестности. Часть холма покрывал сосновый борок, и из самой его глубины до слуха Лори донеслись звуки более ясные, чем тихие вздохи сосен или дремотное стрекотание кузнечиков.

«Вот это пейзаж!» – подумал он, заглянув сквозь кусты. Теперь у него был вид человека, не только совершенно проснувшегося, но и обретшего доброе расположение духа.

Картина, открывшаяся перед ним, была действительно хороша: сестры сидели кружком в тенистом уголке меж кустов, душистый ветерок развеивал их волосы и охлаждал разгоревшиеся щеки, а мелкий лесной народец вокруг них продолжал жить своей жизнью, словно девочки были здесь не чужаками, а давними друзьями. Мег сидела на принесенной ею подушке и что-то аккуратно шила своими изящными белыми пальчиками: в розовом платье, посреди густой зелени, она выглядела свежей и нежной, словно роза. Бет перебирала шишки, густо устилавшие землю под болиголовом рядом с нею, отбирая подходящие, – она делала из них разные хорошенькие вещицы. Эми рисовала набросок с группы папоротников, а Джо читала им вслух и одновременно что-то вязала. Тень прошла по лицу юного джентльмена, наблюдавшего эту сцену: он понимал, что ему следует уйти, – ведь его не позвали! Однако он медлил: дома будет

так одиноко, а эта мирная компания в лесу необоримо влекла к себе его взбудораженный дух. Лори стоял так неподвижно, что белка, занятая сбором урожая, сбежала вниз по сосновому стволу совсем рядом с ним, увидела его вдруг и бросилась назад, бранясь так визгливо, что Бет подняла голову и углядела его печальное лицо за кустами.

– Можно мне к вам? Или я помешаю? – спросил он, медленно подходя ближе.

Мег подняла брови, но Джо грозно глянула на нее и быстро ответила:

– Конечно можно. Надо было вам раньше сказать, но мы подумали, такая девчачья игра придется вам не по вкусу.

– Ваши игры мне всегда нравятся, но если Мег против, я могу уйти.

– Я не против, если вы чем-то займетесь. А то получится против правил – нельзя бездельничать, – серьезно, но вполне любезно ответила Мег.

– Премного обязан. Я все что угодно стану делать, если вы позволите мне побыть тут немного, а то там, внизу, скучно, как в пустыне Сахара. Хотите, буду шить, читать, собирать шишки, рисовать или возьмусь за все сразу? – И Лори уселся рядом с ними с таким смиренным видом, что смотреть на него было одно удовольствие.

– Закончите этот рассказ, а я пока почию свой каблук, – сказала Джо, вручая ему книгу.

– Слушаюсь, мэм, – последовал смиренный ответ, и Лори принялся изо всех сил доказывать свою признательность за то, что был удостоен допуска в «Сообщество трудолюбивых пчелок».

Рассказ оказался достаточно кратким, и Лори отважился задать вопрос – в награду за заслуги:

– Простите, мэм, могу я осведомиться, является ли эта высоко поучительная, а также очаровательная институция совершенно новой?

– Ну, девочки, как по-вашему? Вы бы ему сказали? – обратилась Мег к сестрам.

– Он станет смеяться, – предостерегающе высказалась Эми.

– Ну и что?! – фыркнула Джо.

– Я думаю, ему понравится, – заметила Бет.

– Да конечно же понравится! Слово даю, что не стану смеяться. Рассказывайте, Джо, не бойтесь!

– Бояться – вас?! Подумать только! Вот, видите ли, мы в детстве играли в «Путешествие пилигрима» и продолжали играть, уже всерьез, всю эту зиму и все это лето.

– Ну да, – кивнул Лори со всепонимающим видом. – Я это знаю.

– Кто вам сказал? – резко спросила Джо.

– Духи.

– Нет, это я ему сказала. Мне хотелось его как-то вечером развлечь, когда никого из вас не было дома, а у него настроение было мрачное. И ему это все понравилось, так что не ругай меня, Джо, – смиренно призналась Бет.

– Ты не умеешь хранить тайну. Но сейчас это уже не важно. Во всяком случае, благодаря этому нам теперь меньше хлопот.

– Продолжайте, пожалуйста, – попросил Лори, видя, что Джо погрузилась в работу с видом некоторого неудовольствия.

– А-а, так она не рассказала вам о нашем новом плане? Дело в том, что мы пытаемся не потратить впустую свои каникулы, и каждая из нас взяла себе задачу и работала над ней с большой охотой. Каникулы уже подходят к концу, обязательства наши выполнены, и мы все очень радуемся, что не потратили времени зря.

– Еще бы вам не радоваться! – И Лори подумал о своих зря потраченных днях.

– Наша мама любит, чтобы мы побольше бывали на свежем воздухе, так что мы берем сюда работу и чудесно проводим здесь время. А чтобы было позабавнее, мы приносим наши вещишки в этих котомках, надеваем старые шляпы и берем посохи – взбираться на холм:

играем в пилигримов, как много лет назад, в раннем детстве. Этот холм мы называем «Гора Услады», потому что отсюда мы можем видеть далеко вокруг и смотреть на местность, где когда-нибудь, как мы надеемся, будем жить.

И Джо указала рукой, куда смотреть. Лори сел поправее, чтобы убедиться: через прогалину в бору открывался вид на широкую синюю реку, луга за нею, на другой стороне, а вдалеке, за окраинами большого города, виднелись зеленые горы, высоко к небу вздымавшие свои вершины. Солнце стояло уже низко, и небеса сияли во всем великолепии осеннего заката. Золотисто-пурпурные облака лежали на вершинах гор, и, высоко поднимаясь в это красочное великолепие, сияли серебром белоснежные пики, словно воздушные шпильки Града Небесного.

– Какая красота! – прошептал Лори, понимавший и умевший видеть и чувствовать все прекрасное.

– Так тут бывает часто, и мы любим смотреть на это, потому что оно никогда не повторяется, но всегда великолепно, – сказала Эми, которой очень хотелось суметь это написать.

– Джо говорит о той местности, где мы надеемся когда-нибудь жить, – о реальной местности, сельской, с поросятами и цыплятами и сенокосом. Это было бы хорошо, конечно, но мне хочется, чтобы реальной была та местность – та страна! – что наверху, и мы могли бы всегда в нее войти, – мечтательно сказала Бет.

– Есть еще прелестнее страна, куда все мы со временем уйдем, если будем достойны ее, – отозвалась Мег своим самым нежным тоном.

– А мне ожидание кажется таким долгим, таким трудным! Мне бы хотелось улететь сразу, как ласточки улетают, и сразу влететь в те великолепные врата.

– Ты будешь там, Бет, рано или поздно, обязательно будешь, не бойся, – заверила ее Джо. – Это мне суждено бороться, и трудиться, и карабкаться, и ждать, и, может статься, так никогда туда и не попасть.

– Ну а я составлю вам компанию, если это может послужить утешением. Мне придется здорово попутешествовать, прежде чем я хоть одним глазком смогу взглянуть на ваш Град Небесный. Если я прибуду с опозданием, замолвите за меня словечко, Бет, а?

Что-то в выражении лица Лори обеспокоило его маленькую подругу, но она весело ответила, не сводя глаз с то и дело меняющихся облаков:

– Если люди действительно хотят попасть туда и действительно всю жизнь стараются, я думаю, они обязательно туда попадают, потому что не может быть, чтобы на тех дверях были замки или у входа стояла стража. Я всегда представляю себе все так, как в книге на картинке, где Лучезарные протягивают руки к бедному Христианину, чтобы его приветствовать, когда он поднимается к ним от реки.

– Как было бы интересно, если бы все воздушные замки, что мы строим, воплотились в действительности и мы смогли бы в них жить, – произнесла Джо после небольшой паузы.

– Я их столько настроил, что трудно было бы решить, который выбрать, – откликнулся на это Лори, растянувшись на траве и швыряясь шишками в предавшую его белку.

– Вам следовало бы взять самый любимый. Это какой, по-вашему? – спросила Мег.

– Если я скажу, вы скажете про свой?

– Да. Если девочки тоже скажут.

– Мы скажем. Говорите, Лори.

– После того как я объезжу весь мир... ну, не весь, а столько, сколько мне захочется, и посмотрю то, что захочу увидеть, я хотел бы поселиться в Германии и заниматься музыкой столько, сколько мне понадобится, потому что я собираюсь стать знаменитым музыкантом, таким, чтобы вся вселенная стремилась меня услышать. И мне никогда не придется заботиться о деньгах и о делах и можно будет только наслаждаться и жить такой жизнью, какой я захочу. Таков мой любимый замок. А каков ваш, Мег?

Маргарет, казалось, поняла, что ей не так уж легко рассказывать о своем любимом замке. Она помахала перед лицом веточкой папоротника, словно отгоняя воображаемых комаров, и медленно заговорила:

– Мне хотелось бы жить в красивом доме, полном роскошных вещей – вкусной еды, красивой одежды, прекрасной мебели, приятных людей и кучи денег. Я – хозяйка этого дома и веду его так, как мне хочется, с помощью множества слуг, так, что самой мне вовсе не приходится ничего делать. Ах, как бы я этим наслаждалась! Ведь я не была бы праздной, я творила бы добро, и все бы меня очень любили.

– А разве в вашем замке не было бы хозяина? – задал ей Лори коварный вопрос.

– Но я же упомянула приятных людей, разве нет? – И Мег принялась тщательно завязывать шнурок на своем башмачке, так что никто не мог увидеть ее лица.

– Почему бы тебе прямо не сказать, что у тебя будет прекрасный, мудрый, добрый муж и несколько ангелочков-детишек? Ты же понимаешь – твой замок никогда не станет совершенным без всего этого, – сказала прямодушная Джо, которой не были пока еще знакомы нежные мечты: она все еще с некоторым презрением относилась к романтическим бредням – кроме тех, что встречала в книгах.

– Зато в твоём замке не будет ничего, кроме лошадей, чернильниц и толстых романов, – раздраженно парировала Мег.

– А как же иначе? У меня там были бы конюшни, дополна заставленные арабскими жеребцами, комнаты, доверху набитые книгами, и я писала бы, обмакивая перо в волшебную чернильницу, так что мои работы стали бы такими же знаменитыми, как музыка Лори. Мне хочется сделать что-то великолепное, прежде чем я войду в свой замок, что-то героическое или чудесное, что не будет забыто после моей смерти. Не знаю, что это будет, но я терпеливо выжидаю удобного случая и собираюсь в один прекрасный день всех вас поразить. Я думаю, что стану писать книги и буду богата и знаменита, это мне вполне подошло бы, вот это и есть моя самая заветная мечта.

– А моя – благополучно оставаться дома, с папой и мамой, и помогать им заботиться о семье, – призналась Бет с видом полного удовлетворения.

– И вам ничего более не нужно? – удивился Лори.

– С тех пор как у меня есть мой маленький рояль, я совершенно всем довольна. Мне только хотелось бы, чтобы мы все всегда были благополучны и оставались вместе, а больше ничего.

– А у меня вечно так много всяких желаний, но самое заветное – быть художницей, поехать в Рим, писать картины и стать самым лучшим живописцем на свете! – таково было скромное желание Эми.

– Ох и честолюбивый же мы народец, вам не кажется? Все мы, за исключением Бет, хотим стать богатыми, и знаменитыми, и замечательными во всех отношениях. Интересно бы знать, удастся ли кому-нибудь из нас добиться желаемого? – произнес Лори, жуя травинку, словно задумчивый теленок.

– У меня-то есть ключ к моему воздушному замку, но вот смогу ли я отпереть дверь, остается пока невыясненным, – загадочно высказалась Джо.

– У меня тоже имеется ключ, только мне не позволено дверь отпереть. Треклятый колледж! – пробурчал Лори с раздраженным вздохом.

– А мой ключ – вот! – помахала карандашом Эми.

– А у меня никакого ключа нет! – проговорила Мег безнадежным тоном.

– Да конечно же есть! – тотчас уверенно возразил Лори.

– Где же он?

– Он – ваше лицо.

– Взор какой! Что в нем толку?

– А вот подождите – и увидите, не принесет ли оно вам что-то вполне достойное, – сказал юный джентльмен, посмеиваясь при мысли о том, что владеет прелестной маленькой тайной, какую, по его мнению, он разгадал.

Мег покраснела за веточкой папоротника, но вопросов никаких не задавала, только смотрела за реку с тем же выражением лица, какое было у мистера Брука, когда он начинал рассказывать историю о рыцаре.

– Если через десять лет от нынешнего дня все мы будем живы, давайте встретимся и посмотрим, скольким из нас удалось осуществить свои мечты, или хотя бы насколько ближе к их исполнению мы оказались, чем сегодня, – предложила Джо, всегда готовая представить некий план действий.

– Святые Небеса! Я же тогда такая старая буду! Двадцать семь лет! – воскликнула Мег, уже считавшая себя совершенно взрослой в свои только что наступившие семнадцать.

– Вам и мне будет по двадцать шесть, Тедди, Бет – двадцать четыре, а Эми двадцать два. Что за почтенная компания! – отметила Джо.

– Надеюсь, я к этому времени успею сделать что-то, чем смогу гордиться, однако я такой лодырь, что, боюсь, проволочню все время, Джо.

– Мама говорит, вам нужен побудительный мотив, и, когда он у вас появится, вы будете великолепно работать, она в этом не сомневается.

– Правда? Клянусь Юпитером<sup>80</sup>, так оно и будет, если только у меня появится возможность! – вскричал Лори, с неожиданным энтузиазмом сев прямо. – Мне надо бы удовлетвориться тем, что я могу сделать приятное дедушке, и я действительно стараюсь это делать, но ведь это значит – действовать себе во вред, понимаете, и потому дается с трудом. Он хочет, чтобы я, подобно ему, занялся торговлей с Индией, а мне это – хоть застрелись! Я терпеть не могу весь этот чай, шелк и специи – вообще то барахло, что его дряхлые суденышки везут сюда, и меня совершенно не заботит, как скоро они все пойдут ко дну, когда попадут ко мне в руки. Мое поступление в колледж должно его удовлетворить, потому что, если я подарю ему эти четыре года, он не станет пока вводить меня в дело. Но он сам все уже решил, и я должен делать так, как делал он, если только не отважусь поступить, как поступил мой отец, – порвать с домом и жить так, как хочу я. Если бы только был какой-то человек, кто мог бы со старым джентльменом остаться, я сделал бы это завтра же.

Лори говорил возбужденно, и видно было, что он и правда готов привести свою угрозу в исполнение при малейшем неудовольствии, ибо он очень быстро вырос и, несмотря на склонность к ничегонеделанию, как всякий молодой мужчина, терпеть не мог подчиняться кому бы то ни было, стремясь самостоятельно попробовать мир на вкус.

– А я советую вам отплыть на одном из ваших кораблей и никогда больше домой не возвращаться, пока не попробуете идти своим собственным путем, – сказала Джо, чье воображение вдруг воспламенилось от мысли о таком дерзновенном подвиге, а сочувствие к бедному мальчику еще более возросло из-за того, что она называла «притеснениями Тедди».

– Это неправильно, Джо! Ты не должна так говорить, и Лори не должен следовать такому дурному совету. Вам нужно поступать так, как желает ваш дедушка, мой дорогой мальчик, – возразила Мег своим самым материнским тоном. – Старайтесь изо всех сил хорошо учиться в колледже, и, когда ваш дедушка увидит, как вы пытаетесь угодить ему, он не будет с вами так непреклонен и несправедлив. Вы же сами говорите, что, кроме вас, некому с ним остаться, некому его любить, и вы бы в будущем никогда не смогли простить себе, если бы оставили его без его разрешения. Не отчаивайтесь, не беспокойтесь, просто выполняйте свой долг, и вы обретете свою награду, как обрел ее мистер Брук, и будете уважаемы и любимы.

---

<sup>80</sup> Клянусь Юпитером... – Юпитер – у римлян главный бог, сын Сатурна и Реи, соответствующий греческому Зевсу.

– А что вы о нем знаете? – спросил Лори, благодарный за добрые слова, но в душе протестуя против нотации и с радостью отводя разговор от собственной персоны после неожиданного взрыва эмоций.

– Только то, что рассказал нам о нем ваш дедушка про то, как нежно мистер Брук заботился о своей матери вплоть до ее смерти и не поехал за границу домашним учителем к хорошему человеку, так как не захотел оставить ее одну. И как он помогает теперь той пожилой женщине, что была у его матери сиделкой, и никогда никому об этом не говорит, а просто ведет себя как щедрый, добрый и терпимый человек, каким только он и может быть.

– Да, старина Брук просто замечательный, – сердечно отозвался на эти слова Лори, когда покрасневшая и посерьезневшая во время своего рассказа Мег остановилась. – В этом – весь мой дедушка: он не мог не выяснить все о мистере Бруке, ни намеком не дав ему узнать об этом, не мог не рассказать другим о том, какой он хороший, чтобы все его полюбили. Брук не понимал, почему ваша матушка была так к нему добра, и приглашала его приходить к вам вместе со мной, и отнеслась к нему так по-дружески прекрасно. Он нашел, что она – замечательная женщина, и говорил об этом целые дни напролет, и обо всех вас говорил в самых пламенных выражениях. Если я когда-нибудь добьюсь исполнения своих желаний, вот увидите, что я сделаю для Брука.

– Начните с того, чтобы не отравлять ему жизнь! – резко ответила Мег.

– Откуда вам это знать, мисс?

– Я всегда могу угадать это по выражению его лица, когда он от вас уходит. Когда вы хорошо себя ведете, он выглядит довольным и идет бодро. А если отравляете ему жизнь, он задумчив, идет медленно, и кажется, что ему хочется вернуться назад и все переделать получше.

– Это мне нравится! Значит, вы ведете счет моим хорошим и плохим отметкам по выражению лица Брука?! Я вижу, как он кланяется и улыбается, проходя мимо вашего окна, но не понял, что вы установили там телеграфное сообщение.

– Ничего мы не установили. Не сердитесь, Лори, и – ах, прошу вас, не говорите ему, что я вам что-то сказала! Я только хотела показать вам, что меня заботит, как у вас идут дела, а то, что мы говорим здесь, говорится между нами, вы же понимаете, – воскликнула Мег, встревоженная тем, что могло воспоследовать за ее неосторожным высказыванием.

– Я не склонен сводить сплетни, – отвечал Лори, напустив на себя «спесиво-надменный вид», как называла Джо то выражение, какое порой принимало его лицо. – Только, если Брук собирается превратиться в термометр, я должен это учитывать и постоянно устраивать ему хорошую погоду, о которой он и будет вам сообщать.

– Ну пожалуйста, не обижайтесь! Я вовсе не хотела читать вам проповеди или сводить сплетни и говорить глупости. Просто я подумала, что Джо поощряет те ваши чувства, о которых вы со временем станете жалеть. Вы так добры к нам, мы относимся к вам так, как если бы вы были нам родным братом, и мы говорим вам все, что думаем. Простите меня, я говорила из самых добрых чувств. – И Мег с любовью и в то же время застенчиво протянула Лори руку.

Устыдившись краткой вспышки гнева, Лори сжал маленькую добрую ручку в своей ладони и вполне искренне признал:

– Это я должен просить прощения. Я сердит и весь день был в дурном настроении. Мне очень по душе, когда о моих ошибках и недостатках говорите вы, и очень нравится, что вы относитесь ко мне, как родные сестры. Так что не обращайтесь внимания, если я иногда бываю брюзглив. Я все равно вам благодарен.

И, стремясь показать, что вовсе не обижен, Лори всячески старался сделать девочкам приятное: он мотал нитки для Мег, читал стихи по просьбе Джо, тряс с дерева шишки для Бет и помогал Эми с ее папоротниками, доказывая, что он – персона, вполне достойная членства в «Сообществе трудолюбивых пчелок». Посреди оживленного обсуждения домашних привычек



черепках (одно из этих дружелюбных созданий добралось до них от реки) еле слышный звук гонга предупредил их о том, что Ханна поставила чай «настаиваться» и им едва хватит времени, чтобы попасть домой к ужину.

– Так можно мне участвовать? – спросил Лори.

– Да, если будете себя хорошо вести и полюбите свой букварь, как обычно говорят начинающим ученикам, – ответила, улыбнувшись, Мег.

– Я постараюсь.

– Тогда можно. А я научу вас вязать носки, как это делают шотландские мужчины, – сейчас очень требуются мужские носки, – пообещала Джо, помахав своим вязаньем, словно большим синим флагом, когда они расставались у калитки.

Вечером, когда сумерки сгустились и Бет играла мистеру Лоренсу, Лори стоял у окна в тени занавеса и слушал песню «Маленький Дэвид», чья простая мелодия всегда успокаивала его смятенный дух. Он смотрел на своего старого деда, сидевшего, опустив на руку седую голову, и явно с нежностью вспоминавшего теперь маленькую умершую внучку, которую он так любил. В памяти Лори все еще звучал дневной разговор, и он, с чувством радости решив принести эту жертву, сказал себе: «Я дам своему замку растаять в воздухе, я останусь с дорогим мне стариком, пока буду ему нужен, ведь я – все, что у него есть».

## Глава четырнадцатая. Тайны

Джо была ужасно занята на чердаке. Октябрьские дни становились все холоднее, после-полуденное светлое время – все короче. Солнце теперь стояло в высоком оконце всего два-три часа, согревая сидевшую на дряхлом диване Джо, что-то увлеченно писавшую; рядом с нею, на сундуке, лежали листы рукописи, а любимый крыс Скрэбл прогуливался по потолочным балкам над ее головой в сопровождении своего старшего сына, юнца, явно весьма гордившегося собственными усами. Глубоко ушедшая в работу Джо быстро исписывала листок за листком, пока не заполнила последний; тут она вздохнула, подписала свою фамилию с красивым росчерком и отбросила перо, воскликнув:

– Ну вот! Я сделала все, что могла. Если это не подойдет, придется мне подождать, пока я сумею сделать что-нибудь лучше.

Улегшись на диване на спину, она внимательно прочитала всю рукопись, ставя черточки то тут, то там и вставляя во многих местах восклицательные знаки, похожие на маленькие воздушные шарики. Потом она перевязала рукопись крепкой и длинной красной лентой и с минуту сидела, глядя на нее с рассудительным и печальным видом, ясно говорившим, какой по-настоящему серьезной была ее работа. Письменным столом Джо здесь, наверху, служил старый, крытый жестью кухонный, прикрепленный к стене. В нем девочка хранила свои бумаги и кое-какие книги, тщательно оберегаемые от Скрэбла: тот, подобно своей покровительнице, имевший склонность к литературе, считал, что пользуется библиотекой с выдачей книг на дом, если какие-то произведения попадались ему на глаза, и буквально пожирал их, страницу за страницей. Из сего хранилища Джо извлекла еще одну рукопись и, уложив обе в карманы, тихонько спустилась вниз, оставив своего приятеля грызть ее перо и пробовать на вкус оставшиеся чернила.

Как можно бесшумнее она надела шляпку и жакет и, пройдя к окну на дальней стороне дома, вылезла на крышу низкого заднего крыльца, спрыгнула вниз на поросший травой пригорок и закоулками вышла на дорогу. Тут она приободрилась, помахала проходившему мимо omnibusу и покатила в город. Вид у нее при этом был очень веселый и таинственный.

Если бы кто-нибудь за нею наблюдал, он нашел бы ее действия решительно странными, ибо, сойдя с omnibusа, Джо поспешила далее и быстро шагала до тех пор, пока не достигла определенного дома на определенной, весьма оживленной улице. Не без трудностей отыскав нужный ей вход, она вошла в двери, смерила взглядом грязную лестницу и, постояв с минуту совершенно неподвижно, вдруг вынырнула обратно на улицу и пошла прочь так же быстро, как пришла. Такой маневр она повторила не один раз, чем весьма позабавила черноглазого юного джентльмена, бездельничавшего у окна в доме напротив. Вернувшись в третий раз, Джо встряхнулась, надвинула шляпку пониже на лоб и двинулась вверх по лестнице с таким видом, будто ей нужно было вырвать все зубы сразу.

У входа, среди других вывесок, была и вывеска зубного врача, и, посмотрев с минуту на пару вставных челюстей, медленно открывавшихся и закрывавшихся, чтобы затем продемонстрировать два ряда прекрасных зубов, черноглазый юный джентльмен надел пальто, взял шляпу и вышел, чтобы занять пост у дверей противоположного дома, сказав себе с некоторым содроганием, но все же с улыбкой: «С нее, конечно, станется – пойти одной! Но если ей придется там туго, ей может понадобиться чья-то помощь, чтобы добраться до дому».

Десять минут спустя Джо сбежала вниз по лестнице с раскрасневшимся лицом и с видом человека, только что прошедшего через тяжелейшее испытание. Когда она увидела юного джентльмена, лицо ее вовсе не выразило удовольствия, и она прошла мимо, едва этому джентльмену кивнув. Однако тот последовал за нею и с участливым видом спросил:

– Вам там туго пришлось?

- Не очень.
- Вы быстро отделались.
- Да уж.
- Почему вы пошли одна?
- Не хотела, чтобы кто-нибудь знал.
- Вы – самое странное существо из всех, кого я знаю. И сколько же вышло таких, от которых вам пришлось в голову избавиться?

Джо глядела на своего друга, как бы ничего не понимая, и вдруг рассмеялась так, словно что-то ее сильно позабавило.

- Я хотела, чтобы вышло два, но мне придется подождать целую неделю.
- Что вас так рассмешило, Джо? Вы явно задумали какую-то хитрую штуку! – вскричал совершенно озадаченный Лори.
- А вы-то сами? Чем это вы занимались, сэр, в бильярдном зале на той стороне улицы?
- Пардон, мэм, это вовсе не бильярдный, а гимнастический зал, и у меня был там урок фехтования.

- Очень рада.
- Почему?
- Вы научите меня фехтовать, и, когда мы поставим «Гамлета», вы сыграете Лаэрта, и мы с вами сделаем замечательную фехтовальную сцену.

Лори рассмеялся таким залихватским мальчишеским смехом, что несколько прохожих не смогли удержаться от улыбки.

- Я научу вас все равно, поставим мы «Гамлета» или нет. Фехтование – такое великолепное дело, оно доставляет удовольствие и здорово поможет вам выпрямиться. Только я не верю, что это ваша единственная причина для того, чтобы так решительно сказать «очень рада». Я прав?

- Да. Я обрадовалась, что вы не были в бильярдной, потому что надеюсь, вы вообще не ходите в такие места. А вы ходите?

- Не часто.
- Лучше бы вовсе не ходить.
- В этом нет ничего дурного, Джо. У меня дома есть бильярд, но играть неинтересно, если нет хороших партнеров. Так что я иногда хожу туда – сыграть одну-две партии с Недом Моффатом или с кем-то другим из знакомых.

- Ох, как мне жаль! Ведь вам это будет нравиться все больше и больше, вы станете тратить на это и время, и деньги, станете таким же, как все эти ужасные, несносные мальчишки! Я надеялась, что вы всегда останетесь вполне уважаемым и ваши друзья не будут в вас разочарованы, – заявила Джо, качая головой.

- Неужели молодому человеку нельзя позволить себе немного невинных развлечений без того, чтобы утратить свою уважаемость? – спросил явно уязвленный Лори.

- Это зависит от того, как и где он это себе позволяет. Мне не нравится Нед и его компания, и я хотела бы, чтобы вы держались от них подальше. Мама не разрешает приглашать Неда к нам домой, хотя он очень хочет приходить. А если вы станете похожи на него, она не позволит нам бывать вместе и устраивать всякие штуки, как мы это можем делать сейчас.

- Не позволит? – огорченно спросил Лори.
- Нет. Она терпеть не может модных щеголей и скорее запрет нас всех в каком-нибудь чулане, чем разрешит с такими людьми связываться.
- Ну, вашей матушке нет сейчас никакой нужды готовить для вас чуланы. Я вовсе не модный щеголь и не собираюсь таким быть, зато люблю время от времени проказничать, участвовать в безобидных веселых проделках. А вы разве нет?

– Еще бы! Кто же против этого? Проказничайте на здоровье, только знайте меру, хорошо? Не то нашему веселому времяпрепровождению придет конец.

– Клянусь, я стану дважды дистиллированным святым!

– Терпеть не могу святош! Будьте простым, честным, респектабельным человеком, и мы никогда вас не покинем. Я даже представить себе не могу, что бы я делала, если бы вы поступили, как сын мистера Кинга. У него была куча денег, но он не знал, куда их потратить, стал пить, играл в карты, убежал из дома и, кажется, подделал подпись отца – словом, повел себя совершенно ужасающе.

– Так вы думаете, я склонен к тому же? Премного обязан!

– Нет, я так не думаю... ох, конечно же нет! Только я постоянно слышу, как люди говорят про деньги – что это великий соблазн, и мне иногда хочется, чтобы вы были бедняком. Тогда я бы не волновалась.

– Так вы за меня волнуетесь, Джо?

– Самую малость. Когда у вас дурное настроение и вы выглядите недовольным, как это с вами порой бывает, потому что у вас такая сильная воля, что, если вы когда-нибудь ступите на дурной путь, вас трудно будет остановить.

Несколько минут Лори шел рядом с ней молча, и Джо посматривала на него, жалея, что не удержала язык за зубами, так как друг ее, казалось, смотрел сердито, хотя на губах его играла улыбка, словно он посмеивался над ее предостережениями.

Через некоторое время он спросил:

– Вы собираетесь читать мне лекции всю дорогу домой?

– Вовсе нет. А что такое?

– Да просто если да, то лучше я поеду в омнибусе, а если нет, то расскажу вам что-то очень интересное.

– Кончаю проповедовать! Мне ужасно хочется услышать что-нибудь новенькое.

– Прекрасно! Тогда идем дальше. Но это не новенькое, а моя тайна. Если я расскажу ее вам, вы должны будете открыть мне свою.

– А у меня нет никаких... – начала было Джо и замолкла, вспомнив, что тайна у нее действительно есть.

– Вы сами знаете, что есть, и вы ведь не умеете ничего скрывать, так что давайте-ка *поведайтесь*, иначе я ничего вам не скажу! – воскликнул Лори.

– А ваша тайна – она хорошая?

– А как же! Она про тех, кого вы знаете, и все так здорово! Вам обязательно надо про это услышать, а мне все это время так хотелось вам рассказать. Давайте, вы начинаете!

– А вы никому у нас дома не скажете?

– Ни слова!

– И не станете потихоньку дразнить меня потом?

– Я никогда никого не дразню.

– Нет, дразните! И вообще, вы всегда добиваетесь от всех чего хотите. Не пойму, как это у вас получается, только вы – природный уговорщик.

– Благодарю вас. Выкладывайте!

– Ну, я отдала два своих рассказа издателю газеты, и он даст мне ответ на следующей неделе, – прошептала Джо на ухо своему верному другу.

– Да здравствует мисс Марч, прославленная американская писательница! – вскричал Лори, подбросив в воздух и снова поймав свою шляпу, к несказанному восторгу двух уток, четырех кошек, пяти кур и полудюжины ирландских ребятишек, так как он и Джо уже вышли за пределы города.

– Ч-ш-ш, тихо! Думаю, это ни к чему не приведет, просто я уже не могла быть спокойна, пока не попыталась проверить, и я ничего никому не сказала, потому что мне не хотелось, чтобы кто-то еще оказался разочарован.

– Провала не может быть, Джо! Ну как же! Ваши рассказы – шекспировские шедевры по сравнению с теми, что публикуются изо дня в день. Вот будет здорово увидеть их в печати! И как же мы будем гордиться нашей писательницей!

У Джо сияли глаза – ведь всегда приятно, когда в тебя верят, а похвала друга всегда много слаще, чем десятки дутых газетных восхвалений.

– Ну а где же ваша тайна? Надо играть честно, Тедди, не то я никогда не поверю вам снова, – пригрозила Джо, стараясь пригасить надежды, ярко вспыхнувшие после его ободряющих слов.

– Мне может грозить скандал, если я расскажу, но я не давал обещания никому не говорить, так что могу сказать, потому что в душе все время чувствую какую-то неловкость, пока не поделюсь с вами ставшей мне известной вкусной новостью. Я узнал, где находится перчатка Мег.

– И это все? – разочарованно произнесла Джо, а Лори кивнул и подморгнул, храня загадочную и всепонимающую мину.

– Этого в настоящий момент вполне хватит, если вы узнаете, где она.

– Так скажите же!

Лори наклонился и прошептал три слова на ухо Джо, что произвело неожиданный комический эффект. Она остановилась и с минуту смотрела на него с удивлением и неудовольствием, потом зашагала дальше, сердито спросив:

– Откуда вам это известно?

– Я видел.

– Где?

– У него в кармане.

– Все это время?

– Да. Это очень романтично, вы не находите?

– Нет. Это ужасно.

– Вам это не нравится?

– Конечно нет. Это же смешно. Этого никто не допустит. С ума сойти! Что бы сама Мег на это сказала?!

– Вы никому не должны говорить об этом. Учтите, пожалуйста.

– Я не обещала.

– Это подразумевалось, и я вам поверил.

– Ну ладно, я пока никому не скажу. Только мне противно, и лучше бы вы мне про это не говорили.

– Я думал, вам это будет приятно.

– Приятно, что кто-то явится и уведет от нас Мег? Нет уж, спасибо большое.

– Вы добрее к этому отнесетесь, когда кто-то явится и уведет вас.

– Хотелось бы посмотреть, кто отважится попробовать! – с яростью воскликнула Джо.

– Мне тоже. – При этой мысли Лори усмехнулся.

– Мне думается, тайны – это не для меня. У меня все мозги взъерошились после того, как вы мне про это сказали, – неблагоприятно заявила Джо.

– Побежим наперегонки вниз по холму, и вы сразу хорошо себя почувствуете, – предложил Лори.

Никого не было видно вокруг, гладкая дорога плавно и приглашающе спускалась вниз перед нею, и Джо, не в силах устоять перед искушением, бросилась вперед, очень скоро оставив позади и шляпку, и гребенку и роняя на бегу шпильки. Лори достиг цели первым и был

вполне доволен успехом своего способа лечения, ибо его Аталанта явилась, бурно дыша<sup>81</sup>, с развевающимися волосами, сияющими глазами и раскрасневшимися щеками, без малейшего признака неудовольствия на физиономии.

– Жалко, что я не лошадь! Тогда я могла бы мчаться милую за милей в такую чудесную погоду, не теряя дыхания. Это было здорово, но видите, что со мною стало?! Будьте моим ангелом-хранителем – да вы такой и есть! – пойдите подберите то, что я разбросала, – попросила Джо, буквально валясь с ног под кленом, устилавшим берег ковром из темно-красных листьев.

Лори неторопливо отправился вверх по холму, чтобы возвратить Джо утраченную собственность, а та принялась приводить в порядок косы, надеясь, что никто не появится вблизи прежде, чем она снова будет выглядеть как подобает. Но кто-то как раз появился, и не кто иной, как Мег собственной персоной, да еще выглядевшая в своем праздничном наряде поистине как юная леди, потому что она только что наносила визиты.

– Что это ты здесь делаешь? – спросила она, разглядывая свою растрепанную сестру с удивлением хорошо воспитанной девицы.

– Листья собираю, – смиренно ответствовала Джо, перебирая горсть только что поспешно подобранных красных листьев.

– И шпильки тоже, – добавил Лори, бросив полдюжины оных ей на колени. – Они растут тут, на дороге, Мег, вместе с гребенками и коричневыми соломенными шляпками.

– Так ты бегала, Джо! Ну как ты могла?! Когда же ты прекратишь эти свои ужимки и прыжки?! – упрекала Мег сестру, в то же время оправляя свои манжеты и приглаживая локоны, с которыми ветерок позволил себе некоторые вольности.

– Никогда! Только если стану неподвижной и старой и буду вынуждена передвигаться с костылем. Не заставляй меня взростеть раньше времени, Мег. И так уже достаточно тяжело видеть, как ты вдруг изменилась. Дай мне еще немного побыть девчонкой, пока есть такая возможность.

Говоря все это, Джо низко склонила лицо над листьями, чтобы скрыть дрожание губ, потому что в последнее время она все сильнее ощущала, как быстро Маргарет превращается во взрослую женщину, а тайна, угаданная Лори, заставила ее опасаться разлуки, уже неминуемой и теперь представлявшей очень близкой. Лори увидел ее встревоженное лицо и постарался отвлечь от нее внимание Мег, спросив:

– Кого же вы посещали в таком чудесном наряде?

– Я была с визитом у Гардинеров, и Сэлли со всеми подробностями рассказывала мне про свадьбу Белл Моффат. Свадьба получилась совершенно великолепной, а теперь молодые уехали в Париж и проведут там всю зиму. Подумать только, какой это, должно быть, восторг!

– Вы ей завидуете, Мег? – спросил Лори.

– Боюсь, что да.

– А я рада этому, – буркнула Джо, рывком подвывая шляпку.

– Почему? – удивленно спросила Мег.

– Потому что, если тебе так нравится роскошь, ты никогда не выйдешь замуж за бедняка, – объяснила Джо, нахмурившись в сторону Лори, безмолвно предупреждавшего ее о том, чтобы она думала, что говорит.

– Я никогда ни за кого не выйду замуж, – произнесла Мег, с достоинством ступая по дороге, тогда как другие двое следовали за ней, перешептываясь, смеясь и прыгая с камня на

---

<sup>81</sup> ...ибо его Аталанта явилась, бурно дыша... – Аталанта – персонаж греческой мифологии, охотница, участница охоты на калидонского вепря и похода аргонавтов. Славилась меткостью стрельбы и быстротой бега. Противясь замужеству, подвергала сватавшихся к ней испытанию бегом наперегонки, проигравших лишала жизни. Была побеждена хитростью – Меланион (Гиппомен), состязаясь, бросал на бегу золотые яблоки, подбирая которые Аталанта замедляла бег и потому проиграла. Однако брак был недолгим: в наказание за то, что супруги предавались любви в его храме, Зевс превратил их во львов.

камень, словом, вели себя, по мнению Мег, как малые дети, хотя сама она могла бы поддаться искушению и последовать их примеру, если бы не ее самый лучший наряд.

Целую неделю, а то и две Джо вела себя так необыкновенно, что ее сестры просто не знали, что и думать. Она бросалась к дверям, когда звонил почтальон, грубила мистеру Бруку, когда бы он ей ни встречался, сидела, взирая на Мег горестным взглядом, периодически вскакивая и бросаясь к ней, чтобы встряхнуть за плечи и поцеловать сестру с весьма загадочным видом. Они с Лори обменивались какими-то таинственными знаками и разговаривали об орлах с распростертыми крыльями<sup>82</sup>, так что в конце концов девочки объявили, что и тот и другая несколько «сдвинулись». В субботу второй недели, прошедшей с того дня, когда Джо вылезла в заднее окно дома, Мег сидела за шитьем у окна и была совершенно скандализována, увидев, как Лори гонится за Джо по всему саду, а затем настигает ее в беседке Эми. Что там происходило, Мег разглядеть не смогла, но оттуда слышались взрывы смеха, за которыми последовали тихие голоса и хлопанье газетных листов.

– Ну что поделаешь с этой девчонкой?! Она никогда не станет вести себя, как подобает юной леди, – вздохнула Мег, с досадливым неодобрением глядя на бегущих от беседки друзей.

– Очень на это надеюсь. Она такая забавная и милая – пока она такая, как есть, – отозвалась Бет, которая никогда не признавалась, что ей бывает больно, когда Джо заводит секреты с кем-то другим, а не с ней.

– Разумеется, очень досадно, но нам никогда не удастся сделать ее *commi la fo*, – сказала Эми, соорудившая для себя новые оборочки, которые вместе с очень привлекательно подвзанными кудряшками должны были, как она чувствовала, сделать ее необычайно элегантной юной леди.

Прошло несколько минут, и в комнату ворвалась Джо, улеглась на диван и сделала вид, что читает газету.

– Нашла там что-то интересное? – несколько свысока спросила Мег.

– Ничего. Только вот рассказ... думаю, он не такой уж удачный, – откликнулась Джо, тщательно скрывая от глаз сестер название газеты.

– Ты бы лучше почитала его нам вслух. Нас это развлечет, а тебя удержит от проказ, – заметила Эми своим самым взрослым тоном.

– А как он называется? – спросила Бет, пораженная тем, что Джо старается спрятать лицо за газетным листом.

– «Художники-соперники».

– Звучит прекрасно. Читай, – решила Мег.

Громко откашлявшись и набрав в грудь побольше воздуха, Джо начала читать. Читала она очень быстро, девочки слушали с интересом: история была романтическая и даже трагическая, поскольку в конце ее большинство персонажей погибло.

– Мне понравилось то, что написано про великолепную картину, – таково было одобрительное замечание Эми, когда Джо умолкла.

– Мне больше понравилась та часть, где про любовничанье. А Виола и Анджело – наши любимые имена, вот удивительно, правда? – сказала Мег, отирая глаза, потому что часть «про любовничанье» была трагической.

– А кто же написал это? – спросила Бет, которой удалось мельком увидеть физиономию Джо.

Чтица вдруг рывком села прямо, отбросила газету, открыв разгоревшееся лицо, и, забавно сочетая торжество и волнение, во всеуслышание объявила:

– Ваша сестра!

---

<sup>82</sup> ...и разговаривали об орлах с распростертыми крыльями... – Орел с распростертыми крыльями (англ. Spread Eagle) – эмблема Соединенных Штатов Америки на гербе США. Здесь – название местной газеты.

– Ты?! – вскричала Мег, роняя на пол свое шитье.

– Он очень хорош, – тоном критика заметила Эми.

– Я так и знала! Я так и знала! О Джо, моя дорогая, я так тобой горжусь! – И Бет в экзальтации от такого успеха сестры подбежала ее обнять.

Невозможно описать, в каком восторге все они, конечно же, пребывали. Как Мег не могла поверить, пока не увидела слова «Мисс Джозефина Марч», черным по белому напечатанные в газете. Как изящно Эми анализировала те части рассказа, где говорилось о работе художников, и какие советы давала для его продолжения, что, к сожалению, невозможно было исполнить, поскольку герой и героиня рассказа успели погибнуть. Как была возбуждена Бет, как она прыгала по гостиной, распевая от радости. И как Ханна вошла и в невероятном изумлении воскликнула: «Вот это да! Ну, я бы ни за что...», услышав о том, что «Джо сотворила». Какую гордость за дочь почувствовала миссис Марч, когда узнала об этом. Как смеялась со слезами на глазах Джо, когда объявила, что теперь она вполне может стать самовлюбленным павлином и бросить писать, ведь «Орел с распростертыми крыльями», можно сказать, уже торжественно машет ими над домом семейства Марч. Газета же тем временем переходила из одних рук в другие.

– Расскажи нам про все!

– Когда это вышло?

– Сколько тебе за него заплатили?

– А что папа скажет?

– А Лори не станет смеяться?

Таковыми вопросами – да все в один голос – засыпало Джо ее семейство, тесно столпившееся вокруг нее, потому что эти нелепые, нежно любящие друг друга обитатели старого дома устраивали настоящий праздник из любой незначительной домашней радости.

– А ну-ка перестаньте тараторить, девочки, и я все вам расскажу, – остановила их Джо, задаваясь вопросом, чувствовала ли себя мисс Бёрни<sup>83</sup> более великолепно после своей «Эвелины», чем она – Джо – после «Художников-соперников».

Поведав сестрам о том, как она распорядилась своими рассказами, Джо добавила:

– А когда я пришла за ответом, человек этот сказал, что ему понравились оба рассказа, но ничего не заплатил, потому что он начинающим не платит, а только разрешает им публиковаться в его газете и рецензирует их работы. Это хорошая практика, говорил он, и, когда начинающие усвершенствуются, им станет платить кто угодно. Так что я отдала ему оба рассказа, а сегодня мне был прислан этот, и Лори меня с ним застал и настоял на том, чтобы на него взглянуть, так что пришлось ему разрешить. И он сказал что рассказ хороший и я буду еще писать а он хочет добиться чтобы за следующий заплатили а я ужасно счастлива потому что со временем вероятно смогу содержать себя и помогать моим девочкам...

Тут дыхание у Джо перехватило, и, укрыв голову газетой, она оросила свой маленький рассказ самыми натуральными слезами, так как стать независимой и заслужить похвалу тех, кого она так любила, было самой сокровенной мечтой ее души, а это событие явилось первым шагом к заветной цели.

---

<sup>83</sup> ...чувствовала ли себя мисс Бёрни... – Мисс Бёрни (1752–1840) – весьма известная в XVIII в. английская преподавательница и историк музыки, фрейлина королевы Шарлотты, супруги короля Георга III, «первая наша женщина-романист», по словам Джейн Остин (1775–1817), опубликовала свой первый роман «Эвелина» в 1778 г.



## Глава пятнадцатая. Телеграмма

– Ноябрь – самый отвратительный месяц в году, – проговорила Маргарет, стоя у окна в один тусклый, пасмурный день, глядя на ошипанный морозом сад.

– Потому-то я и родилась в ноябре, – с обидой в голосе заметила Джо.

– А если бы сейчас случилось что-то очень приятное, мы подумали бы, что он – самый великолепный, – возразила Бет, всегда с надеждой смотревшая вперед, даже в ноябре.

– Готова была бы согласиться, да только в нашем семействе ничего приятного теперь не происходит, – заявила Мег, пребывавшая в дурном расположении духа. – Мы всё работаем да работаем, день за днем, без просвета и почти без развлечений. Прямо как на каторге.

– Ну и ну! До чего же мы грустны! – вскричала Джо. – Я не очень-то и удивляюсь, бедняжка моя дорогая, ведь ты постоянно видишь, как другие девицы весело проводят время, пока ты из года в год впрягаешься в нудную работу. Ох, как бы мне хотелось устроить твои дела, как я устраиваю их для моих героинь! Ведь ты и хороша собою, и добра, так что я могла бы найти какого-нибудь богатого родственника, который совершенно неожиданно оставил бы тебе целое состояние. Тогда бы ты вырвалась на свободу, как богатая наследница, с презрением смотрела бы на всех, кто тебя унижал, и уехала бы за границу, а потом вернулась как миледи. Такая-то в блеске великолепия и элегантности.

– В наши дни люди не получают состояний, оставленных им в такой манере. Мужчинам приходится самим зарабатывать на жизнь, а женщинам – выходить замуж из-за денег: этот мир ужасно несправедливо устроен, – горько отозвалась на это Мег.

– Мы с Джо собираемся заработать целых два состояния для всех вас. Только подождите лет десять, и сами увидите, что так оно и будет, – пообещала Эми, сидевшая в уголке и лепившая «пирожки из глины», как называла Ханна ее глиняные фигурки птиц, зверей и фруктов, а также изображения человеческих лиц.

– Не могу ждать. И боюсь, не очень верю в чернила, тушь и глину, хотя очень благодарна вам за благие намерения.

Мег вздохнула и снова вперила взор в окно на оголенный морозом сад. Джо, издав горестный стон, с мрачным видом оперлась обоими локтями на стол, но Эми продолжала энергично шлепать свои «пирожки», а Бет, сидевшая у другого окна, сказала с улыбкой:

– Нас прямо сейчас ждут два приятных события: маменька возвращается, она идет по улице, а Лори шагает через сад с таким видом, словно хочет сообщить нам что-то хорошее.

И вот они оба вошли в дом. Миссис Марч с обычным вопросом: «Есть ли письма от папы, девочки?» А Лори со словами, произнесенными его обычным убеждающим тоном: «Не хочет ли кто-нибудь из вас прокатиться со мной? Я зубрил математику, пока голова крúгом не пошла, так что собираюсь освежить мозги быстрой ездой. День довольно мрачный, но все не так уж плохо, и я предложил отвезти Брука домой, так что будет весело ехать. Поедьте, Джо, вы и Бет ведь не откажетесь, правда?»

– Конечно нет!

– Весьма признательна, только я занята! – И Мег быстро достала свою рабочую корзинку, потому что они с маменькой решили, что девушке покамест лучше не слишком часто кататься с вышеупомянутым молодым джентльменом.

– А мы втроем будем готовы через минуту! – крикнула Эми, выбегая из гостиной, чтобы вымыть руки.

– Могу ли я что-нибудь сделать для вас, мадам матушка? – спросил Лори, склонившись над креслом миссис Марч и, как всегда, с любовью на нее глядя. Любовь слышалась и в его тоне, когда он к ней обращался.

– Нет, спасибо, мой дорогой. Только загляните в почтовую контору, если вам не трудно. Сегодня как раз наш день получать письма, а почтальон не пришел. Отец наших девочек всегда точен, как само солнце, но, видимо, что-то задержало письмо в пути.

Громкий звонок в дверь прервал ее речь, и через минуту в гостиную вошла Ханна с конвертом в руке.

– Тут эту ужасную телеграфную штуковину принесли, ма-ам, – сказала она, вручая хозяйке конверт с такой осторожностью, будто он мог вот-вот взорваться или нанести какой-либо вред.

При слове «телеграфную» миссис Марч схватила конверт, прочла две строки, там содержащиеся, и снова упала в кресло, побелев так, словно белый листок бумаги пулей пронзил ее сердце. Лори бросился на кухню за водой, Мег и Ханна поддерживали миссис Марч, а Джо прерывающимся от испуга голосом читала вслух:

Миссис Марч, ваш муж очень болен. Приезжайте немедленно. С. Хейл.  
Госпиталь Бланка. Вашингтон.

Какая тишина воцарилась в комнате, когда все слушали Джо, затаив дыхание, как странно сразу потемнел день за окном и как вдруг показалось, что резко изменился весь мир, когда девочки стояли вокруг матери, чувствуя, что все счастье, вся опора их жизни могут быть у них вот-вот отобраны.

Однако миссис Марч быстро пришла в себя, перечитала телеграмму, раскрыла объятия дочерям и проговорила тоном, которого они никогда не смогли забыть:

– Я тотчас поеду, но ведь может быть уже поздно! Ах, дети, дети мои, помогите мне это вынести!

Несколько минут в гостиной слышались лишь рыдания, прерываемые неловкими словами утешения, нежными заверениями в готовности помочь и шепотом, полным надежд, но заглушаемым плачем. Бедняжка Ханна первой сумела оправиться и с неосознанной мудростью показала всем добрый пример, ибо для нее панацеей от большинства бед была работа.

– Да охранит Господь нашего дорогого! Не стану я время попусту терять на рев да охи и ахи, а соберу-ка вам враз вещички в дорогу, ма-ам, – сказала она самым сердечным тоном, отирая фартуком мокрое от слез лицо и горячо пожимая руку хозяйки своей крепкой рукой, и тут же отправилась прочь – работать за троих.

– Она права, для слез у нас нет времени. Успокойтесь, девочки, и дайте мне сосредоточиться.

Они попытались успокоиться, бедняжки, а их маменька, бледная, но взявшая себя в руки, выпрямилась в кресле и, отвлекшись от горестных предчувствий, принялась обдумывать дальнейший план действий для себя и для дочерей.

– А где же Лори? – спросила она, собравшись с мыслями и решив, что следует делать прежде всего.

– Здесь, мэм! Ах, пожалуйста, позвольте мне что-то сделать для вас! – вскричал юноша, вбегая из соседней комнаты, куда он скрылся, почувствовав, что первое горе семьи должно быть слишком сокровенно даже для его дружеского взора.

– Отправьте телеграмму, что я буду незамедлительно. Следующий поезд идет завтра, рано утром. Я выеду этим поездом.

– Что еще? Лошади готовы. Я могу поехать куда угодно, сделать что угодно, – сказал Лори, готовый лететь хоть на край света.

– Оставьте записку у тетушки Марч. Джо, дай-ка мне твою ручку и листок бумаги.

Оторвав чистую часть от одной из только что переписанных страниц, Джо пододвинула стол к маминому креслу, хорошо понимая, что деньги на долгую, печальную поездку придется

занимать, и чувствуя, что она готова на что угодно, лишь бы добавить немного к той сумме, что так необходима отцу.

– Ну, отправляйтесь, мой дорогой, только не разбейтесь по дороге, мчась на бешеной скорости, – никакой нужды в этом нет.

Предостережение миссис Марч, вполне очевидно, было брошено на ветер, так как через пять минут Лори промчался мимо их дома на своей быстроногой лошади, скача так, словно речь шла о спасении его жизни.

– Джо, сбегай в комнаты Общества помощи воинам и предупреди миссис Кинг, что я не смогу прийти. По пути купи мне вот что, я сделаю список: такие вещи могут понадобиться, и я должна быть готова к уходу за больным или раненым. Больничные запасы не всегда достаточны. Бет, пойди и попроси у мистера Лоренса две бутылки старого вина. Я не так горда, чтобы не попросить чего-то ради вашего отца. У него будет все самое лучшее. Эми, скажи Ханне, чтобы достала мой черный дорожный сундук, а ты, Мег, иди со мной и помоги мне найти нужные вещи, так как я несколько сбита с толку.

Бедной миссис Марч пришлось писать, размышлять и раздавать указания практически одновременно, так что немудрено было и сбиться с толку. Мег буквально умолила ее некоторое время посидеть спокойно у себя в комнате, позволив заняться делами дочерям. Все они разлетелись, словно листья от порыва ветра, а спокойствие и счастье, прежде царившие здесь, были вдруг разрушены: телеграмма вторглась в этот дом, словно злой дух.

Мистер Лоренс поспешил явиться вместе с возвратившейся Бет и принес все необходимое, о чем только добрый старый джентльмен мог подумать, для помощи больному, а также – самые дружеские обещания заботы и поддержки девочкам на время отсутствия их матери, что значительно успокоило миссис Марч. Не было буквально ничего такого, чего бы он не предложил ей, от его собственного шлафрока для больного до самого себя в качестве эскорта миссис Марч в Вашингтоне. Последнее было совершенно невозможно. Миссис Марч и слышать не желала о том, чтобы старый джентльмен предпринял столь долгую поездку, однако на лице ее отобразилось облегчение, когда он об этом заговорил, ибо волнение – плохой спутник для путешественника. Мистер Лоренс заметил это, нахмурил кустистые брови, потер ладони и быстро зашагал прочь, сказав, что сразу же вернется. Никто не успел и подумать о нем снова, когда Мег, пробежавшая через прихожую с парой калош в одной руке и чашкой чая – в другой, вдруг наткнулась на мистера Брука.

– Мне так огорчительно было узнать об этом, мисс Марч, – произнес он добрым, тихим голосом, что было очень приятно ей сейчас в ее обеспокоенном состоянии. – Я пришел, чтобы предложить себя в качестве сопровождающего для вашей матушки. У мистера Лоренса есть для меня поручения в Вашингтоне, и мне поистине большим удовольствием будет оказаться полезным миссис Марч.

На пол полетели калоши, да и чай чуть было не последовал за ними, когда Мег, в порыве благодарности, протянула мистеру Бруку свою ладошку с таким выражением лица, что тот мог бы почувствовать себя вознагражденным за гораздо большие жертвы, чем столь пустяковая затрата времени и покоя, на какую он был готов отважиться.

– Как вы все добры к нам! Мама согласится, я уверена, и это будет таким облегчением для нас – знать, что с нею есть кто-то, кто может там о ней позаботиться! Спасибо вам, очень большое спасибо!

Мег говорила от всей души, совершенно забывшись, пока что-то в выражении карих глаз, глядящих на нее сверху, не заставило ее вспомнить об остывающем чае и провести их владельца в гостиную, сказав, что сейчас она позовет маменьку.

Все было уже устроено к тому времени, как вернулся Лори, который привез записку от тетушки Марч; в тот же конверт была вложена и желаемая сумма денег, а в нескольких строках записки повторялось то, что тетушка часто говорила и прежде: она всегда считала абсурдом

то, что Марч пошел в армию, всегда предсказывала, что ничего хорошего из этого не выйдет, и надеется, что в следующий раз они послушают ее совета. Миссис Марч бросила записку в камин, положила деньги в сумочку и продолжала готовиться к отъезду, плотно сжав губы, что было бы правильно понято Джо, если бы она при сем присутствовала. Короткий день подходил к концу. Все остальные поручения были выполнены, и Мег с матерью занялись кое-каким необходимым шитьем, тогда как Бет и Эми готовили чай, а Ханна заканчивала поспешную глажку с «шумом и громом», как сама это называла, но Джо все еще не было дома. Они уже начинали беспокоиться, Лори отправился ее искать, потому что никто не знал, какая причуда могла взбрести в голову этой девице. Однако он ее как-то проглядел, и Джо появилась с очень странным выражением на физиономии, на которой виделись и радость, и страх, и удовлетворение, и сожаление – все вместе, что привело в полнейшее замешательство ее семейство, как и несколько ассигнаций, положенных Джо перед матерью.

– Это мой вклад для того, чтобы облегчить положение папы и привезти его домой, – произнесла девочка чуть срывающимся от волнения голосом.

– Моя дорогая! Откуда они у тебя? Двадцать пять долларов! Ты не сделала ничего опрометчивого, я надеюсь?

– Нет. Они мои, по-честному. Я не просила милостыню, не воровала, не занимала. Я их заработала. И я думаю, вы не станете меня за это винить, потому что я продала то, что было мое, мое собственное.

Проговорив все это, Джо сняла капор, и все вскрикнули в один голос, так как ее пышные густые волосы оказались коротко остриженными.

– Твои волосы! Твои прекрасные волосы!

– Моя милая девочка! В этом не было нужды!

– Она совсем не похожа на мою Джо, но я еще бо-о-ольше люблю ее за это!

Пока все так восклицали, а Бет нежно гладила ее остриженную голову, Джо напускала на себя равнодушный вид, не способный никого ввести в заблуждение ни на йоту, и произнесла с притворно довольным видом, ероша свой каштановый ежик:

– Это не скажется на судьбах страны, так что нечего тебе причитать, Бет. Мне это пойдет только на пользу, я стала слишком гордиться своей гривой. И мозгам моим полезно освободиться от этой копны. Голове моей стало восхитительно легко и прохладно, а парикмахер сказал, что у меня, возможно, скоро вырастет роскошная кудрявая шевелюра в мальчишковом стиле, что будет мне к лицу, да еще станет легче с уходом за волосами. Так что, прошу, возьмите деньги и давайте ужинать.

– Расскажи-ка все подробно, Джо. Я не очень довольна, но не могу винить тебя, потому что понимаю, как охотно ты пожертвовала предметом своего тщеславия, как ты это называешь, ради любви к отцу. Но, дорогая моя, в этом не было необходимости, и я боюсь, что совсем скоро ты об этом станешь жалеть.

– Нет, не стану, – решительно возразила Джо, чувствуя огромное облегчение оттого, что ее проделка не вызвала всеобщего осуждения.

– Что заставило тебя решиться на это? – спросила Эми, которая скорее позволила бы отрубить себе голову, чем отрезать свои хорошенькие кудряшки.

– Мне просто до смерти нужно было сделать что-нибудь для папы, – объяснила Джо, когда все собрались за столом, ведь молодые, здоровые люди хотят есть даже тогда, когда приходит беда. – Я так же, как наша маменька, терпеть не могу занимать деньги, и я знала, что тетушка Марч станет каркать, она вечно каркает, даже если гривенник у нее попросишь. Мег отдала всю свою зарплату за квартал, чтобы уплатить за аренду, а я на свою только одежды себе купила, так что почувствовала себя негодяйкой и просто обязана была достать немного денег – хоть собственный нос с лица продать, но достать.

– Ты напрасно почувствовала себя негодяйкой, девочка моя, у тебя не было одежды на зиму, и ты купила все самое простое на свои трудно заработанные деньги! – сказала миссис Марч, глядя на дочь так, что у той потеплело на душе.

– Мне и в голову сначала не приходило, что можно продать мои волосы, но, пока я ходила и думала о том, что способна сделать, я почувствовала, что могла бы зайти в какой-нибудь дорогой магазин и попробовать чем-нибудь там пожить, но тут я увидела в витрине парикмахера выставленные там косы с ценниками, а на одной черной косе, потоньше, чем моя, было указано: «сорок долларов»! И вдруг меня словно осенило: у меня же есть что-то, за что я могу получить деньги! И я не задумываясь вошла в парикмахерскую, спросила, покупают ли они волосы и сколько дадут за мои.

– Я даже представить себе не могу, как ты на это решилась! – сказала Бет в благоговейном ужасе.

– Ну, парикмахер оказался малюсеньким человечком, который, наверное, способен был только собственные волосы бриолинить и больше ничего. Сначала он просто стоял и смотрел на меня, будто не привык, чтобы к нему врывались девицы, жаждущие продать свои волосы. Он сказал, что мои ему не нравятся – цвет у них не модный, и он вообще никогда много за волосы не платит: работа с ними требует больших затрат и так далее. Становилось поздно, и я побоялась, что если не сделаю этого сразу, то не сделаю уже никогда, а ведь вы знаете, когда я что-то начинаю, я терпеть не могу бросать это на половине. Так что я стала уговаривать его их купить и объяснила ему, почему я так спешу. Ну, должна признать, это было глупо, но это заставило его передумать, так как я немного взволновалась и рассказала ему всю историю вперемешку, как это у меня часто бывает. А его жена это услышала, и она этак по-доброму говорит ему: «Купи волосы, Томас, и послужи этой юной леди. Я бы сделала то же самое для нашего Джимми в любой момент, если бы у меня был хоть один завиток, годный для продажи!»

– А кто он такой, этот Джимми? – спросила Эми, любившая выяснять все неясное по ходу дела.

– Это ее сын, сказала она, который сейчас в армии. Как такие вещи сближают людей, даже совсем незнакомых, правда ведь? Она говорила и говорила, пока ее муж меня стриг, чем очень мило отвлекала мои мысли.

– А тебе не стало ужасно страшно, когда отрезали первую прядь? – с содроганием спросила Мег.

– Я в последний раз взглянула на свои волосы, когда этот человек доставал инструменты, и на этом все кончилось. Я никогда не трясусь из-за таких пустяков. Впрочем, должна признаться, когда я увидела мои дорогие бывшие волосы, разложенные на столе, а на голове нашу-пала только их короткие жесткие кончики, мне показалось, что у меня вроде отняли руку или ногу. А та женщина поймала мой взгляд, и выбрала одну длинную прядь, и отдала мне – сохранить на память. Я отдам ее вам, маменька, как память о былой славе, потому что шевелюра настолько удобнее, что я больше не стану отращивать гриву.

Миссис Марч свернула длинный вьющийся локон и уложила его в свой стол рядом с коротким седым, промолвив только:

– Спасибо, милая моя.

Однако что-то в выражении ее лица побудило дочерей сменить тему и заговорить веселее, насколько им это удавалось, о предложении мистера Брука, о его доброте, о возможности хорошей погоды на следующий день и о счастливом времени, которое наступит, когда отец вернется домой выздоравливать, а они станут за ним ухаживать.

Никто не хотел отправляться спать в десять часов, когда миссис Марч отложила последнюю законченную работу и сказала:

– Идемте, девочки.

Бет подошла к роялю и заиграла любимым псалом их отца. Все храбро запели хором, но одна за другой замолкали, захлебнувшись слезами, так что Бет вскоре продолжала петь в одиночестве, потому что для нее музыка всегда служила нежным утешением.

– Идите спать и не болтайте там, у себя, так как нам нужно встать очень рано, и всем необходимо как следует выспаться. Спокойной ночи, мои милые, – сказала миссис Марч, когда Бет закончила играть любимым псалом отца и никому не захотелось начинать какой-нибудь другой.

Молча они поцеловали мать и отправились в свои постели так тихо, словно их дорогой больной спал здесь же, в соседней комнате. Бет и Эми заснули почти сразу, несмотря на беду, но Мег лежала без сна, занятая такими серьезными мыслями, какие никогда еще не приходили ей в голову за всю ее короткую жизнь. Джо была совершенно неподвижна, и сестра ее вообразила, что та крепко спит, когда вдруг услышала приглушенное рыдание, и, коснувшись мокрой от слез щеки, воскликнула:

– О чем ты, Джо, дорогая? Ты плачешь о папе?

– Нет. Сейчас не о нем.

– О чем же?

– О моих... О моих волосах! – едва выговорила сквозь рыдания несчастная Джо, пытаясь задушить свое горе подушкой.

Мег это вовсе не показалось смешным. Она поцеловала и очень нежно приласкала расстроенную героиню.

– Мне вовсе их не жалко, – заявила Джо, всхлипывая, – я бы и завтра еще раз сделала то же самое, если бы такое было возможно. Это только та, тщеславная моя часть берет да ревет так по-дурацки. Никому не говори про это, с этим покончено. Я думала, ты уже спишь, вот и постонала чуть-чуть, втихомолку, о том единственном, что у меня было красивого. А как случилось, что ты не заснула?

– Никак не могу заснуть. Я так волнуюсь.

– А ты думай о чем-нибудь приятном, сразу провалишься в сон.

– Я так и сделала, да только совсем проснулась.

– О чем же ты думала?

– О красивых лицах. Особенно о глазах, – ответила Мег, улыбнувшись про себя в темноте.

– А какого цвета они тебе больше всего нравятся?

– Карие. То есть только иногда. Голубые очень хороши.

Джо рассмеялась, а Мег резко велела ей перестать болтать, но потом дружелюбно пообещала сделать ей завивку и уснула, чтобы увидеть во сне, как она живет в своем воздушном замке.

Часы били полночь, в комнатах дома царила тишина, когда одинокая фигура стала бесшумно переходить от кровати к кровати, тут приглаживая одеяло, там поправляя подушку, останавливаясь, чтобы взглядеться долго и нежно в каждое отрешенное во сне лицо, прикоснуться к каждому губами, только что немо благословившими и вознесшими жаркие мольбы, на какие способны одни лишь матери. Когда она приподняла занавеску и взглянула в окно на беспросветный мрак ночи, луна неожиданно вынырнула из-за туч и просияла перед нею всем своим светлым, благожелательным ликом и, казалось, шепнула ей в ночной тиши: «Утешься, дорогая! За тучами всегда кроется свет».

## Глава шестнадцатая. Письма

На заре холодного серого дня сестры зажгли лампу и прочли очередную главу с более глубоким чувством, чем когда-либо прежде. Потому что теперь, когда нависла над ними тень настоящей беды, эта маленькая книга давала им помощь и утешение, и, одеваясь, девочки договорились попрощаться с маменькой весело, с добрыми надеждами и проводить ее в столь волнующую поездку, не опечалив слезами и жалобами. Когда они спустились вниз, все там показалось им очень странным: за окнами дома было так сумрачно и тихо, а внутри – полно света и суеты. Завтракать в такой ранний час тоже было странно, и даже давно знакомое лицо Ханны выглядело чужим, когда она металась по кухне, забыв снять ночной чепец. Большой дорожный сундук стоял в полной готовности в прихожей, мамины пальто и шляпка лежали на диване, а сама мама сидела, пытаясь что-нибудь съесть, такая бледная и изможденная бессонницей и беспокойством, что дочерям очень трудно было сохранять свою решимость. Глаза Мег то и дело увлажнялись слезами. Джо пришлось не один раз прятать лицо в кухонном полотенце, а младшие не могли избавиться от выражения серьезного беспокойства на лицах, словно горе было для них совершенно новым жизненным опытом.

Говорили мало, но, когда подошло время и они уже ожидали карету, миссис Марч обратилась к девочкам, что-то делавшим для нее – одна складывала ее шаль, другая расправляла тесемки у шляпки, третья помогала натянуть ботики, а четвертая застегивала дорожную сумку:

– Дети мои, я оставляю вас заботам Ханны и под защитой мистера Лоренса. Ханна – воплощенная преданность, а наш добрый сосед охранит вас, как если бы вы были ему родные. Я не опасаюсь за вас, но меня беспокоит то, что вы можете не совсем правильно отнестись к этой беде. Не горюйте, не волнуйтесь, когда я уеду, не думайте, что теперь можно расслабиться и ничего не делать, не утешайтесь бездельем, пытайтесь тем самым забыть о беде. Продолжайте свою обычную работу – в работе найдете благое утешение. Не теряйте надежды, не переставайте трудиться и помните: что бы ни случилось, вы никогда не останетесь без отца – Отец Небесный вас не оставит.

– Да, мама.

– Мег, дорогая, будь предусмотрительна, присматривай за сестрами, советуйся с Ханной и с любыми затруднениями обращай к мистеру Лоренсу. А ты, Джо, будь терпимее, не впадай в дурное настроение, не поступай сгоряча, пиши мне почаще и оставайся моей мужественной дочкой, всегда готовой всем прийти на помощь и всех приободрить. Бет, почаще находи успокоение в музыке и не оставляй занятий небольшими домашними делами, а ты, Эми, помогай всем и всюду, где только сможешь, будь послушной и радуйся, что можешь спокойно оставаться дома.

– Все так и будет, мама. Не беспокойтесь!

Послышался стук колес подъезжавшего экипажа, все встрепенулись и прислушались. Момент был трудный, но девочки перенесли его стойко. Ни одна не заплакала, ни одна не бросилась прочь, не издала ни оха, ни вздоха, хотя у всех было тяжело на душе, когда они просили передать отцу слова, полные любви, в то же время сознавая, что для этого могло быть уже слишком поздно. Они молча поцеловали мать, теснясь вокруг нее, нежно ее касаясь, и, когда она отъезжала, махали вслед ей руками, стараясь казаться веселыми. Лори явился вместе с дедушкой – проводить миссис Марч, а мистер Брук показался им таким сильным и благоразумным, что девочки моментально присвоили ему имя Мистер Великодушное Сердце<sup>84</sup>.

---

<sup>84</sup> *Мистер Великодушное Сердце* – один из персонажей аллегории Дж. Баньяна «Путешествие пилигрима», помогавших Христианину и его последователям достичь Небесного Града.

– Прощайте, мои родные! Да благословит и да хранит нас всех Господь! – прошептала миссис Марч, целуя одно за другим дорогие ей лица, и чуть ли не бегом поспешила к карете.

Карета уже отъезжала от дома, когда солнце высвободилось из туч, и миссис Марч, оглянувшись, увидела, как оно ярко осветило группу людей, стоявших у калитки, словно подавая ей добрый знак к отъезду. Они тоже поняли это, заулыбались, энергичнее замахали руками, и последнее, что она увидела перед поворотом за угол, были четыре веселых личика, за ними, точно телохранитель, старый мистер Лоренс, а рядом с ним – верная Ханна и преданный Лори.

– Как все они добры к нам! – сказала миссис Марч, отворачиваясь от окна и находя подтверждение этому в уважительном сочувствии молодого человека, ясно отразившемся на его лице.

– Да как они могли бы не помогать вам?! Вот чего я никогда не пойму! – поразился мистер Брук. И он рассмеялся так заразительно, что она не удержалась от улыбки. Так что ее путешествие началось с доброго предзнаменования: солнце сияло, сияли улыбки и звучали добрые слова.

– У меня такое чувство, будто произошло землетрясение, – призналась Джо, когда их соседи отправились домой завтракать, оставив девочек одних, чтобы они смогли отдохнуть и прийти в себя.

– А у меня такое, будто у нас рухнуло полдома, – несчастным голосом добавила Мег.

Бет открыла было рот, чтобы сказать что-то, но только молча указала на стопку аккуратно заштопанных чулок, лежавшую на мамином рабочем столе, говорившую о том, что даже в последние поспешные минуты мать думала и заботилась о них. Это была, конечно, всего лишь малость, но такая, что тронула их до глубины души, и, несмотря на их мужественную решимость, девочки не выдержали и горько расплакались.

Мудрая Ханна дала им выплакать горе в слезах, и когда ливень стал ослабевать и появились проблески ясного неба, она пришла на выручку, вооруженная кофейником.

– А ну-ка, милые мои девицы, вспомните, что ваша мамаша говорила, и не волнуйтесь. Идите-ка да выпейте кохвею по чашечке, да поживей за работу, чтоб честь семьи не обронить.

Кофе – это было как раз то, что нужно, и Ханна проявила истинный такт, приготовив его в это утро. Никто не мог устоять перед ее убеждающими кивками, перед ароматным приглашением, исходящим из носика самого кофейника. Девочки медленно потянулись к столу, сменив намокшие платки на салфетки, и минут через десять все пришли в себя.

– Надежда и труд! – вот отныне наш девиз, так давайте посмотрим, кто лучше всех его запомнит, – предложила Джо, с наслаждением отпивая кофе. – Я, как обычно, отправляюсь к тетушке Марч. Ох и наслушаюсь же я от нее нотаций! – добавила она с вернувшейся к ней бодростью.

– А я иду к своим Кингам, хотя мне очень хотелось бы остаться дома и заняться домашними делами, – сказала Мег, жалея, что у нее так сильно покраснели глаза.

– В этом вовсе нет нужды. Мы с Бет совершенно прекрасно можем сами содержать дом в порядке, – с важным видом заявила Эми.

– Ханна подскажет нам, что надо делать, и, когда вы вернетесь, все тут у нас будет хорошо, – присоединилась к ней Бет, без промедления берясь за тряпку и таз для мытья посуды.

– Мне думается, состояние тревоги – это очень интересно, – заметила Эми, задумчиво грызя кусочек сахара.

Девочки дружно рассмеялись, и от этого сразу почувствовали себя лучше, несмотря на то что Мег покачала головой, с упреком глядя на юную леди, сумевшую найти утешение в сахарнице.

Вид теплых маленьких шалей заставил Джо снова погрузнеть, и когда обе сестры отправились выполнять свои каждодневные обязанности, они горестно обернулись на окно, где привыкли всегда видеть лицо матери. Теперь его там не было, но Бет помнила этот небольшой



семейный ритуал, и – вот она, в окне, ее круглое личико кивало им на прощанье, как розово-щекий китайский мандарин<sup>85</sup>.

– Как это похоже на мою Бет! – воскликнула Джо, с полным благодарности лицом размахивая шляпкой. – Всего хорошего, Мегги, надеюсь, Кинги сегодня не очень тебя утомят. И не волнуйся так о папе, моя дорогая, – добавила она, когда они расставались.

– А я надеюсь, что тетушка Марч не станет сегодня каркать. И стрижка тебе к лицу – она выглядит очень мило и по-мальчишьи, – отозвалась Мег, пытаясь сдержать улыбку при взгляде на курчавую голову, казавшуюся теперь комично миниатюрной на плечах ее рослой сестры.

– В этом – мое единственное утешение. – И, коснувшись, *à la* Лори, полей шляпы, Джо зашагала прочь, чувствуя себя как остриженная овечка в холодный зимний день.

Новости об отце были весьма утешительны. Несмотря на то что болезнь его была опасной, присутствие самой лучшей и самой нежной сиделки само по себе принесло больному пользу. Мистер Брук ежедневно посылал им бюллетени о здоровье отца, а Мег, как глава семьи, настаивала на регулярном чтении вслух депеш, которые становились все веселее день ото дня. Поначалу все жаждали писать письма, и пухлые конверты аккуратно просовывались в почтовый ящик то одной, то другой из сестер, чувствовавших себя важными персонами, ведущими переписку с Вашингтоном. Поскольку каждое из этих отправок представляется весьма характерным для всей компании, мы ограбим воображаемую почтовую контору и прочтем то, что в них содержится.

*Моя дражайшая матушка.*

*Невозможно описать, как мы были счастливы, получив Ваше последнее письмо с такими хорошими новостями, что не могли удержаться от смеха и от радостных слез! Как замечательно добр мистер Брук и как удачно, что дела мистера Лоренса позволяют ему задержаться рядом с Вами на столь долгое время, раз он оказался так полезен Вам и папе. Девочки все – просто золото, так хорошо они ведут себя. Джо помогает мне с шитьем и настаивает на том, чтобы выполнять всю самую трудную работу. Я опасалась бы, что она может перетрудиться, если бы не знала, что этот ее «высокоморальный порыв» не продлится слишком долго. Бет точно, как часы, выполняет свои обязанности, никогда не забывая о том, что Вы ей сказали. Она горюет о папе и выглядит грустной, за исключением тех случаев, когда садится за свой маленький рояль. Эми мило меня слушается, и я очень о ней забочусь. Она сама ухаживает за своими волосами, а я учу ее делать петли и штопать чулки. Она очень старается, и я уверена – Вы будете довольны тем, как она исправляется, когда приедете домой. Мистер Лоренс не спускает с нас глаз, прямо как старая наседка, – это Джо так говорит, а Лори очень добр и ведет себя очень по-соседски. Они с Джо всячески нас веселят, потому что мы с Эми порой бываем грустны и чувствуем себя осиротевшими, когда Вы так от нас далеко. Ханна – просто святая. Она совсем нас не бранит, зовет меня не иначе как мисс Маргарет, что теперь, как Вы понимаете, ей и подобает делать, и относится ко мне вполне уважительно. Все мы в полном здравии и в работе, но день и ночь ждем не дождемся Вашего возвращения. Передайте мой горячий привет любимому папе и верьте, что я остаюсь всегда Вашей Мег.*

<sup>85</sup> ...розовощекий китайский мандарин. – Имеется в виду фарфоровая фигурка, изображающая китайского мандарина (т. е. чиновника) с качающейся головой. Такие фигурки были широко распространены в Европе и США в XIX – начале XX в., появлялись они и в России, где их называли китайскими болванчиками. Чаше всего голова покачивалась отрицательно, но бывали и кивающие утвердительно мандарины.

Это письмо, красиво написанное на надушенной бумаге, разительно отличалось от другого, нацарапанного на большом листе тонкой заграничной бумаги, с многочисленными кляксами, со всяческими росчерками и буквами с завитушками.

*Драгоценная моя маменька.*

*Тройное «ура» дорогому папе! Брук – молодчина, что послал нам телеграмму сразу, как только папе стало лучше, чтобы мы знали. Я бросилась на чердак, когда она пришла, – пыталась поблагодарить Бога за такую Его к нам доброту, но только и смогла, что расплакаться и сказать: «Я рада, я так рада!» Это не получилось вроде настоящей молитвы, нет? Потому что в душе у меня было так много! У нас время идет очень забавно, и я теперь просто наслаждаюсь, потому что все так отчаянно добры, что живешь, словно в гнездышке у голубки. Вы бы посмеялись, взглянув на Мег, сидящую во главе стола: как она старается вести себя по-матерински. Она хорошеет с каждым днем, и я временами бываю совершенно в нее влюблена. Младшенькие – просто архангелы, а я... ну, я ведь Джо и никогда никем другим не стану. Ох, я должна сказать Вам, что чуть было совсем не рассорилась с Лори. Я открыто высказалась насчет одной дурацкой мелочи, а он обиделся. Я была права, только говорила не так, как надо, и он зашагал домой, заявив, что больше не придет, если я не попрошу прощения. А я заявила, что этого не будет, и ужасно обозлилась. Это тянулось весь день. Мне было худо и так не хватало Вас! И Лори, и я – мы оба слишком горды. Очень трудно просить прощения. Но я думала: он придет, ведь права была я. Он не пришел. И вот, перед вечером, я вспомнила, что Вы мне говорили, когда Эми упала в реку. Я почитала свою маленькую книжку, почувствовала себя лучше, решила не дать солнцу зайти прежде, чем иссякнет мой гнев, и помчалась к большому дому – просить у Лори прощения. И встретила его у калитки – бегущим к нам с тем же. Мы оба рассмеялись, извинились друг перед другом, и нам обоим снова стало легко и хорошо. Вчера я сочинила для папы «паэму», когда помогала Ханне мыть посуду. И так как я знаю, что ему нравятся мои дурацкие маленькие поделки, я кладу ее в письмо, пусть она его позабавит. Передайте ему мое любовнейшее объятие и поцелуйте себя целую дюжину раз за Вашу  
взбалмошную Джо.*

## ПЕСНЬ ИЗ МЫЛЬНОЙ ПЕНЫ

Королева лохани, я громко пою,  
Белоснежная пена взлетает все легче,  
Я стираю белье, отжимаю и тру,  
И, развесив его, прищепляю покрепче.  
А белье веселится на свежем ветру,  
В ярком солнце, сияющем нам поутру.  
Как хотела бы я наши души, сердца  
Все от пятен недели отмыть до конца,  
Чтоб своим волшебством воздух, ветер и вода  
Отстирали от пятен нас всех навсегда,

И тогда на Земле, во Вселенной летящей,  
Совершился б День Стирки – большой, настоящей!  
И тогда вдоль дороги полезной жизни  
Будут цветы Радость сердца цвести<sup>86</sup>,  
Мысли печальные, мрачные мысли  
В занятый ум не сумеют взбрести,  
И все тревоги долой сметут  
Те, кто храбро метлу возьмут.

Я рада, что мне задание дано  
Трудиться все больше день ото дня,  
Я верю, что сделать должно оно  
Сильной и полной надежд меня.  
И я хочу научиться  
Весело так говорить:  
«Голова, ведь ты можешь думать,  
Сердце, ты можешь любить,  
Рука, ты будешь трудиться!»

*Дорогая мама.*

*Мне осталось здесь места только с любовью послать Вам привет и несколько засушенных анютиных глазок от того ростка, что я храню дома для папы, чтобы он посмотрел, когда вернется. Я каждое утро читаю, весь день стараюсь вести себя хорошо и убаюкиваю себя папиными псалмами. Не могу только петь псалом «Райская страна», сразу начинаю плакать. Все к нам очень добры, и мы очень счастливы, насколько можем быть, когда Вас с нами нет. Эми нужна остальная часть листка, так что я должна закончить. Я не забываю закрывать крышки и каждый день завожу часы во всех комнатах. Поцелуйте милого папеньку в ту щеку, которую он называет моей. Ах, приезжайте поскорей к Вашей любящей маленькой Бет.*

*Ma Chere Матта.*

*Мы все здоровы я всегда делаю свои уроки и никогда не противокрепляю своим сестрам – Мег говорит я хотела сказать не «противоречиваю»<sup>87</sup> так что я это тоже вставляю сюда и Вы можете выбрать которое больше подходящее. Мег доставляет мне огромное утешение и позволяет каждый вечер с чаем есть желе а это мне очень полезно потому что держит меня в хорошем настроении говорит Джо. Лори не так увозителен как должен теперь, когда мне уже почти одиннадцать, он зовет меня Цыпленок и задевает мои чувства разговаривая со мной на французском очень быстро когда я говорю Merci или Bon jour как это делает Хэтти Кинг. Рукава моего голубого платья совсем износились и Мег пришила новые, но весь перед получился неправильно и они больше синие чем все платье. Я*

---

<sup>86</sup> Утешение сердца – мои любимые цветы... – Радость (утешение) сердца (англ. Heart's Ease) – старинное название анютиных глазок в Англии и США, поскольку считалось, что лекарство, приготовленное из этих цветов, умеряет страдания от неразделенной любви.

<sup>87</sup> ...я хотела сказать не «противоречиваю»... – Эми путает слова «contradict» – «противоречить» и «corroborate» – «подкреплять, подтверждать» и притом неправильно пишет и то и другое.

чувствовала себя плохо но не беспокоилась я переношу мои трудности хорошо только мне хочется чтобы Ханна клала больше крахмала на мои передники и варила гречку каждый день. Что ей, трудно? Правда у меня мило вышел этот впрасительный знак? Мег говорит у меня панктуация и правописание просто позор и я обижаюсь но что поделаешь мне столько всего приходится делать что не могу остановиться. Adieu, я шлю кучу приветов Рара. Ваша дочь...

Эми Кёртис Марч.

Дорогая Мс Марч.

Я только строчку чтоб сказать мы паживаем первый сорт. Девачки все умнецы и литают вакруг как нада. Мисс Мег будит настоящая хорошая хазяйка. Она это любит и на диво побыстрьму набираеця опыту. Джо поправде идет попиред всех, да только никада напиред не пощитает, и никада не знаишь. куда ее занисет. Она целую карыту отстирала в панидельник, только она накрохмалила все, ище не выжав, и посинила розавое ситцывое платье так, что я чуть со смеху не памерла. Бет лучше всех из этих всех дитей, оченно мне помагаит, такая уж она благаразумная да надежная. Она стараеця всему научица и на рынок ходит вофси не как малая дитя, и щета ведет, с маей помочью, вабще прикрасно. И мы жывем оченно иканомно. Я не дозволяю девачкам кохвей пить. только один раз на нидели, как вы вилели, и держу их на прастой здаровой писче. С Эми все харашо, она не капризит, ходит в ееных луччих нарядах и ест сласти. Мистер Лори как всигда дурачица и часто пириварачивает весь дом вверх дном. но он виселит девачек и я дозволяю им расхадица во всю. Старый джентельмен шлет нам кучу всего и это даже утамляит, но он это от добра, и мне тут невместно выгаваривать. Мои хлебы пахдуют, так что все на этот раз. Я шлю должное Мистеру Марчу и надеюс, он уже одделался от евоной Невмониш, Ваша уважающая Ханна Маллет.

Главной сестре милосердия палаты № 2

На Раппаханноке<sup>88</sup> все спокойно, войска в отличной форме, интендантская часть управляется соответственно. Отряд местной обороны под началом полковника Тедди всегда на страже, Главнокомандующий генерал Лоренс инспектирует армию ежедневно, квартирмейстер Маллет поддерживает порядок в лагере, а майор Лайон несет караульную службу ночью. По получении добрых новостей из Вашингтона был устроен салют из двадцати двух орудий, а перед штаб-квартирой прошел парад войск в парадной форме. Главнокомандующий шлет Вам свои наилучшие пожелания, в чем к нему от всей души присоединяется полковник Тедди.

Дорогая Мадам.

Все девочки в полном порядке, Бет и мой мальчик докладывают мне обо всем каждый день. Ханна – образцовая служанка, она стережет красавицу Мег, словно дракон. Очень рад, что погода стоит хорошая. Прошу Вас как

<sup>88</sup> Раппаханнок – река на востоке штата Виргиния, США, протяженностью 296 км. Название использовалось индейским племенем раппаханнок, обитавшим в бассейне реки, и означает «быстро поднимающаяся вода».

*можно более пользоваться услугами Брука, а также обращаться ко мне за  
потребными средствами. Не позволяйте Вашему мужу ни в чем нуждаться.  
Слава Богу, он поправляется.  
Ваш искренний друг и слуга, Джеймс Лоренс.*

## Глава семнадцатая. Верная душа

Целую неделю старый дом был так переполнен добродетелями, что их хватило бы на всю округу. Это было поистине поразительно: все и каждый, казалось, пребывали в самом великодушном расположении духа, и самоотречение стало здесь последним криком моды. Первоначальное тяжкое беспокойство о здоровье отца оставило девочек, и они, не сознавая того, ослабили свои столь достойные похвалы усилия, постепенно возвращаясь к прежним привычкам. Они не забывали о своем девизе, но надеяться и трудиться теперь им казалось легче, а после своих неимоверных усилий они почувствовали, что Старание вполне заслуживает выходного дня, и устроили таких довольно много.

Джо подхватила сильную простуду из-за того, что не озаботилась потеплее укрывать коротко стриженную голову, и ей было велено сидеть дома, пока не поправится, ибо тетушка Марч не любила, чтобы ей читали люди с насморком. Джо это чрезвычайно понравилось, и, энергично перерыв весь дом, от чердака до подвала, она водрузилась на диван с книгами и арсеникумом<sup>89</sup> – лечить свой насморк. Эми сочла, что искусство и работа по дому – вещи не вполне совместные, и вернулась к своим «пирожкам из глины». Мег ежедневно отправлялась к своим ученикам и занималась дома шитьем – или полагала, что им занимается, но очень много времени уделяла писанию писем матери или же читала и перечитывала депеши из Вашингтона. Бет продолжала свою обычную деятельность с весьма нечастыми приступами праздности или грусти.

Все ее небольшие обязанности тем не менее каждый день ею выполнялись, как и многие обязанности других ее сестер, потому что те о них частенько забывали, и тогда дом походил на часы, чей маятник ушел в гости. Когда душу Бет обременяла тоска по маменьке или накапливались слезы о папеньке, девочка укрывалась в одном из стенных шкафов, прятала лицо в складках любимого старого халата, и тихонько стонала, и тихонько молилась в полном одиночестве. Никто ее не слышал, никто не знал, что ее ободряло, когда она брала себя в руки, однако все ощущали, как нежна с ними Бет, как велика ее помощь, и начинали все чаще обращаться к ней за утешением или советом по поводу разных небольших дел.

Девочки не сознавали, что этот опыт стал для каждой из них испытанием характера, и, когда прошли первые волнения, почувствовали, что все получилось хорошо и они достойны похвалы. Так оно и было в действительности, но их ошибкой стало то, что они перестали поступать так же, и поняли это, лишь получив урок в виде новых волнений и сожалений.

– Мег, мне хотелось бы, чтобы ты навестила Хаммелей. Помнишь, мама говорила, чтобы мы о них не забывали? – сказала Бет дней через десять после отъезда миссис Марч.

– Сегодня я слишком устала, – отвечала Мег, удобно расположившись с шитьем в кресле-качалке.

– А ты не могла бы, Джо?

– Слишком ветрено для моего насморка!

– А я думала, он почти уже прошел.

– Он настолько прошел, что я могу выйти к Лори, но не настолько, чтобы отправиться к Хаммелям, – смеясь, возразила Джо, но вид у нее был несколько пристыженный из-за такой непоследовательности.

– А почему бы тебе самой не пойти? – спросила Мег.

---

<sup>89</sup> ...с книгами и арсеникумом ... – Арсеникум – лекарство на основе мышьяка, применяется, в частности, и при лечении насморка.

– Я там бываю каждый день, но малышка больна, а я не знаю, что с этим делать. Миссис Хаммель уходит на работу, о малышке заботится Лотхен. Но ей с каждым днем все хуже и хуже, я думаю, тебе или Ханне надо туда пойти.

Бет говорила настоятельно, и Мег обещала пойти к Хаммелям завтра.

– Попроси у Ханны чего-нибудь вкусенького и отнеси им, Бет, свежий воздух пойдет тебе на пользу, – извиняющимся тоном посоветовала Джо. – Я бы пошла, но мне хочется закончить мою писанину.

– У меня болит голова, и я устала, вот и подумала, что, может быть, кто-то из вас пойдет, – призналась Бет.

– Эми вот-вот будет дома, она сбегает за нас, – предположила Мег.

Так что Бет прилегла на диване, старшие вернулись к своим делам, и Хаммели были на время забыты. Прошел час. Эми не возвращалась. Мег ушла в свою комнату – примерить новое платье, Джо заканчивала свой рассказ, Ханна крепко спала у печки на кухне, когда Бет тихонько оделась, наполнила корзинку всякими мелочами для бедных детишек и вышла в холодный сумрак с тяжелой головой и полными горестного терпения глазами. Когда она вернулась, было поздно, и никто не видел, как она пробралась наверх и закрылась в маминной комнате. Через полчаса после этого Джо пошла взять что-то из маминого стенного шкафа и обнаружила там Бет, сидящую на ящике с домашней аптечкой, очень печальную, с покрасневшими глазами и с пузырьком камфары в руке.

– Христофор Колумб! Что случилось? – вскричала Джо, когда Бет протянула к ней руку, как бы желая ее от чего-то предостеречь, и поспешно спросила:

– У тебя была скарлатина, нет?

– Сто лет тому назад, когда Мег болела. А что?

– Тогда я могу сказать. Ах, Джо, малышка умерла!

– Какая малышка?

– Малышка миссис Хаммель. Она умерла у меня на коленях, еще до возвращения ее матери, – рыдая, проговорила Бет.

– Бедняжка моя дорогая, как это ужасно для тебя! Надо было мне пойти! – полным раскаяния голосом произнесла Джо, обнимая сестру и садясь с нею в большое мамино кресло.

– Это было не ужасно, Джо, только так печально! Я в первую же минуту увидела, что ей хуже, но Лотхен сказала, что миссис Хаммель пошла за доктором, так что я взяла у нее малышку, чтобы Лотти отдохнула. Казалось, она заснула, только вдруг она тихонько вскрикнула и вздрогнула, я попыталась ей ножки согреть, а Лотти дала ей молока, но она не пошевелилась, и я поняла, что она умерла.

– Не плачь, моя хорошая. И что же ты сделала?

– Просто сидела и тихонько ее держала, пока миссис Хаммель не вернулась с доктором. Он сказал, что она умерла, и посмотрел Генриха и Минну, у которых горло болит. «Скарлатина, мадам, надо было позвать меня раньше», – сердито сказал он. А миссис Хаммель сказала, что они – бедняки и что она пыталась лечить ребенка сама, но теперь уже поздно, и она может только просить его помочь другим детям, и чтобы он поверил, что благотворители оплатят его услуги. Тут он улыбнулся и стал добрее, но все это было очень грустно, и я плакала вместе с ними, пока он вдруг не повернулся ко мне и не велел мне тотчас уйти и сразу принять белладонну, не то я тоже заболею скарлатиной.

– Нет! Ты не заболеешь! – вскрикнула Джо, бросив на сестру испуганный взгляд и прижимая ее к себе. – Ох, Бет, если ты заболеешь, я себе никогда не прощу! Что мы тогда будем делать?!

– Не пугайся так, Джо, думаю, я не заболею так уж тяжело. Я посмотрела в маминной книжке и увидела, что скарлатина начинается с головной боли, боли в горле и странных ощущений вроде моих, так что я уже приняла немного белладонны и чувствую себя лучше, – уте-

шала сестру Бет, положив холодные ладони на свой горячий лоб и пытаясь казаться вполне здоровой.

– Ах, если бы только мама была дома! – воскликнула Джо, хватая мамину книжку: она вдруг ощутила, как невероятно далеко от их дома находится Вашингтон. Прочитав страничку, она осмотрела Бет, пощупала ее лоб, заглянула в горло и мрачно заключила: – Ты дольше недели наклонялась над малышкой и находилась среди других детей, которые вот-вот заболеют, Бет. Я позову Ханну, она все знает про эту болезнь.

– Не позволяй Эми подходить ко мне. У нее-то скарлатины не было, и мне вовсе не хочется ее заразить. А у вас с Мег не может она повториться? – взволнованно спросила Бет.

– Думаю, нет. Да и пусть я заболею, будет мне поделом, такой свинье-эгоистке! Надо же – отпустить к ним тебя, чтоб самой остаться писать всякую ерунду! – упрекала себя Джо, отправляясь на кухню – советоваться с Ханной.

Добрая женщина тотчас же совершенно проснулась и, посчитав, что нет нужды волноваться, ведь все всегда болеют скарлатиной, а если их правильно лечат, то никто не умирает – чему Джо безусловно и с большим облегчением поверила, – вместе с Джо пошла позвать Мег.

– А теперь я скажу вам, что мы сделаем, – заявила Ханна после того, как осмотрела Бет. – Мы позовем доктора Бэнгса, просто на тебя посмотреть, моя милая, и сказать, правильно мы начинаем или нет. Потом мы отошлем Эми к тетушке Марч на какое-то время, чтоб вреда ей тут не приключилось, а одна из вас – старших – сможет оставаться дома пару-тройку дней, чтобы Бет не скучно было.

– Конечно, останусь я. Я ведь старшая! – взволнованно и виновато начала было Мег.

– Останусь я, ведь это моя вина, что она заболела. Я обещала маме, что буду выполнять эти поручения, и не выполняла, – решительно прервала ее Джо.

– А ты-то из них кого хочешь, Бет? Нужна-то ведь всего одна, – спросила Ханна.

– Джо, пожалуйста. – И Бет с довольным видом прижалась лбом к сестре, что сразу же решило дело.

– Пойду предупрежу Эми, – сказала Мег, чувствуя некоторую обиду, но одновременно и облегчение, так как ухаживать за больными ей было не очень по душе, тогда как Джо это нравилось.

Эми тотчас же взбунтовалась и гневно заявила, что она скорее согласится заболеть скарлатиной, чем отправиться к тетушке Марч. Мег приводила резоны, умоляла, приказывала – все было тщетно. Эми твердо заявляла, что не поедет, и Мег, уйдя от нее в совершенном отчаянии, решила спросить у Ханны, как поступить. Она еще не вернулась, когда явился Лори и, войдя в гостиную, застал Эми в слезах, уткнувшуюся лицом в диванные подушки. Она рассказала ему обо всем, ожидая, что он ее станет утешать, но он засунул руки в карманы и принялся шагать по комнате в глубокой задумчивости, что-то насвистывая и нахмутив брови. Затем он сел возле Эми и заговорил своим самым «обольстительным» тоном:

– Послушай, будь разумной маленькой женщиной и сделай, как они говорят. Нет, ты не плачь, а выслушай, как здорово я все придумал. Ты отправишься к тетушке Марч, а я буду каждый день приходить за тобой и брать тебя на прогулки или в поездки, и мы станем ужасно здорово проводить время. Разве это не лучше, чем хандрить тут в одиночестве?

– Я не желаю, чтобы меня отсылали прочь, будто я тут всем мешаю! – начала было Эми оскорбленным тоном.

– Да что с тобой, деточка?! Это же чтобы сохранить твоё здоровье! Тебе же не хочется болеть, правда?

– Конечно же нет! Но я уверена, что заболею, ведь я все время была с Бет.

– Тем больше причин тебе немедленно уехать, чтобы ты смогла от этого уберечься. Смена всего окружения и забота поддержат тебя в здоровом состоянии, я уверен, или, даже если не



совсем в здоровом, скарлатина у тебя пройдет гораздо легче. Я советую тебе убраться отсюда как можно скорее, потому что скарлатина – не шутка, мисс!

– Но у тетушки Марч такая скука, а сама она такая злая! – со страхом проговорила Эми.

– Там не будет скучно, ведь я стану забегать каждый день, чтобы сообщать, как Бет, и забирать тебя, чтобы пуститься в разгул. Старая дама хорошо ко мне относится, а я буду с ней ласков до предела, так что она нас не заключет, что бы мы с тобой ни вытворяли.

– А вы возьмете меня прокатиться на коляске для скачек, с Паком?

– Слово джентльмена – возьму!

– И будете приходить каждый божий день?

– Вот увидишь.

– И отвезете меня обратно, как только Бет поправится?

– В ту же самую минуту.

– И в театр со мной пойдете, честно?

– В целую дюжину театров, если будет можно.

– Ну... Думаю, тогда я поеду, – медлительно произнесла Эми.

– Вот и умница! Позови Мег и сообщи ей, что сдаешься, – сказал Лори, одобрительно погладив ее по головке, что было Эми еще неприятнее, чем «сдаешься».

Мег и Джо вбежали в гостиную и узрели чудо, сотворенное Лори, а Эми, ощутившая себя высоко ценимой персоной, приносящей себя в жертву, пообещала им, что уедет, если доктор скажет, что Бет заболевает.

– А как наша маленькая любимица? – спросил Лори: к Бет он чувствовал особую привязанность и беспокоился о ней больше, чем хотел это выказать.

– Она лежит в маминой постели и чувствует себя лучше. Смерть малышки ее ужасно взволновала, но я бы сказала, что она всего лишь простудилась. Ханна тоже так говорит, но выглядит обеспокоенной, а это заставляет и меня дергаться, – ответила Мег.

– Ох и несносный же этот мир, в котором мы живем! – сказала Джо, нервно ероша свой ежик. – Только выбрались из одних треволнений, как на тебе – сыплются другие. И кажется, просто не за что ухватиться, когда мамы нет рядом, так что я в полной растерянности.

– Перестаньте превращать себя в дикобраза, Джо, это вам не к лицу. Приведите свою голову в порядок и скажите мне, не надо ли телеграфировать вашей матушке или сделать что-нибудь еще? – спросил Лори, так и не примирившийся с утратой «единственной красы» своей подруги.

– Как раз это меня и беспокоит, – призналась Мег. – Мне кажется, нам надо сообщить маме, если Бет действительно заболела, однако Ханна говорит, это их только беспокоит. Бет не проболит долго, и Ханна знает, что нужно делать, а мама говорила, что нам следует ее слушаться. Так что я думаю, что надо бы сообщить, но теперь мне это не представляется таким уж правильным.

– Хмм... Ну, тут я не могу ничего сказать. Может быть, вам стоит спросить у дедушки, когда доктор у вас побывает.

– Так мы и сделаем. Джо, сейчас же пойді пригласи доктора Бэнгса, – велела Мег сестре. – Мы не можем ничего решать, пока он не придет.

– Не двигайтесь с места, Джо. Это я – мальчик на побегушках в этом учреждении, – сказал Лори, берясь за шапку.

– Боюсь, вы слишком заняты... – начала было Мег.

– Нет, на сегодня я с уроками покончил.

– А вы что же, и в каникулы занимаетесь?

– Я беру пример со своих соседей, – последовал ответ, и Лори тут же выбежал из гостиной.

– Я возлагаю большие надежды на этого мальчишку, – заметила Джо, с одобрением глядя, как он прямо-таки перелетает через изгородь.

– Для мальчишки он ведет себя на удивление хорошо, – ответила Мег, не испытывая особой благодарности, поскольку сей предмет ее не очень интересовал.

Доктор Бэнгс пришел, сказал, что у Бет – симптомы скарлатины, но что он надеется, болезнь не будет тяжелой, хотя на историю с Хаммелями он смотрел очень серьезно. Эми было велено отправить прочь из дома незамедлительно, и, снабженная кое-чем необходимым, чтобы устранить опасность, она с великой помпой отбыла с Джо и Лори в качестве эскорта.

Тетушка Марч приняла их с обычным для нее гостеприимством.

– А теперь что вам потребовалось? – спросила она, устремив на них пронзительный взор поверх очков, тогда как попугай, восседавший на спинке ее кресла, выкрикнул:

– Пр-рочь, пр-рочь! Мальчишкам вход воспр-рещен!

Лори отошел подальше, к окну, а Джо поведала тетушке их печальную историю.

– Меньшего я и не ожидала, если вам дозволяется совать нос в дела бедного люда. Эми может у меня остаться и постараться быть в доме полезной, если не заболеет, хотя я не сомневаюсь, что так оно и случится, она уже выглядит нездоровой. Не плачь, детка, мне неприятно слышать, как кто-то хлюпает носом.

Эми готова была разрыдаться, но Лори коварно дернул попугая за хвост, чем заставил Полли издать возмущенный возглас «Чер-рт побер-ри!», это прозвучало так забавно, что она вместо слез рассмеялась.

– Что слышно от вашей матери? – ворчливым тоном спросила старая дама у Джо.

– Отцу много лучше, – ответила Джо, стараясь удержаться от смеха.

– Ах вот как? Ну, мне представляется, вряд ли это долго продержится. Марч никогда особой стойкостью не отличался, – последовал ободряющий ответ.

– Ха-ха! Не говор-ри – дело швах, лучше нюхай табак, и пр-рощай, пр-рощай! – заверещал Полли, подпрыгнув на спинке кресла и цепляя коготками тетушкин чепец, так как Лори легонько ущипнул его сзади.

– Придержи язык, дерзкая птица! Ты – старая невежа! А тебе, Джо, лучше немедленно отправляться домой, не подобает девице так поздно шататься с пустоголовыми болтунами вроде...

– Придержи язык, дер-рзкая птица! Ты – стар-рая невежа! – выкрикнул Полли, неуклюже спрыгнув с кресла и подбегая клюнуть «пустоголового мальчишку», который трясся от смеха после заключительной речи попугая.

«Не думаю, что смогу это вынести, но постараюсь», – решила Эми, оставшись наедине с тетушкой Марч.

– Проваливай, ты, пугало! – выкрикнул Полли, и в ответ на эту грубую речь Эми не смогла не хлюпнуть носом.

## Глава восемнадцатая. Черные дни

Бет действительно заболела скарлатиной, и гораздо тяжелее, чем кто-либо подозревал, кроме Ханны и доктора. Девочки ничего про эту болезнь не знали, а мистеру Лоренсу не позволяли ее навещать, так что Ханна делала все по своему собственному разумению, а очень занятый доктор Бэнгс старался изо всех сил, но оставлял многое на усмотрение этой замечательной сиделки. Мег оставалась дома, чтобы не заразить Кингов, и ведала хозяйством, чувствуя себя несколько виноватой, когда писала письма, ни словом не упоминая о болезни Бет. Она думала, что поступает дурно, обманывая мать, но ведь ей было велено слушаться Ханну, а та и слышать не желала о том, «чтоб сообщать миссис Марч» про скарлатину и беспокоить ее «эфтой юрундой».

Джо посвятила себя уходу за Бет, не разделяя дня и ночи. Впрочем, задача оказалась не слишком тяжелой, потому что Бет была очень терпелива и переносила болезнь, не жалуясь, пока могла себя контролировать. Но пришло время, когда при высокой температуре она начала бредить, говорила быстро хриплым прерывающимся голосом, и пальцы ее бегали по одеялу, словно по клавишам ее любимого маленького рояля, а еще она пыталась петь, хотя горло у нее так распухло, что никакой мелодии вовсе не выходило. Наступала пора, когда она не узнавала знакомых лиц вокруг, называла всех другими именами и умоляюще призывала маму. Тогда Джо пугалась, Мег настаивала, чтобы ей разрешили написать правду, и даже Ханна обещала подумать об этом, хотя «пока еще *опасности* нет». Письмо из Вашингтона принесло им новое беспокойство, так как у мистера Марча произошел рецидив болезни и он мог не вернуться домой еще довольно долго.

Какими черными казались им эти дни, каким печальным и опустевшим стал домашний очаг, и как тяжело было на душе у сестер, пока они трудились и ждали под тенью смерти, нависшей над их, когда-то счастливым, домом.

И вот тогда Маргарет, сидевшая над шитьем и часто ронявшая слезы на свою работу, поняла, как богата была она прежде тем, что более драгоценно, чем любая роскошь, какую могут купить деньги, – ведь у нее была любовь, защита, покой и здоровье – истинные блага жизни. Тогда же и Джо, обитавшая теперь в затемненной комнате с тяжело страдающей маленькой сестрой, тут, прямо перед ее глазами, с этим жалобным голоском, то и дело звучащим в ее ушах, сумела увидеть красоту и нежность самой натуры Бет, осознать, какое глубокое и теплое чувство она рождала к себе в душах всех, кто ее знал, и понять, чего стоит стремление Бет жить для других и сделать их домашний очаг более счастливым, используя простейшие достоинства, какие могут быть свойственны каждому, те достоинства, что следует ценить более, чем талант, богатство или красоту. А Эми во время своей ссылки страстно тосковала по дому, мечтая что-нибудь сделать для Бет, чувствуя, что никакая услуга не была бы ей теперь в тягость, не вызвала бы раздражения, и вспоминала, как много поручений, не выполненных ею самой, с готовностью выполняли за нее руки Бет. Лори то и дело появлялся в опечаленном доме, словно беспокойный призрак, а мистер Лоренс запер концертный рояль, ибо ему было невыносимо, когда что-то напоминало о юной соседке, превращавшей для него сумерки в приятное время дня. Всем недоставало маленькой Бет. Молочник, булочник, бакалейщик и мясник спрашивали, как она себя чувствует, бедная миссис Хаммель приходила просить прощения за свое недомыслие, а еще – взять саван для Минны, соседи посылали всяческие утешения и добрые пожелания, и даже те, кто ближе всех знал девочку, были поражены тем, сколько у нее оказалось друзей.

А Бет тем временем лежала в постели со старенькой Джоанной под боком, ибо даже в беспамятстве она не забывала о своей несчастной протее. Она тосковала о своих котятках, но не разрешала приносить их из боязни, что они заболеют, а в ее спокойные периоды ужасно волновалась о Джо. Она посылала полные любви слова Эми, уговаривала всех написать маме,

что скоро сама ей напишет, и часто просила дать ей карандаш и бумагу, чтобы попробовать написать словечко папе – пусть не думает, что она о нем забывает. Но вскоре прекратились даже эти краткие периоды, когда она бывала в сознании, и девочка беспокойно металась в постели, изо рта ее вырывались неразборчивые слова, а порой она погружалась в тяжелый сон, не приносящий ей облегчения. Доктор Бэнгс приходил дважды в день, Ханна сидела с ней по ночам. Мег держала у себя в столе заранее заготовленную телеграмму, чтобы отослать в любую минуту, а Джо не отходила от постели больной сестры.

Первое декабря стало для них поистине зимним днем: задувал резкий ветер, сыпал снег, казалось, сам год готовится к смерти. В это утро доктор Бэнгс долго осматривал Бет, потом взял ее горячую ладонь в обе свои руки и держал так целую минуту, затем осторожно опустил ее на постель.

– Если миссис Марч сможет оставить мужа, ей лучше бы приехать, – тихо сказал он, обращаясь к Ханне.

Ханна кивнула, не промолвив ни слова, – у нее нервно подергивались губы. Мег упала в кресло, словно при этих словах все силы разом ее оставили, а Джо, с побелевшим лицом, постояла с минуту, затем влетела в гостиную, схватила телеграмму и, набросив на себя какие-то одежды, выбежала на завьюженную улицу. Вернулась она очень быстро, и когда бесшумно стягивала с себя пальто, в прихожей появился Лори с письмом и сообщил, что мистеру Марчу стало снова лучше. Джо прочла письмо с благодарным чувством, однако оно, казалось, не облегчило той тяжести, что лежала у нее на душе.

– Что такое? Бет стало хуже?

– Я вызвала маму, – сказала Джо, пытаясь стянуть с себя ботик. Трагическое выражение не сходило с ее лица.

– Вы молодчина, Джо! Вы это сделали на свой страх и риск? – спросил Лори, усадив ее в коридорное кресло и снимая непослушные ботики, – он заметил, как трясутся у нее руки.

– Нет. Нам доктор так велел.

– Ох, Джо, неужели так плохо? – с искаженным от страха лицом вскричал Лори.

– Да, так плохо. Она нас не узнает, она даже не говорит уже о стаях зеленых голубей, как она называла виноградные листья на стене. Она стала не похожа сама на себя, моя Бет, и некому нам помочь это перенести. Мамы и папы с нами нет, и Бог кажется теперь таким от нас далеким, что я не могу Его отыскать!

Слезы ручьями катились по щекам несчастной Джо, она беспомощно протянула вперед руки, словно нащупывая путь во тьме, и Лори схватил их в свои, с трудом шепча сквозь вставший в горле ком:

– Я с вами. Держитесь за меня, Джо, моя дорогая!

Говорить она не могла, но она и вправду «держалась за него», так что горячая поддержка дружеской руки успокоила переполненное горем сердце девочки и, казалось, подвела ее ближе к Божественной деснице, которая одна лишь могла укрепить ее в этой беде.

Лори очень хотелось сказать ей что-нибудь ласковое и утешительное, но подходящие слова никак не приходили ему в голову, поэтому он стоял молча и только тихонько гладил ее низко склоненную голову, как, бывало, делала ее мать. Это было лучшее, что он мог сделать, гораздо более утешительное, чем самые красноречивые слова, ибо Джо чутко воспринимала его невысказанное сочувствие и в молчании познала сладость утешения, какое любовь дарует горю. Вскоре Джо осушила слезы, принесшие ей облегчение, и благодарно взглянула на друга:

– Спасибо, Тедди, теперь мне лучше, я уже не чувствую себя такой всеми покинутой. Попытаюсь вынести это, если это случится.

– Не теряйте надежды на лучшее, это вам поможет, Джо. Скоро ваша матушка вернется, и все будет в порядке.

– Я так рада, что папе лучше. Маме теперь будет не так трудно его оставить. Да уж! Так и кажется, что все беды собрались в одну кучу, а на мои плечи навалилась самая тяжкая ее часть, – вздохнула Джо, расстилая мокрый носовой платок на коленях, чтобы он просох.

– А разве Мег не тянет наравне с вами? – с возмущенным видом спросил Лори.

– О да, она старается, но ведь она любит Бет не так, как люблю ее я, и не станет так остро ощущать ее утрату. Ведь Бет – это моя совесть, я не могу от нее отказаться. Не могу без нее! Не могу!

Джо уткнулась лицом в мокрый платок и зарыдала в отчаянии, ведь до сих пор она держалась мужественно, за все время болезни Бет не проронив ни слезинки. Лори провел ладонью по глазам. Он не мог говорить, пока не справился с душившим его комом в горле и дрожанием губ. Возможно, это было не по-мужски, но он не мог ничего с этим поделать, и я этому рада. Вскоре, когда рыдания Джо утихли, он сказал с надеждой:

– Я думаю, что Бет не умрет. Она такая добрая, а мы все так ее любим. Не верю, что Господь ее у нас теперь заберет.

– Добрые и любимые всегда раньше всех умирают, – простонала Джо, но рыдать все же перестала, так как слова друга ободрили ее, несмотря на все сомнения и страхи.

– Бедная девочка, вы просто переутомились. Вам вовсе не свойственно чувствовать себя несчастной. Погодите минутку. Я вас мигом приободрю.

Лори умчался наверх, прыгая через две ступеньки сразу, а Джо опустила усталую голову на коричневую шапочку Бет, которую никто и не подумал убрать со стола в прихожей, где та ее оставила. Должно быть, в шапочке крылась некая магия, ибо смиренный дух ее нежной владелицы, казалось, вселился в Джо, и, когда Лори спустился к ней со стаканом вина в руке, она с улыбкой взяла стакан и мужественно произнесла:

– Я пью... За здоровье моей Бет! Вы – добрый доктор, Тедди, и такой чудесный друг-утешитель! Уж и не знаю, как отплатить вам за все? – добавила она, когда вино освежило ее физические силы, а добрые слова – силы душевные.

– Я пришло вам счет. Но это со временем. А сегодня вечером я доставлю вам что-то, что согреет и возрадует ваше сердце сильнее, чем целая кварта вина, – пообещал Лори, причем все лицо его светилось от скрываемого до сих пор удовольствия.

– Что такое? – вскричала Джо в удивлении, на миг забыв о своих горестях.

– Вчера я телеграфировал вашей матушке, и Брук ответил, что она немедленно выезжает, так что она будет здесь сегодня ночью! И все уладится. Неужели вас не радует, что я так сделал?

Лори говорил очень быстро, покраснев от волнения, он выпалил все разом: ведь он скрывал свой тайный план, опасаясь огорчить девочек, нанести вред Бет. Джо побелела как полотно, буквально взвилась из кресла и, как только Лори умолк, поразила его, словно громом, обвив руками его шею с радостным криком:

– О Лори! О мама! Я так рада!

Она больше не плакала, но истерически хохотала, вся дрожа и прижимаясь к своему другу, будто слегка обезумев от неожиданного известия.

Лори, хотя и был решительно потрясен, вел себя с величайшим присутствием духа. Он успокаивающе погладил девочку по спине и, обнаружив, что Джо приходит в себя, робко поцеловал ее раз-другой, что тотчас привело ее в чувство. Ухватившись рукой за перила лестницы, Джо мягко отстранила его и выговорила, едва дыша от смущения:

– Ох, не надо! Я не хотела... Я поступила ужасно! Но вы – вы так замечательно сделали, что взяли и отправили телеграмму, несмотря на Ханну, что я не удержалась, вот и налетела на вас. Расскажите мне подробно про телеграмму и больше не давайте мне вина – это все из-за него.

– А я вовсе не против, – засмеялся Лори, поправляя галстук. – Ну что сказать, я малость струхнул, да и дедушка тоже. Мы решили, что Ханна перебарщивает со своим авторитетом и

вашей матушке следует знать. Она нам никогда не простит, если Бет... Ну, знаете, если что-то случится. Так что я постарался, чтобы дедушка сказал, что, мол, давно пора нам это сделать, и я вчера ринулся в почтовую контору, иначе доктор бы строго посмотрел на меня, а Ханна вообще снесла бы мне голову с плеч, если бы я это предложил. А я не выношу, когда мною «помыкают», так что дедушкины слова решили дело, я успокоился и отправил телеграмму. Ваша матушка приедет, я уверен, самый поздний поезд приходит в два часа ночи. Я к нему подъеду, чтобы ее встретить, так что вам остается только покрепче закупорить свой восторг и постараться, чтобы Бет была спокойна, пока ваша благословенная матушка не прибудет домой.

– Лори, вы просто ангел. Сумею ли я когда-нибудь вас отблагодарить?

– Налетите на меня еще разок. Мне это очень понравилось, – ответил Лори, лукаво глядя на Джо, чего он не позволял себе уже целых две недели.

– Нет уж, благодарю вас! Я доверю это кому-нибудь другому, например вашему дедушке, когда он придет. Не дразните меня, лучше отправляйтесь домой и отдохните, вам ведь полночи не спать! Да благословит вас Небо, Тедди! Да благословит вас Небо!

Джо тихонько пятилась, отходя подальше к углу, и, произнеся эти слова, вдруг стремительно укрылась на кухне, где, усевшись на шкафчик для кастрюль, сообщила сбежавшимся кошкам, что она «счастлива, так счастлива!», в то время как Лори уходил, чувствуя, что ему удалось все сделать на удивление удачно.

– Вот уж самый поперед всех лезучий малый из тех, кого я на свете видала, но я его за это звиняю и очень надеюсь, миссис Марч прям севодни и приедет, – заявила Ханна с облегчением, когда Джо сообщила ей эту добрую новость.

Мег восторгалась молча, а потом грустно задумалась над письмом, пока Джо приводила в порядок комнату, где лежала больная, а Ханна «завела пару пирогов по случаю неожиданных гостей». Казалось, дом почувствовал дыхание свежего ветерка, и что-то более яркое, чем лучи солнца, осветило притихшие комнаты. Казалось, всё и вся ощутили дарящий надежду перелом. Птичка, принадлежавшая Бет, вдруг подала голос, на розовом кусте Эми, что стоял на окне, обнаружился наполовину распутившийся бутон. Огонь в каминах горел вроде бы веселее, чем обычно, и каждый раз, когда сестры встречались, их бледные лица озарялись улыбками, и они обнимали друг друга, ободряюще шепча:

– Мама едет, моя дорогая! Мама едет!

Родовались все, кроме Бет. Девочка лежала в тяжком забытии, равно недоступная как для надежды и радости, так и для сомнений и опасений. Поистине больно было видеть это когда-то розовое лицо таким изменившимся, лишенным всякого выражения, когда-то умелые, деятельные ручки – такими слабыми и изможденными, когда-то улыбавшиеся губы – безмолвными, а когда-то прелестные, тщательно ухоженные и причесанные волосы, теперь жесткие и путанные, – разметавшимися по подушке. Она лежала весь день, лишь изредка опоминаясь, чтобы пробормотать «воды!», такими пересохшими губами, что они едва могли выговорить это слово. Джо и Мег не отходили от нее, следя, ожидая, надеясь и уповая на Бога и на маменьку, а снег падал весь день напролет, резкий ветер бушевал за окном, и часы тянулись долго и медленно. Наконец пришла ночь, и сестры, сидя по обе стороны кровати, с каждым боем часов взглядывали друг на друга все более и более радостно – ведь каждый час приближал к ним помощь. Приходил врач, сказавший, что какая-то перемена в состоянии больной – к худшему или к лучшему, – скорее всего, наступит примерно в полночь и что к этому времени он вернется.

Ханна, совершенно изможденная, прилегла на диван в ногах кровати Бет и крепко заснула. Мистер Лоренс мерил шагами гостиную, чувствуя, что ему было бы легче встретить лицом к лицу повстанческую орудийную батарею, чем взглянуть в глаза миссис Марч, когда она войдет в дом. Лори лежал там же, на ковре, делая вид, что отдыхает, но неотрывно смотрел на огонь в камине, задумавшись о чем-то таком, отчего его черные глаза казались еще прекраснее в своей доброте и ясности.

Девочки на всю жизнь запомнили эту ночь. Сон не смежил глаз ни одной из них, пока они несли свое дежурство, с ужасом сознавая собственное бессилие, обуревающее нас в такие часы.

– Если Господь пощадит Бет, я больше никогда ни на что не пожалуюсь, – искренне прошептала Мег.

– Если Он пощадит Бет, я постараюсь любить Его и служить Ему всю свою жизнь, – с той же искренностью откликнулась ей Джо.

Последовало молчание. Потом Мег сказала со вздохом:

– Хотела бы я, чтобы у меня не было сердца... Оно так болит!

– Если жизнь часто бывает так тяжела, не представляю даже, как сможем мы ее вынести, – мрачно добавила ее сестра.

Тут часы пробили двенадцать, и сестры забыли о себе, вглядываясь в изнуренное лицо Бет, которое, как им показалось, отразило какую-то перемену. Дом стоял недвижимый и безмолвный, как смерть, ничто, кроме завывания ветра за окном, не нарушало его мертвую тишину. Усталая Ханна спала крепким сном, и никто, кроме сестер, не заметил легкую тень, что, казалось, пала на маленькую постель. Прошел час, и ничего не случилось, кроме того, что Лори неслышно уехал на вокзал. Еще час, и по-прежнему никто не явился; беспокойство и страхи по поводу задержки из-за вьюги, дурных происшествий в пути или – самое страшное – из-за большого горя в Вашингтоне обуревали девочек. Был уже третий час ночи, когда Джо, стоявшая у окна и думавшая о том, как мрачно выглядит мир, обернутый в снежный саван, услышала какое-то шевеление у кровати и, быстро обернувшись, увидела Мег на коленях перед большим креслом матери, прячущую в нем лицо. Необоримый холодный ужас обуял Джо, решившую: «Бет умерла, и Мег боится сказать мне!»

В один миг она очутилась у кровати больной, и ее взволнованный взгляд обнаружил великую перемену, произошедшую за эти часы. Лихорадочный румянец и выражение боли исчезли, любимое лицо выглядело таким бледным и спокойным в своей абсолютной безмятежности, что у Джо даже не возникло желания плакать или горевать. Низко склонившись над самой любимой из своих сестер, она поцеловала влажный лоб Бет с такой нежностью, точно вся ее душа в этот момент была у нее на губах, и прошептала едва слышно:

– Прощай, моя Бет. Прощай!

Словно разбуженная ее движениями, Ханна рывком вскочила с дивана, поспешив подойти к больной, взглянула на нее, пощупала ее руки, наклонилась ухом к ее губам, а потом, набросив на лицо передник, села и, раскачиваясь взад-вперед, тяжело дыша, заговорила:

– Лихорадка переломилась, она спит – прям натурально спит! Кожа у ней влажная, да и дышит она легко! Слава Тебе! Ох. Боже ж Ты мой!

Девочки не успели еще поверить счастливой новости, как явился доктор и подтвердил, что Ханна права. Был он не очень хорош собою, но им показалось, что он божественно прекрасен, когда, по-отечески глядя на них, он улыбнулся и произнес:

– Да, мои милые, я думаю, малышка на этот раз выкарабкается. Пусть в доме будет очень тихо, пусть спит подольше, а когда проснется, дайте ей...

Однако они уже не слышали, что надо ей дать: обе неслышно исчезли из комнаты, уселись на лестнице, тесно прижавшись друг к другу, радуясь без слов – так переполнены счастьем были их сердца. Когда они возвратились, Ханна обняла и расцеловала их обеих от всей души, и они обнаружили, что Бет спит, как всегда спала, подложив ладошку под щеку, ужасная бледность исчезла с ее лица, и дыхание стало ровным, будто она только что уснула.

– Хоть бы мама как раз сейчас приехала! – сказала Джо, увидев, что тьма зимней ночи рассеивается.

– Гляди-ка, – окликнула ее Мег, подходя к ней с полураспустившейся белой розой в руке. – Я думала, она не распустится настолько, чтобы можно было вложить ее в руку Бет, если она... она уйдет от нас. Но цветок почти расцвел за эту ночь, и я поставлю его в своей вазе

здесь, рядом, чтобы, когда наша дорогая девочка проснется, первым, что она увидит, была эта роза и мамино лицо.

Никогда еще восход солнца не казался таким красивым, никогда еще сей мир не выглядел таким прекрасным в глазах Мег и Джо, как в это раннее утро, когда закончилось их долгое, грустное бдение.

– Все кругом выглядит как в сказке, – сказала Мег, отведя штору, и, глядя в окно на сверкающий мир, улыбнулась своим мыслям.

– Слышишь?! – воскликнула Джо, вскакивая на ноги.

Да, от двери внизу слышались звонки, возглас Ханны и голос Лори, его радостный шепот:

– Девочки, она здесь! Она приехала! Она приехала!



## Глава девятнадцатая. Завещание Эми

Тогда как дома происходили все эти события, Эми переживала тяжкие времена в апартаментах тетушки Марч. Она была глубоко расстроена тем, что ее отправили «в ссылку», и впервые в жизни осознала, как ее любили и как ласковы с ней были дома. Тетушка Марч никогда ни с кем ласкова не бывала – она этого не одобряла, но, вообще-то, она хотела быть доброй, потому что эта девчушка вела себя хорошо и очень ей нравилась, к тому же в стареньком сердце тетушки Марч таилась некая слабость к детям ее племянника, хотя сама тетушка считала для себя недостойным в этом признаться. Старая дама действительно старалась сделать все возможное, чтобы Эми было у нее хорошо, но какие же невероятные промахи она совершала! Некоторые пожилые люди остаются молодыми в душе, несмотря на свои морщины и седины, они способны сочувствовать маленьким заботам, горестям и радостям детей, умеют сделать так, чтобы они чувствовали себя как дома, и прикрывают нотации интересными играми, даря и принимая дружбу с самым привлекательным видом. Однако тетушка Марч не владела таким даром, она досаждала Эми своими правилами и приказами, своей чопорностью и долгими, докучливыми беседами. Увидев, что младшая девочка более покладиста и дружелюбна, чем ее сестра, старая дама сочла своим долгом попытаться противостоять, насколько окажется возможным, дурному влиянию их домашней свободы и потакания баловству. Так что она как бы взяла Эми за ручку и принялась учить ее, как учили ее саму шестьдесят лет назад, – этот процесс внес в душу Эми беспросветное отчаяние, и она почувствовала себя как муха в сетях очень требовательного паука.

Каждое утро девочке приходилось мыть чашки, начищать старомодные серебряные ложки и большущий, тоже серебряный, заварочный чайник и до блеска протирать зеркала. А потом она должна была вытирать в комнате пыль, и какой же сложной оказалась эта работа! Ни пылинки не ускользало от глаз тетушки Марч, а вся мебель ее стояла на когтистых лапах и была украшена изобильной резьбой, которую никогда нельзя было так оттереть, чтобы ни пылинки не осталось. Затем надо было покормить Полли, расчесать комнатную собачку, сбегать дюжину раз то наверх, то вниз, что-то принести или передать приказания, потому что старая дама сильно хромала и редко покидала свое кресло. После сих утомительных трудов Эми принималась за уроки, становившиеся каждодневным испытанием всех достоинств, какими она обладала. Потом она получала час на игры или прогулки, и как же она этим часом наслаждалась!

Лори являлся каждый день и умильно уговаривал тетушку Марч до тех пор, пока она не позволяла Эми выйти с ним из дому. Тогда они прогуливались или катались и замечательно проводили время. После обеда Эми должна была читать тетушке вслух и тихонько сидеть, пока та дремала в кресле, что обычно длилось около часа, поскольку засыпала тетушка после первой же страницы. Далее начиналась работа с шитьем лоскутных одеял или подрубанием полотенец, и Эми шила, внешне совершенно смиренная, но бунтуя в душе, вплоть до сумерек. Лишь тогда ей дозволялось развлекаться, как самой заблагорассудится, до чаепития. А вот вечера были хуже всего, ибо тетушка Марч пристрастилась рассказывать Эми длиннющие истории про свою юность, и они были так невообразимо скучны, что Эми каждый раз намеревалась отойти ко сну в слезах о своей тяжелой судьбе, но засыпала прежде, чем успевала выжать из глаз не более чем одну-две слезинки.

Если бы не Лори и старенькая Эстер – горничная тетушки Марч, Эми никак не смогла бы пережить это ужасное время. Чего стоил один только попугай! Он вполне мог довести ее до умопомрачения, так как очень скоро почувствовал, что девочка его вовсе не жалует, и мстил ей за это, проказничая изо всех сил. Он дергал ее за волосы, как только она оказывалась рядом с ним, переворачивал кормушку с молоком и хлебом в тот же момент, как Эми успевала

вычистить его клетку, заставлял Мопу лаять, когда задремывала Мадам, спеша тотчас клонуть песика сзади, прилюдно обзывал Эми гадкими именами и во всех отношениях вел себя как достойная всяческого порицания старая ворона. Кроме того, Эми совершенно не выносила и пса, жирного и злобного зверюшку, который рычал на нее и тявкал, когда она совершала его туалет, или укладывался на спинку и болтал в воздухе всеми четырьмя лапами с самым идиотским выражением на физиономии, когда просил чего-нибудь поесть, что он проделывал по дюжине раз на день. Повар был человек раздражительный, старик-кучер – глухой, и Эстер оказалась единственной, кто уделял внимание нашей юной леди.

Эстер была француженка, прослужившая у Мадам, как она называла свою хозяйку, много лет и, надо сказать, умело тиранизовавшая старую даму, потому что та уже не могла без нее обойтись. Настоящее ее имя было Эстель, но тетушка Марч велела ей поменять его на Эстер, и она согласилась – на том условии, что ее не заставят сменить и веру<sup>90</sup>. Мадемуазель очень полюбила старую горничной, и она удивляла и развлекала девочку рассказами о своей жизни во Франции, когда Эми сидела с ней, в то время как сама она приводила в порядок кружева Мадам. А еще она разрешала Эми бродить всюду по огромному дому и рассматривать невиданные – старинные и красивые – вещи, хранящиеся в больших гардеробах и древних сундуках, ибо тетушка Марч собирала и припрятывала их, словно сорока. Более всего восхищал Эми индийский шкафчик со множеством странных ящичков, углублений и тайных укрытий, где хранились разнообразные украшения, некоторые драгоценные, некоторые просто любопытные, но все более или менее древние. Рассматривать и раскладывать эти украшения было для Эми огромным удовольствием, особенно это касалось футляров с драгоценностями, где на бархатных подушечках покоились украшения, подчеркивавшие красоту прекрасной леди полвека тому назад. Здесь находился гарнитур, который надевала тетушка Марч, когда выходила в свет, жемчуга, подаренные ей отцом в день ее свадьбы, бриллианты от ее возлюбленного, траурные кольца и броши из черного янтаря, удивительные фермуары – медальоны с портретами умерших друзей и подруг и другие – с плакучими ивами внутри, сделанными из волос, а также детские браслеты, которые носила единственная маленькая дочь тетушки. Были там большие карманные часы дядюшки Марча с красной печаткой, с которой играли многие детские руки, а в отдельной коробке одиноко, само по себе, лежало обручальное кольцо тетушки Марч, слишком узкое теперь для ее ставшего толстым пальца, но бережно хранимое, как самая большая из всех ее драгоценностей.

– Что бы захотела из всего этого взять Мадемуазель, если бы была на то ее воля? – спросила Эстер, которая всегда в таких случаях сидела рядом – присмотреть, а потом запереть все эти ценности.

– Больше всего мне нравятся бриллианты, но здесь нет ожерелий, а я люблю ожерелья – они так мне к лицу! Я бы тогда выбрала вот это, если бы мне позволили, – ответила Эми, с искренним восхищением глядя на нить бус из золота и черного дерева, на которой висел такой же, довольно тяжелый крест.

– Я тоже с вожелением смотрю на них, только это ведь не ожерелье, не бусы. О нет! Для меня это четки, и я, как добрая католичка, должна бы их использовать для молитвы, – объяснила Эстер, печально взирая на красивую вещицу.

– Она предназначена для того, чтобы ею пользовались, как пользуются бусами из душистого дерева, какие обычно вешают над зеркалом?

– Да, верно. Чтобы читать с ними молитвы. Это было бы приятно святым, если бы кто-то пользовался ими не как суетным украшением, а как красивыми четками.

<sup>90</sup> ...ее не заставят сменить и веру. – Французы по преимуществу католики, тогда как американцы (США) – в основном протестанты.

– Мне кажется, вы находите большое утешение в молитве, Эстер, и после этого всегда приходите спокойная и довольная. Хотелось бы мне тоже так уметь.

– Если бы Мадемуазель была католичкой, она находила бы истинное утешение, но раз уж этому не бывать, было бы хорошо, если бы вы уходили отдельно, каждый день, *поразысливать* и помолиться, как это делала моя добрая хозяйка, которой я служила до Мадам. У нее была маленькая часовня, и она находила там большую *утешительность* для многих тревог.

– А правильно ли будет, если я стану поступать так же? – спросила Эми, которая в своем одиночестве ощутила острую нужду в некой помощи и обнаружила, что стала забывать о своей маленькой книжке теперь, когда рядом не было Бет, чтобы ей о том напомнить.

– Это было бы отлично и очаровательно, и я с радостью так устрою маленькую гардеробную для вас, если вы хотите. Ничего не говорите Мадам, но когда она спит, идите вы, сидите одной немножко – подумать хорошие мысли и помолить дорогой Господь хранить вашу сестру.

Эстер была глубоко верующей женщиной и совершенно искренне советовала Эми, как поступать: у нее было любящее сердце, и она очень сочувствовала сестрам в их беспокойстве о больной. Ее план понравился Эми, и она позволила горничной устроить в небольшом чулане рядом со своей комнатой такое убежище, надеясь, что это ей поможет.

– Хотелось бы мне знать, кому достанутся все эти красивые вещицы, когда тетушка Марч умрет? – спросила она как-то, медлительно укладывая сверкающие четки и закрывая футляры с драгоценностями один за другим.

– Вам и вашим сестрам. Я знаю. Мадам мне доверяет. Я *свидетельствовала* ее завещание, и так оно и будет, – улыбаясь, прошептала Эстер.

– Вот и хорошо! Только мне хотелось бы, чтобы она отдала их нам сейчас. Откладывать – это нас не устраивает, – заявила Эми.

– Слишком рано молодым девицам носить такие вещи. Первая, которая заневестится, получит жемчуга, Мадам так говорит, и я представляю, что маленькое бирюзовое *колючко* будет дано вам, когда вы уйдете, потому что Мадам одобряет ваше хорошее поведение и очаровательные манеры.

– Вы так думаете? Ах, я буду просто послушной овечкой, если могу получить это прелестное кольцо! Оно ведь даже красивее, чем колючко Китти Брайант. Мне все-таки нравится тетушка Марч.

И Эми примерила голубое колючко: лицо ее сияло восторгом и решимостью его заслужить.

С этого дня ее послушание стало совершенно образцовым, и старая дама с удовлетворением отметила успех, достигнутый ее воспитанием. Эстер поставила в маленьком чулане столик, скамеечку для ног перед ним, а над ним – картину, взятую из одной запертой комнаты. Она полагала, что картина эта была не весьма ценной, но вполне подходящей, и решила одолжить ее на время, в уверенности, что Мадам никогда об этом не узнает, а если и узнает, не придаст этому никакого значения. Картина, однако, была очень дорогой копией с одного из знаменитейших полотен мира, и умевший ценить красоту взор Эми не мог оторваться от нежного лица Матери Божьей, когда любовь к собственной матери и мысли о ней переполняли душу девочки. На столик Эми положила молитвенник и псалтирь, поставила вазочку с самыми лучшими цветами из тех, что приносил ей Лори, и каждый день приходила «сидеть одной», думать хорошие мысли и молить дорогого Господа хранить ее сестру. Эстер принесла ей и четки – черные бусы с серебряным крестиком, но Эми повесила их на стену и не пользовалась ими, усомнившись в применимости католических четок к протестантским молитвам.

Эта маленькая девочка все свои поступки совершала с полной искренностью: оказавшись в одиночестве, за пределами безопасного родного гнезда, она почувствовала такую острую нужду в некой руке, за какую могла бы ухватиться, что инстинктивно обратилась к Другу, чья отеческая любовь, скорее всего, даруется Его маленьким чадам. Эми недоставало материнской

поддержки, мать не могла теперь помочь ей понять и направить самое себя, но ее научили, куда смотреть, где искать путь, и она постаралась его найти и уверенно ему следовать. Однако она была еще очень юным пилигримом, и именно теперь ее бремя казалось ей особенно тяжким. Она старалась поменьше думать о себе, быть повеселее, довольствоваться тем, что поступает правильно, хотя никто этого не замечает и никто не хвалит ее за это. Делая первые усилия быть очень-очень хорошей и доброй, она решила составить свое завещание, как это сделала тетушка Марч, на случай, если она вдруг заболит и умрет, с тем чтобы все ее имущество было разделено щедро и по справедливости. А ведь ей было больно даже подумать о том, чтобы отказаться от ее маленьких сокровищ, которые в ее глазах были не менее драгоценны, чем сокровища старой дамы.

Однажды в свой «игровой час» Эми села и сочинила этот важнейший документ со всем тщанием, на какое была способна, с некоторой помощью Эстер в том, что касалось определенных юридических терминов, и после того, как добросердечная француженка подписала под ним свое имя, Эми, почувствовав, что на душе у нее стало легче, убрала его не очень далеко, чтобы показать Лори, которого ей хотелось взять вторым свидетелем. День был дождливый, и она отправилась развлекаться в одну из самых просторных комнат, взяв с собою – для компании – Полли. В комнате этой стоял большой гардероб, полный старомодных нарядов, с которыми Эстер позволяла девочке играть, и это стало ее любимым развлечением: она наряжалась в выпетшую парчу и торжественно прогуливалась туда-сюда перед высоким зеркалом, совершая величавые реверансы и волоча за собою шлейф платья с шуршанием, восхищавшим ее слух. Она была так поглощена этим занятием, что не услышала, как позвонил Лори, не увидела его лица, когда он заглянул в приоткрытую дверь комнаты. Она продолжала прогуливаться взад-вперед с серьезным видом, кокетливо помахивая веером и гордо вскидывая голову, на которой красовалась огромная розовая шляпа-тюбан, невообразимо контрастировавшая с голубой парчой платья и желтой стеганой нижней юбкой. Эми приходилось ступать осторожно, так как она была в туфлях на высоких каблуках, и как Лори потом рассказывал Джо, зрелище ему представилось весьма комическое: Эми семенила по комнате в своем развеселом наряде, а Полли, пытаясь ей подражать, бочком семенил следом за нею и подпрыгивал изо всех сил, время от времени останавливаясь, чтобы захохотать или выкрикнуть: «Р-разве мы не пр-рекр-расны? Пр-роваливай, ты, пугало! Пр-ридержи язык! Ха! Ха! Ха! Поцелуй меня, милочка!»

С трудом удержавшись, чтобы не прыснуть со смеху, – ведь он мог бы оскорбить ее величество! – Лори постучал в дверь и был милостиво принят.

– Садитесь и отдохайте, пока я уберу на место эти вещи, а потом я хочу посоветоваться с вами об очень серьезном деле, – сказала Эми, продемонстрировав Лори свой роскошный наряд и загнав Полли в дальний угол. – Эта птица – самое тяжелое испытание в моей жизни, – продолжала она, стягивая с головы розовый холм, в то время как Лори усаживался верхом на стул. – Вчера, когда тетушка Марч спала, а я старалась сидеть тихонько, как мышка, Полли как завизжит в своей клетке, как начнет крыльями хлопать, ну, я пошла его выпустить, а там – огромный паук. Я его выкинула из клетки, он быстро заполз под книжный шкаф. Полли зашагал за ним, наклонился, заглянул под шкаф и сказал забавно, как он всегда говорит, и даже одним глазом мне подмигнул: «Выходи пр-ройтись, моя милочка». Я не выдержала и рассмеялась, а Полли стал ругаться, и тетушка Марч проснулась и выбрала нас обоих.

– И что же, паук принял приглашение старого хлыща? – спросил Лори, зевая.

– Да, он выполз, а Полли удрал, перепугавшись до смерти, и вскарабкался на тетушкино кресло, крича: «Лови! Лови! Лови ее!», а я гонялась за пауком.

– Вр-ранье! Ой-ёй-ёй! – закричал попугай и, подскочив к Лори, принялся клевать носки его башмаков.

– Будь ты моим, я бы тебе шею свернул, ты, старая ворона! – воскликнул Лори, грозя кулаком попугаю, который склонил голову набок и мрачно прокаркал: «Аллилуй! Благо твоим запонкам, миляга!»

– Ну вот. Я готова, – сказала Эми, закрыв гардероб и доставая листок бумаги из кармана. – Мне хочется, чтобы вы это, пожалуйста, прочитали и сказали, законно ли оно и правильно или нет. Я почувствовала, что нужно его написать, потому что жизнь такая непрочная, а я не хочу никаких недобрых чувств над моей могильной плитой.

Лори закусил губу и, слегка отворотясь от печальной просительницы, прочел следующий документ с достойной похвалы серьезностью, если принять в расчет орфографию написанного:

### МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ И ЗАВИЩАНИЕ

Я, Эми Кёртис Марч, будучи в моем здравом уме, собираюсь отдать и завищать все мое земное имуществу – viz.<sup>91</sup> – т. е. – именно

Моему отцу, мои лучшие картины, этюды, карты и произведения искусства, включая рамы. Так же мои \$100, в полное распоряжение.

Моей матери, всю мою одежду, кроме голубого передника с карманами – так же мой портрет, и мою медаль, с большой любовью.

Моей дорогой сестре Маргарет, я даю мое беризовое кольцо (если я его получу), так же мою зеленую шкатулку с голубыми на ней, так же кусок моих настоящих кружев ей на шею, и мой набросок ее портрета как память об «ее малышке».

Джо я оставляю мою нагрудную брошь, ту, что залипили сургучом, так же мою бронзовую чернильницу – она сама от нее крышку потеряла – и самого любимого гипсового кролика, потому что я прошу простить что сожгла ее сказку.

Бет (если она меня переживет) я даю мои куклы и маленький комодик. мой веер, мои полотняные воротнички и мои новые тапочки если сможет их носить когда будет худая после болезни. И еще я при сем оставляю ей мои сожаления что раньше смеялась над старой Джоанной.

Моему другу и саседу Теодору Лоренсу я завищаю мой бювар<sup>92</sup> из папимашэ, мою модель лошади (глина), хотя он сказал у нее никакой шеи нет. Так же в ответ на его великую доброту в горесный час любую из моих художественных работ какую он захочет. *Noter Dame* – лучше всего<sup>93</sup>.

Нашему достопочтенному благодетелю мистеру Лоренсу я оставляю мою пурпурную шкатулку с зеркалом в крышке которая пригодится для его ручек и напомним ему об ушедшей девочке благодарной за его расположение и помощь ее семье, особенно Бет.

Я желаю чтоб моя любимая подруга Китти Брайант получила мой голубой шелковый передник и мое колечко из золотых бусин с поцелуем.

Ханне я завищаю мою картонку для шляп. она ее хотела, и все лоскутные поделки я ей оставляю в надежде что «как взглянит, так вспомнит».

А теперь распоредившись моим самым ценным имуществу я надеюсь все будут довольны и не станут винить покойных. Я всех прощаю, и верю что мы все сможем встретится когда трубный глас прозвучит. Аминь.

К сей моей воле и завищанию я прилагаю мою руку и печать сего 20-го дня Ноя. *Anni Domino* 1861<sup>94</sup>

Эми Кёртис Марч

Свидетели:

<sup>91</sup> Viz (сокp. лат. videlicet) – «именно».

<sup>92</sup> Бювар – настольный портфель или папка для хранения бумаг, писем, конвертов и т. п.

<sup>93</sup> *Noter Dame* – лучше всего. – Эми имеет в виду собор Парижской Богоматери (фр. Notre Dame de Paris).

<sup>94</sup> *Anni Domino* 1861 – Имеется в виду Anno Domini (лат.) – год от Рождества Господня.

Этель Вальнор, Теодор Лоренс.

Второе имя было написано карандашом, и Эми объяснила, что Лори следует переписать его чернилами и запечатать документ за нее должным образом.

– Что заставило тебя об этом подумать? Разве тебе говорили, что Бет раздала свои вещи? – серьезно спросил девочку Лори, когда та положила перед ним кусок красной тесьмы, сургуч, свечу для его нагревания и поставила чернильный прибор.

Эми объяснила, потом, волнуясь, спросила его:

– А что сделала Бет?

– Не надо бы мне говорить об этом, но раз уж я это сделал, скажу... Она так плохо себя однажды почувствовала, что сказала Джо, как ей хочется отдать свой рояль Мег, котят – тебе, а бедную старую куклу – Джо, которая станет ее любить ради Бет. Она пожалела, что может отдать так мало, и оставила прядки волос нам, остальным, а бабушке – самую нежную любовь. Но о завещании она не думала никогда.

Лори говорил это, одновременно подписывая и взявшись уже запечатывать завещание, так что глаз на Эми он не поднимал, пока большая слеза не упала на бумагу. Лицо Эми было полно тревоги, но она спросила только:

– А нельзя людям делать что-нибудь вроде постскриптума к завещанию, хоть иногда?

– Да, это называется «кодицил»<sup>95</sup>.

– Тогда добавьте и к моему один. Я желаю, чтобы все мои кудряшки были срезаны и отданы друзьям и подругам, я забыла об этом, но хочу, чтобы так было сделано, хотя это испортит мой вид.

Лори добавил это распоряжение, улыбнувшись при мысли о сей последней – и величайшей – жертве Эми. Затем он развлекал ее целый час и проявил большой интерес к ее испытаниям. Но когда он уже собрался уходить, она остановила его и прошептала:

– А Бет действительно в большой опасности?

– Боюсь, что да, но мы должны надеяться на лучшее, так что не надо плакать, моя дорогая.

И, совсем как брат, Лори обнял девочку, что стало ей большим утешением.

Когда Лори ушел, она укрылась в своей часовенке и, сидя в сумерках, молилась о Бет, с болью в сердце проливая слезы и чувствуя, что миллионы бирюзовых колец не смогут утешить ее, если она потеряет свою любимую сестричку.

---

<sup>95</sup> Да, это называется «кодицил». – Кодичил (юр.) – дополнительное распоряжение к завещанию.

## Глава двадцатая. Конфиденциальная

Мне кажется, я не смогу найти слова, чтобы рассказать о встрече матери с ее дочерьми. Такие часы прекрасны, когда их переживаешь, но описывать их очень трудно, так что я оставляю это воображению моих читателей, сказав лишь, что дом был переполнен истинным счастьем, что самая нежная мечта Мег осуществилась, ибо, когда Бет пробудилась от долгого целительного сна, первое, на что упал ее взгляд, была маленькая роза и лицо матери. Слишком ослабевшая для того, чтобы чему-то удивляться, девочка лишь улыбнулась и теснее прижалась к любовно обвившим ее рукам матери, чувствуя, что ее отчаянная тоска наконец-то утолена. Затем она снова уснула, а старшие ее сестры принялись ухаживать за матерью, которая не могла, да и не хотела разжать исхудалые пальцы, сжимавшие ее руки даже во сне.

Ханна «сочинила» и подала путешественнице поразительный завтрак: иначе найти выход своим взбудораженным чувствам она не могла, и Мег с Джо, словно два почтительных аистенка, кормили свою матушку, слушая ее отчет шепотом о состоянии отца, об обещании мистера Брука остаться и ухаживать за ним, о задержках поезда из-за снежной бури на пути домой и несказанном облегчении уже от вида полного надежды лица Лори, когда она, изможденная усталостью, волнениями и холодом, наконец приехала.

Каким же странным и в то же время приятным выдался этот день! За окнами все было так ярко и весело: казалось, весь мир высыпал наружу – приветствовать первый снег. И так тихо и спокойно было все в доме, потому что все спали, изнуренные долгим бдением, и в доме воцарился Священный день отдохновения, охраняемый близ дверей ключющей носом Ханной. С благим чувством освобождения от тяжелого бремени Мег и Джо смежили усталые очи и улеглись отдохнуть, словно потрепанные штормом корабли, наконец-то вставшие на якорь в тихой гавани. Миссис Марч не покидала Бет, но отдыхала в большом кресле, часто просыпаясь, чтобы взглянуть на Бет, пощупать ее лоб и поразмышлять об этом своем ребенке, словно скупец о почти уже утраченном, но вновь обретенном сокровище.

Тем временем Лори был отправлен успокоить Эми и поведал там всю историю так умело, что тетушка Марч фактически сама «захлюпала» и ни разу не произнесла «Я же вам говорила!». Эми по этому поводу показала себя такой сильной, что я решила: хорошие мысли в ее маленькой часовне действительно стали приносить свои плоды. Она быстро отерла слезы, обуздала нетерпеливое стремление поскорее увидеться с мамой и ни на миг не задумалась о бирюзовом колечке, когда старая дама от всей души согласилась с мнением Лори о том, что Эми вела себя как замечательная маленькая женщина. Даже Полли, казалось, изменил к ней отношение, так как назвал ее доброй дэвицей, благословил ее запонки и пригласил «выйти пройтись» своим самым дружелюбным тоном. Она с радостью вышла бы насладиться погожим зимним днем, но, обнаружив, что Лори буквально засыпает на ходу, хотя весьма мужественно силится скрывать этот факт, она убедила его отдохнуть на диване, пока она напишет записку матери. Это занятие потребовало у нее много времени, и когда она вернулась, он крепко спал, растянувшись на диване, подложив обе руки под голову, а тетушка Марч, опустив занавеси, сидела совершенно праздно в необычайном приступе добросердечия.

Через некоторое время обе они подумали, что он может не проснуться до вечера, да и я тоже так думаю, если бы его с успехом не пробудил радостный возглас Эми при виде ее матушки. В этот день, вероятно, в городе было великое множество счастливых девочек, но – и это мое личное мнение – Эми была самой счастливой из всех, когда сидела на коленях у мамы и рассказывала ей о своих испытаниях, слушала утешительные слова и была вознаграждена одобрительными улыбками и нежной лаской. Они сидели вдвоем, уединившись в часовенке, против которой у матери не возникло возражений, когда Эми объяснила ей причину и цель.

– Наоборот, детка, мне это очень нравится, – сказала миссис Марч, переведя взгляд с пыльных четок на сильно потрепанную маленькую книжечку, а затем на прелестную картину, увитую гирляндой вечнозеленых лоз. – Отличный план – устроить такое местечко, куда можно уйти, чтобы побыть в тишине и покое, когда что-то волнует или огорчает нас. В жизни нашей случается много тяжких часов, но мы всегда можем все вынести, если обратимся за помощью как надо. Думается мне, моя маленькая дочка как раз и учится этому.

– Да, мама. И когда я отправлюсь домой, я собираюсь устроить себе уголок в большом чулане, где помещу свои книги и копию этой картины, которую уже попыталась сделать. Лицо женщины не очень получилось, оно слишком прекрасно, чтобы я смогла его написать, но младенец получился получше, и мне это очень нравится. Я люблю думать, что Он когда-то тоже был маленьким, тогда уже не кажется, что я слишком далеко от Него, и это мне помогает.

Эми показала на младенца Христа на коленях Богоматери. Миссис Марч заметила что-то на ее поднятой руке, и это вызвало у нее улыбку. Она ничего не сказала, но Эми перехватила и поняла ее взгляд и после минутного молчания серьезно сказала:

– Я хотела поговорить с вами об этом, но забыла. Тетушка Марч подарила мне это кольцо сегодня. Она меня подозвала к себе, поцеловала, надела его мне на палец и сказала, что она мною гордится и хотела бы оставить меня у себя навсегда. И она дала мне этот забавный гард<sup>96</sup>, чтобы не слетало бирюзовое – оно мне великовато. Мне хотелось бы их носить, можно, маменька?

– Они очень хороши, но мне думается, ты слишком мала еще для таких украшений, Эми, – сказала миссис Марч, взглянув на маленькую пухлую ручку с кольцом из небесно-голубых камней на указательном пальце и на затейливый гард в виде двух маленьких, сложенных вместе золотых рук.

– Я постараюсь не стать тщеславной, – пообещала Эми. – Мне кажется, кольцо нравится мне не только потому, что оно такое красивое, а потому, что я хочу носить его, как та девочка из рассказа носила свой браслет, чтобы он ей о чем-то напоминал.

– Чтобы оно напоминало о тетушке Марч? – И ее мама рассмеялась.

– Нет, чтобы оно напоминало мне не быть эгоисткой.

Вид у Эми при этом был такой искренний и серьезный, что миссис Марч перестала смеяться и вполне уважительно выслушала маленький план дочери.

– В последнее время я много думала про мою «котомку недостатков»; самый большой в ней – то, что я эгоистка, поэтому я хочу изо всех сил постараться от этого излечиться, если только смогу. Бет совсем не эгоистка, и по этой причине все ее любят и ужасно боятся ее потерять. Никто не будет так сильно бояться потерять меня, если я вдруг заболею, я этого не заслуживаю, а мне хотелось бы, чтобы меня очень многие любили и скучали бы обо мне, как настоящие друзья, так что я буду стараться быть как Бет – изо всех сил. Я часто забываю про свои решения, но если у меня всегда будет что-то такое, что напечалит меня об этом, я думаю, все получится гораздо лучше. Можно, мы так попробуем?

– Да, только я больше надежд возлагаю на уголок в большом чулане. Носи свое кольцо, моя милая, и старайся изо всех сил. Думаю, у тебя все получится, потому что искреннее желание быть хорошей и доброй – уже половина дела. А теперь мне надо вернуться к Бет. Не оставляй стараний, моя малышка, и очень скоро мы снова увидим тебя дома.

В тот же вечер, когда Мег писала отцу отчет о благополучном приезде путешественницы, Джо тихонько проскользнула наверх и, найдя матушку на ее обычном месте, постояла с минуту, беспокойным жестом запустив пальцы в собственную шевелюру, лицо ее выражало полнейшую нерешительность.

---

<sup>96</sup> И она дала мне этот забавный гард... – Гард – кольцо, надеваемое для страховки другого кольца, которое великовато, чтобы то не спало.



– Что такое, милая моя? – протянула к ней руку миссис Марч, ее лицо говорило: «Доверься мне!»

– Мама, я хочу вам что-то сказать...

– О Мег?

– Как вы сразу догадались! Да, это о Мег. И хотя это всего лишь малость, меня это как-то беспокоит.

– Бет уснула, ты говори потише, но Расскажи мне все, что хотела. Этот Моффат, надеюсь, у нас не бывал?

– Нет, я бы дверь захлопнула ему в лицо, если бы он посмел! – заявила Джо, усаживаясь на пол у ног матери. – Прошлым летом Мег оставила пару перчаток там, у Лоренсов, и вернулась только одна. Мы об этом забыли, а потом Тедди сказал мне, что мистер Брук признался, что ему нравится Мег, только он не смеет этого сказать, она слишком молода, а он так беден. Ну вот. Правда ведь, это ужасное положение?

– А ты думаешь, он нравится Мег? – с тревогой спросила миссис Марч.

– Ох, маменька! Да я ничего не знаю про любовь и всякую такую ерунду! – воскликнула Джо, комично смешав в этом возгласе заинтересованность и презрение. – В романах девицы выказывают ее, вздрагивая и краснея, падая в обморок, худея и поступая по-идиотски. А наша Мег ничего подобного не совершает. Она ест и пьет и спит, как разумное существо, глядит прямо мне в глаза, когда я говорю об этом человеке, и краснеет только тогда, когда Тедди начинает шутить про влюбленных. Я ему запрещаю это делать, но он не слушается меня так, как следовало бы.

– Значит, ты считаешь, что Джон ее не интересуется?

– Кто? – вскричала Джо, устремив удивленный взгляд на мать.

– Мистер Брук. Теперь я зову его Джон. Мы с отцом так решили в госпитале, и Бруку это нравится.

– Ох, вот беда! Я знаю – вы на его стороне! Он так хорошо относится к папе, что вы не захотите его отослать прочь и разрешите Мег выйти за него замуж, если она захочет. О хитрец! Взяться обласкивать папу, подольститься и помогать вам лишь ради того, чтобы добиться вашего расположения!

И Джо опять гневно дернула себя за волосы.

– погоди, не сердись, моя дорогая, и я расскажу тебе, как все это было. Джон поехал со мною по просьбе мистера Лоренса и так преданно помогал вашему отцу, что мы не могли его не полюбить. Он был очень откровенен с нами и достойно повел себя в отношении Мег. Он признался нам, что любит Мег, но хочет заработать на вполне удобный дом, прежде чем решится попросить ее руки. Он всего лишь просил нашего позволения любить ее, и работать ради нее, и иметь право завоевать ее любовь, если ему это удастся. Он и в самом деле прекрасный молодой человек, и мы не могли не выслушать его, но я не согласилась, чтобы Мег была помолвлена уже теперь, – она слишком молода.

– Ну конечно же нет! Это было бы просто идиотство какое-то! Я знала, что готовится какая-то гадость, я чувствовала. А теперь все даже хуже, чем я воображала. Ну почему я сама не могу жениться на Мег, чтобы она спокойно осталась в семье?!

Столь странный способ решения проблемы вызвал у миссис Марч улыбку, однако она серьезно ответила:

– Джо, послушай. Я скажу тебе, но прошу ничего не говорить об этом Мег. Когда Джон вернется и я увижу их вместе, я смогу вернее судить о ее чувствах к нему.

– Она увидит его прекрасные глаза, о которых постоянно говорит, и с ней все будет кончено. У нее такое мягкое сердце! Оно растает, как сливочное масло на солнышке, если кто-то бросит на нее сентиментальный взгляд. Она читала и перечитывала его короткие отчеты чаще, чем ваши письма, и щипала меня, когда я заговаривала об этом, и ей нравятся карие

глаза, и «Джон» для нее вовсе не противное имя, и она просто возьмет да и влюбится в него, и все – конец нашему совместному веселью, и миру, и уюту в нашем доме. Я все это ясно вижу! Они будут тут влюбленничать по всему дому, а нам придется от них увертываться. Мег будет поглощена, мне ничего хорошего от нее уже не светит. Брук как-нибудь да наскребет себе состоянище, утащит ее от нас, пробьет дыру в нашей семье, и сердце мое разорвется, и все будет отвратительно нескладно... О господи! Ну почему мы все не мальчишки?! Тогда не о чем было бы беспокоиться.

Джо с безутешным видом уткнулась подбородком в собственные колени и погрозила кулаком в адрес столь предосудительного Джона. Миссис Марч вздохнула, и Джо с облегчением взглянула на мать:

– Вам это тоже не по душе, маменька? Я рада этому. Давайте мы пошлем его заниматься своими делами, а Мег про все это ни слова не скажем, просто будем все счастливы вместе, как всегда были до сих пор.

– Да, я вздохнула, но я была не права, Джо. Ведь это естественно и совершенно правильно, чтобы вы все со временем разошлись по собственным семейным очагам, хотя мне хочется удержать моих девочек при себе подольше, и я жалею, что это случилось так рано, потому что Мег всего лишь семнадцать, и потребуется несколько лет, чтобы Джон смог создать для нее домашний очаг. Мы с твоим отцом считаем, что ей не следует связывать себя никоим образом или выходить замуж, пока ей не исполнится двадцать лет. Если они с Джоном любят друг друга, они могут подождать и тем самым проверить свою любовь. Мег – девочка разумная, и я не опасаюсь, что она отнесется к нему недостаточно добросердечно. У моей прелестной дочки нежное сердце! Я надеюсь, все у нее сложится счастливо.

– А разве вам не хотелось бы, чтобы она лучше вышла за богатого человека? – спросила Джо, услышав, что голос матери чуть дрогнул при последних словах.

– Деньги – хорошая и полезная вещь, Джо, и я надеюсь, что моим дочерям никогда не придется в них слишком нуждаться, но не возникнет и соблазна иметь их слишком много. Мне бы хотелось только знать, что Джон прочно встал на ноги, занявшись каким-то делом, дающим ему достаточный доход, чтобы не лезть в долги и дать Мег спокойную и удобную жизнь. Я не амбициозна, не стремлюсь получить великолепное состояние, высокий пост или знаменитое имя для моих дочерей. Если чины и деньги явятся вместе с любовью, а также и с добродетелью, я приму их с благодарностью и стану наслаждаться вашей удачей, однако я знаю по опыту, сколько истинного счастья может быть в простом небольшом доме, где ежедневно зарабатывается хлеб насущный, а некоторые лишения придают особую сладость немногим удовольствиям. Я довольна тем, что вижу: наша Мег начинает с малого, но – если я не ошибаюсь – она обретет богатство, завладев сердцем хорошего человека, а это много лучше, чем деньги.

– Я понимаю, маменька, и я с вами согласна, только я разочарована из-за Мег, потому что планировала выдать ее со временем за Тедди, чтобы она могла прожить всю свою жизнь в роскоши. Правда ведь, это было бы хорошо, да? – И Джо с просветлевшим лицом подняла взгляд на мать.

– Но ты же знаешь, он младше Мег, – начала было миссис Марч, однако Джо прервала ее:

– Совсем чуть-чуть, и он выглядит старше своих лет: он высок и умеет вести себя совсем как взрослый, когда это ему угодно. Потом, он богат, и щедр, и добр, и он нас всех любит, вот я и говорю – жалко, что мой план так испортили!

– Боюсь, Лори вовсе не такой уж взрослый, во всяком случае – для Мег, и кажется пока еще слишком ветреным юнцом, чтобы кто-то мог на него полагаться. Не надо строить планы за сестер и друзей, Джо, дай времени поработать, а их собственным сердцам самим выбрать себе пару. Нельзя нам вмешиваться в такие дела – это добром не кончится. Лучше не забивать себе голову «романтической ерундой», как ты это называешь, не то можно невзначай повредить нашу дружбу.

– Ладно, не буду, только ужасно видеть, как все идет наперекосяк и запутывается, когда только тут подтяни, а там отрежь – и все будет как надо! Вот поносить бы нам на головах утюги тяжелые, чтобы не расти, не взрослеть... Но бутоны должны стать розами, а котята – котами, что тем более жалко!

– Что за речи про утюги и котят? – спросила Мег, тихонько входя в комнату с оконченным письмом в руке.

– Всего лишь одна из моих дурацких речей. Я иду спать. Пошли, Пегги<sup>97</sup>, – предложила Джо, постепенно распрямляясь, как ожившая составная картинка<sup>98</sup>.

– Все совершенно правильно и красиво написано, – сказала миссис Марч, просмотрев письмо и отдавая его обратно. – Только добавь, пожалуйста, привет от меня Джону.

– Вы зовете его Джоном? – с улыбкой спросила Мег, без всякого смущения глядя прямо в глаза матери.

– Да, он был с нами как сын, и мы очень его полюбили, – ответила миссис Марч, пронизательно взглянув на дочь.

– Это меня радует, он такой одинокий. Спокойной ночи, маменька, дорогая, как несказанно хорошо и уютно, когда вы с нами! – прозвучали в ответ слова Мег.

Миссис Марч очень нежно поцеловала ее, а когда дочь ушла, сказала удовлетворенно, но и с сожалением: «Она Джона еще не любит, но скоро научится его любить».

---

<sup>97</sup> *Пошли, Пегги...* – Пегги – уменьшительно-ласкательное от Маргарет.

<sup>98</sup> *...как ожившая составная картинка.* – Детская игрушка-пазл из отдельных мелких пластинок или кубиков, которые составляют в определенную картинку.

## Глава двадцать первая. Лори буянит, а Джо восстанавливает мир

На лицо Джо следовало бы внимательно посмотреть на следующий день, так как их с матерью секрет лег на ее плечи тяжким грузом, и девочке было очень трудно удержаться, чтобы не принять таинственный и важный вид. Мег это заметила, но не побеспокоилась расспросить, в чем дело, так как хорошо знала, что справляться с Джо лучше всего, следуя «закону противоположностей», и не сомневалась – сестра расскажет ей все сама, если ее не спрашивать. А посему она была весьма удивлена, когда молчание осталось нерушимым и Джо вдруг обрела покровительственный тон, явно угнетающий Мег, которая в свою очередь приняла вид полной достоинства сдержанности и целиком посвятила себя заботам о матери. Таким образом, Джо оказалась полностью предоставлена самой себе, потому что миссис Марч заняла ее место сиделки при Бет и посоветовала ей отдохнуть, поразмяться и поразвлечься после столь долгого заточения. И так как Эми отсутствовала, ее единственным прибежищем оказался Лори, но, притом что ей всегда было приятно и интересно находиться в его обществе, теперь она стала его опасаться, потому что он беспрестанно ее поддразнивал, и она боялась, что он вызовет у нее ее секрет.

Она была, разумеется, права, потому что не успел этот проказник заподозрить, что она хранит от него некую тайну, как вознамерился все тут же выведать и устроил Джо поистине тяжкую жизнь. Он пытался подольститься к ней, подкупить, высмеивал, угрожал, притворялся совершенно безразличным к тому, узнает он правду или нет, заявлял, что и так все сам знает, потом – что его это больше не интересует, и, наконец, благодаря неослабному упорству, удовольствовался сообщением, что тайна касается Мег и мистера Брука. Возмущенный тем, что его учитель не доверился ему, он решил «пошевелить мозгами» и измыслить подходящее возмездие за проявленное к нему пренебрежение.

Между тем Мег, очевидно, забыла обо всем этом и была поглощена подготовкой к возвращению домой отца, однако с ней вдруг произошла разительная перемена, и пару дней она, казалось, была сама не своя. Она вздрагивала, когда с нею заговаривали, краснела, когда на нее смотрели, стала очень молчалива и сидела над пальцами с шитьем как-то неуверенно и тревожно. На вопросы маменьки она отвечала, что чувствует себя вполне хорошо, а Джо заставляла умолкнуть, требуя оставить ее в покое.

– Она чувствует ее прямо в воздухе – это я про любовь – и идет к ней ужасно быстро. У нее уже видны почти все симптомы: она возбуждена и сердита, не ест, лежит без сна и забивается в уголок – похандрить. Я подслушала, как она напевает ту песенку, что он для нее переводил, а один раз она назвала его «Джон», совсем как вы, и потом стала красная, как мак. Что же мы будем делать, маменька?! – вопрошала Джо, готовая на любые меры, вплоть до насильственных.

– Ничего – только ждать. Оставь ее в покое, будь доброй и терпеливой, а приезд вашего отца все расставит по своим местам, – ответила миссис Марч.

– Смотри-ка, Мег, тебе записка, запечатанная. Как странно! Тедди никогда мне не запечатывает, – сказала на следующий день Джо, распределяя содержимое маленькой почтовой конторы.

Миссис Марч и Джо погрузились в собственную корреспонденцию, когда странный возглас Мег заставил их поднять глаза и увидеть, что она пристально смотрит на полученную записку, а на лице ее – ужас.

– Что с тобой, девочка моя? – воскликнула ее мать, бросаясь к ней, а Джо попыталась отобрать у нее листок, причинивший какое-то зло.

– Это все ошибка! Он не мог это мне послать! Ах, Джо, как ты могла такое сделать? – И Мег закрыла лицо руками, рыдая так, словно у нее разрывалось сердце.

– Мег, я ничего не сделала! О чем она говорит? – закричала пришедшая в полное замешательство Джо.

Обычно добрые глаза Мег теперь сверкали гневом. Она вытащила из кармана смятую записку и бросила ее в Джо, говоря с упреком:

– Ты это написала, а дрянной мальчишка тебе помогал. Как могла ты быть такой грубой, Джо, такой низкой и жестокой к нам обоим?

Джо почти не слышала ее слов, так как они с матерью в это время читали записку, написанную чужим почерком:

*Моя дражайшая Маргарет!*

*Я не могу долее скрывать свою страсть и должен узнать мою судьбу прежде, чем возвращусь. Я еще не посмел сказать об этом Вашим родителям, но думаю, что они дали бы свое согласие, если бы узнали, что мы обожаем друг друга. Мистер Лоренс поможет мне получить хорошее место, и тогда, моя прелестная девочка, Вы сделаете меня счастливым. Я умоляю Вас пока ничего не говорить Вашим родным, но пошлите одно слово надежды через Лори Вашему преданному Джону.*

– Ох, ну и злодей же он, хоть и малолетний! Это он мне так решил отплатить за то, что я маме слово дала молчать. Ну и задам же я ему – от всей души, и приведу его сюда – прощения просить! – воскликнула Джо, горя желанием немедленно осуществить правосудие. Однако миссис Марч удержала ее, сказав с таким выражением, какое редко можно было увидеть на ее лице:

– погоди, Джо, прежде всего тебе следует очиститься от обвинения. Ты устраивала столько всяческих проказ, что, я боюсь, ты могла приложить руку и к этой.

– Даю вам слово, мама, я тут ни при чем! Я никогда не видела этой записки раньше и ничего о ней не знаю, и это такая же правда, как то, что я живу на свете, – заявила Джо так серьезно и с такой искренностью, что и мать, и сестра сразу ей поверили. – Если бы я в этом участвовала, я бы это сделала гораздо лучше и в записке был бы какой-то смысл. Мне казалось бы, что вы сразу распознаете, что мистер Брук никак не мог написать бессмыслицу вроде этой, – добавила она, с презрением отбросив бумажку.

– Это похоже на... его почерк, – запинаясь, проговорила Мег, сравнивая эту записку с какой-то другой, которую держала в руке.

– Ах, Мег, ты ведь на ту ему не ответила, правда? – поспешно спросила миссис Марч.

– Да. Я... ответила! – И пристыженная Мег закрыла лицо руками.

– Ну и скандал! Позвольте же мне притащить этого противного мальчишку сюда – пускай объяснится и получит по заслугам! Не успокоюсь, пока он не попадет ко мне в руки! – И Джо снова направилась к двери.

– Тихо! Дайте мне со всем этим разобраться! Все гораздо хуже, чем я думала. Маргарет, расскажи-ка мне все по порядку, – приказала миссис Марч, усаживаясь рядом с Мег и придерживая рукою Джо, чтобы та не умчалась прочь.

– Я получила первое письмо через Лори, было непохоже, что он знает что-нибудь про это, – начала Мег, не поднимая глаз. – Сначала я заволновалась, хотела вам рассказать, потом вспомнила, как вам нравится мистер Брук, и подумала, что вы не рассердитесь, если я немножко – несколько дней – подержу все в секрете. Я такая глупая – мне приятно было думать, что никто ничего не знает, и, пока я решала, что же мне ответить, я чувствовала себя, как те девушки в книжках, которым приходилось так делать по необходимости. Простите меня,

мама, я расплачиваюсь теперь за свою глупость. Я уже никогда не смогу прямо посмотреть ему в глаза.

– Так что же ты ему ответила? – спросила миссис Марч.

– Я написала только, что еще слишком молода, чтобы что-то делать по такому поводу, что не хочу иметь от вас секретов и что ему следует поговорить с папой. Я написала, что очень ему благодарна за доброту и буду ему другом и больше ничего на долгое время.

Миссис Марч улыбнулась, словно была очень этим довольна, а Джо захлопала в ладоши и воскликнула со смехом:

– Ну, ты прямо как Кэролайн Перси<sup>99</sup> – просто воплощенное благоразумие! Дальше, Мег! Рассказывай – что он на это ответил?

– Он пишет совершенно по-иному. Он говорит, что никогда не посылал никаких писем о любви и очень сожалеет, что моя проказливая сестрица Джо позволила себе столь вольно обращаться с нашими именами. Его письмо очень доброе и уважительное, но подумать только, как все это ужасно для меня!

И Мег склонилась к материнскому плечу в безысходном отчаянии, а Джо, сердито топая, зашагала по комнате, всячески браня Лори. Вдруг она резко остановилась, схватила оба письма и, внимательно их просмотрев, решительно заявила:

– Я думаю, Брук ни одного из них и в глаза не видал. Тедди написал оба сам и оставил у себя твое, Мег, чтобы поиздеваться надо мной за то, что я не открыла ему мой секрет.

– Незачем тебе иметь секреты, Джо! Расскажи его маме и избавься от всякого беспокойства, – предостерегающим тоном посоветовала Мег.

– Спасибо, деточка! Этот секрет мама мне сказала.

– Довольно, Джо! Я успокою Мег, а ты тем временем пойдешь за Лори и приведи его сюда. Я выясню все досконально и тотчас положу конец таким проделкам.

И прочь умчалась Джо, а миссис Марч тихо и мягко стала рассказывать Мег о том, что на самом деле чувствует к ней мистер Брук.

– А теперь, дорогая, скажи, что чувствуешь к нему ты? Любишь ли ты его настолько, чтобы подождать, пока он создаст для тебя домашний очаг, или ты хочешь остаться пока совершенно свободной?

– Я так напугана и так переволновалась за это время, что теперь не желаю слышать ни о каких любовных делах и о возлюбленных, а может, и вообще никогда больше не захочу! – тоном капризного ребенка ответила Мег. – Если Джон ничего об этой глупости не знает, не надо ему рассказывать, а Джо с Лори надо заставить держать язык за зубами. Я не позволю, чтобы мне досаждали, обманывали меня или считали душой. Стыд какой!

Видя, что обычно кроткий нрав Мег взбудоражен, а гордость ее уязвлена этой озорной проделкой, миссис Марч постаралась успокоить дочь, посоветовав ей не говорить о случившемся никому на свете и в будущем быть особенно осмотрительной. Как только в прихожей раздались шаги Лори, Мег поспешила укрыться в отцовском кабинете, и миссис Марч принимала виновника происшедшего в одиночестве.

Джо не сказала ему, почему он вдруг потребовался, из опасения, что он может не согласиться пойти, но он все понял в ту самую минуту, как увидел лицо миссис Марч, и остановился, вертя в руках шляпу с виноватым видом, тотчас же его выдавшим. Джо сказали, что она может быть свободна, но она предпочла остаться шагать взад и вперед по прихожей, словно солдат на часах, немного страшась, что пленник может сбежать. Голоса в гостиной звучали то громче, то

---

<sup>99</sup> *Кэролайн Перси* – героиня весьма популярного в США романа анонимного автора, издававшегося в 1848 и 1865 гг. под названием «Уилфред Монтрессор, или Тайный Орден Семерых». Роман автора книг «Абель Парсонс, или Месть Братьев», «Флоренс де Лейси» и др.

тише, и продолжалось это не менее получаса, но что там происходило во время этой встречи, Мег и Джо так никогда и не узнали.

Когда же девочек туда позвали, Лори стоял рядом с их матушкой, а лицо его было полно такого раскаяния, что Джо тут же его простила, однако подумала, что будет не так уж умно прилюдно обнаружить этот факт, а Мег приняла его смиренные просьбы о прощении и была весьма утешена его заверениями, что Брук ничего не знал о его проделке.

– Я никогда ему не скажу об этом – до самого моего смертного часа, даже табун диких коней не вытрясет из меня эту тайну, так что вы простите меня, Мег, а я вывернусь наизнанку, чтобы доказать вам, как мне жаль, что я это сделал! – произнес он, всем своим видом показывая, как ему стыдно за себя.

– Я попытаюсь простить вас, только это было сделано так не по-джентльменски, я бы и подумать не могла, что вы способны совершить такой коварный и злой поступок, Лори! – ответила Мег, которая старалась скрыть свое смущение, напустив на себя мрачно-укоризненный вид.

– Это было совершенно отвратительно, и я заслуживаю того, чтобы вы со мною не разговаривали целый месяц, но ведь вы все равно будете, правда? – И Лори таким умоляющим жестом сложил руки и таким неотразимо убедительным тоном говорил это, что было невозможно хмуриться и сердито глядеть на него, несмотря на его скандалёзное поведение.

Мег его простила, и напряженное выражение лица миссис Марч сменилось на обычное доброжелательное, несмотря на ее усилия выглядеть суровой, когда она услышала его заверения в том, что он постарается любыми способами искупить свою вину и станет пресмыкаться, словно червь во прахе, пред девицею, им оскорбленной.

Джо стояла, отчужденно молча, пытаясь ожесточить свое сердце против Лори, но преуспела лишь в том, чтобы лицо ее приняло выражение крайнего неодобрения. Лори глянул на нее раз-другой, и, поскольку она не смягчилась, он почувствовал себя уязвленным и повернулся к ней спиной, а когда Мег с матушкой оставили его в покое, он отвесил ей низкий поклон и вышел, не промолвив ни слова.

Однако стоило ему уйти, как Джо тут же пожалела, что была так непростительно неуступчива, и, когда Мег и матушка отправились наверх, она почувствовала себя ужасно одинокой и затосковала о Тедди. Посопротивлявшись некоторое время, она все-таки уступила соблазну и, вооружившись книгой, которую следовало возвратить, направилась к большому дому.

– Что, мистер Лоренс дома? – осведомилась она у горничной, спускавшейся по лестнице.

– Да, мисс, но я не думаю, что его сейчас можно будет увидеть.

– Отчего же нет? Он заболел?

– Нет, что вы, мисс! Просто у них была сцена с мистером Лори, у которого сегодня из-за чего-то опять приступ раздражения, а это выводит старого джентльмена из себя, так что я не смею к нему даже близко подходить.

– А Лори где?

– Заперся у себя наверху и никак не откликается, хоть я стучала-стучала! И не знаю, что с обедом-то будет, он ведь готов, а есть его некому.

– Пойду посмотрю, в чем там дело. Я их не боюсь – ни того ни другого.

И Джо зашагала наверх. Там она энергично постучала в дверь маленького кабинета Лори.

– Прекратите, не то я выйду, и вы у меня получите!

Джо немедленно постучала снова.

Дверь распахнулась, и девочка влетела в комнату прежде, чем Лори успел оправиться от изумления. Увидев, что он действительно выведен из себя, Джо, зная, как нужно с ним управляться, приняла сокрушенный вид и, театрально опустившись на колени, смиренно произнесла:

– Пожалуйста, простите меня за то, что я была так сердита! Я пришла восстановить мир и не могу уйти, пока этого не сделаю.

– Хорошо. Встаньте. И не стройте из себя глупую гусыню, Джо, – последовал кавалерственный ответ на ее петицию.

– Благодарю вас. Не буду. Могу ли я спросить, что случилось? Непохоже, чтобы у вас было очень легко на душе.

– Мне задали трепку, и терпеть это я не желаю.

– Кто же вам ее задал? – Вопрос Джо прозвучал очень настоятельно.

– Мой дед. Если бы это был не он, я бы... – И оскорбленный юноша закончил свою фразу энергичным жестом правой руки.

– Подумаешь! Я сама часто задаю вам трепку – вы же ничего не имеете против! – успокаивающим тоном произнесла Джо.

– Оставьте! Вы – девушка, и мы просто забавляемся. Мужчине я этого никогда не позволю!

– Ну, я думаю, никто и не осмелится даже попробовать, если вы будете так похожи на грозовую тучу, как сейчас. Почему же с вами так обошлись?

– Только потому, что я не захотел сказать, зачем ваша матушка меня звала. Я же обещал никому не говорить и, разумеется, не собирался нарушить слово.

– А вы не могли как-то иначе ответить дедушке, чтобы его удовлетворить?

– Нет. Ему нужна была правда, вся правда, и ничего, кроме правды<sup>100</sup>. Я бы рассказал ему о своей роли в том скандале, если бы мог обойтись без упоминания Мег. А так как я не мог, я держал язык за зубами и выносил брань, пока старый джентльмен не схватил меня за шиворот. Тогда я сбежал, испугавшись, что потеряю самообладание.

– Нехорошо получилось. Но он жалеет об этом, я уверена. Так что пойдите к нему и помиритесь. Я вам помогу.

– Да пусть меня сначала повесят! Я не допущу, чтобы меня тут отчитывали и колошматили все, кому не лень, за пустые проделки. Я жалею, что так обошелся с Мег, и я извинился, как и подобает мужчине, но я бы не сделал этого, если бы не был не прав, и никогда не сделаю.

– Он же этого не знал.

– Ему следовало бы мне доверять и не относиться ко мне как к малому ребенку. Это бессмысленно, Джо! Ему надо понять, что я способен уже сам о себе позаботиться и не нуждаюсь в чьих-то тесемках от фартука, чтобы за них цепляться и не падать при ходьбе!

– Ну и перчик же вы, скажу я вам! – вздохнула Джо. – Как вы предполагаете все это уладить?

– Ну, ему следовало бы извиниться и поверить мне, когда я говорю, что не могу сказать ему, о чем весь этот сыр-бор.

– Да что вы?! Он этого не сделает.

– Без этого я к нему не пойду.

– Погодите, Тедди, будьте же благоразумны! Не обращайтесь на это, а я вам объясню, что сумею. Вы ведь не можете вечно оставаться здесь, наверху, так что нет смысла устраивать мелодраму.

– А я и не предполагаю здесь долго оставаться. Ни в коем случае. Я выберусь отсюда потихоньку и отправлюсь куда-нибудь путешествовать, а когда дед меня хватится, он быстро утихомирится.

– Скорее всего. Только вам не следовало бы уезжать и заставлять его волноваться.

---

<sup>100</sup> ...*правда, вся правда, и ничего, кроме правды*. – Сердитый Лори повторяет формулу, обычно произносимую в виде клятвы на Библии свидетелями в судебных процессах.



– Хватит мне проповеди читать, Джо. Поеду в Вашингтон к Бруку. Там весело, и я прекрасно проведу время после всех этих треволнений.

– Ох и весело же вам там будет! Я бы тоже хотела сбежать туда! – воскликнула Джо, позабыв о взятой на себя роли ментора, сразу заслонившейся яркими картинками «боевой» жизни в столице.

– Так поедем тогда! Почему бы и нет?! Поезжайте, устройте сюрприз вашему батюшке, а я расшевелю старину Брука, вот ведь славная выйдет шутка! Давайте, Джо! Мы оставим письмо, что с нами все в порядке, и тотчас пустимся в бега. Денег у меня хватит. А вам это пойдет не во вред, а только на пользу, раз вы едете к вашему отцу.

С минуту казалось, что Джо готова согласиться, ибо, каким бы безумным ни выглядел этот план, он вполне пришелся ей по нраву. Она устала от забот, от долгого заточения, ей хотелось какой-то перемены, а мысли об отце соблазнительно смешивались с новыми, влекущими к себе возможностями – бивуаками, госпиталями, свободой и веселым времяпрепровождением. Ее глаза загорелись и мечтательно обратились к окну, но там пред ними предстал старый дом, и Джо покачала головой, приняв горестное решение:

– Если бы я была мальчишкой, мы убежали бы вместе и провели бы время с блеском. Но я всего лишь злосчастная девчонка, я должна вести себя как подобает и сидеть дома, у очага. Не соблазняйте меня, Тедди, это просто безумный план.

– В том-то и прелесть! – начал Лори, охваченный приступом своеволия, стремлением вырваться за все и всяческие пределы.

– Да замолчите вы или нет?! – вскричала Джо, затыкая уши. – Моя судьба – жеманство да кокетство, и мне, видно, придется с этим смириться. Я пришла к вам мораль читать, а не слушать о том, чтобы бежать отсюда вприпрыжку!

– Я был уверен, что Мег напрочь заклеяла бы такое предложение, но думал, что у вас-то хватит на это духу... – вкрадчиво начал Лори.

– Замолчите, дурной мальчишка! Лучше сядьте и подумайте о своих грехах, вместо того чтобы заставлять меня совершать новые! Если я добьюсь, чтобы ваш дедушка извинился за трепку, вы согласитесь не убежать? – вполне серьезно спросила Джо.

– Да, только вам этого никогда не добиться, – ответил Лори, желавший примирения, но ощущавший, что его оскорбленное достоинство должно быть прежде умиротворено.

– Если я могу управляться с младшим, то смогу сладить и со старшим, – пробормотала себе под нос Джо, выходя из кабинета, где остался Лори, склонившийся над картой железных дорог и подпиравший буйную голову обеими руками.

– Войдите! – Неприятливый голос мистера Лоренса звучал еще неприятливее, чем обычно, когда Джо осторожно постучала в его дверь.

– Это только я, сэр, пришла вернуть вам книгу, – тихо сказала Джо, входя в кабинет.

– Какую-нибудь еще хотите? – спросил старый джентльмен. Выглядел он мрачным и сердитым, но старался этого не показывать.

– Да, если можно. Мне очень понравился старина Сэм. Я думаю, может, мне второй том почитать? – отвечала Джо, надеясь расположить к себе старого джентльмена, приняв вторую дозу босуэлловского «Джонсона»<sup>101</sup>, поскольку именно мистер Лоренс рекомендовал ей это веселенькое произведение.

Нахмуренный лоб несколько разгладился, когда мистер Лоренс подкатил лесенку к шкафу, где размещалось литературное наследие Джонсона и книги о нем. Джо быстро вскочила на самый верх лесенки и, усевшись там, сделала вид, что ищет нужный том, однако на самом деле раздумывала над тем, как лучше всего приступить к достижению опасной цели ее

---

<sup>101</sup> ...приняв вторую дозу босуэлловского «Джонсона»... – Джеймс Босуэлл (1740–1795) – шотландский писатель, мемуарист, более всего известный двухтомным романом-биографией «Жизнь Сэмюэла Джонсона» (1791).

визита. Казалось, мистер Лоренс уже заподозрил, что в голове у нее кое-что заваривается, так как, проделав несколько быстрых кругов по кабинету, он повернулся к ней и заговорил так неожиданно, что «Расселас»<sup>102</sup> упал вниз лицом прямо на пол.

– Что такого наделал этот мальчишка? Не пытайтесь его выгораживать. Я знаю, что он напроказил, видел по тому, как он повел себя, когда явился домой. Не могу ни слова из него вытянуть, а когда пригрозил вытрясти из него правду, он удрал наверх и заперся там, у себя.

– Он поступил нехорошо, но мы его простили и все пообещали никому ни слова об этом не говорить, – с видимой неохотой ответила Джо.

– Так не пойдет! Нечего ему укрываться за обещанием, полученным от вас, мягкосердечных девиц: если он сделал что-то неподобающее, он должен в этом признаться, извиниться и понести наказание. Выкладывайте, Джо, этому не следует крыться во мраке.

Мистер Лоренс выглядел таким грозным и говорил так резко, что Джо с радостью бросилась бы прочь, если бы могла, но она сидела на верхушке лесенки, а он стоял у самого ее подножия, словно лев на тропе, так что девочке пришлось остаться на месте и храбро, лицом к лицу, встретить опасность.

– Но на самом деле, сэр, я не могу этого рассказать. Мама нам запретила. Лори во всем признался, попросил прощения и был вполне достаточно наказан. Мы молчим вовсе не для того, чтобы его выгораживать, но чтобы защитить кого-то другого, а если вы вмешаетесь, это лишь принесет еще больше неприятностей. Прошу вас, не делайте этого. Тут есть отчасти и моя вина, но сейчас уже все уладилось. Так что давайте забудем все и лучше поговорим о «Рамблере»<sup>103</sup> или о чем-нибудь приятном.

– Плевать я хотел на «Рамблера»! Слезайте оттуда и дайте мне слово, что этот мой безалаберный мальчишка не оказался неблагодарным или дерзким по отношению к вам. Если он таким оказался, я выпорю его своею собственной рукой!

Это прозвучало как страшная угроза, но Джо нисколько не встревожилась – она была уверена, что старый джентльмен никогда и пальцем не тронет своего внука, пусть даже и говорит обратное. Она послушно сошла с лестнички и постаралась всячески преуменьшить значение мальчишеской проделки, хотя не выдала Мег и нисколько не забыла о том, что случилось на самом деле.

– Хмм... Ну, если мальчишка держал язык за зубами оттого, что дал слово, а не из упрямства, я его прощаю. Он – упрямец, с ним трудно управляться, – сказал мистер Лоренс, ероша волосы на голове так, что стало казаться, будто вокруг него только что бушевала буря, а затем ладонью точно стер хмурость со лба и с облегчением вздохнул.

– Да я и сама такая же, но доброе слово со мною управится легче всего даже там, где вся королевская конница и вся королевская рать не смогут ничего сделать, – провозгласила Джо, пытаясь замолвить словечко за своего друга, который, казалось, то и дело попадал из огня да в полымя.

– Вы полагаете, я к нему недостаточно добр, а? – последовал резкий отклик.

– О нет, сэр, нет! Вы, скорее, слишком добры порой, только потом бываете немножко вспыльчивы, когда он испытывает ваше терпение. Вам не кажется, что так оно и бывает, а, сэр?

Джо твердо решила высказать старому джентльмену все сразу и пыталась казаться совершенно спокойной, хотя во время этой дерзкой речи ее пробирала довольно сильная дрожь.

---

<sup>102</sup> «Расселас» (полное название «История Расселаса, принца Абиссинского», 1759) – роман английского писателя, литературоведа, лексикографа и поэта Сэмюэла Джонсона (1709–1784), автора первого в Великобритании толкового словаря английского языка.

<sup>103</sup> «Рамблер» (англ. gambler – «праздношатающийся») – журнал, выпускавшийся С. Джонсоном в 1750–1752 гг. в Лондоне. Более назидательный, чем развлекательный, журнал не имел успеха и был закрыт, однако его тексты, изданные впоследствии отдельной книгой под тем же названием, имели оглушительный успех.

К величайшему ее облегчению, да и к неменьшему удивлению, старый джентльмен только с грохотом швырнул свои очки на стол и воскликнул с полной откровенностью:

– Вы правы, девочка, это так и есть! Я люблю мальчишку, но он непереносимо испытывает мое терпение, и я знаю, чем это кончится, если так будет продолжаться.

– Я сама вам скажу – он сбежит.

Джо пожалела о своих словах в ту же минуту, как они вылетели у нее изо рта. Ей хотелось предостеречь деда, сказать ему, что его внук не вынесет слишком строгих ограничений, и она надеялась, что тогда старый джентльмен будет более снисходителен к внуку.

Раскрасневшееся лицо мистера Лоренса вдруг резко изменилось, и он опустился в кресло, бросив тревожный взгляд на портрет красивого мужчины, висевший прямо над его столом. Это был портрет отца Лори, в юности сбежавшего из дому и женившегося вопреки депотической воле отца. Джо представилось, что мистер Лоренс вспомнил о прошлом и сильно об этом пожалел, а она пожалела, что заговорила о возможном побеге мальчика.

– Лори этого не сделает, если только очень сильно не разволнуется, он просто иногда грозит этим, когда ему зубрежка надоедает. Мне тоже часто этого хочется, особенно с тех пор, как я волосы остригла, так что, если вы когда-нибудь нас хватите, помещайте объявления про двух мальчиков и разыскивайте их на кораблях, отплывающих в Индию.

Джо говорила все это со смехом, и мистер Лоренс явно почувствовал облегчение, видимо принимая ее речь как шутку.

– Ах вы, дерзкая девчонка! Как вы смеете со мной так разговаривать? Куда подевалось ваше уважение ко мне, куда делось подобающее воспитание?! Паршивые мальчишки и девчонки! Они просто настоящие мучители, и – надо же – мы не можем без них обойтись! – заключил он, добродушно ущипнув Джо за обе щеки. – Пойдите приведите этого мальчишку вниз, обедать, скажите, все уладилось, и посоветуйте ему не напускать на себя трагический вид при его бабушке. Я этого не терплю.

– Он не пойдет, сэр. Он ужасно расстроился, потому что вы ему не поверили, когда он говорил, что не может сказать вам. И я думаю, трепка очень сильно его оскорбила.

Джо старалась напустить на себя жалостливый вид, но, вероятно, это у нее получилось не очень удачно, так как мистер Лоренс рассмеялся, и она поняла, что битва выиграна.

– Я жалею, что так сделал, и должен быть благодарен, что он не задал мне трепку в ответ. Так чего же этот чертенок от меня теперь хочет? – спросил старый джентльмен, видимо несколько устыдившись своей раздражительности.

– На вашем месте я бы написала ему и извинилась, сэр. Он говорит, что не спустится вниз, если этого не случится, и поднимает разговор о Вашингтоне, и строит абсурдные планы. Формальное извинение поможет ему понять собственную глупость, и он явится вниз в добром расположении духа. Попробуйте так. Он любит позабавиться, а этот способ лучше всяких разговоров. Я отнесу записку наверх и научу его поступить как надо.

Мистер Лоренс одарил ее проницательным взглядом и, надевая очки, сказал раздумчиво:

– Вы – хитрая кошечка, но я не против того, чтобы со мною управлялись вы и Бет. Ну-ка дайте мне листок бумаги, и покончим со всей этой ерундой.

Записка была написана в выражениях, какими один джентльмен пользуется после того, как нанес другому тяжелое оскорбление. Джо торопливо поцеловала старого джентльмена в лысинку на макушке, бросилась наверх, чтобы просунуть записку под запертую дверь Лори и через замочную скважину посоветовать ему быть уступчивым, благопристойным... и упомянула еще парочку приятных невозможностей. Обнаружив, что дверь по-прежнему не отпирается, она решила дать записке время самой делать свое дело и уже тихонько направилась прочь, когда юный джентльмен обогнал ее, съехав вниз по перилам лестницы, подождал у последней ступеньки и сказал с самым добродетельным выражением на физиономии, на какое был способен:

– Ох и молодчина же вы, Джо! На вас накричали? – добавил он, посмеиваясь.

– Нет. Он был довольно покладист, в общем и целом.

– А-а! Так это я все получил сполна. Даже вы меня бросили там, наверху, и я уже просто был готов пойти ко всем чертям, – заговорил Лори довольно жалобным тоном.

– Не надо так говорить, лучше переверните страницу, Тедди, и давайте-ка начните новую жизнь, сын мой!

– Да я только и делаю, что переворачиваю страницы и порчу их, как портил в школьных тетрадках, и уже столько раз начинал сначала, что и конца не видать! – последовал меланхолический ответ.

– Идите-ка съешьте свой обед – вы почувствуете себя гораздо лучше! Мужчины вечно ворчат, когда голодны. – И с этими словами Джо выскочила за дверь дома.

– Это она «клеит» на мою «секту», – произнес Лори, подражая Эми и направляясь в столовую – участвовать в сцене смирения гордыни вместе с дедом, который весь остаток дня был просто ангельски кроток и проявлял к внуку всяческое уважение. (Мои читатели, конечно, успели догадаться, что последнее высказывание Лори означало: «Она клеветает на мужскую касту».)

Все полагали, что тем дело и кончилось и маленькая тучка рассеялась, но вред был нанесен, и хотя другие скоро забыли об этом, Мег забыть не смогла. Она больше никогда не упоминала об определенном человеке, но очень много о нем думала, видела о нем сны чаще, чем прежде, а однажды Джо, роясь в столе у сестры в поисках марок, нашла клочок бумаги с нацарапанными на нем словами «Миссис Джон Брук», при виде которых она издала трагический стон и швырнула бумажку в огонь камина, чувствуя, что озорство Лори ускорило наступление дня, столь для нее злосчастного.

## Глава двадцать вторая. Душистые луга

Последовавшие затем мирные недели были подобны солнечному сиянию после бури. Здоровье больных улучшалось с каждым днем, и мистер Марч стал поговаривать о возвращении домой в самом начале нового года. Бет уже могла проводить целый день, лежа на диване в кабинете отца, сначала просто забавляясь с котятками, а позже взявшись шить одежды для кукол. В этом занятии чувствовалось сильное отставание. Ее когда-то ловкие пальцы стали такими слабыми и негибкими, что Джо принялась ежедневно «проветривать» сестру,нося ее на своих сильных руках по всему дому. Мег весело коптила и обжигала свои беленькие ручки, готовя для «нашей любимицы» изысканные блюда, тогда как Эми, преданная рабыня кольца, ознаменовала свое возвращение домой тем, что раздала сестрам столько всего из своих сокровищ, сколько смогла уговорить их принять.

С приближением Рождества в доме, как обычно, начали возникать таинственные явления, и Джо часто доводила все семейство до конвульсий, предлагая устроить либо совершенно невозможные, либо великолепно абсурдные церемонии в честь сего необыкновенно веселого Рождества. Лори был равно непрактичен, он желал бы разжигать костры, и запускать в небо ракеты, и воздвигать триумфальные арки, дай только ему волю. После множества стычек и язвительных замечаний амбициозную парочку сочли вполне укрощенной, они оба ходили с огорченными лицами, которым несколько противоречили взрывы смеха, раздававшиеся, как только эти двое оказывались вместе.

Несколько дней необычайно мягкой погоды явились прелестным введением к велико-лепному Дню Рождества. Ханна «прямо у себя в костях чувствовала», что это будет необыкновенно прекрасный день, и оказалась поистине пророчицей, так как всё и вся словно стоворились приносить успех. Начать хотя бы с письма мистера Марча, где он писал, что «скоро будет с ними», следом за этим Бет утром почувствовала себя непривычно хорошо и, облаченная в подарок маменьки – мягкий темно-красный пеньюар из мериносовой шерсти, была с высочайшей торжественностью поднесена к окну гостиной, чтобы узреть совместное творение Джо и Лори. «Неукротимые» сделали все возможное, чтобы оказаться достойными этого наименования, ибо, словно эльфы, они работали ночью и создали смешной сюрприз. За окнами, в саду, стояла величавая снежная баба, увенчанная короной из ветвей остролиста, держащая в одной руке корзинку с фруктами, а в другой – большой свиток нот; на ее холодных плечах совершенной радугой сиял вязанный шерстяной плед, а из губ исходил рождественский гимн на длинной розовой ленте.

### БЕТ ОТ ЮНГФРАУ

Благословение тебе, о королева Бесс!  
И пусть ничто тебя не огорчает.  
Здоровье и покой, сияние небес  
В День Рождества и впредь тебя встречают.  
Вот фрукты – нашей пчелке неустанной,  
Цветы – порадовать ее носишко,  
И ноты, чтоб не смолкло фортепьяно,  
И плед, чтоб пальцы ног не мерзли слишком.  
А вот портрет Джоанны – посмотри:  
Он – кисти Рафаэля № 2,  
Трудились Рафаэль не день, не два, не три

И верен был натуре, как всегда.  
И ленту алую, прошу, прими скорей,  
Для хвостика твоей Мадам Мурлуки,  
Монблан мороженого в маленьком ведре,  
Его готовили прелестной Пегги руки.  
В мою вложили грудь, холодную, из снега,  
Создатели мои любовь, что сердце жжет!  
Прими ее и гор Альпийских деву  
От любящих тебя – от Лори и от Джо.

Как же смеялась Бет, когда она это все увидела, как бегал Лори вверх-вниз, вверх-вниз, внося в дом подарки, и какие смешные речи произносила Джо, преподнося их!

– Я так переполнена счастьем, что – если бы еще и папа был с нами – я больше бы ни капельки не выдержала! – вымолвила Бет, чуть ли не задыхаясь от удовольствия, когда Джо несла ее прочь от окна в кабинет – отдохнуть от волнений и поддержать силы восхитительным виноградом, присланным ей от «Юнгфрау»<sup>104</sup>.

– И я тоже, – заявила Джо, похлопывая по карману, где покоились столь давно желаемые «Ундина и Синтрам».

– А я-то! – эхом отозвалась Эми, указывая на гравюру «Мадонна с Младенцем» в прелестной рамке, подаренную ей мамой.

– Так и я, конечно же! – воскликнула Мег, разглаживая серебристые складки первого в жизни шелкового платья, принять которое настоятельно просил мистер Лоренс.

– А как могла бы я чувствовать себя иначе? – благодарно произнесла миссис Марч, переводя взгляд с письма мужа на улыбающееся лицо Бет, в то время как рука ее нежно поглаживала брошь, сделанную из седых, золотистых, каштановых и почти черных волос, которую ее дочери только что приколоты ей на грудь.

В нашем прозаичном повседневном мире время от времени случаются сказочно великолепные вещи, и какое же это утешение! Буквально через полчаса после того, как все объявили, что они так счастливы, что смогут выдержать только еще одну капельку счастья, эта капелька и явилась. Лори приоткрыл дверь гостиной и тихонько просунул в щель голову. Он мог бы с таким же успехом пройтись колесом и издать индейский боевой клич, потому что лицо его так явно говорило о подавляемом возбуждении, а голос был так предательски радостен, что все вскочили со своих мест, хотя он произнес всего-навсего: «Вот еще один рождественский подарок для семейства Марч».

Прежде чем эта фраза была толком завершена, говорящего куда-то вытащили из двери, и на его месте возник высокий человек, закутанный до самых глаз и опирающийся на руку другого высокого человека, который порывался что-то вымолвить, но не мог. Разумеется, началась всеобщая суматоха, и на протяжении нескольких минут казалось, что все и каждый сошли с ума, ибо творились странные вещи, но никто и слова не произнес.

Мистер Марч исчез из вида в объятиях четырех пар любящих рук. Джо покрыла себя позором, чуть было не упав в обморок, и Лори пришлось оказывать ей медицинскую помощь в чулане для столовой посуды. Мистер Брук расцеловал Мег исключительно по ошибке, как он это несколько невразумительно объяснил. А полная собственного достоинства Эми полетела, споткнувшись о скамеечку, и, не сумев нигде остановиться, самым трогательным образом расплакалась над папенькиными башмаками. Миссис Марч первой пришла в себя и предостерегающе подняла руку:

– Тише! Подумайте о Бет!

---

<sup>104</sup> *Юнгфрау* (нем. Jungfrau) – дева; название горы в Альпах.

Но было уже поздно. Дверь кабинета распахнулась, маленький красный пеньюар возник на пороге, радость наполнила силой ослабевшие члены, и Бет бросилась прямо в объятия отца. И не существенно, что произошло сразу после этого, потому что полные сердца перелились через край, и это смыло всю горечь прошлых дней, оставив лишь сладость настоящего.

И хотя еще одно новое впечатление было вовсе не так романтично, смех от души снова привел всех в чувство, ибо они обнаружили, что Ханна рыдает над упитанной индейкой, которую она забыла поставить, когда побежала из кухни наверх.

Смех наконец утих, и миссис Марч принялась благодарить мистера Брука за ту преданную заботу, с которой он ухаживал за ее мужем, и тут мистер Брук неожиданно спохватился, что мистер Марч нуждается в отдыхе, и, схватив Лори, стремительно удалился. Затем двум пациентам было велено тотчас отправиться отдыхать, что они и сделали, усевшись вместе в большое кресло и принявшись неумолчно разговаривать.

Мистер Марч рассказывал, как он мечтал сделать им сюрприз и как, когда началась хорошая погода, его врач разрешил ему воспользоваться этой удачей; как преданно помогал ему мистер Брук и какой он вообще достойный и честный молодой человек. Почему мистер Марч как раз на этом месте вдруг на миг умолк и взглянул на Мег, яростно ворошившую уголья в камине, а потом устремил взгляд на жену и вопросительно поднял брови – догадываться об этом я оставляю вашему воображению. Как и о том, почему миссис Марч только чуть кивнула и спросила довольно неожиданно, не хочет ли он чего-нибудь поесть. Джо увидела и поняла этот взгляд и мрачно зашагала прочь – принести вино и крепкий бульон. Закрывая дверь, она пробурчала про себя:

– Терпеть не могу достойных молодых людей с карими глазами!

Никогда еще в этом доме не бывало такого рождественского обеда, как в тот день. Упитанная индейка – о, это надо было видеть! Ханна доставила ее наверх фаршированную, подрумяненную и украшенную. Столь же прекрасен был и пудинг, таявший во рту. И разнообразные желе, которыми Эми наслаждалась, точно мушка в банке с медом. Все вышло просто прекрасно, и это была поистине «милость Господня», как выразилась Ханна.

– У меня так ум расшелся, ма-ам, что прям чудо, что я пудин в печи не запекла<sup>105</sup> да индюшку изюмом не нафаршила и полотном не обернула.

Мистер Лоренс и его внук обедали с ними, как и мистер Брук, на которого, к великому и тайному удовольствию Лори, бросала мрачно-сердитые взгляды Джо. Два глубоких кресла стояли бок о бок во главе стола, в них сидели Бет и ее папенька, скромно угощавшиеся цыпленком и небольшой порцией фруктов. Все пили за здоровье друг друга, рассказывали всяческие истории, пели песни, обменивались воспоминаниями, как выражаются старожилы, и прекрасно провели время. Планировалось катание на санях, но девочки не захотели оставить отца, так что гости рано ушли, и, когда сгустились сумерки, счастливое семейство собралось вокруг камина.

– Ровно год тому назад мы тут стонали по поводу мрачного Рождества, какого мы тогда ожидали. Помните? – спросила Джо, нарушив недолгое молчание, воцарившееся после беседы об очень многом.

– А получился очень приятный год – в целом! – сказала Мег, улыбаясь огню в камине и поздравляя себя с тем, что вполне достойно обошлась с мистером Бруком.

– А мне кажется, он был очень тяжелым, – заметила Эми, задумчивым взглядом следя за бликами света на бирюзовом кольце.

– Я рада, что он закончился, потому что мы получили вас обратно, – прошептала Бет, сидевшая на коленях у отца.

<sup>105</sup> ...пудин в печи не запекла... – Рождественский пудинг готовится на водяной бане.

– Вам досталась довольно ухабистая дорога, маленькие мои пилигримы, особенно в последней части пути. Но вы храбро ее преодолевали, и я думаю, ваши котомки с бременами наверняка вот-вот свалятся с ваших плеч, – сказал мистер Марч, с отеческим удовольствием глядя на юные лица дочерей, теснившихся вокруг него.

– Откуда же вы про это знаете? Мама вам рассказала? – спросила Джо.

– Не очень подробно. Да ведь соломинки подскажут, куда путь ветра ляжет, и я сделал сегодня несколько открытий.

– Ой, расскажите нам какие! – вскричала Мег и села поближе к отцу.

– Вот одно. – И, взяв руку, лежавшую на подлокотнике его кресла, он указал на огрубевший указательный палец, ожог на ее тыльной стороне и два-три затвердения на ладони. – Я помню время, когда эта ручка была белой и гладкой, и твоей первой заботой было сохранить ее такой. Она была тогда очень красива, но для меня она сейчас гораздо красивее, так как в этих кажущихся недостатках я читаю маленькую повесть. Жертвенное всесожжение тщеславия – вот что было совершено тобою, отвердевшая ладонь заслужила нечто большее, чем волдыри, и я уверен, что шитье, сотворенное этими исколотыми пальчиками, очень долго не износится – столько добра войдет в эти стежки. Мег, милая моя, я очень ценю женские умения, которые делают дом счастливым гораздо успешнее, чем беленькие ручки или модные «достоинства благовоспитанной девицы». Я горжусь тем, что могу пожалть эту добрую, трудолюбивую ручку, и надеюсь, что меня не скоро попросят отдать ее кому-то другому.

Если Мег и желала награды за часы терпеливого труда, она получила ее в виде сердечного пожатия отцовской руки и одобрительной улыбки, которой он одарил свою старшую дочь.

– А как насчет Джо? Прошу вас, скажите что-нибудь, она так старалась и была так добра, так добра ко мне! – прошептала Бет на ухо отцу.

Мистер Марч рассмеялся и взглянул на рослую девушку, сидевшую напротив него с необычным для нее мягким выражением на лице.

– Несмотря на курчавую шевелюру, я больше не вижу «сынишку Джо», оставленного здесь, когда я уезжал в армию год тому назад, – сказал мистер Марч. – Я вижу юную леди, которая аккуратно пристегивает воротничок, тщательно шнурует башмаки и не только не пытается свистать, но и не пользуется жаргоном, не валяется на ковре, как частенько бывало раньше. Сейчас лицо у нее довольно худое и бледное от бессонных ночей и тревожных волнений, но мне нравится смотреть на него – оно стало нежнее, а ее голос звучит мягче. Она не скачет, ее движения спокойны, и она по-матерински заботится о некоей маленькой особе, что приводит меня в восхищение. Я, пожалуй, скучаю по своей необузданной девчонке, но, если у меня вместо нее появится сильная, всегда готовая помочь мягкосердечная женщина, я буду вполне доволен. Не знаю, стрижка ли отрезвила нашу черную овечку, но знаю зато, что во всем Вашингтоне я не смог найти ничего достаточно красивого, что стоило бы купить за чудесные двадцать пять долларов, присланных мне моей доброй дочерью.

Ясные глаза Джо на миг затуманились, а худое лицо порозовело при свете камина, когда она слушала хвалебные слова отца, чувствуя, что они – отчасти – ею заслужены.

– А теперь – про Бет, – проговорила Эми, страстно желавшая услышать о себе, но готовая подождать.

– От нее так мало осталось, что я боюсь много говорить – вдруг она совсем ускользнет, хотя она теперь уже не так застенчива, как раньше, – начал их отец довольно весело. Однако, вспомнив, что чуть было ее не потерял, он крепко обнял девочку и сказал нежно, прижавшись щекой к ее щеке: – Я нашел тебя благополучной, когда опасность уже миновала, моя Бет, и, Бог даст, смогу уберечь тебя и дальше!

После минутной паузы он взглянул вниз, на Эми, которая сидела на скамеечке у его ног, и заговорил, поглаживая ее блестящие кудряшки:



– Я заметил, что Эми за обедом брала ножки, что она выполняла поручения мамы, вечером уступила свое место Мег и ухаживала за всеми терпеливо и с добрым расположением духа. Я также замечаю, что она не очень раздражается и не слишком часто смотрится в зеркало, а о красивом колечке, которое она теперь носит, даже ни разу и словом не обмолвилась, так что я заключил, что она научилась думать о других больше, а о себе меньше и решила попытаться вылепить свой характер так же тщательно, как она лепит свои фигурки из глины. Я радуюсь этому, потому что, хотя я весьма гордился бы изящной статуей, сотворенной руками Эми, я был бы бесконечно более горд достойной любви дочерью, обладающей талантом сотворить красивую жизнь для себя и для других.

– О чем ты задумалась, Бет? – спросила Джо после того, как Эми, поблагодарив отца, рассказала о своем кольце.

– А я сегодня прочла в «Путешествии пилигрима», как после многих бед Христианин и Уповающий вышли на душистый зеленый луг, где лилии цветут целый год напролет, и там они радостно отдыхали – вот как мы сейчас, – прежде чем продолжить путь к цели своего путешествия, – отвечала Бет и добавила, выскальзывая из объятий отца и направляясь к роялю: – Время петь. Я хочу вернуться на свое всегдашнее место. Я попробую спеть песенку пастушка, которую слышали пилигримы. А мелодию я сочинила для папы, потому что ему нравятся эти стихи.

И так, сидя за любимым маленьким роялем, Бет мягко тронула клавиши и нежным голоском, которого они уже не надеялись вновь услышать, под собственный аккомпанемент запела странный старинный псалом, который оказался необычайно подходящей песней для этой девочки:

Тот, кто внизу, не боится паденья,  
Тот, кто унижен, – не горд,  
Тот, кто смиренен, верь без сомненья –  
Ведет тебя за руку Бог.  
Я доволен тем, что имею,  
Мало иль много – не стану считать,  
Ведь к тем, кто доволен, придет благодать –  
Таких Ты желаешь спасать.  
Изобилие – тяжкая ноша для тех,  
Пилигримом кто хочет стать,  
В этой жизни – нужда, но из века в век  
За Пределом нас ждет благодать!

## Глава двадцать третья. Тетушка Марч решает вопрос

На следующий день жена и дочери кружили около мистера Марча, словно пчелы, роящиеся вокруг матки, забросив все ради того, чтобы осмотреть, обслужить и послушать своего нового пациента, которому теперь явно грозила гибель от доброты. Обложенный подушками, он сидел в глубоком кресле рядом с диваном Бет, а три ее сестры находились тут же, и Ханна то и дело просовывала в дверь голову «глянуть на дорогого человечка», и казалось, что ничего более не требовалось им для полного счастья. Однако что-то все же требовалось, и старшие это ощущали, хотя никто в том не признавался. Мистер и миссис Марч с волнением переглядывались между собой, внимательно следя за Мег; на Джо находили неожиданные приступы задумчивости, и было замечено, что она порой грозит кулаком зонтику мистера Брука, забытому им в прихожей. Мег пребывала в рассеянности, была застенчива и молчалива. Она вздрагивала, когда раздавался звонок в дверь, и краснела, когда упоминалось имя Джон. Эми говорила: «Кажется, все чего-то ждут, и это очень странно – ведь папа уже в безопасности, и он с нами!» – а Бет наивно интересовалась, почему это соседи не забегают к ним, как обычно бывало.

Во второй половине дня Лори проходил мимо их дома и, увидев Мег у окошка, был, видимо, охвачен мелодраматическим порывом, так как вдруг умоляюще опустил на одно колено, как бы прося о какой-то милости. А когда Мег велела ему вести себя как подобает и уйти, он выжал воображаемые слезы из якобы промокшего носового платка и, пошатываясь, скрылся за углом в притворном отчаянии.

– И что только этот гусеныш имел в виду, хотела бы я знать?! – сказала Мег, пытаясь сделать вид, что ничего не понимает.

– Он показывает, как со временем поведет себя твой Джон. Трогательно, правда? – презрительно ответствовала Джо.

– Не надо говорить «мой Джон», это неприлично, и это неверно. – Однако голос Мег как-то задержался на этих двух словах, будто их звучание было ей приятно. – Очень прошу, не дразни меня, Джо, я же тебе говорила, он мало меня занимает, и тут не о чем разговаривать, только мы все должны быть друзьями и вести себя, как всегда.

– Да ведь не можем уже! Что-то все-таки было сказано, и проделка Лори тебя ужасно испортила – в том, что касается меня. Я это вижу, и мама тоже. Ты же стала совсем другая, на себя ничуть не похожа и кажешься такой далекой от меня. Я вовсе не собираюсь тебя дразнить и все вынесу, как подобает настоящему мужчине, но мне хочется, чтобы все уже окончательно решилось. Терпеть не могу ждать! Так что, если ты намерена это сделать, поторопись и быстро покончи с этим, – раздраженно проговорила Джо.

– Но я же ничего не могу сказать, пока он не скажет, а он не скажет, потому что папа утверждает, что я слишком молода, – начала Мег, склоняясь над шитьем со странной полуулыбкой, как бы говорившей, что в этом пункте она не вполне согласна с отцом.

– Да ведь если бы он заговорил, ты бы не знала, что ответить, и только заплакала бы, или покраснела, или позволила бы ему поступать, как ему самому угодно, вместо того чтобы сказать хорошее, решительное «нет!».

– Я не так глупа и не так слаба, как ты полагаешь. Я знаю, что именно мне следует сказать, потому что я это все спланировала, чтобы не быть захваченной врасплох. Никогда ведь не знаешь, что может случиться, и я хотела быть готовой.

Джо не сумела сдержать улыбку при взгляде на важный вид, бессознательно принятый Мег, когда она произносила эти слова: он очень шел к ней, так же как милый румянец, то и дело менявший оттенок ее щек.

– А ты не против того, чтобы сказать мне, что ты ему ответишь? – спросила Джо более уважительным тоном.

– Вовсе нет. Тебе уже шестнадцать, ты достаточно взрослая, чтобы быть моей наперсницей, а мой опыт может со временем оказаться тебе полезен в твоих собственных делах такого рода.

– Не собираюсь иметь дела такого рода. Забавно смотреть, как другие флиртуют, только я буду чувствовать себя последней душой, если придется делать это самой, – заявила Джо с довольно встревоженным видом.

– Думаю, нет, если тебе кто-то очень сильно понравится, а ты понравишься ему. – Мег говорила словно сама с собой и посматривала за окно, в переулок, где в летние вечера она частенько видела парочки, гулявшие там в сумерках.

– Я так поняла, что ты собираешься сообщить мне свой ответ этому человеку, – грубо прервала Джо мечтания сестры.

– О, мне просто следует ответить совершенно спокойно и решительно: «Благодарю вас, мистер Брук, вы очень любезны, но я согласна с папой, что пока еще слишком молода, чтобы связывать себя каким-то образом, поэтому прошу вас ничего больше об этом не говорить, и давайте останемся друзьями, какими мы были до сих пор».

– Гмм, это жестко и достаточно холодно! Не верю, что тебе удастся это произнести, и знаю, что он не будет удовлетворен, если ты это скажешь. Если он станет продолжать, как обычно делают отвергнутые любовники в книгах, ты ведь наверняка уступишь, чтобы не ранить его чувства.

– Нет, я не уступлю. Я скажу ему, что я так решила, и с достоинством выйду из комнаты.

Говоря это, Мег поднялась и уже собиралась прорепетировать достойный уход, когда шаги в коридоре заставили ее броситься на свое место и приняться за шитье столь поспешно, словно ее жизнь зависела от того, закончит она именно этот шов в данное время или нет. Джо подавила смех, вызванный неожиданной переменой настроения, и, когда кто-то робко постучал в дверь, отворила ее с мрачным видом, весьма мало отдававшим гостеприимством.

– Добрый день! Я зашел забрать свой зонт, то есть посмотреть, как сегодня чувствует себя ваш батюшка, – промолвил мистер Брук, несколько смутившись и переводя взгляд с одного девичьего лица на другое.

– Зонт? Он сегодня очень хорошо. И папа... Он на вешалке, сейчас принесу, я скажу ему, если вы пока посидите здесь.

И Джо, в своем ответе удачно перемешавшая отца с зонтом, выскочила из комнаты, давая Мег возможность произнести заготовленную речь и принять полный достоинства вид. Однако стоило ей исчезнуть, как Мег начала потихоньку, бочком двигаться к двери, бормоча:

– Маменька будет рада повидать вас. Посидите, очень вас прошу, я ее позову.

– Не уходите. Неужели вы меня боитесь, Маргарет? – Мистер Брук выглядел таким обиженным, что Мег испугалась, не поступила ли она слишком грубо. Она покраснела до маленьких завитков на лбу, ибо он никогда еще не называл ее «Маргарет», и удивилась тому, как естественно и сладко ей было слышать, что он это произносит. Стремясь выглядеть дружелюбной и вполне «в своей тарелке», она протянула ему руку и с доверчивым и благодарным видом сказала:

– Как могла бы я вас бояться, когда вы были так добры к моему отцу?! Я хотела бы только выразить вам свою благодарность.

– Можно, я скажу вам, как это сделать? – спросил мистер Брук, удерживая маленькую ручку в обеих своих и глядя сверху вниз на Мег с такой любовью в прекрасных карих глазах, что сердце у нее затрепетало и ей захотелось одновременно и броситься бежать, и остаться слушать.

– О нет, пожалуйста, не надо! Я... лучше не надо, – пробормотала она, пытаясь вытянуть свою ладошку из его рук и испуганно глядя на него вопреки тому, что только что отрицала.

– Я не стану докучать вам. Я только хочу знать, нравлюсь ли я вам хоть немного, Мег. Я так люблю вас, дорогая, – нежно добавил мистер Брук.

Наступил тот самый момент, когда ей следовало произнести ту самую речь, однако Мег ее не произнесла. Она ее забыла напрочь – всю, от слова до слова. Она опустила голову и ответила:

– Я не знаю, – так тихо, что Джон вынужден был наклониться, чтобы разобрать еле слышимый глупенький ответ.

Казалось, он решил, что ответ его устраивает, потому что он улыбнулся, как человек, вполне удовлетворенный, пожал пухленькую ручку и сказал своим самым убеждающим тоном:

– А вы не могли бы попытаться выяснить это? Я так хотел бы это узнать, потому что я не смогу работать в полную силу, если не буду знать, заслужу ли я свою награду в конце концов или нет.

– Я... слишком... молода, – еле выговорила Мег, поражаясь, отчего это она вся дрожит, но тем не менее радуется тому, что происходит.

– Я буду ждать. А тем временем вы, возможно, научитесь меня любить. Ведь это не будет слишком трудным домашним заданием, правда, дорогая?

– Нет, если я сочту это возможным, только...

– Прошу вас, считайте возможным этому научиться, Мег! Ведь я так люблю учить, а это гораздо легче, чем выучить немецкий язык, – перебил ее Джон, заведая ее второй рукой, так что она уже никак не могла спрятать лицо, когда он наклонился, чтобы заглянуть ей в глаза.

Тон мистера Брука был, как и подобает, вполне умоляющим, однако, украдкой бросив на него робкий взгляд, Мег увидела, что глаза его светились не только нежностью, но и весельем, а на губах играла довольная улыбка человека, не сомневающегося в своем успехе. Она почувствовала себя уязвленной. Глупые уроки кокетства, преподанные ей Энни Моффат, пришли ей на ум, и желание властвовать, дремлющее в груди даже самых лучших маленьких женщин, вдруг пробудилось в Мег и завладело всем ее существом. Она почувствовала странное возбуждение и, не зная, как поступить, поддалась капризному порыву, вырвала свои ладони из его рук и произнесла недовольным тоном:

– Нет, не сочту возможным. Пожалуйста, уходите и оставьте меня в покое!

Бедный мистер Брук! Он выглядел так, словно его прелестный воздушный замок рушился прямо ему на голову, так как ему никогда еще не приходилось видеть Мег в таком настроении, и это привело его в полнейшее замешательство.

– Вы говорите это серьезно? – обеспокоенно спросил он, следуя за ней, поскольку она направилась прочь из комнаты.

– Да, серьезно. Я не желаю, чтобы меня беспокоили такими вещами. Папа говорит, что мне это не нужно, что это слишком рано, и я не хочу.

– А разве мне нельзя надеяться, что вы со временем можете передумать? Я буду ждать, не стану ничего говорить, пока не пройдет достаточное для вас время. Не нужно играть со мною, Мег, я такого о вас и подумать не мог.

– А вы и не думайте. Я бы хотела, чтобы вы обо мне вовсе ничего не думали, – заявила Мег, получая греховное удовлетворение от возможности испытывать не только терпение любящего ее человека, но и собственную власть над ним.

Теперь он побледнел и стал мрачен и выглядел гораздо более похожим на восхищавших ее книжных героев, только он не ударял себя по лбу, не расхаживал по комнате, как это делали те, он просто стоял, глядя на нее в такой печальной задумчивости, что она почувствовала, как – вопреки ее желанию – сердце ее смягчается.

Не могу сказать, что случилось бы далее, если бы как раз в эту минуту тетушка Марч не вошла, ковыляя, в гостиную.

Старая дама не смогла преодолеть настоятельное стремление повидать своего племянника, так как она встретила Лори, когда выходила подышать свежим воздухом, и, услышав от «этого мальчишки» о возвращении мистера Марча, сразу же приехала его навестить. Вся семья была занята своими делами в дальней части дома, и тетушка Марч тихонько прошла через прихожую, надеясь сделать им сюрприз. Она действительно сделала сюрприз этим двоим, застав их врасплох, так что Мег вздрогнула, словно увидев привидение, а мистер Брук поспешил укрыться в кабинете.

– Милосердные Небеса, что тут происходит? – вскричала старая дама, стукнув тростью об пол и переводя взгляд с бледного лица молодого джентльмена на красное лицо юной леди.

– Это д-друг папеньки. Я т-так удивилась, увидев вас! – заикаясь, объяснила Мег. Она почувствовала, что ей придется теперь выслушать целую проповедь.

– Это вполне очевидно, – едко заметила тетушка Марч, усаживаясь в кресло. – Но что же такое говорит тебе этот папенькин друг, отчего ты становишься похожей на пион? Тут творится что-то неладное, и я настаиваю на том, чтобы узнать, в чем дело, – последовал новый удар тростью об пол.

– Мы просто разговаривали. Мистер Брук зашел за своим зонтиком, – начала было Мег, желавшая, чтобы мистер Брук вместе со своим зонтиком благополучно и как можно скорее оказался за пределами этого дома.

– Брук? Домашний учитель того мальчишки? А-а! Теперь я понимаю. Я все про это знаю. Джо по ошибке проговорила про одно сообщение в письме вашего отца, и я заставила ее все мне рассказать. Ты, надеюсь, не приняла его предложение, деточка, нет? – вскричала совершенно скандализованная тетушка Марч.

– Тише! Он же услышит! Мне позвать маменьку? – с беспокойством спросила Мег.

– Пока нет. Мне нужно кое-что тебе сказать, и я должна сделать это тотчас, чтобы облегчить душу. Скажи-ка мне, ты намерена выйти замуж за этого Кука? Если да, то тебе не достанется ни единого пенни из моих денег. Запомни это и будь разумной девочкой, – внушительно закончила старая дама свою речь.

Надо сказать, что тетушка Марч в совершенстве владела искусством возбуждать дух сопротивления в самых покладистых людях и получала от этого большое удовольствие. Даже лучшие из нас бывают чуть-чуть приперчены какой-нибудь неправильностью, особенно в наши юные годы, да когда к тому же влюблены. Если бы тетушка Марч уговаривала Мег принять предложение Джона Брука, Мег, скорее всего, заявила бы, что и не подумает это сделать, но, поскольку ей было безоговорочно приказано не любить этого молодого человека, она немедленно пришла к решению его любить, а склонность, как и толика неправильности, облегчили ей приход к решению, и, будучи к этому моменту и так возбуждена, Мег воспротивилась тетушке Марч с необычайной силой духа.

– Я выйду замуж за кого захочу, тетушка Марч, а вы можете оставить ваши деньги, кому вы захотите, – сказала она, с решительным видом кивнув головой.

– Скажите пожалуйста! Так-то вы принимаете мои советы, мисс?! Вы со временем об этом пожалеете: вот попробуете с милым рай в шалаше и обнаружите, что ничего не получается.

– Это не может быть хуже, чем то, что некоторые обнаруживают в больших богатых домах, – запальчиво возразила Мег.

Тетушка Марч надела очки и устремила на Мег пронзительный взор, ибо она никогда еще не видела сию девицу в подобном настроении. Мег же себя и сама не узнавала, такую смелость и независимость она ощущала в себе, так была рада защитить Джона и утвердить свое право на любовь к нему, если захочет его любить! Тетушка Марч поняла, что начала неправильно, и после небольшой паузы решила сделать новый заход, сказав таким мягким тоном, на какой только была способна:

– Послушай, Мег, милая моя, будь же разумной и последуй моему совету. Я желаю тебе добра и не хочу, чтобы ты испортила себе всю жизнь, совершив ошибку в самом ее начале. Тебе надо сделать хорошую партию и помочь твоим родным. Твой долг выйти за богатого, и это надо тебе внушить.

– А папа и мама так не считают. Им нравится Джон, хотя он беден.

– Родители твои, моя милая, наделены житейской мудростью не более, чем пара грудных младенцев.

– И я этому рада! – воскликнула Мег.

Не обратив внимания на ее возглас, тетушка Марч продолжала проповедовать:

– Этот Рук беден, и у него нет никаких богатых родственников, не правда ли?

– Да, но у него много друзей – они его горячо любят.

– Человек не может жить на средства друзей. Попробуй разок – и увидишь, какой холодной станет их горячая любовь. И никаким крупным делом он не занимается?

– Пока нет. Мистер Лоренс собирается ему в этом помочь.

– Ну, это ненадолго. Джеймс Лоренс – старик со странностями, на него не стоит полагаться. Так что, ты собираешься выйти замуж за человека без денег, без положения в обществе и без своего дела и будешь работать тяжелее, чем сейчас, когда могла бы прожить в полном довольстве все свои дни, послушав меня и сделав лучшую партию? Я полагала, что у тебя больше здравого смысла, Мег.

– Я не могла бы сделать лучшую партию, проживи я в ожидании целых полжизни! Джон добрый и мудрый, у него целая куча талантов, он готов и любит работать и наверняка продвигается – он полон энергии и очень смел. Все его любят и уважают, и я горжусь тем, что я ему нравлюсь, хотя бедна и еще так молода и глупа, – с полной серьезностью проговорила Мег, и выглядела она при этом красивее, чем когда-либо.

– Он же знает, что у тебя есть богатые родственники, деточка. Вот и весь секрет его любви, как я подозреваю.

– Тетушка Марч! Как вы смеете говорить такие вещи? Джон выше этого, он не способен на такую низость, и я не стану ни минуты вас слушать, если вы будете говорить такое! – с возмущением воскликнула Мег, забыв обо всем, кроме несправедливости подозрений старой дамы. – Мой Джон никогда не женился бы ради денег, как и я не вышла бы из-за денег замуж. Мы оба готовы работать и собираемся подождать. Я не боюсь бедности, потому что до сих пор была счастлива, и я знаю, что буду счастлива с ним, потому что он меня любит, а я...

Тут Мег вдруг остановилась, припомнив, что еще не приняла решения, что велела «своему Джону» уйти и что он, может быть, сейчас слышит ее непоследовательные заявления.

Тетушка Марч очень рассердилась. Она от всей души стремилась выдать свою красивую внучатую племянницу за богатого человека, а что-то в счастливом лице юной девушки заставило одинокую старую женщину почувствовать не только печаль, но и разочарование.

– Ну что же. Тогда я умываю руки – мне до всего этого нет никакого дела. Ты – своевольное дитя и потеряла больше, чем предполагаешь, в результате этой глупости. Но нет, я не останавлиюсь. Я в тебе разочаровалась, и сейчас у меня не хватает духу на то, чтобы увидеться с твоим отцом. Не жди от меня ничего, когда выйдешь замуж. Пусть о тебе позаботятся друзья твоего мистера Брука. Я же с тобою покончила – навсегда.

И, захлопнув дверь прямо в лицо Мег, тетушка Марч отбыла восвояси, возмущенная до глубины души. Казалось, она увезла с собой всю храбрость Мег, так как, оставшись в одиночестве, девушка постояла с минуту, не в силах понять, смеяться ей или плакать. Но прежде чем она успела принять решение, ею завладел мистер Брук, единым духом проговоривший:

– Я не мог не слышать, Мег! Спасибо вам, что защищали меня, и я благодарен тетушке Марч, доказавшей, что я вам хоть немного дорог.

– Я не знала, насколько вы мне дороги, пока тетушка Марч не начала вас оскорблять, – начала Мег.

– Значит, я не должен уйти? Я могу остаться и быть счастливым, правда, дорогая?

И тут снова появилась прекрасная возможность произнести сокрушительную речь и совершить величественный уход, однако Мег и не подумала сделать ни то ни другое: она навеки опозорила себя в глазах Джо, беспомощно прошептала «да, Джон!» и спрятав лицо в его жилете.

Минут через пятнадцать после отъезда тетушки Марч Джо тихо сошла вниз по лестнице, остановилась на миг у двери гостиной и, не слыша из-за нее ни звука, кивнула с довольной улыбкой и сказала себе: «Она его выпроводила прочь, так что этот вопрос решен. Пойду послушаю, как все забавно вышло, и мы с ней хорошо посмеемся».

Однако посмеяться бедняжке Джо так и не удалось, ибо на самом пороге она была прикована к месту зрелищем, заставившим ее рот распахнуться так же широко, как раскрылись ее глаза. Готовая войти и восторжествовать над поверженным врагом, а также восхвалить решительность сестры, отвергнувшей неприемлемого претендента, она была потрясена, узрев вышеупомянутого врага, в безмятежном спокойствии сидящего на диване, и свою решительную сестру, восседавшую у него на коленях, будто на троне, с выражением унижительной покорности на лице. Джо то ли охнула, то ли громко набрала в грудь воздуха, словно неожиданно попала под холодный душ, ибо от столь неожиданного оборота дел у нее действительно перехватило дыхание. Обернувшись на этот странный звук, влюбленные увидели Джо в дверях. Мег тотчас вскочила с видом одновременно гордым и смущенным, однако «этот человек», как называла его Джо, на самом деле рассмеялся и сказал, с полным хладнокровием целуя потрясенную новоприбывшую:

– Сестрица Джо, поздравьте нас!

К нанесенной ране добавилось еще и оскорбление, и это было уже слишком во всех отношениях, так что Джо, проделав какие-то странные жесты руками, безмолвно исчезла из гостиной. Взбежав вверх по лестнице и ворвавшись в комнату, она перепугала маменьку и выздоравливающих пациентов трагическим возгласом:

– Ох, пусть кто-нибудь спустится вниз и что-нибудь сделает! Скорей! Джон Брук ведет себя ужасающе, а Мег это нравится!

Мистер и миссис Марч поспешно покинули комнату, а Джо, бросившись на кровать, бурно разрыдалась, в то же время бранясь и сообщая ужасную новость Бет и Эми. Младшие девочки, однако, сочли эту новость вполне приятным и интересным событием, так что на долю Джо досталось от них весьма мало сочувствия, и она отправилась наверх, в любимое убежище на чердаке – поведать о своих неприятностях крысам.

Никто так никогда и не узнал, что происходило в тот день в гостиной, но беседа была очень долгой, говорилось очень много, и молчаливый мистер Брук поразил своих друзей красноречием и силой духа, с которыми он отстаивал свое сватовство, рассказывал о собственных планах и убедил их устроить все именно так, как он сам того хотел.

Гонг к вечернему чаю прозвучал прежде, чем он закончил описывать рай, который он намеревался своим трудом создать для Мег, но к ужину он гордо повел ее сам, причем оба выглядели такими счастливыми, что у Джо не хватило духу ни на ревность, ни на мрачный вид. Огромное впечатление на Эми произвела преданность Джона ее сестре и достоинство, с которым Мег это принимала. Бет смотрела на них сияющими глазами с почтительного расстояния, а мистер и миссис Марч оглядывали юную пару таким нежным и радостным взором, что стало вполне очевидно, как права была тетушка Марч, назвав их «наивными, словно пара грудных младенцев». Все ели мало, но выглядели очень счастливыми, и старая комната словно помолодела и поразительно посветлела, когда в ней началась первая в этом семействе история любви.

– Теперь ты уже не сможешь сказать, что ничего приятного никогда больше не происходит, правда, Мег? – спросила Эми, в то же время пытаясь решить, как ей сгруппировать этих влюбленных в эту де, который она планировала написать.

– Конечно же нет! Столько приятного произошло с тех пор, как я это говорила! Может показаться, целый год прошел, – отвечала Мег, которая пребывала в мечтательном блаженстве, высоко вознесясь над столь обыденными вещами, как хлеб с маслом.

– На этот раз радости быстро следуют за горестями, поэтому, я думаю, можно надеяться, что начались перемены, – сказала миссис Марч. – В большинстве семей время от времени случается тот или иной год, переполненный событиями. У нас таким получился нынешний, но он в конце концов завершается хорошо.

– Надеюсь, наступающий закончится получше, – проворчала Джо, которой тяжело было видеть, насколько Мег прямо у нее на глазах поглощена этим чужаком, ибо Джо не очень многих людей любила всей душой и всегда боялась утраты или малейшего ослабления их привязанности к ней самой.

– А я надеюсь, что третий год после этого будет окончен еще лучше, если я доживу до осуществления своих планов, – произнес мистер Брук, улыбнувшись Мег так, будто все теперь для него стало возможным.

– А разве это не слишком долго – столько ждать? – спросила Эми, ужасно торопившаяся на свадьбу.

– Мне столькому нужно будет научиться, прежде чем я почувствую себя готовой, что этот срок мне кажется довольно коротким, – ответила Мег с милой степенностью, какой прежде никогда не замечалось на ее лице.

– Вам нужно будет всего лишь ждать, дорогая, всю работу буду делать я, – заявил Джон, начиная свой труд с того, что подал Мег ее салфетку с таким видом, что Джо потрясла головой и, услышав, как хлопнула входная дверь, с облегчением сказала себе: «Вот идет Лори. Теперь можно будет поговорить о чем-нибудь вполне разумно».

Однако Джо ошибалась. Лори вошел приплясывая, в прекрасном расположении духа, с огромным, похожим на свадебный, букетом цветов для «миссис Джон Брук», и явно действовал под ложным убеждением, что все произошедшее стало возможным в результате его отличного руководства.

– Я знал, что Брук добьется своего, он всегда добивается, потому что, когда он решает что-то сделать, он это сделает, хоть камни с неба падай! – заявил Лори, едва вручив свой букет и поздравив помолвленных.

– Премного обязан за такую рекомендацию. Принимаю ее как доброе предзнаменование на будущее и тут же, на месте, приглашаю вас на свою свадьбу, – отвечал мистер Брук, чувствовавший себя теперь в мире со всем человечеством и даже со своим проказливым учеником.

– Я явлюсь, будь я даже на краю света, хотя бы лишь затем, чтобы увидеть физиономию Джо во время этого события – такое зрелище достойно столь долгого путешествия! У вас вовсе не праздничный вид, мэм, в чем дело? – спросил Лори, проследовав за ней в дальний угол гостиной, в которую все перешли, чтобы приветствовать мистера Лоренса.

– Я не одобряю этого брака, но решила смириться и не произнесу ни слова против, – торжественно пообещала Джо. – Вам не понять, как тяжело мне отказаться от Мег, – добавила она чуть дрогнувшим голосом.

– Вы от нее вовсе не отказываетесь, вы просто делите ее пополам, – попытался успокоить ее Лори.

– Никогда уже не будет так, как было прежде. Я потеряла моего самого дорогого друга, – вздохнула Джо.



– Но ведь у вас во всяком случае есть я. Я не слишком на многое гожусь, я понимаю, но я всегда останусь рядом, Джо, все и каждый день моей жизни. Это так, честное слово! – произнес Лори то, что думал на самом деле.

– Я знаю, что так и будет, и я ужасно благодарна вам за это. Вы всегда такая мне поддержка, Тедди, – отвечала Джо, пожимая ему руку с искренней признательностью.

– Ну и хорошо, а теперь – прочь уныние, будьте молодцом. Вы же видите – всё в порядке, Мег счастлива, Брук будет порхать, как на крыльях, и незамедлительно все устроит, дедуля ему поспособствует, и будет так здорово видеть Мег в ее собственном маленьком домике. А мы будем замечательно проводить время, когда она уедет, потому что я довольно скоро окончу колледж и мы отправимся за границу в какое-нибудь из самых интересных путешествий. Разве это вас не утешит?

– Пожалуй, утешит, но кто может знать, что случится через три года? – задумчиво говорила Джо.

– Это верно. Но разве вам не хотелось бы заглянуть немного вперед и увидеть, где мы все будем тогда? Мне бы хотелось, – сказал Лори.

– Думаю, нет. Ведь я могу увидеть там что-то печальное, а все выглядят такими счастливыми сейчас, что вряд ли можно было бы хоть что-то улучшить. – И взгляд Джо обежал комнату, постепенно все больше светлея, так как представшая перед ней панорама радовала глаз.

Отец и мать сидели рядом, молча переживая вновь первую часть истории любви, начавшуюся для них около двадцати лет назад. Эми рисовала влюбленных, сидевших отдельно от остальных, в их собственном волшебном мире, и свет этого прекрасного мира с большим изяществом играл на их лицах, но юная художница не умела этого передать. Бет лежала на диване, беседуя со своим старым другом, державшим ее маленькую ручку так, будто он чувствовал, что девочка обладает властью провести его по той полной умиротворения дороге, по которой идет сама. Джо опустилась на свое любимое низкое сиденье со спокойным, серьезным видом, который был ей более всего к лицу, а Лори, опершись на спинку ее стула так, что его подбородок находился вровень с ее курчавой головой, улыбался с самым дружелюбным видом и кивал ей из высокого зеркала, где отражались они оба.

На этом опускается занавес, закрывая Мег, Джо, Бет и Эми. Поднимется ли он снова, зависит от приема, который будет оказан первому акту семейной драмы под названием «Маленькие женщины».

## Юные жены

### Глава первая. Сплетни

Итак, чтобы снова начать и суметь попасть на свадьбу Мег, освободившись от посторонних мыслей, хорошо будет немного посплетничать о семействе Марч. И позвольте мне сразу же предупредить, что, если кто-то из старожилов найдет – как я опасаясь, – что в этой истории слишком много «влюбленничают» (у меня нет опасений, что молодежь станет возражать против этого), я смогу лишь повторить вслед за миссис Марч: «Чего же иного можно ожидать, если в доме четыре веселые девчушки, а по соседству – малец удалой сорванец?!»

Прошедшие три года мало что изменили в тихой жизни этого семейства. Война закончилась, мистер Марч благополучно пребывает дома, погруженный в свои книги и в дела своего небольшого прихода, прихожане которого находят в нем пастыря столько же по призванию, сколько и по милости Господней. Мистер Марч по своей натуре – человек спокойный, хорошо образованный, обогащенный мудростью, что бывает еще ценнее учености, милосердием, что всех людей называет братьями, благочестием, что расцветает характером прекрасным и полным достоинства.

Эти качества и, несмотря на его бедность, неподкупная честность, стоявшая преградой более мирским путям к успеху, всегда привлекали к нему многих достойных восхищения людей столь же естественно, как благоуханные растения влекут к себе пчел, и столь же естественно он отдавал им мед, в который за пятьдесят лет трудного опыта не просочилось ни капли горечи. Серьезные молодые люди видели в седовласом ученом человека душой столь же молодого, как они; вдумчивые или чем-то удрученные женщины инстинктивно тянулись к нему со своими сомнениями, уверенные, что найдут у него самое искреннее сочувствие, смогут получить самый мудрый совет. Грешники приходили к нему поведать о своих прегрешениях и получали от этого чистого сердцем старого человека не только заслуженный выговор, но и отпущение. Люди одаренные находили в нем прекрасного собеседника. Честолюбивые замечали, что его стремления благороднее, чем их собственные, и даже души совершенно «мирские», ради успеха готовые на все, признавали, что его убеждения прекрасны, хотя, конечно же, «никогда не окупаются».

Окружающие полагали, что домом правят пять энергичных женщин, и на самом деле так оно и было во многих отношениях; однако молчаливый, погруженный в свои книги ученый тем не менее был настоящим главою семейства, совестью всех и каждого в доме, их опорой и утешителем, ибо именно к нему в трудные минуты всегда обращались эти деятельные женщины со своими тревогами, находя в нем мужа и отца в самом истинном смысле этих священных слов. Сердца дочерей были доверены попечению матери, духовные же стремления – попечению отца, и обоим родителям, которые всю жизнь так преданно трудились ради них, дочери отдавали любовь, все возмраставшую по мере того, как они выросли, и связавшую их вместе столь нежно и нерушимо сладчайшими узами, что осчастливливают жизнь и помогают пережить саму смерть. Миссис Марч все так же оживлена и бодра, хотя седины в ее волосах стало больше, чем было, когда мы видели ее в прошлый раз. Сейчас она настолько занята делами Мег, что госпитали и дома, по-прежнему переполненные ранеными и больными «мальчиками», да и солдатские вдовы тоже скучают без материнской заботы этой ласковой миссионерки.

Джон Брук мужественно выполнял свой воинский долг в течение года, был ранен, отправлен домой, и ему не разрешили возвратиться в строй. Он не получил ни звезд, ни нашивок, но он их, конечно, заслуживал, ибо с готовностью рисковал всем, что имел, а ведь жизнь и любовь весьма драгоценны в ту пору, когда они в полном цвету. Совершенно смирившись со

своим увольнением из армии, Джон посвятил свои усилия тому, чтобы быстрее вылечиться, приняться за работу и создать домашний очаг для Мег. Со свойственными ему здравомыслием и стойкой независимостью характера он отказался принять более щедрые предложения мистера Лоренса и поступил на должность бухгалтера, считая, что лучше начать с того, чтобы честно зарабатывать деньги, чем пойти на риск и заняться бизнесом на деньги, взятые в долг.

Мег провела эти годы, по-прежнему работая, но и ожидая, и становясь все более женственной: она овладевала искусством вести дом и к тому же становилась все краше и краше – ведь любовь великолепно умеет делать нас красивее! Разумеется, у нее были девичьи амбиции, девичьи мечты, и она чувствовала некоторое разочарование при мысли о том, как скромно должна начаться ее новая жизнь. Нед Моффат только что женился на Сэлли Гардинер, и Мег не могла не сравнивать их великолепный дом и прекрасный экипаж, множество подарков и прелестный свадебный наряд подруги с тем, что будет у нее, не могла не желать втайне, чтобы и она сама обладала такими же замечательными вещами. Но почему-то зависть и тревога тут же исчезали, стоило ей подумать о стойком терпении, о любви и упорном труде, каким Джону удалось обрести для нее тот небольшой дом, что ждал ее теперь, и когда они сидели вместе в сумерках, обсуждая свои скромные планы, будущее тотчас представлялось таким прекрасным и светлым, что Мег забывала о великолепии Сэлли и чувствовала себя самой счастливой девушкой во всей христианской вселенной.

Джо больше не вернулась к тетушке Марч, потому что старая дама так привязалась к Эми, что подкупила ее предложением оплачивать ее уроки рисования у одного из лучших учителей города, а ради этого Эми была бы готова служить и гораздо более суровой госпоже. Так что теперь она посвящала свои утра исполнению долга, а дни – удовольствиям и преуспевала во всем. Джо тем временем целиком отдавалась литературе и Бет – девочка была все еще слаба здоровьем, хотя тяжелая скарлатина стала уже делом давнего прошлого. Бет вовсе не превратилась в инвалида в полном смысле этого слова, но ее щеки никогда больше не розовели так ярко, и она не походила на то пышущее здоровьем создание, каким была раньше. Тем не менее она всегда оставалась полной надежд, счастливой и спокойной, не переставала молчаливо выполнять свои любимые обязанности – быть другом всем и каждому и сущим ангелом в доме задолго до того времени, когда те, кто так сильно ее любил, научились это понимать.

Пока газета «Спред Игл»<sup>106</sup> платила Джо по доллару за колонку ее «вздора», как она называла эти рассказы, наша сочинительница чувствовала себя «женщиной со средствами» и аккуратно плела свои романтические небылицы. Однако в ее деятельной душе и честолюбивом мозгу заваривались великие планы, а на чердаке, в старом, обитом жестью кухонном столе, медленно, но неуклонно росла испещренная кляксами многостраничная рукопись, которой в один прекрасный день предстояло запечатлеть имя Марч на скрижалях славы.

Лори, почтительно выполняя свой долг, к великому удовольствию деда, поступил в колледж и теперь проходил курс учения самым по возможности легким образом, получая не меньшее, чем его дедушка, удовольствие. Всеобщий любимец, благодаря деньгам, прекрасным манерам, недюжинному таланту и необычайному добросердечию, из-за которого он вечно попадал во всяческие передраги, пытаясь вытащить из них кого-то другого, юный Лоренс оказался лицом к лицу с опасностью стать человеком, до предела избалованным. И возможно, так оно и случилось бы, как это бывает со многими мальчиками, подающими большие надежды, если бы Лори не обладал талисманом против такого зла: он помнил о добром старике, всем существом своим заинтересованном в успехе внука, о женщине-друге, что по-матерински не спускала с него глаз, словно он и вправду был ее сыном, и, наконец, но вовсе не в последнюю очередь он знал, что четыре чистых сердцем девушки любят его, им восхищаются и каждая из них верит в него всей душой.

<sup>106</sup> «Спред Игл» – орел с распростертыми крыльями.

Разумеется, он был всего лишь «блистательный отпрыск рода человеческого»: он озорничал и флиртовал, пытался быть модным щеголем, увлекался то водным спортом, то гимнастикой, то сентиментальничал, послушно следуя повелениям моды своего колледжа; он подшучивал над другими студентами, а те подшучивали над ним, он широко пользовался студенческим жаргоном и не единожды оказывался на грани исключения – временного, а то и окончательного. Однако причиной его озорства всегда бывало веселое расположение духа и любовь к забавам, так что Лори удавалось спасти положение откровенным признанием вины, достойной компенсацией ущерба или непреодолимой силой убеждения, которой он владел в совершенстве. На самом деле он даже гордился тем, как ему удается выпутываться из почти безвыходных ситуаций, и ему нравилось волновать девиц Марч подробнейшими описаниями своих триумфов над гневными кураторами<sup>107</sup>, почтенными профессорами и поверженными противниками.

«Джентльмены нашей группы» стали героями в глазах четырех девиц, которым никогда не надоедало слушать о подвигах «наших ребят». Девицам даже позволялось купаться в лучах улыбок, расточаемых этими великими существами, когда Лори приезжал с ними к себе домой из колледжа.

Этой высокой честью особенно наслаждалась Эми, ставшая у них «царицей бала», ибо сия юная леди рано почувствовала в себе – и научилась использовать – дар очарования, которым она была наделена от рождения. Мег была слишком поглощена своим собственным и совершенно исключительным Джоном, чтобы интересоваться какими-то другими владыками Вселенной, застенчивая Бет осмеливалась лишь время от времени поглядывать на них издали и изумляться, как это Эми решается ими командовать, ну а Джо чувствовала себя в их среде совершенно в своей стихии, и ей было трудно удержаться от подражания манерам этих джентльменов, их выражениям и поступкам, что для нее казалось более естественным, чем внешняя благопристойность, предписываемая юным леди. Всем «нашим ребятам» Джо нравилась невероятно, но никто и не думал в нее влюбиться, хотя очень немногие избежали соблазна уплатить сентиментальную дань в виде пары-другой вздохов у обители Эми. А раз уж мы заговорили о сантиментах, это должно совершенно естественно привести нас к «Давкоту»<sup>108</sup>.

Таково было имя небольшого дома из коричневого кирпича – первого домашнего очага, который мистер Брук приготовил для Мег. Окрестил его так не кто иной, как Лори, заявивший, что такое имя в высшей степени подобает обители нежных влюбленных, которые не только целуются да милуются, но еще и воркуют, словно голубок и горлица. «Давкот» был крохотный домик, с маленьким садом за ним и лужайкой впереди, почти такой же величины, как носовой платок. Здесь Мег намеревалась устроить фонтан, насадить кустарник и массу прелестных цветов; правда, в настоящее время роль фонтана исполняла потрепанная непогодой урна, видом своим весьма напоминавшая сильно потрепанную непогодой бадью для помоев, кустарник состоял из нескольких молоденьких лиственниц, пока еще не решивших, стоит ли им жить или лучше сразу помереть, а на массу цветов пока намекали лишь полчища палочек, намечавших места, куда должны были лечь семена. Разумеется, коридор в доме был так узок, что явилось великой удачей отсутствие у них фортепиано, ибо никакое фортепиано никогда не могло бы протиснуться там в целостности и сохранности; столовая была так мала, что шестеро обедающих с трудом могли бы в ней поместиться, а лестница, ведущая на кухню, казалась созданной со специальной целью низвергать слуг и разнообразный фарфор прямо в ларь для угля. Но стоило лишь привыкнуть к этим не очень значительным недостаткам, как оказывалось, что все здесь совершенно безупречно, ибо здравый смысл и хороший вкус главенствовали при выборе обстановки и результат удовлетворял самым высоким требованиям. В доме не было мрамор-

<sup>107</sup> *Куратор* – руководитель группы студентов.

<sup>108</sup> «Давкот» (англ. Dovecote) – голубиный домик, голубятня; здесь скорее – голубиное гнездышко.

ных столиков и высоких зеркал, не было и кружевных гардин в маленькой гостиной, зато была простая мебель, множество книг, пара-тройка чудесных картин, жардиньерка в эркере, полная цветов, и разложенные повсюду милые подарки от друзей, ставшие еще более милыми благодаря полным любви запискам, в них вложенным.

Я не думаю, что Психея из париана<sup>109</sup>, подарок от Лори, утратила хоть малую толику своей прелести оттого, что Джон сам приделал к стене полочку, на которую ее поставили; что у какого-нибудь драпировщика простые муслиновые занавеси могли бы висеть более изящными складками, чем выйдя из художественских рук Эми; или что какая-то другая кладовая оказалась бы более полна припасов, сопровождаемых веселыми словами, добрыми пожеланиями и выражением самых счастливых надежд, чем кладовая маленького дома, куда Джо вместе с матерью доставили для Мег разнообразные ящики, бочонки и пачки; и я до глубины души уверена, что с иголки новая кухонька никогда не выглядела бы такой уютной, если бы Ханна не переставляла каждую кастрюлю и сковородку туда и сюда по дюжине раз и не разложила бы дрова в камине так, что его можно было разжечь в ту же минуту, как «мисус Брук войдет в её дом». Сомневаюсь к тому же, что какая-нибудь иная юная хозяйка начинала самостоятельную жизнь со столь богатым запасом тряпок для пыли, тряпок-прихваток и мешочков для лоскутов, ибо заботливая Бет нашла их столько, что Мег всего этого хватит до серебряной свадьбы. А еще она придумала три разных вида посудных тряпочек – специально для сверхспешного мытья свадебных тарелок и чашек.

Люди, делающие себе все эти вещи на заказ, не имеют даже понятия о том, что они теряют, потому что самые неприятные домашние обязанности становятся приятнее, если выполнять их помогают любящие руки, и Мег обнаружила столько доказательств этого, что все в ее крохотном гнездышке – от скалки на кухне до серебряной вазы на столе в гостиной – красноречиво говорило о родном доме, о любви и нежной заботливости близких.

Какие счастливые часы проводили они, вместе всё планируя, как торжественно совершали экскурсии по магазинам, какие забавные ошибки они делали и какой неудержимый хохот вызывали у них смехотворные «выгодные приобретения» Лори. Из любви к забавным шуткам этот юный джентльмен, почти уже окончивший колледж, по-прежнему оставался еще мальчишкой. Последним его капризом стало привозить в каждый из его еженедельных приездов домой какую-нибудь новую, полезную и хитроумную вещь для молодой хозяйки. То мешок замечательных прищепок для белья, то чудесную мельничку для мускатных орехов, развалившуюся на куски при первой же попытке ее использовать, затем – очиститель для ножей, попортивший все вычищенные им ножи, а то еще специальную щетку для ковра, счищавшую с ковра ворс, но оставлявшую на нем пыль и грязь, потом – быстродействующее мыло, экономящее усилия и сдирающее с рук кожу, безупречную оконную замазку, прочно прилипавшую исключительно к пальцам разочарованного покупателя, а не к чему-либо иному, и, наконец, всяческие скобяные изделия, от игрушечной копилки для лишних монеток до поразительного бака для кипячения, который должен стирать белье посредством собственного пара, с явной перспективой непременно взорваться во время этого процесса.

Напрасно Мег упрашивала Лори остановиться, напрасно Джон смеялся над ним, а Джо называла его «Мистер Тудлз»<sup>110</sup>. Но юным джентльменом овладело маниакальное стремление поощрять американскую изобретательность, а также желание обеспечить друзей ее результатами надолго вперед. Так что каждая новая неделя становилась свидетельницей нового абсурда.

<sup>109</sup> Я не думаю, что Психея из париана... – Психея – героиня греческого мифа, прекрасная возлюбленная бога любви Амура. Париан (англ. Parian – паросский) – особый вид дорогого английского белого фарфора, имитирующего паросский мрамор, использовался для изготовления скульптурных фигур небольшого размера (15–16 дюймов). Известен также под названием «паросский бисквит». Позднее стал производиться и в других странах, в частности в России.

<sup>110</sup> Мистер Тудлз – комический персонаж популярной американской пьесы Уильяма Бертон «Семейство Тудлз» (1848).

Наконец все было сделано, Эми даже успела расположить разноцветные брусочки мыла так, чтобы они соответствовали цвету обоев в каждой из по-разному оклеенных комнат, а Бет – накрыть стол для первой трапезы в новом доме.

– Ну как, ты довольна? Тебе уже представляется, что здесь ты – у себя дома? Чувствуешь ли сейчас, что сможешь быть здесь счастлива? – спросила миссис Марч, обходя новые владения Мег об руку с дочерью, ибо как раз теперь они обе явно стремились быть как можно ближе и нежнее друг с другом, чем когда-либо прежде.

– Да, мама, совершенно довольна благодаря вам всем и до того счастлива, что даже говорить об этом не могу. – И взгляд Мег сказал гораздо больше, чем ее слова.

– Вот если бы она завела хотя бы одну или двух служанок, тогда все было бы в порядке, – заявила Эми, выходя к ним из гостиной: там она пыталась решить, где лучше смотрится бронзовый Меркурий – на этажерке или на каминной полке.

– Мы с мамой говорили об этом, и я думаю попробовать для начала последовать ее примеру. У меня ведь будет так мало обязанностей, что с Лотти на побегушках по моим поручениям и с ее всегдашней готовностью мне в чем-то помочь у меня едва достанет работы, чтобы не дать мне совсем облениться или заскучать по родному дому, – безмятежным тоном откликнулась Мег.

– А у Сэлли Моффат целых четыре... – начала было Эми.

– Если бы Мег завела себе четырех служанок, они не поместились бы у нее в доме и хозяину с хозяйкой пришлось бы разбить для себя лагерь в саду, – перебила ее Джо, которая в этот момент, завернувшись в огромный синий фартук, наводила окончательный блеск на дверные ручки.

– Но ведь Сэлли – не жена бедняка, и то, что у нее много горничных, вполне соответствует ее средствам и прекрасному положению в обществе. Мег с Джоном начинают весьма скромно, но у меня такое ощущение, что в их маленьком доме будет несколько не меньше счастья, чем в каком-нибудь большом. Молодые девушки вроде Мег совершают величайшую ошибку, когда не оставляют себе никаких иных дел, кроме как наряжаться, отдавать приказания да сплетничать. Когда я только вышла замуж, мне, бывало, так хотелось, чтобы мои новые платья поскорее изнасились или порвались, тогда я могла бы с наслаждением заняться их починкой – так мне надоело заниматься вышиванием и ухаживать за своим носовым платочком.

– Так почему же вам было не отправиться на кухню и не перевернуть там все вверх дном, готовя разные кушанья, как, по словам Сэлли, она порой делает, чтобы развлечься? – спросила Мег. – Правда, у нее они никогда толком не получаются, и слуги над нею посмеиваются, – добавила она.

– Со временем я туда и отправилась, только не «перевернуть все вверх дном», а поучиться у Ханны, как все это делать, чтобы моим слугам не пришлось надо мной посмеиваться. Тогда это было всего лишь игрой, но пришла пора, и я была поистине благодарна за то, что у меня явилось не только желание, но и способность готовить полезные кушанья для моих маленьких дочек и обходиться без помощи слуг, когда я не могла больше их нанимать. А ты начинаешь с другого конца, Мег, дорогая моя, но урок, выученный тобою теперь, будет полезен и когда Джон станет богаче: ведь хозяйке дома, каким бы великолепным он ни был, следует разбираться в том, как должна выполняться работа, если она хочет, чтобы ей служили честно и добросовестно.

– Да, мама, я уверена, что так оно и есть, – отвечала Мег, уважительно выслушав маленькую лекцию матери, ибо эта самая лучшая из женщин очень любила рассуждать на столь всеобъемлющую тему, как домашнее хозяйство. – А знаете, вот комнатка, которая в моем домике-малышке нравится мне больше всех других, – сказала она минутой позже, когда все они поднялись наверх и она заглянула в чулан для столового и постельного белья с почти доверху заполненными полками.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.